

1

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

159²⁰²⁵

* политический и культурный
радикализм: исторические
и современные формы

неприкосновенный запас 1 [159] 2025

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ПОЧЕМУ ФАШИЗМ?	003	Олег Ларионов. Осмысляя фашизм: эпизод из истории левой мысли 1930-х
	013	Эдвард Конзе, Эллен Уилкинсон. Why Fascism?
	034	Альберто Тоскано. Соборы эротической нищеты
	057	«Они везде»: еврейская пресса на идише о первых днях после назначения Гитлера главой германского правительства
	073	Разум против чувства: избранные книги о практиках нацизма и сопротивления ему
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	088	Европа-плюс и Гейропа-минус <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	094	Аргентинская бензопила: год первый <i>Страницы</i> Татьяны Ворожейкиной
КУЛЬТУРНЫЙ VERSUS ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	108	Что осталось от музыкального и политического радикализма второй половины XX века? Беседа Кирилла Кобрин и Евгения Былины
	127	Андрей Гелианов. Всемирная классовая борьба и все такое: о первой биографии патриарха фриджжа
	145	Илья Соколенко. Призраки нашей прошлой жизни, или Доковидные нарративы и метафоры коронавируса
ПОЛИТИКА НАУКИ	164	Анастасия Киричек. Мир, который построил Валлерстайн: метрополии и периферии в социальных науках
ГЕНДЕРНЫЙ ВОПРОС: ПРАКТИКА ТЕОРИИ И ТЕОРИЯ ПРАКТИКИ	177	Анатолий Рясов. Материнское тело и грамматика пола. К заочным спорам Юлии Кристевой, Джудит Батлер и Аленки Зупанчич
	186	Аня Кузнецова. Феминистские эпистемологии: направления, теории, дебаты
	199	Евгений Панков. Женский вопрос в Исландии: история, особенности, уроки
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	214	Эрик Саден. Другой призрак
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	237	Александр Писарев. (Авто)фикшен, мимикрия и социальная инженерия: обзор российских интеллектуальных журналов

Главный редактор
Ирина ПРОХОРОВА

Шеф-редактор
Кирилл КОБРИН

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekshina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

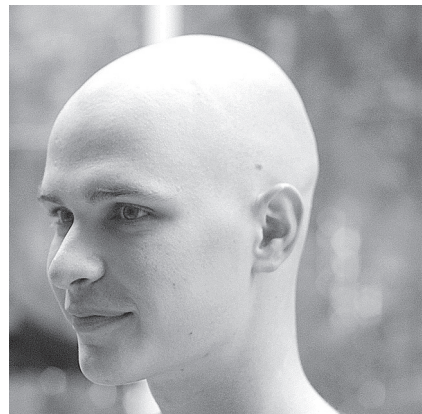
Москва, 2025

Осмысля фашизм: эпизод из истории левой мысли 1930-х

ОЛЕГ
ЛАРИОНОВ

В конце 1934 года в Лондоне была издана книга с лаконичным и броским названием «Почему фашизм?»¹. Она состояла из трех частей, в первой из которых предлагался очерк истории фашистских движений в Италии, Германии и Британии, во второй – обосновывалась интерпретация фашизма как альтернативного социализму варианта выхода из кризиса современного капитализма, а в третьей – анализировались перспективы фашизма на британской почве.

Авторами этого сочинения, перевод некоторых фрагментов которого предлагается ниже читателям «НЗ», были два очень незаурядных человека. Первым на титульном листе книги значилось имя Эллен Уилкинсон (1891–1947), происходившей из рабочего класса участницы профсоюзного и суфражистского движений, члена Коммунистической и Лейбористской партий, заседавшей в Палате общин (1924–1931, 1935–1947). В последние полтора года своей жизни она занимала должность министра образования в послевоенном правительстве Клементы Эттли. Ее соавтор – Эдвард Конзе (1904–1979) – выходец из семьи немецких текстильных промышленников, совмещавший академические занятия философией с членством в Коммунистической партии Германии, активный противник нацистов, вынужденный

Олег Алексеевич Ларионов (р. 1998) – историк литературы, аспирант Оксфордского университета. Сфера научных интересов – русская литература XVIII века, интеллектуальная история, гуманитарная и социальная теория.

1 CONZE E., WILKINSON E. *Why Fascism?* London: Selwyn & Blount, 1934.

ПОЧЕМУ ФАШИЗМ?

003

летом 1933 года бежать в Англию и ставший во второй половине жизни одним из ведущих буддологов своего времени.

Жизнь Уилкинсон, проведенная в публичной политической деятельности, стала предметом нескольких биографических описаний; фигура целеустремленной феминистки и социалистки продолжает занимать заметное место в общественном воображении современной Британии. Жизнь Конзе, носившая преимущественно частный характер, известна почти исключительно из его собственных двухтомных «Мемуаров современного гностика»². Уилкинсон выступала с многочисленными речами, регулярно публиковалась в прессе и написала несколько художественных и документальных книг, но все ее личные бумаги были уничтожены после ее смерти, так что мы не знаем многих важных деталей ее личности и мнений, не всегда можем различить ее голос в объективной аналитической интонации текста о фашизме³. Голос Конзе, напротив, ярко представлен во всей своей индивидуальности и богатстве оттенков в его мемуарах, насквозь саркастичных, наполненных парадоксами, противоречивыми утверждениями и внезапными переключениями стилистических и смысловых регистров. Вырисовывающийся в результате образ лукавого и постоянно подрывающего собственные основания автора (которого недавний ниспровергатель наследия Конзе небеспричинно охарактеризовал как «сноба, нарцисса, расиста и мизогиниста»⁴) трудно, однако, соотносить с однозначной политической ангажированностью книги о фашизме.

Попробуем тем не менее хотя бы в первом приближении разобраться в обстоятельствах появления этой книги на свет, очертить актуальные для нее контексты и определить вклад, внесенный в ее создание обоими соавторами. Конзе прибыл в Британию 15 июня 1933 года и первое время зарабатывал на жизнь уроками немецкого языка; одной из его учениц оказалась Уилкинсон, которая, по его собственным словам, очень помогла ему обустроиться в Англии⁵. Потеряв после поражения лейбористов в 1931 году место в парламенте, она продолжала активно заниматься политической деятельностью, переживала второй (после времен октябрьской революции) период радикализации своих взглядов и находилась, как и на всем

2 CONZE E. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Sherborne: Samizdat, 1979. Vol. 1–2. Перевод нескольких фрагментов из этих воспоминаний ранее публиковался в «НЗ»: КОНЗЕ Э. *Жизнь и буквы. 1904–1933* // Неприкосновенный запас. 2015. № 5(103). С. 148–164.

3 См.: BARTLEY P. *Ellen Wilkinson: From Red Suffragist to Government Minister*. London: Pluto Press, 2014. P. 133; PERRY M. *'Red Ellen' Wilkinson: Her Ideas, Movements and World*. Manchester; New York: Manchester University Press, 2014. P. 3.

4 ATTWOOD J. *Edward Conze: A Call to Reassess the Man and his Contribution to Prajñāpāramitā Studies* // Journal of the Oxford Centre for Buddhist Studies. 2020. Vol. 19. P. 24.

5 CONZE E. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 12.

протяжении своей жизни, в средоточии многообразных организаций и неформальных сетей кооперации, солидарности и обмена информацией интернациональных левых сил⁶.

Видимо, именно благодаря вовлеченности в работу по поддержанию международных связей и контактов Уилкинсон познакомилась с бежавшим от гестапо молодым немецким коммунистом и стала его проводницей в мир британских левых. Она свела Конзе с Ричардом Тоуни – историком и организатором обучения рабочих, – который привлек эмигрировавшего питомца немецкой академической культуры к преподаванию для взрослых. Для Конзе, еще в Германии читавшего лекции в Марксистской рабочей школе (MASCH), обучение британских рабочих стало основным источником доходов вплоть до 1959 года⁷.

Другим важным знакомством Конзе, приобретенным с помощью Уилкинсон, стал Джеймс Миллар – глава Национального совета рабочих колледжей (NCLC), организовывавшего курсы и издававшего учебные пособия для рабочих. В официальной истории этой организации Миллар вспоминал Конзе как «наиболее ценного из беженцев, прибывших в офис NCLC, [...] чрезвычайно заинтересованного в социалистическом образовании» и стремившегося поделиться своим пониманием немецкого национал-социализма в лекциях и статьях⁸. Конзе принял участие в переработке и написании нескольких курсов и учебников, а также начал регулярно публиковаться в левом журнале «Plebs» – печатном органе NCLC⁹. С 1934-го по 1939 год в этом и других левых изданиях, со многими из которых сотрудничала и Уилкинсон, Конзе напечатал десятки статей и рецензий на политические темы¹⁰.

Однако Уилкинсон не просто выступила посредницей, помогшей немецкому политическому активисту и публицисту возобновить привычную для него деятельность в британском контексте, – вскорости они стали соавторами. Уже в июле 1934 года в издательстве NCLC и с предисловием Миллара вышла брошюра Уилкинсон и Конзе с провокативным названием «Почему война? Руководство для тех, кто примет участие во Второй мировой войне»¹¹. Увязывая современные войны с империализмом как высшей стадией капитализма, авторы утверждали, что новая мировая война, особенно активно про-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ОСМЫСЛЯЯ ФАШИЗМ:
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ЛЕВОЙ МЫСЛИ 1930-х

6 См.: PERRY M. *In Search of "Red Ellen" Wilkinson beyond Frontiers and beyond the Nation State* // *International Review of Social History*. 2013. Vol. 58. № 2. P. 219–246.

7 CONZE E. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 12–13. Vol. 2. P. 8.

8 MILLAR J.P.M. *The Labour College Movement*. London: N.C.L.C. Publishing Society, 1979. P. 125.

9 CONZE E. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 14.

10 См. библиографию в: *Ibid.* P. 147–152.

11 CONZE E., WILKINSON E. *Why War? A Handbook for Those Who Will Take Part in the Second World War*. London: N.C.L.C. Publishing Society, 1934.

воцируемая фашистскими странами, выглядит практически неизбежной, потому что текущее положение дел не оставляет надежд ни на революцию, ни на мирные способы избежать грядущего конфликта. Разве что из уже разразившейся катастрофы можно будет постараться выйти в сторону социализма¹².

Согласно воспоминаниям Конзе, книга «очень хорошо продавалась и вызвала большой переполох»¹³. Она послужила прелюдией к более масштабной и обстоятельной работе, появившейся в ноябре того же года, «Почему фашизм?», название которой продолжало первое совместное сочинение авторов. Книга была напечатана в серии на актуальные темы («Topical Books») издательства «Selwyn & Blount», чей выбор был связан с еще одной сетью знакомств Уилкинсон. Редактором этой серии был Венгалил Кришнан Кришна Менон – политический активист, борец за независимость Индии, в будущем индийский политический деятель и один из архитекторов Движения неприсоединения. Выбор текстов, издававшихся в курируемой им серии, диктовался кругом его контактов и намерением познакомить публику с информированным левым анализом современного кризисного состояния мира¹⁴. Уилкинсон была членом основанной Кришной Меном Индийской лиги, агитировавшей за независимость страны, и в 1932 году совершила вместе с ним и несколькими другими лейбористскими политиками поездку в Индию, результатом которой стала публикация отчета, фиксировавшего произвол и насилие со стороны британской колониальной администрации¹⁵. Через Уилкинсон познакомился с Кришной Меном, а также с Джавахарлалом Неру и Конзе, на которого, впрочем, будущие руководители независимой Индии произвели тяжелое впечатление¹⁶. В любом случае «Почему фашизм?» являлся продуктом сотрудничества международных левых сил, нашедших себе приют и институциональную поддержку в Лондоне 1930-х.

Не имея возможности дать полную характеристику этой довольно объемной и богатой деталями и мыслями книге, остановимся на трех моментах, ярко представленных в предлагаемых далее вниманию читателей фрагментах. Прежде всего, текст Конзе и Уилкинсон подчинен установке на понимание и анализ фашизма как закономерного феномена современности. Вместо того, чтобы обличать и отвергать фашизм как нечто

12 Подробнее о книге см.: PERRY M. 'Red Ellen' Wilkinson... P. 181–184.

13 CONZE E. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 18.

14 См.: BOWMAN J. *The Early Political Thought and Publishing Career of V.K. Krishna Menon, 1928–1938* // *The Historical Journal*. 2023. Vol. 66. P. 649–652.

15 См.: PERRY M. "The Lingua Franca of the Bangle": Ellen Wilkinson, the Indian Nationalist Movement and British Labour, 1932 // BÉLIARD Y., KIRK N. (Eds.). *Workers of the Empire, Unite: Radical and Popular Challenges to British Imperialism, 1910s–1960s*. Liverpool: Liverpool University Press, 2021. P. 115–132.

16 CONZE E. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 24–26.

случайное и бессмысленное, авторы стремятся рационально объяснить его появление и раскрыть логику, стоящую за кризисным состоянием мира, стремительного движущегося от видимости порядка к откровенному хаосу. Этот императив хладнокровного и рассудочного разбора актуальных политических, социальных и экономических событий и процессов – одно из важнейших свойств марксистской интеллектуальной традиции. В книге Конзе и Уилкинсон можно обнаружить индивидуальную вариацию этого общего места: авторы резко критикуют взгляд на историю как на результат случайного стечения мелких обстоятельств или же как на продукт деятельности «великих людей», движущих по своей прихоти народами и государствами. Этому способу мысли, с одной стороны, традиционному, а с другой – подкрепляемому новым вождизмом, приущим XX веку, они противопоставляют подход, обнажающий структурные закономерности исторического процесса.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ОСМЫСЛЯЯ ФАШИЗМ:
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ЛЕВОЙ МЫСЛИ 1930-х

Вместо того, чтобы обличать и отвергать фашизм как нечто случайное и бессмысленное, авторы стремятся рационально объяснить его появление и раскрыть логику, стоящую за кризисным состоянием мира, стремительного движущегося от видимости порядка к откровенному хаосу.

Пассажи с критикой «теории великого человека» следует, видимо, атрибутировать Конзе. В 1932 году, накануне прихода нацистов к власти, он издал большой философский труд под заглавием «Закон противоречия. К теории диалектического материализма» («Der Satz vom Widerspruch. Zur Theorie des dialektischen Materialismus») – амбициозную попытку укоренения логических принципов и категорий мышления в условиях общественной жизни и практике людей¹⁷. Уже в этой работе содержится критика историографии, сфокусированной исключительно на «великих людях» и представителях правящего класса и неспособной поэтому найти смысл в процессе общественного развития¹⁸. Конзе считал «Закон противоречия» своим *opus magnum* и стремился донести его содержание до более широкой публики через свои англоязычные публикации¹⁹. В книге о фашизме прямая ссылка на немецкое сочинение дается один раз, при разговоре о классовой ограниченности мировоззрения

17 См. недавний английский перевод, сопровождаемый подробной вступительной статьей: IDEM. *The Principle of Contradiction: On the Theory of Dialectical Materialism*. Lanham: Lexington Books, 2016.

18 Ibid. P. 265, 282.

19 См.: IDEM. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 35–38.

технической интеллигенции (р. 268), однако ей явно наследуют и рассуждения о способах мыслить исторический процесс. В научно-популярной книге 1935 года о диалектическом материализме Конзе посвящает несколько глав вопросу о роли «великих людей» и «масс» в истории, ссылаясь в том числе на «Почему фашизм?» и впервые называя по имени ключевого, по его мнению, представителя «теории великого человека» – Томаса Карлейля²⁰. (Интересно, что в мемуарах Конзе называет «О героях и героическом в истории» Карлейля одной из своих любимейших книг университетских лет²¹.)

Философские построения Конзе могут казаться довольно схематичными²², однако их политическое применение выразилось в продуктивном отказе от персонификации политических тенденций. Вместо того, чтобы отождествлять фашизм с личностями Муссолини и Гитлера и считать их лишь нелепыми ошибками истории, Конзе и Уилкинсон призывали выйти за комфортные догмы нормативного политического здравого смысла и признать неприятную систематичность проблем, встающих перед современным обществом.

Предложенное авторами понимание фашизма как системного явления представляет собой второй момент, заслуживающий комментария. Интерпретация Конзе и Уилкинсон не была полностью оригинальной. В общих своих чертах она следовала за стандартным и неоднократно повторявшимся в то время среди коммунистов тезисом о фашизме как предельном воплощении современного капитализма, избавившегося от не работающих в актуальных условиях декораций либеральной демократии. В статье, опубликованной в сентябре 1934 года в журнале «Plebs», Конзе выражал, с рядом оговорок, свое согласие с подобным коминтерновским (просоветско-сталинистским) определением фашизма²³. Однако ортодоксальная концептуальная рамка не помешала авторам точно развернуть довольно тонкий и независимый «полумарксистский анализ»²⁴, позволивший одному исследователю назвать их книгу «самым пронизательным из всех ранних описаний» британского фашизма²⁵.

20 См.: IDEM. *The Scientific Method of Thinking: An Introduction to Dialectical Materialism*. London: Chapman & Hall, 1935. P. 65–106.

21 См.: IDEM. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 45.

22 В рецензии на «Закон противоречия» Герберт Маркузе писал, что в руках Конзе диалектический материализм порой переходит в механистический из-за слишком прямолинейных интерпретаций, опускающих необходимые опосредующие ступени между базисом и надстройкой (см. английский перевод в: IDEM. *The Principle of Contradiction*... P. 431–432).

23 См.: HODGSON K. *Fighting Fascism: The British Left and the Rise of Fascism, 1919–39*. Manchester: Manchester University Press, 2010. P. 90.

24 По выражению первого биографа Уилкинсон: VERNON B.D. *Ellen Wilkinson, 1891–1947*. London: Croom Helm, 1982. P. 137.

25 REES P. *Changing Interpretations of British Fascism: A Bibliographical Survey* // LUNN K., THURLOW R.C. (Eds.). *British Fascism: Essays on the Radical Right in Interwar Britain*. London: Croom Helm, 1980. P. 193.

Понимание фашизма как «системы противоречий» связано, видимо, в первую очередь с неослабевающим интересом Конзе к противоречиям как важнейшему свойству нашего мышления и окружающего нас мира. Эта интерпретация позволила авторам убедительно подчеркнуть эклектичный характер идеологии и практики фашистского движения, его голый – и чрезвычайно эффективный – прагматизм. Акцентирование же присущих фашизму разнородных тенденций дало возможность объяснить привлекательность движения среди очень разных социальных групп и классов. Вместо того, чтобы настаивать на однозначном отождествлении фашизма с капитализмом и интересами правящего класса, Конзе и Уилкинсон предпочитают говорить о нем как об импонирующей многим рабочим альтернативе капитализму, как о варианте выхода из современного кризиса, успех которого в первую очередь обеспечивается промахами и слабостью его оппонентов. В результате их анализ фашизма оборачивается острой критикой левых, причем как слепо следующих вовсе не таким уж интернационалистским интересам Кремля коммунистов, так и слишком умеренных реформистов вроде Лейбористской партии.

Это подводит нас к третьему аспекту, на котором хотелось бы остановиться. Следуя марксистской установке на приоритет конкретного и практичного, теоретический анализ, предложенный Конзе и Уилкинсон, был теснейшим образом связан с актуальным британским политическим контекстом. Коллапс лейбористского правительства и поражение на выборах, лишившее Уилкинсон места в парламенте, привели в 1931 году к власти так называемое Национальное правительство – коалицию, которая должна была вывести Британию из экономического кризиса. Тяжелая ситуация в стране и дезориентация левых сил способствовали радикализации и росту правых настроений, воплощением которых стал Освальд Мосли (1896–1980) – политик, покинувший Лейбористскую партию и основавший в 1932 году Британский союз фашистов. К 1934-му, когда обдумывался и писался «Почему фашизм?», эта организация представляла собой многочисленную и агрессивную силу, проводившую впечатляющие собрания в Лондоне и других городах страны и склонную к политическому насилию. Экономические тяготы, безработица, поражение и разобщенность левых сил, угроза прихода к власти фашистов и отмечаемые многими наблюдателями фашистские тенденции внутри самого Национального правительства – все это составляло ближайший и важнейший внутривнутриполитический контекст книги Конзе и Уилкинсон. Их сочинение было отчаянным призывом к левым осознать всю серьезность ситуации и как можно скорее предложить обществу эффективную программу по выходу из призна-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ОСМЫСЛЯЯ ФАШИЗМ:
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ЛЕВОЙ МЫСЛИ 1930-х

ваемого всеми кризиса, пока этого не сделали правые. Одним из проявлений импонировавшей авторам демократической политики были упомянутые ими «голодные марши» безработных. Эта форма протеста достигла кульминации в «Марше из Джарроу» (1936), одним из организаторов которого была Уилкинсон, с 1935 года ставшая членом парламента от этого города. Как минимум в одном случае представленная в книге попытка понять мир была переведена в (безуспешную в краткосрочной перспективе) попытку этот мир изменить.

Может сложиться впечатление, что Уилкинсон скорее обеспечивала внешние условия создания и публикации книги, тогда как Конзе отвечал за ее основные идеи. Определенно на этот вопрос ответить трудно. В своих воспоминаниях Конзе очень пренебрежительно отзываясь о талантах Уилкинсон и ставит под вопрос наличие у нее устойчивых взглядов²⁶. Однако в их совместных текстах можно обнаружить пассажи, опиравшиеся на ее личный опыт, и мысли, многократно и на протяжении долгих лет повторявшиеся в ее собственных сочинениях²⁷. Несомненно в любом случае, что именно она отвечала за итоговое оформление их идей в письменном виде. В книге 1935 года Конзе благодарит Уилкинсон за то, что та «прочитала целиком всю рукопись и улучшила ее на каждой странице, иногда переписывая целые страницы»²⁸. Из его мемуаров следует, что Уилкинсон осуществила как минимум сплошную редактуру книги о фашизме²⁹. Кроме того, он вспоминал, как она учила его внятно и доступно писать на английском языке, заключая, что ее советы оказали значительное влияние на его позднейший стиль³⁰. Ясное, афористичное, ироничное, богатое аллюзиями письмо книги о фашизме (вообще похожее на манеру позднего Конзе) следует, видимо, считать в первую очередь заслугой Уилкинсон.

Как бы то ни было, «Почему фашизм?» оказался их последней совместно написанной книгой. Конзе утверждает, что они планировали написать третью общую работу «Почему социализм?», однако не сошлись во мнении ни по одному вопросу³¹. Разногласия не помешали им, впрочем, в 1936 году совершить совместную поездку в Испанию (о политической ситуации в которой Конзе написал после этого книгу)³². Позднее Конзе утверждал, что их отношения испортились после начала Второй мировой войны, когда Уилкинсон стала поддерживать ее, а

26 См.: CONZE E. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 15.

27 См.: PERRY M. *'Red Ellen' Wilkinson...* P. 181.

28 CONZE E. *The Scientific Method of Thinking...* P. 5.

29 IDEM. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 24.

30 Ibid. Vol. 2. P. V.

31 Ibid. Vol. 1. P. 18.

32 О поездке см.: PERRY M. *'Red Ellen' Wilkinson...* P. 307–309.

он остался убежденным пацифистом³³. Окончательно, однако, знакомства они не прервали: Конзе однажды навестил Уилкинсон уже после войны в ее министерском офисе³⁴. К этому моменту радикально поменялась и ситуация в мире, которая когда-то анализировалась в книге о фашизме, и сами авторы.

1930-е были уникально тяжелым периодом для европейских левых. Это было десятилетие отчаянных попыток предупредить сползание мира в чудовищную катастрофу, эпоха тотальной утраты надежд, проведенная в ожидании прихода самого худшего. Все это отпечаталось в текстах и судьбах Уилкинсон, Конзе и многих их знакомых. К 1939-му они находились в отчаянии и глубоком личном и политическом кризисе. Выход из него у каждого сопровождался существенной трансформацией мировоззрения. Около 1940 года Уилкинсон стремительно переходит на умеренные, мейнстримные лейбористские позиции, отказываясь от радикальных социалистических взглядов и открывая себе дорогу в британский политический истеблишмент³⁵. Примерно в то же время Конзе окончательно разочаровывается в политике и марксизме, обращается к буддизму, на время уезжает в коммуну в лесу, ведет аскетический образ жизни и занимается практиками медитации. После этого опыта он никогда больше не возвращается к политическим активностям, пускай и продолжая при случае высказывать левые суждения.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ОСМЫСЛЯЯ ФАШИЗМ:
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ЛЕВОЙ МЫСЛИ 1930-х

1930-е были уникально тяжелым периодом для европейских левых. Это было десятилетие отчаянных попыток предупредить сползание мира в чудовищную катастрофу, эпоха тотальной утраты надежд, проведенная в ожидании прихода самого худшего.

Как это часто бывает, в своей книге о фашизме Конзе и Уилкинсон проницательно анализировали недавнее прошлое и настоящее, довольно точно предсказывали ближайшее будущее, но совершенно не могли помыслить жизнь после той тотальной катастрофы, которой они справедливо ожидали. Между тем эта жизнь довольно быстро наступила, причем радикальный социализм вовсе не оказался единственной альтернативой фашизму, и казавшийся безысходным кризис капитализма все же был преодолен. Оставшиеся в живых левые 1930-х пытались найти себе место в мире, в возможность существования которого

33 См.: IDEM. 'Red Ellen' Wilkinson... P. 354. Cp. также: CONZE E. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 18.

34 IDEM. *The Memoirs of a Modern Gnostic*. Vol. 1. P. 15.

35 См.: PERRY M. 'Red Ellen' Wilkinson... P. 55–56, 350–355.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ОСМЫСЛЯЯ ФАШИЗМ:
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ЛЕВОЙ МЫСЛИ 1930-х

они совсем недавно не верили. Редактор книги Кришна Менон участвовал в создании нового постколониального мирового порядка. Уилкинсон была министром в правительстве, занятом реформами по созданию в Британии государства всеобщего благосостояния. Ушедший от общественной деятельности Конзе сделал значительный научный и культурный вклад своими буддологическими штудиями. Речь не идет о каком-либо счастливом финале – скорее хочется подчеркнуть, что люди и обстоятельства необратимо поменялись и «Почему фашизм?» служит для нас памятным слепком европейских левых и окружающего их мира, как они его видели и понимали, 1930-х – эпохи, с которой, наверное, мы имеем право чувствовать избирательное сродство.

Why Fascism?¹

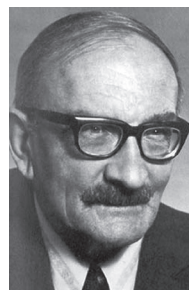
ЭДВАРД
КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН
УИЛКИНСОН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Англичане полагают, что идею демократии можно вывести из первой главы книги Бытия. Подавляющее большинство британцев – независимо от их классовой принадлежности и политических взглядов – считают парламентскую демократию лучшей формой правления из всех, какие до сих пор смог изобрести человеческий разум. Для них само собой разумеется, что любая страна, став в полной мере цивилизованной, немедленно захочет перейти к этой форме правления. Граждан, подвергающих сомнению божественное право парламента, записывают в чудаки – наряду с людьми, которые все еще пьют за «короля за морем» и в памятные даты возлагают цветы к статуе короля-мученика Карла².

Поэтому в Первую мировую войну воевать за демократию казалось рядовому британцу естественным делом. Ничто так не способствовало охватившему страну послевоенному разочарованию, как постепенное осознание британским обществом того, что на деле война велась вовсе не за демократию, а за нечто иное. Огромные части Европы, ранее уже достигшие, казалось бы, демократии, вернулись вдруг даже не к Бисмарку или Габсбургам – а к формам правления, напоминающим тиранию эпохи Возрождения. Для этой тенденции появилось название: «фашизм». Оно, как и термин «большевизм», похоже, превратится в зонтичное понятие, используемое для обозначения вообще всего, что не по душе говорящему.

Те, кто воспринимает фашизм как режим захвативших власть негодяев, не нуждаются в дополнительных разъяснениях. Им остается только жалеть его жертв и вздыхать, что та самая война за демократию обернулась для оных не лучшим образом. Однако нельзя упускать из виду одну странность: в тираниях, о которых идет речь, особенно в Италии и Германии, действующая власть, судя по всему, пользуется горячей поддержкой широких масс, – а возможно, и большинства населения. Таким образом,

Эдвард Конзе (1904–1979) – немецко-британский буддолог и философ. Публикатор признанных классическими английских переводов основополагающих буддийских текстов, автор нескольких исследований по истории и философии буддизма.

Эллен Уилкинсон (1891–1947) – британская активистка и политическая деятельница, участница профсоюзного и суфражистского движений, член Коммунистической и Лейбористской партий, член Палаты общин (1924–1931, 1935–1947), министр образования Великобритании (1945–1947).

1 Перевод выполнен по: CONZE E., WILKINSON E. *Why Fascism?* London: Selwyn & Blount, 1934. P. 9–17, 69–75, 310–317.

2 Тост за «короля за морем» был распространен среди якобитов, сторонников свергнутой в 1688 году династии Стюартов. Карл Мученик – именование казненного в 1649 году короля Карла I, популярное среди его сторонников, особенно в церковных кругах (до 1859 года англикане отмечали день его памяти ежегодным богослужением).

можно сделать вывод, что для сторонников этих режимов есть нечто более ценное, чем право участвовать в политической жизни страны и свободно высказываться о правительстве.

Посетив эти страны, англичанин, чей круг общения там не ограничен одними лишь официантами и более-менее знающей английский язык прослойкой интеллигенции, то есть способный копнуть несколько глубже, чем простой турист, обнаружит, что личная свобода граждан резко ограничена, но происходит это с их молчаливого согласия, которого нельзя объяснить исключительно запугиванием.

Стороннему наблюдателю следует задаться вопросом: получили ли эти граждане, отказавшись от демократии, что-либо стоящее взамен или же остальному миру остается лишь благочестиво молиться о том, чтобы однажды они прозрели? Ответ во многом будет зависеть от мировоззрения этого самого наблюдателя. Для людей, которые активно интересуются политикой (в самом широком смысле), не иметь возможности участвовать в политической жизни страны, наблюдая при этом, как вопросы церкви и государства решаются сообразно прихотям однопартийного правительства, может быть величайшей трагедией. Жизнь при таком режиме становится для них невыносимой, изгнание или даже тюрьма кажутся предпочтительнее. Но, вероятно, справедливо говорить, что в большинстве стран подавляющее большинство населения охотно согласилось бы передать власть кому угодно при условии, что возникший в итоге политический режим позволит им иметь достойный заработок. Если рассматривать всю историю человечества как борьбу за получение средств к существованию – основы нормальной жизни любого человека, – то способность фашизма (равно как любой формы правления до него) удовлетворять запросы подконтрольного ему населения и будет главным условием его текущей жизнеспособности и потенциального распространения.

Часть тезиса данной книги заключается в том, что демократия и фашизм не существуют как формы правления в вакууме. Они должны соответствовать условиям промышленного и сельскохозяйственного производства тех исторических периодов и стран, в которых эти режимы преуспевают. Если форма правления слишком сильно расходится с нуждами производства в конкретной стране, такая система должна разрушиться и исчезнуть, как в свое время потерпел крах феодальный строй.

В прошлом перемены в экономике и политике происходили медленно. Взаимодействие двух этих сфер растягивалось на длительные периоды. Но в наше время темп происходящих в промышленности изменений значительно ускорился. Формы правления и общественные условия за ним больше не поспевают. Таким образом, сегодня мы наблюдаем чрезмерную на-

пряженность, вызванную огромными производственными мощностями высокомеханизированной промышленности и сельского хозяйства с применением научных методов, которые по мере рационализации производства требуют все меньше человеческих ресурсов и создают давление на общество, изначально сложившееся в условиях низкой потребительской способности масс.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

Если рассматривать всю историю человечества как борьбу за получение средств к существованию – основы нормальной жизни любого человека, – то способность фашизма удовлетворять запросы подконтрольного ему населения и будет главным условием его текущей жизнеспособности и потенциального распространения.

Все еще находятся те, кто говорит, что этот важнейший феномен, влекущий за собой нарушение общественных отношений и массовую безработицу, не имеет никакого отношения к политике – за исключением того факта, что правительство должно принимать необходимые для подавления недовольства меры. Людям с такими взглядами должно казаться, что во всем мире необъяснимые кризисы хаотично сменяют друг друга. Войны происходят из-за недоставленной телеграммы или из-за того, что какой-то министр не смог в критический момент принять решение. Массы отказываются от свобод, за которые боролись их отцы, из-за убедительного красноречия или магнетической харизмы того или иного вождя. Именно из-за подобных допущений так много *chroniques scandaleuses*³, армейские и дипломатические сплетни до сих пор причисляют к серьезным историческим источникам.

Чтобы рассмотреть фашизм целостно, увидеть его не как череду чудесных происшествий, обусловленных присутствием Гитлера или Муссолини, а как результат экономических, политических и социальных реакций в рамках определенного исторического периода, следует с самого начала отказаться от трех подходов. Первый, распространенный в основном в Великобритании и США, концентрируется на отдельных частях проблемы, упуская из виду общую картину. Некоторые люди акцен-

3 «Скандальные хроники» (фр.) – сочинения на исторические и современные темы, подчеркивающие скандальные детали описываемых событий. Название восходит к французским образцам жанра, важнейшим из которых была многотомная «La Chronique scandaleuse, ou Mémoires pour servir à l'histoire des mœurs de la génération présente», издававшаяся в предреволюционной атмосфере второй половины 1780-х.

тируют внимание только на еврейском вопросе, однако он не является неотъемлемой составляющей фашизма. Итальянские фашисты не антисемиты. В Италии евреи занимают высокие должности даже в Генеральном штабе и Министерстве образования. Министр финансов в правительстве Муссолини Юнг – еврей⁴. Если не считать личного пунктика Гитлера и небольшой, хотя и влиятельной части нацистской партии, антисемитизм даже в Германии не имеет первостепенного значения. Еврейский вопрос выдвигается на передний план в публичном поле, когда евреев требуется выставить козлами отпущения, чтобы направить общественное недовольство в безопасное для правительства русло, что практиковалось в Германии задолго до появления фашизма. Мы ни в коем случае не хотим обесценить ужасные страдания евреев при фашистском режиме. Избиения и пытки отдельных лиц, намеренный отказ в трудоустройстве, разорение малого бизнеса, дискриминация еврейских детей в школах – все это составляет летопись бессмысленной, казалось бы, жестокости. Но эти ее проявления невозможно понять, если не рассматривать проблему фашизма в целом.

Точно так же насилие и зверства фашистов по отношению к их противникам в целом не должны заслонять собой более фундаментальные вопросы. Общественность постоянно слышит шокирующие новости о садистских расправах, доказательства которых неопровержимы. Никто не фабрикует в пропагандистских целях истории о ранах, которые сохраняются на телах вышедших из тюрем жертв нацистов; не выдуманы и увечья, обнаруженные семьей депутата Штеллинга на его теле, когда оно было возвращено им в мешке⁵. То, что творится в итальянских тюрьмах и на Липарских островах, в женских тюрьмах Трани и Перуджи, отвратительно воображению эпохи, которую величайшая война в истории отучила быть слабонервной⁶. В этой книге мы мало говорим об этих вещах, но не потому, что не придаем значения жестокому обращению, которому подвергаются наши товарищи в Германии и других фашистских странах. Мы знаем, что режиму, который прибегает к средневековым пыткам беззащитных заключенных, нет оправдания. Но для целей изучения фашизма важность этих ужасов заключается не в том, что они произошли в Германии и Италии, а в том, *почему* они происходят повсюду, неизменно сопровождая фашистский режим.

⁴ Имеется в виду Гвидо Юнг (1876–1949), занимавший пост министра финансов Италии с 1932-го по 1935 год.

⁵ Иоганнес Штеллинг (1877–1933) – политический деятель, член Социал-демократической партии Германии и депутат рейхстага Веймарской Республики. Был арестован и до смерти запытан нацистами в ночь с 21-го на 22 июня 1933 года. Его обезображенное тело было найдено в мешке, брошенном в реку, десять дней спустя.

⁶ Перечисленные места использовались в том числе для ссылки или заключения политических оппонентов фашистского режима.

Нравственное негодование, вызванное подобной жестокостью, порождает вторую причину путаницы. Противники фашизма выкрашивают его в столь однородный черный цвет, что те, кто не живет в фашистских странах, просто не могут понять, как люди терпят такой режим и уж тем более – почему он пользуется поддержкой широких масс, в частности, трудящихся. Поэтому иностранцы полагают, что импонирующие населению элементы фашизма – это всего лишь блеф, умная пропаганда, которой простачки не могут вовремя раскусить. Теории такого рода, выдвигаемые даже марксистами, опасно близки к теории «великого человека», согласно которой доверчивые массы – всего лишь податливый воск в руках умных и беспринципных манипуляторов. Наша единственная надежда на светлое будущее зиждется на том, что это не так; что все эти вожди, которые в критические моменты будто бы умудряются обуздать грозу и удержаться на плаву, на деле не более чем бросающиеся в глаза невесомые буи, сигнализирующие, в каком направлении движутся глубокие скрытые потоки человеческих чувств.

Но самое популярное объяснение фашизма, вызывающее не меньше путаницы, чем все остальные, – это «гангстерская теория», согласно которой фашизм есть лишь применение методов г-на Аль Капоне в масштабах целого государства⁷. Власть захватывает до зубов вооруженная банда без какой-либо цели, помимо установки на собственное обогащение и возвеличение. Они, как пьянчуги, мотаются от одного крупного промаха к другому, сея беззаконие. Удерживать власть им удастся лишь с помощью хорошо отлаженных инструментов террора и слежки, а также благодаря полному уничтожению аппарата, который способен организовывать и придавать огласке критические настроения в обществе. Эта теория подкупает своей простотой. Правдоподобия ей придают такие громкие операции нацистов, как поджог Рейхстага или расстрелы 30 июня⁸. Но она не объясняет горячей народной поддержки Гитлера. Как сказал сэр Освальд Мосли на митинге в Альберт-холле: «Гитлер не мог заставить всех этих немцев проголосовать за него»⁹. Даже если объяснять это запугиванием, то для достижения эффекта такого масштаба, какой показали итоги пле-

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

7 Уподобление Гитлера и нацистов мафиози Аль Капоне (1899–1947), приговоренному к тюремному заключению в 1931 году, и его гангстерам стало одним из общих мест в дискуссиях того времени. Например, летом 1934-го такое сравнение было сделано лордом Бивербруком – британским политиком и владельцем газет «Daily Express» и «Evening Standard» (см.: GRIFFITHS D. *Plant Here The Standard*. London: Macmillan, 1996. P. 252).

8 Поджог Рейхстага, использованный нацистами для укрепления своей власти и репрессий против оппонентов, случился 27 февраля 1933 года. 30 июня 1934-го произошла так называемая «ночь длинных ножей» – уничтожение руководства штурмовых отрядов НСДАП в ходе внутринацистской борьбы за власть.

9 Мосли выступал на собраниях Британского союза фашистов в лондонском Альберт-холле 22 апреля и 28 октября 1934 года.

бисцита о выходе из Лиги Наций, потребовался бы огромный человеческий ресурс¹⁰. У Аль Капоне имелась только личная охрана. Если бы власть Гитлера опиралась на столь узкое основание, то его богатым врагам (коих среди евреев найдется множество) не составило бы труда закупиться пулеметами в достаточном количестве и уравнивать шансы. Проблема, по-видимому, заключается в том, найдется ли достаточно людей, желающих этими пулеметами воспользоваться.

Противники фашизма выкрашивают его в столь однородный черный цвет, что те, кто не живет в фашистских странах, просто не могут понять, как люди терпят такой режим и уж тем более – почему он пользуется поддержкой широких масс, в частности, трудящихся.

Цель этой книги – показать, что, хотя фашизм и обладает перечисленными чертами банды, диктатуры, жестокой тирании, все это лишь часть общей картины; что фашизм – это не случайность, а неизбежный результат определенного набора обстоятельств. Фашизм восторжествовал только после того, как были испробованы другие способы выбраться из послевоенного хаоса. Как Первая мировая война была попыткой разрешить противоречия довоенного капитализма, так и Вторая мировая война будет способом (навязанным фашизмом) выбраться из хаоса, в котором уже пребывают фашистские страны.

Только поняв, какие условия неизбежно порождают фашизм, можно разработать правильный метод, который позволит избежать его установления в другой стране, – разумеется, при условии готовности ее граждан заплатить за это определенную цену. Ибо, как мы подробно покажем далее, оба эти средства, война и фашизм, направлены на то, чтобы избежать трудностей плановой экономики. Крах индивидуализма и низвержение в хаос экономической системы, служившей основой либерального мировоззрения, – определяющие обстоятельства нашего временного периода. Вовсе не пропаганда, не распространение идей, с которым справился бы любой полицейский, а давление неумолимого потока продукции машинного производства разрушило основы *laissez-faire*¹¹. Просто возделывая землю, человечество способно пережить любые политические потрясения – это было доказано неоднократно. Но век машин нуждается

10 На референдуме, состоявшемся 12 ноября 1933 года, выход Германии из Лиги Наций поддержали 95,08% голосовавших.

11 Дословно «позвольте делать» (фр.) – политика невмешательства государства в экономику.

в планировании. Сложную машину, в которую превратился современный мир, нельзя просто отдать в распоряжение слепым силам природы или погрузить в анархию неконтролируемой конкуренции.

Вопрос, который предстоит решить и который, вероятно, будет решаться в течение этого столетия, состоит в том, кто должен контролировать планирование века машин и из чьих интересов при этом исходить. Должна ли машина производить прибыль для элиты или служить нуждам масс? Должна ли она работать ради личной выгоды или в интересах общества? Столкнувшись с выбором между фашизмом и социализмом, целый континент может склоняться в сторону фашизма – либеральному уму понять этот факт может быть труднее, чем социалистическому. Ведь фашизм заявляет, что тоже выступает за планирование, но по принципу наименьшего сопротивления, наименьшей психологической дисгармонии и с минимально возможным нарушением устоявшихся убеждений и общественных отношений. Но может ли фашизм выполнить то, что обещает? Может ли он на самом деле устранить разрыв между покупательной способностью и производительной силой, неизбежный при системе, нацеленной на извлечение частной прибыли и вызывающей недовольство масс в масштабах, которые грозят подорвать саму основу капиталистического общества?

Мы утверждаем, что фашизм – это попытка финансового капитала справиться с ситуацией, увеличить потребление и направить недовольство масс в нужное русло посредством планирования всей экономической, политической и культурной деятельности общества в целях подготовки к войне и при активной поддержке значительной части населения.

Первая реакция многих читателей будет следующей: «Войны не хочет никто, а тем более фашисты, поскольку, как бы они ни бахвалились, они не осмелятся вооружить угнетенные ими массы». Разумеется, ни один ответственный лидер фашистского государства не хочет войны ради самой войны. Он надеется, что желаемых результатов удастся достичь угрозами. Это свойственно человеческой природе, но не отменяет наш главный тезис о том, что фашистская власть обязательно основывает свою политику на подготовке к войне, потому что у нее нет другого способа разрешить стоящие перед ней дилеммы. И фашизм в этом плане – вовсе не уникальное явление. Существуют древние и многочисленные прецеденты проведения политики утихомиривания масс – и даже подготовки их к войне – за счет средств, которые позднее должны быть возмещены из награбленного в других странах. Таков был принцип, лежавший в основе успешной политики Юлия Цезаря. Эта форма

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

цезаризма, возрожденная в наше время Наполеонами I и III, Бисмарком и Дизраэли, отличается от пресного и банального «реставрационизма» – Бурбонов, Романовых и Габсбургов – так же разительно, как Гитлер отличается от бывшего кайзера – факт, подчеркиваемый презрительным отношением нацистского руководства к кронпринцу¹².

Поэтому вовсе не случайно, что фашизм развился в тех странах, где империализм либо утратил свою колониальную опору, как в Германии, либо тщетно пытается ее обрести, как в Италии. В Великобритании фашизм будет становиться все более опасным по мере того, как ослабевает ее имперское влияние, сужая тем самым экономическую базу зажиточного в данный момент населения.

Хотя фашизм и обладает чертами банды, диктатуры, жестокой тирании, все это лишь часть общей картины. Фашизм – это не случайность, а неизбежный результат определенного набора обстоятельств. Фашизм восторжествовал только после того, как были испробованы другие способы выбраться из послевоенного хаоса.

О значимости и перспективах фашизма в Англии нельзя судить по тому, сможет или не сможет Британский союз фашистов и его нынешний лидер, сэр Освальд Мосли, выдержать напряженный «период бума» и активный рост индекса производства. Внутренние разногласия могут развалить организацию Мосли, или ее источники поставок могут иссякнуть. Но распространение фашистских идей не зависит от отношений между Союзом и его членами. В этой книге мы обсуждаем идеи, лежащие в основе фашизма, – они будут возникать и повторяться в разных формах в течение нынешнего периода истории. Идеи корпоративного государства уже находят одобрение не только среди особо деятельных консерваторов в парламенте, но даже среди некоторых лидеров профсоюзов. Фашизм представляет собой одну из альтернатив разрушающемуся капитализму. В той или иной форме его идеи будут сохраняться и не перестанут находить приверженцев, пока современный мир продолжает переходить из одного кризиса в другой.

[...]

12 Кронпринц Вильгельм (1882–1951) – сын последнего германского императора Вильгельма II. Рассчитывая на восстановление монархии, изначально поддерживал Гитлера, но охладел к нацистам после их прихода к власти.

ГЛАВА 1. ФАШИЗМ КАК СИСТЕМА ПРОТИВОРЕЧИЙ

«Почему фашизм преуспел?» Как так вышло, что группа людей, еще десять лет назад никому не известных, сумела создать движение, которое с очевидной легкостью одним махом перечеркнуло великие народные социалистические движения в Италии и Германии?

Обогатели, вечно пребывающие в поисках «великого человека», еще могут заставить Муссолини сойти за героя – у него по крайней мере внушительная челюсть. Но самое лестное, что сумел сказать о Гитлере как о «великом человеке» кто-либо из его почитателей за пределами Германии, это то, что в нем, должно быть, есть скрытые глубины, незаметные на первый взгляд.

Даже эта утешительная мысль не объясняет, почему Муссолини и Гитлер заявили о себе в течение одного десятилетия или почему во многих других странах фашизм сегодня либо побеждает, либо рассматривается как возможная угроза. Не объясняет она и того, почему эти «великие вожди» оказались именно фашистами, а не коммунистами или социалистами – особенно учитывая, что Муссолини, Гитлер, Пилсудский и Мосли начинали свою карьеру в левой части политического спектра.

С причинами слабости марксистских партий мы разберемся позже. Сначала необходимо найти объяснение тому, почему оказались так сильны партии фашистские. Только одна теория здесь соотносится со всеми фактами, сколь бы она ни была неприятна либералам, социалистам или пацифистам, а именно: несмотря на их вопиюще варварские методы, на грубость их речей и бессмысленный характер продвигаемых ими «мифов», фашисты продемонстрировали лучшее понимание насущных нужд современного общества, чем многие их идеалистически настроенные оппоненты. Согласно здравому смыслу, если кто-то регулярно добивается успеха в определенной среде – значит, он лучше понимает ситуацию и лучше к ней приспособлен, чем тот, кто обычно успеха не достигает. Тот факт, что неудачник более нравствен, исполнен любви, доброты, интеллекта или любой другой добродетели, совершенно не имеет значения. Вряд ли кто-то назовет американских свиных магнатов или нефтяных баронов примерами для общечеловеческого подражания. Но они преуспели в своей сфере. Они были приспособлены к своему времени.

Отсутствие у фашистов четкой программы

Фашизм имеет некоторые любопытные черты. С ним не велось и не ведется эффективной борьбы даже при том, что опасность его была очевидна заранее; и до сих пор не существует удовлетворительного объяснения того, что же такое фашизм. Сами фашисты не смогли дать ему внятного определения. Трудности эти в значительной степени обусловлены не поддающимся пониманию характером фашизма. Он не является четкой теорией и очень гордится тем, что презирует последовательные теории и продуманные программы.

Муссолини говорил: «Нам нужна не программа, а действие»¹³. Если в начале пути сделал это своим лозунгом – и, чем сильнее он отходит от этой позиции, тем менее эффективным становится. Итальянские фашисты всегда делали акцент на том, что они называют «динамикой». Даже в 1924 году фашист Гови в журнале «Critica Fascista» (одном из теоретических органов печати фашистской партии Италии) с готовностью заявлял: «У фашизма есть четкая негативная программа, но совершенно не ясно, какова его программа в части позитивных нововведений»¹⁴.

В начале пути, когда Гитлер только готовился впервые вступить в борьбу за власть, в речи, произнесенной в 1923 году, он заявил: «Давайте мы сперва начнем править, а там программа оформится сама собой»¹⁵. Подобное заявление вызвало бы громогласный смех на любом съезде социалистов или либералов. А еще четыре года спустя Гитлер произнес показательную фразу: «Людям не нужны никакие программы. Им нужно, чтобы ими кто-то управлял».

Правда, еще начиная с 1920 года у Гитлера была программа «25 пунктов». Пункты эти были очень расплывчатыми; один из них требовал «национализации крупных промышленных предприятий, если только они не были основаны великими лидерами немецкой экономики», – что бы это не значило! Еще один пункт требовал «уничтожения процентного рабства», не потрудившись уточнить, какая именно процентная ставка должна считаться «рабством»¹⁶. Но наличие даже этих пунктов, при всей их расплывчатости, вызывало возражения.

13 Ср. слова Муссолини в статье о фашизме, опубликованной в 1932 году в «Итальянской энциклопедии»: «Моей доктриной [...] была доктрина действия» (цит. по: GENTILE E. *The Origins of Fascist Ideology, 1918–1925*. New York: Enigma Books, 2005. P. 104).

14 Авторы приводят слова, взятые из статьи Марио Гови, напечатанной в выпуске «Critica Fascista» от 15 мая 1924 года (см. развернутую цитату в: Ibid. P. 278).

15 В действительности эти слова принадлежали генералу Отто фон Лоссову, который на судебном процессе после провала Пивного путча таким образом изложил позицию Гитлера (см. цитату в: TYRELL A. *Vom 'Trommler' zum 'Führer': Der Wandel von Hitlers Selbstverständnis zwischen 1919 und 1924 und die Entwicklung der NSDAP*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1975. S. 160).

16 К национализации предприятий призывал 13-й пункт программы, однако «великие лидеры немецкой экономики» в нем не упоминались. Протест против «процентного рабства» был высказан в 11-м пункте.

Доктор Геббельс под громкие аплодисменты после попытки снять некоторые присутствующие в тексте нестыковки высказался так: «Если бы я создал эту партию, то вообще не выдвигал бы никакой программы»¹⁷. Геббельс мог привести в экстаз огромную толпу из двадцати тысяч человек следующим заявлением: «Нас упрекают в отсутствии программы или же в том, что программа, которая у нас есть, полна противоречий. Но именно благодаря этому мы и одержим победу»¹⁸. В этом образце циничного реализма Геббельс очень близко подошел к пониманию сути успеха фашистского движения.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

В глазах ревностных приверженцев теории классовой борьбы фашистская партия – попросту извращение. Составляющие ее секции настолько несовместимы, их экономические интересы конфликтуют настолько явно, что такое объединение не должно существовать как партия. Но существует. Более того, оно *действует* в то время, когда однородные партии, построенные по лучшим марксистским моделям, кажутся парализованными перед лицом той же непростой ситуации, которая обеспечивает фашистам условия для успешной работы.

Конечно, между несовместимыми секторами фашистского движения существует постоянный внутренний конфликт. Ни одна другая партия не смогла бы выдержать открытых интриг друг против друга и войн, доходящих чуть ли не до поножовщины (а порой буквально до перестрелки), в которых отметились нацистские лидеры как высших, так и низших чинов.

Основные противоречия фашизма

Неопределенный, неоднозначный, не поддающийся пониманию характер фашизма, который рассматривается как главный аргумент против всего движения, – ключ к его пониманию.

Мы живем в переходный период – и это не обязательно означает, что период этот будет коротким. Переход от феодального общества к капиталистическому длился около четырехсот лет. Переход от лошадей к лошадиным силам продолжается уже более ста лет и включает все изменения и потрясения социальной структуры, которыми сопровождается стремительный рост массового производства. Большой скачок, который предстоит совершить теперь, – это переход от индивидуалистической и анархической экономики к экономике коллективной и плановой.

17 Эти слова были сказаны Геббельсом в беседе, опубликованной в газете «Vossische Zeitung» за 4 июля 1931 года (см. цитату в: BRACHER K.D. *Die Auflösung der Weimarer Republik: Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie*. Villingen: Ring-Verlag, 1971. S. 98).

18 Эти слова Геббельса из речи 1932 года вместе с описанием их воздействия на двадцатитысячную аудиторию приводились в: SCHLAMM W. *Die Zuchtlosen // Die neue Weltbühne*. 1934. № 1. S. 1.

Фашизм – это политическое проявление одной из стадий данного перехода, той стадии, на которой мы сейчас находимся. Все противоборствующие и противоречивые тенденции тем или иным образом объединены в нем. Те, кто чувствует необходимость перемен, но желает этих перемен всем, кроме себя и своей социальной группы, могут проецировать свои желания на фашистскую партию – они не найдут там ничего, жестко противоречащего их фантазиям. Гитлера обычно упрекают за то, что он обещал всем (кроме евреев) все, чего они бы ни хотели. Но ведь для этого партия и существует – так к чему эти упреки? Сила фашизма в том, что он может вобрать в себя все противоречивые элементы. Слабость фашизма, как и любой другой по сути реакционной системы, состоит в том, что он пытается разрешить эти противоречия и может сделать это только под предлогом подготовки к войне.

Коммунисты утверждают, что фашизм – это диктатура финансового капитала. Ленин говорил, что империализм – это высшая стадия капитализма. Сам он дожил только до первой стадии фашизма. Так что для преданного лениниста фашизм – явление не новое. Это самая последняя фаза последней фазы капиталистического империализма, ответный удар капитализма по мировой революции трудящихся. В этом утверждении много правды, но это не вся правда. На заре своего движения Гитлер был столь же яростно настроен против капиталистов, как любой коммунист. Он указывал немецким капиталистам, что у них только одна забота – их собственная жизнь, что они бесполезны для любой важной задачи человечества из-за их невероятной лени и всего, что из нее вытекает, а потому немецкая буржуазия достигла конца своей миссии. Как бы ни расходились последующие действия Гитлера с его ранними теориями, именно заявления такого рода и привлекали массы людей в его партию.

Капитализм, каким мы его знаем, находится в состоянии хаоса. Но, несмотря на иллюзию того, что с течением времени случается прогресс, тот или иной способ выбраться из этого хаоса никак не предопределен. Один возможный путь, путь технического прогресса посредством социалистической реконструкции, выбрала Россия. Есть признаки – особенно в Германии – того, что влиятельные круги предпочли бы сбой и провал технического прогресса. Плановый капитализм, который должен каким-то образом обеспечить доступ к ряду преимуществ социализма, в то же время позволяя капиталистам свободно получать прибыль, сейчас частично испытывается президентом Рузвельтом и в гораздо меньших масштабах – г-ном Эллиоттом¹⁹.

19 Имеется в виду Уолтер Эллиот (1888–1958) – британский министр сельского хозяйства в 1932–1936 годах. Находясь на этом посту, внедрял в сельское хозяйство элементы плановой экономики. Реформы имели общественный резонанс, и Эллиоту прочили блестящую политическую карьеру (см. подробнее: COOPER A.F.

Мы обсудим варианты возможных будущих сценариев выхода из этого хаоса в третьей части книги. На данный момент мы хотим обозначить упомянутые противоречивые тенденции и донести мысль о том, что в любой стране фашизм зарождается как попытка привести их к гармонии. Выражаясь философски, фашизм есть единство этих противоречий. Он сочетает в себе стремление сохранить капитализм и стремление его разрушить – будь то путем введения той или иной разновидности социализма посредством государственного регулирования и вмешательства в экономику либо путем подавления технического прогресса и возвращения к аграризму.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

Капитализм, каким мы его знаем, находится в состоянии хаоса. Несмотря на иллюзию того, что с течением времени случается прогресс, тот или иной способ выбраться из этого хаоса никак не предопределен.

Теория о том, что мощь фашизма обуславливается произвольным сочетанием внутри него противоречивых тенденций, позволяет нам вывести гибкую концепцию фашизма, которая соответствует фактам. Ведь фашизм не всегда одинаков. В разных странах он выглядит по-разному, потому что три упомянутых элемента смешиваются там в разных пропорциях. Иногда среди них сильнее один, иногда другой. Чем более промышленно развита страна и, следовательно, чем крепче в ней былая власть социалистических партий, тем ярче будет проступать антикапиталистический элемент фашизма. Поэтому он сильнее в Германии, менее выражен в Италии и слабее всего в Венгрии.

Второстепенные противоречия фашизма

Вследствие этих общих противоречий внутри фашизма существует ряд противоречий второстепенных. Происходит неизбежная борьба между политикой сохранения «старого» среднего класса, его независимости, статуса и стремлением к планированию, при котором многие функции «старого» среднего класса утрачивают свою актуальность. Существует противоречие между попыткой снизить жизненные стандарты рабочих, про-

British Agricultural Policy, 1912–36: A Study in Conservative Politics. Manchester; New York: Manchester University Press, 1989. P. 160–183). В других местах книги Конзе и Уилкинсон писали о политике Эллиота как о симптоме общей тенденции к экономическому планированию и видели в нем потенциального главу respectable, более умеренного, чем у Мосли, британского фашизма (P. 66, 223, 225–226, 235, 244, 276).

диктованной капиталистическими элементами фашизма, и подготовкой к войне, для которой требуется довольный условиями рабочий класс. Автаркия несовместима с покорением зарубежных рынков, возвращение к сельской экономике несовместимо с войной. Возвращение в деревню означает исчезновение тяжелой промышленности, необходимой для нужд милитаристов. Если считать за реальность только одну сторону этих противоречий и полагать, что другая сторона существует лишь для отвода глаз, то понять фашизм с его неизбежно зигзагообразной политической линией будет невозможно.

Именно вождь удерживает конфликтующие элементы и группы вместе и приводит их в равновесие. Поэтому все фашистские партии объединяет по крайней мере одно – наличие вождя. Отсюда фанатичная преданность его персоне и театрально-преувеличенное его восхваление. Вокруг него вырастает миф. Распространяется убеждение, что любая запутанная или вызывающая огорчение проблема чудесным образом решится, когда у вождя найдется время лично уделить ей свое внимание. Такая вера в сверхспособности вождя, героического царя, воина-мессии уходит глубоко в историю человечества. И Муссолини, и Гитлер это осознают. Они дорожат своим божественным статусом и не допустят, чтобы кто-то мог составить им конкуренцию. [...]

Часть III. Фашизм и Великобритания

Глава 7. Выбор, перед которым мы стоим

Данная книга представляет собой анализ фашизма как болезни капитализма. Мы показали, почему фашизм наступает на определенной стадии экономического кризиса в любой капиталистической стране. Британские фашисты осенью 1934-го утратили популярность не из-за общественного возмущения в ответ на учиненные ими летом в «Олимпии» зверства, а из-за того, что индекс производства вновь сравнялся с уровнем 1929 года²⁰. Не слишком углубляясь в аналогию, можно сказать, что из-за обесценивания фунта стерлингов британские фашисты находятся в позиции, сходной с той, в которой в 1924-м оказались немецкие фашисты из-за периода «долларового подъема». Но если экономическая ситуация в Англии изменится, изменятся и судьбы фашизма (впрочем, не обязательно движения Мосли).

Вот почему так важно понимать, что из себя представляет фашизм на самом деле. Чтобы не тратить попусту сил на борь-

20 Собрание Британского союза фашистов в лондонском зале «Олимпия» 7 июня 1934 года сопровождалось многочисленными потасовками и насилием в отношении протестующих-антифашистов.

бу с пугалом жестокости и антисемитизма (которое, предположительно, будет завезено в страну из-за границы), в то время как здесь в совершенно ином обличье уже разрастаются другие проявления той же самой идеологии. Конечно, подавляющее большинство населения настроено против фашизма в любой стране, где экономическая ситуация не дает сколь-либо заметного толчка к его установлению, – так же, как большинство людей выступают за мир, когда не идет война. Воодушевленные митинги, где на эмоциях провозглашаются лозунги «У нас в стране не будет гитлеризма», по уровню адекватности не далеко ушли от горячо одобренных горожанами заявлений мэра Чикаго Томпсона о том, что он не позволит королю Георгу управлять городом²¹. В обоих случаях вероятность претворения этих сценариев в жизнь мала.

Когда экономическая ситуация дает почву для наступления фашизма, он приходит в страну таким образом, который вписывается в национальную традицию – как Муссолини пришел по следам былой славы Древнего Рима, а Гитлер воззвал к древнейшим инстинктам германских народов. Когда наступает время для развития того, что решено именовать фашизмом, люди, громко протестовавшие против его проявлений за рубежом, находят в нем нужные их собственной стране элементы. Практикуемое фашистами насилие и жестокое подавление оппонентов вызывают сильнейшее и оправданное отвращение, но с экономическими фактами нельзя бороться одним лишь нравственным негодованием, особенно когда оно в основном направлено против случайных событий, которые могут и не повториться в стране людей благонравных.

Движение против фашизма будет эффективным только там, где оно основано на сильных классовых интересах, которые в случае успеха фашизма будут ущемлены и попорчены, а также при условии, что такое движение готово будет предложить четкую, конструктивную альтернативу для преодоления кризиса, при котором фашизм обретает силу. Массовость, с точки зрения классовых интересов, в борьбе с фашизмом может обеспечить только рабочий класс, поскольку именно рабочие больше всего страдают от нынешней системы и, в перспективе, пострадают от фашизма.

Как мы показали, до сих пор представители рабочего класса (способные четко излагать свою позицию производственники, которых можно организовать для борьбы с фашизмом), будучи по сути своей сторонниками реформ, сосредоточивались на том, чтобы извлечь как можно больше из нынешней системы. Насущная проблема нашего времени – в короткий период

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

21 Мэр Чикаго Уильям Томпсон (1869–1944) построил свою избирательную кампанию 1927 года на разжигании антибританских чувств и выпадах против королевской фамилии.

оставшийся до наступления следующего капиталистического кризиса, – состоит в том, чтобы убедить достаточное большинство, что капитализм при нынешнем подходе к его организации и контролю больше ничего не сможет давать и нуждается в радикальном перепланировании и что, если предоставить это перепланирование самим капиталистам, оно примет форму приготовлений к войне. Не то чтобы отдельные капиталисты, за исключением, возможно, производителей оружия, хотели войны – просто это единственный выход из усугубляющегося кризиса, обусловленного системой.

Когда экономическая ситуация дает почву для наступления фашизма, он приходит в страну таким образом, который вписывается в национальную традицию. Когда наступает время для развития того, что решено именовать фашизмом, люди, громко протестовавшие против его проявлений за рубежом, находят в нем нужные их собственной стране элементы.

Классовые интересы рабочих следует объединять с движущей силой восходящего класса технической интеллигенции, которая имеет как профессиональный, так и материальный интерес во введении государственного планирования. Поэтому в данный момент все зависит от реалистичной пропаганды и от постановки очень ясных целей со стороны тех, кто способен задавать направление широким массам рабочих. К сожалению, в своей новой программе Лейбористская партия, хотя и признает необходимость государственного планирования, рассматривает его лишь как постепенное расширение своей обычной политики и предполагает, что ей как партии будет позволено перейти к социализму постепенно, посредством форм парламентской демократии, хранительницей которых она себя объявляет. Она предлагает проводить в рамках капитализма такие реформы, оплатить которые фактически можно только из прибыли, обеспеченной империализмом. Поэтому наряду с призывами к миру она неизбежно поддерживает правительства союзных стран, заявляя о своем непоколебимом намерении вести войну за коллективную безопасность, то есть за сохранение мира на империалистических условиях, продиктованных Версальским договором, которые легли с тех пор в основу реформистской политики.

Подобные противоречия весьма характерны для человеческой природы. Они попросту означают, что у любого политика-

социалиста, действующего в рамках нынешней системы, сердце постоянно идет вразлад с головой. Сердце хочет мира и существенного улучшения положения рабочих, что достигнимо только при государственном планировании. Вместе с тем присутствует необходимость поддерживать капитализм, чтобы в переходный период рабочие как-то продолжали получать заработную плату. За это нужно заплатить наивысшую цену, которая состоит в готовности вести войну в защиту коллективной гарантии империалистических соглашений, заключаемых через посредство, но чаще за ширмой Лиги Наций.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

Нам кажется, что совершается психологическая ошибка. В западном мире весьма реален страх войны. Страх и надежда лежат в основе психологии масс. Успех нацистов показал, сколь колоссальную мощь может пробудить основанная на этой формуле пропаганда. Однако в Англии мы видим, как массовый страх войны используется не для того, чтобы продвигать переход к государственному планированию, которое сможет устранить причины, тянущие страну в пучину войны, а для разыгрывания дипломатической шахматной партии, которая имеет все меньше и меньше реальных оснований и большей частью недоступна для понимания большинству населения.

Самый главный урок, который следует извлечь из успехов большевизма и фашизма заключается в том, что в наше время для проведения любых крупных изменений необходимо заручиться поддержкой рядовых граждан. Сложноустроенным умам «незаурядных» людей, которые обычно имеют несопоставимо много власти в любой из «старых» реформистских партий, лозунги и принципы, наиболее привлекательные для обывателя, кажутся нелогичными и даже сбивают их с толку. Веймарская Республика была республикой профессоров. Она в целом игнорировала необходимость привлечения масс на свою сторону, не стремилась заручиться их активной поддержкой при проведении своей политики, не была готова пожертвовать некоторой долей эффективности или даже логической стройностью, чтобы добиться их расположения.

Сегодня лидеры британских лейбористов забывают о традиции нескончаемого распространения массовой пропаганды, из которой некогда родилось все их движение, и склонны с неодобрением относиться к громким народным выступлениям, таким как Голодный марш, вынесший протест против законопроекта о безработных на улицы и в деревни²². Партия воз-

22 Так называемые «голодные марши» против законопроекта о безработных проходили в феврале 1934 года. Уилкинсон выступала перед участниками марша 25 февраля в Гайд-парке и критиковала Лейбористскую партию за отказ поддержать это протестное движение (см.: BARTLEY P. *Ellen Wilkinson: From Red Suffragist to Government Minister*. London: Pluto Press, 2014. P. 62; BEERS L. *Red Ellen: The Life of Ellen Wilkinson, Socialist, Feminist, Internationalist*. Cambridge: Harvard University Press, 2016. P. 308–309).

ражала против «коммунистических истоков» этой конкретной инициативы, но не предприняла никаких других попыток протеста, кроме процедуры, предусмотренной парламентом. Чинные конференции и массовые митинги, на которых присутствуют одни лишь приверженцы политики лейбористов, не могут сравниться с бурным народным движением, каким стал фашизм во всех тех странах, где он пришел к власти.

Либеральная партия обнаружила, что не может бороться с народными массами за счет одной лишь благовоспитанности, когда сама она утратила былой запал радикализма.

Прилагательное «революционная» применительно к политике – термин неоднозначный. Он может означать гражданскую войну, которую в контексте Великобритании можно исключить из рассмотрения. В равной степени он может означать радикальные перемены. Выбирая именно этот смысл, мы полагаем, что «революционная социалистическая партия» является единственной конструктивной альтернативой, способной в кризисный период пробудить достаточно энтузиазма, чтобы не дать фашизму заручиться народной поддержкой в масштабах, гарантировавших его успех в других странах.

Как мы показали в Части III, реформистская политика не только не приводит несовместимые элементы к согласию за счет своей умеренности, но и влечет раскол и изоляцию промышленного рабочего класса. Она вбивает клин между имеющими работу и безработными, между занятыми в промышленности рабочими и технической интеллигенцией, между городом и деревней, между рабочими и работающим средним классом, обремененным налогами и сборами, которые идут на оплату удобств для рабочих и бремя которых он очень хотел бы с кем-то разделить.

Риском предложить альтернативный подход к проблеме. «Градуальный социализм» в том смысле, в каком используют этот термин реформисты, означает постепенное установление контроля над средствами производства. Мы считаем это невозможным. Невозможность эта была продемонстрирована во всех странах, где рабочие имели достаточно влияния, чтобы всерьез проводить такую политику. Сам фашизм является новейшим оружием против этого. Получение контроля над средствами производства – необходимый первый шаг к построению социализма. Это должно стать главным посылом пропаганды и основной политической целью. Достигнув ее, социалистическое государство можно будет строить на крепком фундаменте, обеспечив себе максимальное содействие при новом экономическом строе со стороны людей, которые смиряются с неизбежным, как только будет решен важнейший вопрос – вопрос власти.

Если исходить из того, что построение социализма – это процесс, наступающий после установления контроля над средствами производства, то программа партии и пропаганда должны взять за основу фабрики, цеха и поля – то есть места, где создается богатство. Социализм нельзя преподнести народу как дар от парламентской партии лейбористов. Его нельзя построить сверху, с одного лишь пассивного согласия граждан, выражаемого время от времени в форме голосования. Он должен родиться из активного участия народных масс, из их рвения и понимания. Такой метод может показаться неаккуратным. На практике он, безусловно, преподнесет некоторые сюрпризы. Но ведь лабораторный образец всегда выглядит лучше, чем реальный продукт на ранних этапах фабричного производства. Для социалистического государства было разработано множество моделей и прописана уйма спецификаций. Проблема в том, чтобы передать задачу в руки рабочих. Как бы ни был похвален административный коллективизм работников почты и муниципальных служб, это, на наш взгляд, не шаг в сторону социализма. Контроля над своей деятельностью и интереса к работе у этих людей не больше, чем у подчиненных любого просвещенного работодателя-капиталиста.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

Социализм нельзя преподнести народу как дар от парламентской партии лейбористов. Его нельзя построить сверху, с одного лишь пассивного согласия граждан, выражаемого время от времени в форме голосования. Он должен родиться из активного участия народных масс, из их рвения и понимания.

Г-н Артур Хендерсон однажды предположил, что причина политической апатии рабочих – феномена, в последнее время набирающего в Англии обороты, – заключается в том, сколько всего уже было достигнуто, как много реформ, которые он продвигал ранее, уже удалось провести²³. Это чистая правда – однако рабочие, хотя и чувствуют, что их положение улучшилось в мелочах, все так же далеки от истинного социализма, который единственный способен снять противоречия капитализма, приносящие им страдания.

Успех фашизма обусловлен его способностью приводить народные массы в движение. Политическая партия, которая не желает этим заниматься, умирает – как умерла Британская

23 Артур Хендерсон (1863–1935) – британский политик, стоял у истоков Лейбористской партии, несколько раз ее возглавлял.

либеральная партия. Лейбористы, стремясь в последнее время избегать этой тактики, построили все свои планы на будущее с расчетом на то, что чинными и сдержанными методами расположат к себе умный и образованный электорат. Социал-демократическая партия Германии рассудила так же, и фашисты со своей тактикой шокового воздействия на массы переманили у них избирателей, включая людей образованных. Но фашисты не в состоянии консолидировать полученную власть, потому что они не могут предоставить рабочим обещанного и не собираются захватывать средства производства. Уже по событиям, последовавшим за расстрелами 30 июня, и по фактической замене штурмовых отрядов преторианскими гвардиями СС и рейхсвера видно, что власть, как только спадает волна, оказывается в руках тех, кто фактически контролирует ее основу – средства производства.

Если бы социал-демократы могли занимать такую власть (а до 1930 года им ничто не мешало ее получить, еще в 1918-м она была у них в руках), то, будь они готовы взять под контроль средства производства, Германия сегодня могла бы находиться в состоянии обнадеживающей социалистической реконструкции и быть великой силой, выступающей за мир во всем мире, а не увязать в хаосе фашизма, единственным выходом из которого является война.

Вся цель этой книги – показать, что если страна не встает на путь социализма, то впереди неизбежна война, поскольку капиталистическая система не может приспособиться к непрекращающемуся натиску собственной производительности. Поэтому книга заканчивается призывом. Во время предыдущей войны молодые люди еще могли сказать: «Мы не знали. Это дело рук наших отцов и дедов». Но следующую войну уже никто не сможет назвать неожиданной. Весь мир, как завороченный, словно замерев от ужаса, наблюдает, как страшная опасность подбирается все ближе. И никто, особенно государственные деятели, занятые на конференциях по разоружению, похоже, не в состоянии ее остановить.

В этой сложной ситуации нас не спасут простые средства. Мировая экономика вышла из строя; но говорить о мировых масштабах сложившейся ситуации, оправдывая тем самым свое нежелание решать главную проблему в собственной отдельно взятой стране – значит капитулировать перед лицом кризиса. Разве невозможно представить себе нечто среднее между коммунизмом Третьего Интернационала с характерной для него зависимостью от иностранной державы и заикленностью на методах, возникших из столь отличных от наших социальных условий, и реформизмом, который во времена кризиса неизбежно приводит к пагубной политике выбора «меньшего из

зол» в качестве альтернативы огромным усилиям, необходимым для приведения в движение народных масс, с тем, чтобы взять под контроль средства производства?

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

Если страна не встает на путь социализма,
то впереди неизбежна война, поскольку
капиталистическая система не может приспособиться
к непрекращающемуся натиску собственной
производительности.

Фундамент для этого нового решения уже присутствует в масштабном рабочем и профсоюзном движении, которое, будучи колоссальным по численности, имеет слабое место в виде зависимости от капитализма. Вопрос в том, можно ли успеть переориентировать широкие массы на социализм до того, как грядущий кризис углубится до такой степени, что даже рабочие под напором британской разновидности фашизма займут реакционную позицию и начнут разрушать организации, которые сами же некогда создавали кровью и потом. Вот реальный выбор, стоящий перед нами, – поскольку Британия не может изолироваться от воздействия великих экономических сил, которому подвергается сейчас весь мир.

*Перевод с английского Марии Ермаковой,
примечания Олега Ларионова*

Соборы эротической нищеты¹

«Некоторые люди говорят нам: то, чем я занимаюсь, никого не касается, это мое дело, моя личная жизнь. Нет: все, что связано с сексуальностью, не является личным делом, а означает жизнь или смерть народа, мировое могущество или ничтожество».

ГЕНРИХ ГИММЛЕР, *свадебная речь*².

«Самая насущная задача стального человека – преследовать, сдерживать и подчинять себе любую силу, угрожающую превратить его обратно в пугающе беспорядочное нагромождение плоти, волос, кожи, костей, кишок и чувств, называющее себя человеком».

КЛАУС ТЕВЕЛЯЙТ. «Мужские фантазии. Т. 2. Мужские тела: психоанализ белого террора»

ЭРОТИКА ВЛАСТИ

В разных местах этой книги я призывал обратиться к развернувшимся в конце 1960-х и в 1970-х дискуссиям о «новом фашизме» и тем самым пролить свет на нашу собственную политическую и теоретическую ситуацию. Пожалуй, это обращение приобретает еще большую значимость при рассмотрении сексуальной (после)жизни фашизма, поскольку культурные революции и освободительные движения 1960-х не только негативно конституировали новые фашизмы и антифашизмы своего времени, но и остаются важнейшим компонентом господствующих нарративов ультраправых – где «гендерная идеология» является для Стоунволлских бунтов тем же, чем «критическая расовая теория» – для «Власти черным»³: ставшей мейнстримом и поддерживаемой элитами глобальной стратегией по ликвидации семьи, традиции и (белого) Запада.

1 Перевод выполнен по: TOSCANO A. *Late Fascism: Race, Capitalism and the Politics of Crisis*. London; New York: Verso, 2023. P. 129–146. – *Примеч. ред.* «Одна из секций (ныне утраченная) в ганноверском Мерцбау [художника-авангардиста Курта Швиттерса] называлась “Собор эротической нищеты” – хрупкий монумент, в различных “гротах” которого были скрыты маленькие сувениры, выпрошенные или украденные у друзей – таких как Ханна Хёх, – а также “круглая бутылочка с моей мочой” и фотографии общественных деятелей, включая Гинденбурга и Муссолини» (FOSTER H. *Anyone Can Do Collage* // London Review of Books. 2022. March 10 (www.lrb.co.uk/the-paper/v44/n05/hal-foster/anyone-can-do-collage)).

2 Цит. по: СНАРОУТОТ J. *The Law of Blood: Thinking and Acting as a Nazi*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. P. 230.

3 Стоунволлские бунты – демонстрации и протесты против полицейского рейда, которые начались в ночь на 28 июня 1969 года в баре «Стоунволл-инн» на Кристофер-стрит (Гринвич-Виллидж, Нью-Йорк). Считаются событием, ознаменовавшим начало массового движения за соблюдение прав человека в отношении сексуальных меньшинств. «Власть черным» («Black Power») – лозунг и название заявившего о себе в 1960–1970-е движения за предоставление больших прав и возможностей чернокожему населению США. – *Примеч. перев.*

Планетарная моральная паника вокруг трансгендерности дополнила расистские нарративы о миграции как этническом замещении, став источником фашистской энергии⁴. Теоретическое осмысление горячо обсуждаемых хитросплетений фашизма и эроса важно само по себе, но такое осмысление особенно актуально сегодня, когда международные сети реакции объединяются вокруг угрозы, исходящей от гендерной неконформности, и когда измышление половых и гендерных кризисов позволяет связать геополитические и цивилизационные образы с телом в его наиболее материальном, но и предельно символическом смысле.

Выступая на нью-йоркской конференции «Шизокультура» (1975), Мишель Фуко сформулировал задачу осмысления фашизма после 1960-х следующим образом:

«Я думаю, что после 1960 года появились новые формы фашизма, новые формы фашистского сознания, новые формы описания фашизма и новые формы борьбы с фашизмом. И роль интеллектуала начиная с 1960-х состоит именно в том, чтобы позиционировать себя – исходя из собственного опыта, компетенции, личного выбора, воли – таким образом, чтобы одновременно выявлять формы фашизма, которые, к сожалению, остаются незамеченными или же к которым общество проявляет терпимость, описывать их, пытаться сделать их неприемлемыми и определять, какой должна быть борьба с фашизмом»⁵.

Как и Джордж Джексон, чье убийство стало темой брошюры Группы информации о тюрьмах, вдохновленной Фуко⁶, исследуя новые формы фашизма на конференции «Шизокультура», французский философ концентрировался на пенитенциарной системе⁷. На этом же мероприятии Рональд Дэвид Лэйнг говорил о политическом использовании транквилизаторов как «препа-

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО

СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

Альберто Тоскано
(р. 1977) – философ,
социальный теоретик,
переводчик. Профессор
Школы коммуникации
Университета Саймона
Фрейзера (Британская
Колумбия, Канада), член
редколлегии журнала
«Historical Materialism:
Research in Critical
Marxist Theory».

- 4 См.: BUTLER J. *Why is the Idea of "Gender" Provoking Backlash the World Over?* // The Guardian. 2021. October 23 (www.theguardian.com/us-news/commentisfree/2021/oct/23/judith-butler-gender-ideology-backlash).
- 5 FOUCAULT M. *Schizo-Culture: On Prisons and Psychiatry* // LOTRINGER S. (Ed.). *Foucault Live: Collected Interviews, 1961–1984*. New York: Semiotext(e), 1996. P. 179. В другом контексте Фуко также размышлял о том, что в отсутствие «гигантских теней фашизма и сталинизма», а также «политической тревоги», которую они порождают в современных обществах, его собственные исследования зазоров власти не получили бы характерного для них «направления и интенсивности» (FOUCAULT M. *The End of the Monarchy of Sex* // Ibid. P. 221).
- 6 Группа информации о тюрьмах (Groupe d'information sur les prisons) – созданная по инициативе Даниэля Дефера и Мишеля Фуко политическая организация, видевшая свою цель в том, чтобы собирать и предавать огласке сведения об условиях жизни заключенных (подробнее см.: ДЕЛЁЗ Ж. *Фуко и тюрьмы* // Он же. *Мая 68-го не было*. М.: Ad Marginem, 2016. С. 74–86). Джордж Джексон – афроамериканский политический активист, участник «Черных пантер»; 21 августа 1971 года застрелен охранником тюрьмы «Сан-Квентин» при попытке к бегству. Его убийству посвящена третья брошюра, изданная Группой информации о тюрьмах (*L'Assassinat de George Jackson*. Paris: Gallimard, 1971). – Примеч. перев.
- 7 См.: TOSCANO A. *The Intolerable-Inquiry: The Documents of the Groupe d'information sur les prisons* // Viewpoint Magazine. 2013. September 25 (<https://viewpointmag.com/2013/09/25/the-intolerable-inquiry-the-documents-of-the-groupe-dinformation-sur-les-prisons/>).

ратов, способствующих обусловленному поведению», а Джуди Кларк – активистка из «Подполья погоды»⁸, занимавшаяся проблемами тюрем, – представила детальный отчет о так называемой модификации поведения: «физическом и психологическом терроре в отношении тех, кто организуется [в тюрьмах] и восстает против условий содержания»⁹. Сам Фуко подробно рассказывал о роли врачей в контроле (*overseeing*) за пытками во времена военной диктатуры в Бразилии.

Но развивать инструменты, позволяющие выявлять незамеченные варианты фашизма, к которым общество проявляет терпимость, и делать их одновременно осязаемыми и невыносимыми, также означало столкнуться с эффектной сексуализированной демонстрацией определенного рода фашизма в культуре 1970-х. Кинематограф, в частности, стал территорией фантазматического возвращения фашизма как сексуального феномена в широко обсуждаемых работах – от «Ночного портье» Лилианы Кавани до «Сало» Пьера Паоло Пазолини, от «Салона Китти» Тинто Брасса до множества фильмов в жанре *Nazisploitation*.

В двух интервью середины 1970-х для французских киножурналов Фуко дал несколько своих наиболее суггестивных и колких комментариев о нацизме и фашизме. Его ремарки намечают линии исследования, во многом выходящие за рамки биополитической проблематики, что подтолкнет его к тому, чтобы проследить (в первом томе «Истории сексуальности») преемственность между благосостоянием и геноцидом как взаимосвязанными полюсами политики населения – в терминах, продолжающих оказывать глубокое влияние на текущие теоретические дебаты. Столкнувшись с фантазмагорическим слиянием в популярной культуре избыточной сексуальности и нацизма, Фуко прежде всего стремится к провокационной дезертизации фашизма:

«Нацизм придумали вовсе не помешанные на эросе великие безумцы XX века, а мелкие буржуа, мрачные типы, скучные и мерзкие до невозможности. Гиммлер был каким-то там агрономом, и женился он на медсестре. Следует уразуметь, что концлагеря родились от союза воображения больничной медсестры и воображения птичника. Больница плюс птичий двор – вот фантазм, стоящий за концлагерями. Там уничтожали миллионы людей, стало быть, я говорю все это не для того, чтобы представить всю затею менее позорной, но для того, чтобы разрушить иллюзии насчет ее эротических корней, эротических валентностей, которые ей пытаются приписать. Нацисты были домработницами в худшем смысле

8 «Подполье погоды» («The Weather Underground»), или «Синоптики» («Weathermen»), – американская леворадикальная организация (1969–1977), выступавшая против Вьетнамской войны. – *Примеч. перев.*

9 Ibid. P. 169, 174.

этого слова. Они орудовали тряпкой и шваброй, желая очистить общество от всего, что они считали гноем, пылью, мусором [*des sa- nies, des poussières, des ordures*]: от сифилитиков, гомосексуалистов, евреев, полукровок, черных, душевнобольных. Именно эта смрадная мелкобуржуазная греза [*l'infect rêve petit-bourgeois*] о расовой чистоте цементировала нацистскую мечту. Эрос отсутствует»¹⁰.

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО

СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

По Фуко, либидинальная эстетизация нацизма, проходящая через кинематограф и популярную культуру 1970-х (вспомним печально известное интервью 1976 года для «Playboy», в котором Дэвид Боуи высказывался о Гитлере как о рок-звезде, «не уступающей Джаггеру», или свастики, выставляемые напоказ Съюзи Съю и Сидом Вишесом), является симптомом неизменно-го, хотя и анахроничного влечения к эротизму, присущего дисциплинарному обществу – «обществу регламентированному, анатомическому, иерархизированному, живущему в тщательно распределенном времени, в разграфленном на квадраты пространстве, со всем его повиновением, системой слежки и надзора». Имя этому дисциплинарному эросу – Сад, но, возражает Фуко, «этот солдат дисциплинированной роты, этот сержант секса, этот счетовод задниц и их эквивалентов наводит на нас тоску»¹¹.

Если после 1968 года проблема, как намекнул Фуко в предисловии к англоязычному переводу «Анти-Эдипа», заключалась в том, чтобы набросать этические протоколы «нефашистской жизни», то для этого также требовалось забыть Сада и гнусные фантазии о контроле, санкционированные его именем. Как предписывает Фуко, «надо изобрести с помощью тела, его элементов, его поверхностей, его объемов, его рельефа недисциплинарный эротизм – эротизм тела в состоянии испарения и диффузии, с его случайными встречами и бескорыстным, нерасчетливым наслаждением»¹². Или, цитируя недавнее предложение Джорди Розенберга, «если нацист танцует всю ночь, то наше сопротивление требует чего-то иного, нежели логика; чего-то иного, нежели культурное цоканье или неистовые всплески буксующей паники; нам нужно желание – этот грязный, а порой и грубый, саморазрушительный спуск на дно разума»¹³.

10 Фуко М. *Сад, сержант секса* // Художественный журнал. 1998. № 19–20 (<https://moscowartmagazine.com/issue/46/article/908>). Перевод изменен. – *Примеч. перев.* Неприятие Фуко эротического обрамления нацизма во многом перекликается с замечаниями Примо Леви о нацистском кино в газетной статье 1977 года: LEVI P. *Movies and Swastikas* // GOLDSTEIN A. (Ed.). *The Complete Works of Primo Levi*. New York: Liverlight, 2015.

11 Фуко М. *Сад, сержант секса*.

12 Там же.

13 ROSENBERG J. *The Daddy Dialectic* // Los Angeles Review of Books. 2018. March 11 (<https://lareviewofbooks.org/article/the-daddy-dialectic/>).

Экспериментальное изобретение других, недисциплинированных, удовольствий – обратная сторона диагностики новых, неочевидных форм фашизма, которые избегают эксплицитно политических или исторически узнаваемых обличий. Хотя, в конечном счете, Фуко предпочел бы этику удовольствий шизоанализу желаний, он, подобно Делёзу и Гваттари, был озабочен тем, что сам определил как тот «фашизм, который во всех нас, который преследует наши умы и наше повседневное поведение, – фашизм, который заставляет нас любить власть, желать именно того, что господствует над нами и эксплуатирует нас»¹⁴. В дебатах о «новом фашизме» 1960–1970-х этот повседневный, бессознательный, интимный фашизм занял значительное место – не в последнюю очередь, как следует из предисловия Фуко и критики Делёзом и Гваттари левых группировок (*groupuscules*), в качестве (само)критики авторитарных отношений в якобы революционных коллективах¹⁵. То же мы находим и среди черных феминисток в Соединенных Штатах. Робин Келли приводит следующий отрывок из раздела «Бунт черных женщин» в коллективной монографии «Уроки проклятых» (1973): «Внутри семей и внутри нас мы обнаружили семена фашизма, которых традиционные левые видеть не хотят. Фашизм не был для нас большой и пугающей проблемой. Это была наша повседневность»¹⁶.

Новые формы фашизма (о которых говорил Фуко), несводимые к повторению организационных моделей и символов межвоенного периода, требовали микрофизики власти. По контрасту с массовостью своих тоталитарных предшественников эти новые штаммы нацистской «коричневой чумы» были микрофашизмами, условием правильной диагностики и дезактивации которых являлся анализ новых форм капиталистического накопления и субъективации. Гваттари пишет:

«Капитализм мобилизует все, чтобы остановить пролиферацию и актуализацию бессознательных потенциалов. Другими словами, антагонизмы, на которые указывает Фрейд – между инвестициями желания и инвестициями суперэго, – связаны не с темой или динамикой, а с политикой и микрополитикой. Вот где начинается молекулярная революция: вы фашист или революционер прежде всего в отношении себя, на уровне своего суперэго, в отношении своего тела, своих эмоций, своего мужа, своей жены, своих детей, коллег, в отношении правосудия и государства. Существует кон-

14 Фуко М. *Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа»* // Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 7–8.

15 Хотя эта попытка рефлексивно исследовать повседневный фашизм, или микрофашизм, возникла из той же идеологической конъюнктуры, ее следует отличать от дискурса «левого фашизма» (*Linksfaschismus*), о котором говорил Юрген Хабермас применительно к радикальным вооруженным движениям 1970-х.

16 Цит. по: KELLEY R.D.G. *Freedom Dreams: The Black Radical Imagination*. Boston: Beacon Press, 2002. P. 147.

тинуум между этими “доличностными” областями и инфраструктурами и стратами, которые “превосходят” индивида»¹⁷.

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО

СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

Формула Гваттари перекликается с цитированным выше призывом Фуко сделать очевидными и неприемлемыми те скрытые формы фашизма, которые общество допускает или которых не замечает. Кроме того, она отвечает цели многих послевоенных исследований психической жизни власти при капитализме – начиная с «Исследования авторитарной личности»¹⁸ и далее: выработать политическую профилактику, которая воспрепятствует кристаллизации новых макроформ фашизма из тех его форм, чье существование в социальном теле по большей части игнорируется. Гваттари заявляет:

«Необходимо обнаружить микрофашистские элементы во всех наших отношениях с другими, потому что борьба на молекулярном уровне предоставит нам гораздо больше шансов предотвратить возникновение по-настоящему фашистской, макрофашистской формации на молярном уровне»¹⁹.

Отсюда предложение: организованные военные и партийно-политические формы классического антифашизма должны быть заменены «микрופолитической антифашистской борьбой», которая требует новых клинических и критических форм бдительности, не ограничивающихся идентификацией фашизма, лишь когда тот щеголяет своими мрачными регалиями²⁰:

«Мы должны раз и навсегда отказаться от быстрой и легкой формулы: “Фашизм не вернется”. Фашизм уже “вернулся” и продолжает “возвращаться”. Он проходит сквозь самую плотную сетку; он постоянно эволюционирует – в той мере, в какой он участвует в микрופолитической экономике желания, которая сама по себе неотделима от эволюции производительных сил. Кажется, будто фашизм приходит извне, но энергию свою он находит в самом сердце желания каждого»²¹.

17 GUATTARI F. *I Am an Idea Thief* // IDEM. *Soft Subversions: Texts and Interviews, 1977–1985*. New York: Semiotext(e), 2009. P. 31. Более раннюю версию этого аргумента см. в тексте: IDEM. *Desire is Power, Power is Desire: Answers to the Schizo-Culture Conference* // IDEM. *Chaosophy: Texts and Interviews, 1972–1977*. New York: Semiotext(e), 2009. P. 287. Гваттари видел предвосхищение этого микрופолитического взгляда на фашизм в замечании Даниэля Герена о том, что немецкий и итальянский межвоенный капитализм не хотел «лишать себя этого несравненного, незаменимого средства проникновения во все ячейки общества, организации фашистских масс» (IDEM. *Everybody Wants to be a Fascist* // IDEM. *Chaosophy*... P. 165).

18 Имеется в виду опубликованная в 1950 году книга Теодора Адорно, Эльзы Френкель-Брюнсвик, Даниэля Левинсона и Невитта Сэнфорда (рус. перев.: Адорно Т. *Исследование авторитарной личности*. М.: Серебряные нити, 2001. – *Примеч. перев.*).

19 GUATTARI F. *A Liberation of Desire* // IDEM. *Soft Subversions*... P. 152.

20 IDEM. *Everybody Wants to be a Fascist*. P. 164.

21 Ibid. P. 171. «Микрופолитика желания означает, что отныне мы не позволим проскользнуть ни одной фашистской формуле, в каком бы масштабе та ни проявилась, в том числе в масштабе семьи или даже в масштабе нашей личной экономики» (Ibid. P. 166.).

В контексте своего диалога с Фуко под названием «Интеллектуалы и власть» Делёз решительно повторил методологический принцип, согласно которому материалистическое исследование власти – и в частности, ее фашистских сборок – не может ограничиваться измерением интересов, в которое ее загоняют все, от теоретиков рационального выбора до традиционных марксистов, но должно быть направлено на «инвестиции желания, которые функционируют более глубинным и рассеянным образом, чем диктуют наши интересы»²². Либидинальный политический материализм должен быть нацелен на артикуляцию желаний и интересов. Делёз отмечает:

«Мы при необходимости можем желать не против своего корыстного интереса²³ – поскольку интерес всегда следует туда и находится там, куда его помещает желание. [...] Нужно согласиться с восклицанием Райха: “Нет, массы не были обмануты – в тот момент они жаждали фашизма!”. Существуют инвестиции желания, создающие образ власти и повсюду его распространяющие, благодаря которым власть располагается как на уровне шпика, так и на уровне премьер-министра. Не существует естественной и безусловной разницы между властью, которую осуществляет мелкий шпик, и властью, которую осуществляет министр. Именно природа инвестиций желания в общественном теле объясняет, отчего партии и профсоюзы, которые обладали или должны были обладать революционными инвестициями во имя классовых интересов, на уровне желания могут иметь пристрастия реформистские или даже совершенно реакционные»²⁴.

Замечания Делёза о либидинальных инвестициях, лежащих в основе полицейской и политической власти, стоит иметь в виду, размышляя о том, как Фуко подходил к связи между властью и эросом в своих наблюдениях касательно секса и нацизма на экране. Если первым шагом Фуко является развенчание образа похотливого, сексуально трансгрессивного садистского фашизма, то он также использует эти сексуализированные подделки памяти и смысла как повод для того, чтобы набросать отчет об «эротическом заряде» власти. Неправдоподобность нацистского эротизма – историческая и политическая проблема, требующая нашего внимания:

22 В переводе Станислава Офертаса: «инвестиции желания, объясняющие, почему мы при необходимости можем желать не против своего корыстного интереса, – поскольку интерес всегда следует туда и находится там, куда его помещает желание, – но желать каким-то более глубинным и рассеянным образом, чем то диктует интерес» (*«investissements de désir qui expliquent qu'on puisse au besoin désirer, non pas contre son intérêt, puisque l'intérêt suit toujours et se trouve là où le désir le met, mais désirer d'une manière plus profonde et diffuse que son intérêt»*) (Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2002. С. 77). – *Примеч. перев.*

23 В цитируемом Тоскано английском переводе «Мы никогда не желаем вопреки своим интересам» (*«We never desire against our interests»*). – *Примеч. перев.*

24 Там же. С. 77–78.

«Как получилось, что нацизм, представители которого были жалкими, ничтожными пуританами, викторианскими старыми девами или в лучшем случае развратницами, – как получилось так, что теперь везде – во Франции, в Германии, в Соединенных Штатах, во всей мировой порнографической литературе – он стал абсолютным эталоном эротики? Каждая никудышная эротическая фантазия теперь отмечена знаком нацизма. В связи с этим возникает серьезная проблема: как можно любить власть? [...] Как получилось, что власть желаемая, что она действительно желанна? Процедур, с помощью которых эта эротизация передается, усиливается и т.д., вполне ясны. Но, чтобы эта эротизация сработала, привязанность к власти, принятие власти теми, над кем она осуществляется, уже должны быть эротическими»²⁵.

Нацистский сексплуатационный фильм, таким образом, выступает симптомом современного распада эротической привязанности к власти («Никто больше не любит власть [*personne n'aime plus le pouvoir*]. Ясно, что никто не может любить Брежнева, Помпиду или Никсона») и зарождающихся усилий по реэротизации власти – начиная с «секс-шопа с нацистской символикой» и заканчивая пристрастием президента Франции Валери Жискар д'Эстена к стильным лаунж-костюмам.

Но Фуко также обнаруживает источники эротического заряда власти в политической организации фашистского насилия, что, вероятно, выходит за рамки диалектики желания и интереса и проливает свет на то, что обсуждалось в предыдущей главе в терминах «фашистской свободы». Здесь полемика с марксистской трактовкой фашизма опирается на утверждение (справедливое в отношении Георгия Димитрова и его эпигонов, но не Герена или Блоха), что марксистское определение фашистского режима как усиления буржуазной диктатуры игнорирует важнейшие элементы его структуры и функционирования. В частности, Фуко заявляет:

«[В этом определении] упущен тот факт, что нацизм и фашизм стали возможными лишь при наличии относительно большой части населения, готовой взять на себя ответственность за выполнение ряда государственных функций по подавлению, контролю, охране порядка. В этом, на мой взгляд, заключается важная особенность нацизма. В его глубоком проникновении в массы и в том, что часть власти была фактически делегирована определенной части масс. Вот где слово “диктатура” одновременно и верно в целом, и относительно ложно. Только подумайте, какой властью при нацистском

25 Фуко М. *Анти-ремп* // Cineticle. 2013. 15 октября (<https://cineticle.com/foucault-interview/>). Перевод изменен. – Примеч. перев. Наблюдения Фуко полезно сопоставить с позицией, занятой по отношению к сексуализации нацизма Сьюзен Сонтаг в эссе «Очарование фашизма», опубликованном примерно в то же время (6 февраля 1975 года): СОНТАГ С. *Очарование фашизма* // Она же. *О женщинах*. М.: Ad Marginem, 2024. С. 134–171.

режиме мог обладать тот, кто просто вступил в СС или стал членом партии! Фактически можно было убить своего соседа, присвоить его жену и дом!»²⁶

Как и в описании Жоаном Шапуто нацистских теорий управления как гимнов самостоятельности и инициативе, в наблюдениях Фуко мы встречаем мощный вызов общепринятому мнению, что фашизм в основе своей определяется централизацией и концентрацией власти. По Фуко, нацизм – в той мере, в какой при нем имеет место эротизация власти, – обусловлен логикой передачи полномочий, делегирования и децентрализации того, что по форме и содержанию остается вертикальной, исключаящей и убийственной властью. Фашизм – это не просто обожествление вождя, возвышающегося над овцеподобными массами своих последователей; в менее эффектной, но, вероятно, более значимой форме он также является переизобретением поселенческой (*settler*) логики мелкой суверенности (*petty sovereignty*), весьма условной, но вполне реальной либерализацией и приватизацией монополии на насилие. Фуко продолжает:

«Мы должны учитывать то, как власть была распылена, инвестирована в само население, мы должны учитывать это впечатляющее смещение власти, которое нацизм произвел в таком обществе, как немецкое. Неверно говорить, что нацизм – это власть крупных промышленников, облеченная в другую форму. Он не был властью усиленного Генштаба. Было и это, но лишь на определенном уровне. [...] Нацизм не дал никому и полкило масла – он никогда не давал ничего, кроме власти. [...] Дело в том, что вопреки обычному пониманию диктатуры, то есть власти одного, можно сказать, что в таком режиме самая отвратительная часть власти, но в каком-то смысле и самая пьянящая, была отдана значительному числу людей. СС были теми, кому дана власть убивать, насиловать»²⁷.

Я бы сказал, что идея Фуко об «эротике» власти, основанной на делегировании права на применение насилия, является более эффективным средством анализа классического и позднего фашизма, чем гиперболическое заявление Гваттари, что «массы инвестировали фантастический коллективный инстинкт смерти в [...] фашистскую машину», поскольку в этом заявлении упущена из виду материальность «делегирования власти определенной части масс» – делегирования, которое, как установил Фуко, имеет решающее значение для привлекательности фашизма (*fascism's desirability*)²⁸.

26 Фуко М. *Анти-репто*. Перевод изменен. – Примеч. перев.

27 Там же. Перевод изменен. – Примеч. перев.

28 GUATTARI F. *Everybody Wants to be a Fascist*. P. 168. Гваттари также связывает «мутацию нового желающего машинизма в массах» со спецификой инвестирования в «стиль Гитлера», сочетающий в себе плебейские и фронтовые элементы, «гибкость лавочника» в переговорах с крупным бизнесом и «расистский бред»,

Гендеризация фашистского либидо в значительной степени игнорируется или имплицитно предполагается в аргументах Фуко, Делёза и Гваттари, которые мы только что рассмотрели. Отвечая на их теоретический вызов, но в значительной степени отказываясь от характерной для них фокусировки внимания на политэкономии и властных структурах фашизма, в «Мужских фантазиях» Клаус Тевеляйт ставит в центр внимания палингенетическую мизогинию и параноидальную телесную политику фашизма – «Красную женщину» как психосоматическую угрозу распада, вызывающую убийственную ярость и оправдывающую строительство защитной преграды от наводнения, – чтобы понять, как желающее производство может превратиться в производство смерти²⁹.

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО

СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

Фашизм – это не просто обожествление вождя, возвышающегося над овцеподобными массами своих последователей; в менее эффективной, но, вероятно, более значимой форме он также является переизобретением поселенческой логики мелкой суверенности, весьма условной, но вполне реальной либерализацией и приватизацией монополии на насилие.

В контексте сегодняшнего пагубного смешения фашизации с новыми мужскими союзами (*Männerbünde*), физическими или виртуальными, Тевеляйт инспирировал исследование современного микрофашизма как «войны за восстановление», которая стремится возродить архаичную фантазию патриархальной власти, вводя насильственные практики «автогенетического суверенитета» – воспроизводства мужской власти без женщин и против них³⁰. Джек Братич пишет:

в котором улавливается «коллективный инстинкт смерти, высвобожденный из чертогов Первой мировой войны» (Ibid. P. 165–166).

29 См. пронительный комментарий к проекту Тевеляйта в предисловии Барбары Эренрайх к книге: TNEWLETT K. *Male Fantasies, vol. 1 – Women Floods Bodies History*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. ix–xvii. Замечательную попытку применить метод Тевеляйта см. в архивном эссе Джонатана Литтелла о бельгийском фашисте Леоне Дегреле: LITTELL J. *Le sec et l'humide. Une brève incursion en territoire fasciste*. Paris: Gallimard, 2008. Следуя Тевеляйту, Литтелл пронительным образом отмечает, что для фашиста метафора (подобно феминизированному коммунистическому «наводнению») «никогда не является всего лишь метафорой (отсюда и невероятная действенность фашистских метафор)» (Ibid. P. 29).

30 Блестящее раннее исследование немецкой генеалогии мужских объединений и их роли в зарождении народной (*Völkisch*) и нацистской политики см. в: МАЙЕР Г. *Ритуалы политических объединений в Германии эпохи романтизма // Коллеж социологии*. СПб.: Наука, 2004. С. 396–417. О *Bund*-форме среди донацистских немецких националистических правых см. также: MOSSE G.L. *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich*. New York: Grosset & Dunlap, 1964. P. 204–217. Сложный вопрос о привлекательности фашизма для некоторых гомосексуальных интеллектуалов и элит – несмотря на его яростную гомофобию – лучше всего рассматривать именно на уровне связи между либидо и организацией политичес-

«Палингенетический проект мужского возрождения стремится к будущему без биорепродукции. Он населяет мир мучениками и мифами, призрачными отрядами из прошлого и будущего. Это репликация без репродукции.

[...И поскольку] автогенетический суверен остается невозможным проектом, он нуждается в непрерывном обновлении и снова начинает творить мир посредством полицейского контроля, наказания и управления [...] мы сталкиваемся с двойным движением автогенетического суверена: бегством от зависимости и в то же время возвращением к зависимости от женщин»³¹.

Эту невозможность имеет смысл рассмотреть с точки зрения разрыва между источниками фашизма в мужских группах, связанных насильственными практиками и/или фантазиями о насилии, с одной стороны, и фашизмом как проектом реконфигурации государства и общества, который неизбежно должен инкорпорировать и интерпеллировать женщин по собственному образцу, – с другой.

ЭМАНСИПАЦИЯ ОТ ЭМАНСИПАЦИИ: ЖЕНЩИНЫ И ФАШИЗМ

Парижские теоретические дискуссии 1970-х о новых формах фашизма не обошли стороной вопрос о женщинах, фашизме и желании. Итальянская журналистка, академик и парламентарий от коммунистов Мария Антониетта Маччиокки, организовала семинар в Университете Париж VIII в Венсене со впечатляющим составом докладчиков, которые привнесли политику и высокую теорию в духе «пост'68» в рассмотрение истории фашизма и его будущего (среди них Никос Пуланзас, говоривший о влиянии фашизма на массы, Жан-Туссен Дезанти – о Джованни Джентиле и философских истоках фашизма, Жан-Пьер Фэй – о фашизме и языке)³². В рамках семинара состоялись показы фашистских и антифашистских фильмов – от антисемитского «Еврей Зюсс» (1940) Файта Харлана до «Одержимости» (1943) Лукино Висконти, от «Фашиста» (1974) Нико Нальдини до «Белого корабля» (1941) Роберто Росселлини. Семинар также стал

ких групп, а не в чисто психоаналитическом аспекте. См., например: ИДЕМ. *On Homosexuality and French Fascism // The Fascist Revolution: Toward a General Theory of Fascism*. Madison: University of Wisconsin Press, 2022. P. 139–144; BAUM B. *Queering Critical Theory: Re-Visiting the Early Frankfurt School on Homosexuality and Critique // Berlin Journal of Critical Theory*. 2021. Vol. 5. № 2. P. 5–67.

31 BRATICH J.Z. *On Microfascism: Gender, War, and Death*. Brooklyn: Common Notions, 2022. P. 52, 30; см. также: RABINBACH A., BENJAMIN J. *Foreword // THEWELEIT K. Male Fantasies, vol. 2 – Male Bodies: Psychoanalyzing the White Terror*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. P. xvii. Как отмечают Рабинбах и Бенджамин: «Тевеляйта интересует не “идеология” как репрезентация реальности, а символическое конструирование другого как механизм самосплочения» (Ibid. P. xxii).

32 Материалы семинара собраны в: *Eléments pour une analyse du fascisme. Séminaire de Maria-A. Macciocchi: Paris VIII – Vincennes 1975/1975*. Paris: UGE, 1976.

поводом для идеологических столкновений с маоистскими активистами из «Groupe Foudre» во главе с Наташей Мишель, которые мешали его проведению, поскольку считали Маччиокки проповедницей реакционной теории сексофашизма, затемняющей проблемы класса и капитала в угоду антимарксистским либидинальным концепциям³³. Маччиокки внесла в работу семинара значительный вклад, прежде всего – представила внушительное по размерам эссе о женщинах и фашизме, которое позднее было опубликовано на итальянском языке, а часть этого эссе появилась в английском переводе под названием «Женская сексуальность в фашистской идеологии»³⁴.

По Маччиокки, связь женщин и фашизма – интерпелляция женщин фашизмом, участие в нем и даже стремление к нему – стала своего рода феминистским табу, слепым пятном феминистского движения, которое было склонно относиться к женщинам так же, как *гошистские* ультралевые относились к пролетариату: агнографически, как к своего рода фетишу, не допускающему никаких упреков³⁵. Опираясь на обширный архив текстовых материалов фашистского *ventennio*³⁶, в своем анализе Маччиокки также широко использовала теории Вильгельма Райха о либидинальной инфраструктуре фашистской власти. Фашизм применил к сексу в целом и к женской сексуальности в частности согласованную стратегию экспроприации. Как заявила Маччиокки, «при фашизме сексуальность, как и богатство, принадлежит могущественной олигархии; массы лишены и того и другого»³⁷. Следуя Райху, Маччиокки усматривала основу фашистской диктатуры в «колоссальном сексуальном подавлении, тесно связанном со смертью», а в итальянском случае такая диктатура, опираясь на католическую традицию, изобрела особенно мощный коктейль из репродуктивной нормативности и того, что у Фурио Джеси обозначается как *religio mortis*, религия смерти³⁸. Маччиокки пишет:

33 Маччиокки подробно рассказывает об этом столкновении в послесловии ко второму тому «*Eléments*». Через несколько лет Наташа Мишель опубликовала полемический памфлет против Маччиокки: *CONTRE M.A. Macciocchi: contribution à la critique d'une nouvelle branche de la science, la raciologie politique*. Marseille: Ed. Potémkine, 1978. «Groupe Foudre» представляла собой ответвление «Союза коммунистов Франции (марксистов-ленинцев)» (Union des communistes de France marxiste-léniniste) – маоистской группы, со-основателями которой были Мишель, Сильвен Лазарюс и Ален Бадью.

34 Массиосси М.А. *Les femmes et la traversée du fascisme // Eléments pour une analyse du fascisme...* Vol. 1. P. 128–278; ИДЕМ. *La donna "nera". "Consenso" femminile e fascismo*. Milano: Feltrinelli, 1976; ИДЕМ. *Female Sexuality in Fascist Ideology // Feminist Review*. 1979. Vol. 1. № 1. P. 67–82. Проницательный обзор дебатов о женщинах и фашизме, затрагивающий Маччиокки, а также феминистский антифашизм 1970-х в Великобритании, см. в: RENTON D. *Women and Fascism: A Critique // Socialist History*. 2001. № 20. P. 72–83.

35 Массиосси М.А. *La donna "nera"...* P. 19.

36 Двадцатилетний период фашистского режима в Италии (1922–1943). – *Примеч. перев.*

37 ИДЕМ. *Female Sexuality in Fascist Ideology*. P. 80.

38 Ibid. P. 69. Как отмечает Маччиокки, «фашизм приходит на помощь церковным стражам; ему это удастся благодаря покорности женщин, чьи инстинкты он может направить в русло своего рода нового религиозного пыла» (Ibid. P. 68).

«Характерной чертой фашистского и нацистского духа является вызов, брошенный женщинам на их собственной почве: они делают женщин одновременно воспроизводительницами жизни и хранительницами смерти, причем два этих термина друг другу не противоречат»³⁹.

Национализация семьи и секса обуславливает биополитику воспроизводства, которая также является некрополитикой (*Viva la muerte!*). Фашистская женщина не просто растит сыновей для фронта (или дочерей, которые в свою очередь производят еще больше сыновей для будущих фронтов), она также вовлечена в либидинизированную религию смерти, прославляющую национального мученика, павшего при совершении убийства. И наоборот, ретерриториализация секса в национализированной семье как материально, так и символически играет решающую идеологическую роль. Как утверждает Маччиокки, «“эмоциональная” чума фашизма распространяется через эпидемию фамилиализма»⁴⁰.

Короче говоря, «вы не можете говорить о фашизме, пока не готовы обсуждать и патриархат»⁴¹. В предисловии к публикации статьи Маччиокки в первом номере журнала «Feminist Review» историк Джейн Каплан с готовностью подытожила теорию идеологии, лежащую в основе ее тезисов:

«Фашизм заручается поддержкой женщин, обращаясь к ним на идеологическо-сексуальном языке, с которым они уже знакомы по “дискурсам” буржуазной христианской идеологии. Говоря абстрактно, это означает, что система знаков и бессознательных представлений, составляющих “закон” патриархата, используется в фашистской идеологии так, что женщины оказываются втянутыми в особые отношения, поддерживающие фашистские режимы: в самом деле Маччиокки, похоже, даже предполагает, что эта “доступность” женщин также является конституирующим фактором фашизма, а не просто пассивным резервуаром [...] до тех пор, пока женщины продолжают позволять обращаться к себе на патриархальном языке сексуального отчуждения, они будут оставаться потенциальной аудиторией фашистских убеждений»⁴².

Но Каплан также высказала несколько пронизательных критических замечаний по поводу такой постановки проблемы женщин при фашизме. Порой Маччиокки впадает в эклектическое заблуждение: поскольку фашизм – идеология падальщиков,

39 Ibid. P. 70. О связи между феминизированной некрофилией и сексуализированным поклонением Муссолини см. также: GADDA C.E. *Eros e Priapo. Versione originale*. Milan: Adelphi, 2016. P. 93, 108, 237.

40 МАССИОСНИ М.А. *Female Sexuality in Fascist Ideology*. P. 73.

41 CAPLAN J. *Introduction to Female Sexuality in Fascist Ideology* // *Feminist Review*. 1979. Vol. 1. № 1. P. 62. И Муссолини, и Гитлер следовали идеям Гюстава Лебона о психологии толпы, постоянно представляя массу «женщиной» (иррациональной, истеричной, эмоциональной, желающей подчинения) – если не думали о ней как о пассивном материале, которому Вождь-как-Художник должен придать форму.

42 Ibid. P. 61–62.

состряпанная из подручных идеологических элементов, возникает соблазн рассматривать каждый из этих элементов (а не специфику включения и артикуляции каждого элемента в более крупный ансамбль) как собственно фашистский или протофашистский. Каплан же задается вопросом о противопоставлении (иррациональных) желаний и (рациональных) интересов и ставит под сомнение предположения о существовании женского энтузиазма *sui generis* в отношении фашизма. Кроме того, она призывает к материалистическому и историческому анализу в противовес безудержному использованию психоаналитических категорий:

«Сфера идеологии/бессознательного рискует стать областью, где, как говорится, возможно *все*, в некую всеобъемлющую и привилегированную остаточную категорию с границами, растворяющимися в неопределенных горизонтах. Похоже, здесь кроется опасность приписывания фашизму окончательной и исключительной способности господствовать на недоступной больше ни для кого территории; риск представить бессознательное как особую, принадлежащую фашизму область, не предложив (за вычетом горстки туманных аллюзий) способов ее отвоевать»⁴³.

К предостережениям Каплан можно добавить, что рассмотрение фашизма через призму сексуально репрессивной семьи может исказить его суть. Хотя мы и избегаем «похотливого» образа фашизма как сексуального извращения, диаметрально противоположное представление о том, что «тело фашистского дискурса является строго целомудренным, чистым, девственным» и что его «главная цель – смерть сексуальности», опровергается историческими данными о фашистской сексуальной политике⁴⁴.

Как показала историк Дагмар Херцог в исследовании «Секс после фашизма», отождествление фашизма с сексуальным подавлением отчасти было побочным продуктом реакции 1960-х на пособнический послевоенный истеблишмент (поколение родителей), который сам насаждал сексуальный и моральный консерватизм для защиты от фашистского подрыва традиционной семьи (а также для того, чтобы откреститься от собственного участия в деятельности режима). У сексуализированных интерпретаций нацизма была собственная история и периодизация, обусловленная моральными и политическими конфликтами своего времени. Херцог отмечает:

«[В Германии начала 1950-х] комментаторы по-прежнему подчеркивали антибуржуазную составляющую нацизма и прямо связывали нацистское поощрение внебрачной сексуальности с преступле-

⁴³ Ibid. P. 65.

⁴⁴ МАССИОСНИ М.А. *Female Sexuality in Fascist Ideology*. P. 75.

ниями нацизма, [в то время как] Освенцимский процесс 1963–1965 во Франкфурте-на-Майне ознаменовал возникновение теории мелкобуржуазного и сексуально подавленного участника преступлений Холокоста, которая стала столь важной для нового левого движения»⁴⁵.

Не будучи ни помешанными на эросе великими безумцами, ни мелкобуржуазными домработницами, нацисты продвигали политику секса, которую нельзя свести к прежним моделям сексуального регулирования (буржуазным или мелкобуржуазным, либеральным или консервативным) или к типичному патриархату; вслед за Херцог можно рассмотреть эту политику как подвижный синтез между, с одной стороны, прагматичным моральным консерватизмом и, с другой, ускорением модернизации сексуальных тенденций в расистском и националистическом обличье. *При всем уважении к Тевеляйту «суть всей фашистской пропаганды» не «борьба против всего, что доставляет удовольствие и наслаждение»*⁴⁶. Херцог пишет:

«Когда нацисты пришли к власти в 1933 году, они часто представлялись общественности как реставраторы традиционной сексуальной морали (хотя эта позиция довольно рано стала оспариваться и внутри партийного руководства). Однако по мере становления “третьего рейха” возникла совершенно новая сексуальная политика с сильным акцентом на расовой принадлежности. Хотя сексуально-консервативные призывы звучали до самого конца, стало ясно, что при нацизме многие (но, разумеется, не все) предшествующие либеральные тенденции будут намеренно усилены, – в то же время сексуальная свобода и счастье были переопределены как исключительная привилегия “здоровых” “арийских” гетеросексуалов»⁴⁷.

Нацизм – с его опорой на субнищанскую критику христианского подавления тела, с его истоками в бесчисленных натуразмах, нудизмах и культах тела, распространившихся в Германии начала XX века, и с его одержимостью боевой эстетизацией тела в Древней Греции и Риме (переосмысленных как средиземноморские форпосты нордической расы) – не может быть сведен к мелкобуржуазному подавлению⁴⁸. Его «фамилиализм»

45 HERZOG D. *Sex after Fascism: Memory and Morality in Twentieth-Century Germany*. Princeton: Princeton University Press, 2005. Я благодарен Куинну Слободиану за то, что он указал мне на работу Херцог. См. также убедительный критический обзор литературы по этому вопросу: LANDA I. *The Wandering Womb: Fascism and Gender // Fascism and the Masses: The Revolt Against the Last Humans, 1848–1945*. London: Routledge, 2018. P. 320–353.

46 THEWELEIT K. *Male Fantasies*, vol. 2... P. 7.

47 HERZOG D. *Sex after Fascism*... P. 259.

48 Как заявил идеолог «крови и почвы», рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства Рихард Вальтер Дарре, «нордической расе всегда было чуждо любое отрицание тела; лишь когда на Востоке возникла огромная тень аскетизма, враждебного красоте, это спровоцировало упадок античной культуры». Цит. по: SNAROUTOT J. *Greeks, Romans, Germans: How the Nazis Usurped Europe's Classical Past*. Berkeley: University of California Press, 2016. P. 181.

также не следует списывать только на жажду молодого пушечного мяса или фантазмагории о превосходстве белой расы; он также был, как подробно описывает историк Тим Мейсон в отличном эссе о женщинах при национал-социализме, функцией столкновения немецкого фашизма с культурными и материальными противоречиями капитализма. Семья могла явиться своего рода *заплаткой*, а также местом психологического и материального компромисса между обеспокоенным населением и режимом, лишенным какой-либо «золотой середины между драматической и жестокой импровизацией, с одной стороны, и стремлением к призрачным конечным целям – с другой»⁴⁹. Мейсон пишет:

«[Нацистская] пропаганда и их политика превозносили гораздо более фундаментальную примиряющую функцию семейной жизни, и люди откликнулись на это, потому что [это] затрагивало давно устоявшиеся и почти универсальные механизмы самозащиты от отчужденной, суровой жизни вне дома. [...] Кошмарный мир диктаторского правительства, огромных промышленных комбинатов, всеохватывающего администрирования и организованной бесчеловечности паразитировал на своей идеологической антитезе – маленьком сообществе родителей и детей»⁵⁰.

Однако, несмотря на тенденциозный и эклектичный акцент на некоторых аспектах сексуальной жизни фашизма, работа Маччиокки остается важной, поскольку утверждает, что нельзя обходить стороной проблему фашизма и женщин (а также фашизма и гендера в целом):

«Если не проанализировать прошлые (и настоящие?) отношения между женщинами и фашистской идеологией, если не проанализировать, как и зачем фашизм одурачивает женщин, то сам феминизм (а заодно и весь политический авангард) останется лишенным понимания своего исторического контекста. Без этого диалектического анализа феминизм увечен; лишенный прошлого, он – как воздушный шар, подвешенный вне времени: он не может понять ни того, что стоит на кону сегодня, ни направления какого-либо будущего альянса между феминистской и революционной борьбой»⁵¹.

Среди диалектических объектов такого анализа – консолидация при фашизме «женского антифеминизма», продукта того, что Маччиокки пронизательно называет *«антиполитической*

49 MASON T. *Women in Germany, 1925–1940* // CAPLAN J. (Ed.). *Nazism, Fascism and the Working Class*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 192.

50 Ibid. P. 206. Можно добавить, что самое леденящее душу изображение сексуальной жизни фашизма следует искать не в фильме «Ильза, волчица СС» и ему подобных, а в частных снимках безмятежной и довольной семейной жизни в офицерских помещениях лагерей уничтожения.

51 МАССИОСНИ М.А. *Female Sexuality in Fascist Ideology*. P. 67.

политизацией» женщин фашистским и нацистским режимами⁵². Как утверждает Робин Мараско в своей обстоятельной критической реактивации работы Маччиокки (наряду с трудами Андреа Дворкин об ультраправых женщинах-активистках в США), несмотря на свои ограничения, эта работа может помешать асептическому, развоплощенному анализу фашизма как «чисто» политического феномена и обратить наше внимание на роль гендера, сексуальности и пола в современных процессах фашизации. Мараско риторически вопрошает:

«На еще более базовом уровне: можно ли говорить о фашизации, не говоря о сексе? Сумеет ли мы понять, что такое фашизм нашего настоящего и как он связан с фашизмами прошлого? Поймем ли мы, как сетевая мизогиния становится стартовым наркотиком для ультраправых, как мир борцов за права мужчин, мастеров пикапа, троллей *MGTOW*⁵³ и “невольно воздерживающихся” пересекается с миром сторонников превосходства белой расы, ополченцев⁵⁴ и гордых парней⁵⁵; или даже как относительно незначительный эпизод вроде *#gamergate*⁵⁶ может быть с полным основанием назван одним из инаугурационных событий эпохи Трампа? Узнаем ли мы в мифе о “великом замещении”⁵⁷ стремление к контролю над женской сексуальностью, а также расистскую и культуралистскую панику? И даже более того: не рассматривая секс как инструмент фашизации, можно ли разобраться в том, что такое антиваксеры, йога-мамы и гуру здорового образа жизни, которые являются частью нового возрождения правых, и как заговор *QAnon*⁵⁸ мобилизует страхи женщин за своих детей?»⁵⁹

Хотя можно, безусловно, согласиться с Мараско, это не означает, что половые и гендерные паттерны фашизации примут привычные формы. Действительно, отталкиваясь в своих размышлениях от случая Эшли Бэббит – «мученицы восстания

52 Ibid. P. 81; IDEM. *La donna “nera”...* P. 21.

53 *MGTOW* (англ. Men Going Their Own Way, «мужчины, идущие своим путем») – (интернет-)сообщество, выступающее за отделение мужчин от женщин, а также от общества, которое члены *MGTOW* считают испорченным феминизмом. – Примеч. перев.

54 Американское ультраправое антиправительственное движение, поддерживающее идею формирования добровольных вооруженных отрядов. – Примеч. перев.

55 «Гордые парни» (англ. «Proud Boys») – возникшая в 2016 году американская ультраправая, неофашистская мужская организация, которая пропагандирует и практикует политическое насилие. – Примеч. перев.

56 «Геймергейт» – разгоревшийся в 2014 году в англоязычной прессе скандал, связанный с обвинениями в конфликте интересов, в адрес женщин, пишущих об игровой индустрии; скандал перерос в дебаты о гендерных стереотипах, мизогинии и сексизме в компьютерных играх. – Примеч. перев.

57 «Великое замещение» (фр. *grand remplacement*) – ультраправая теория заговора, согласно которой при содействии элит осуществляется процесс замещения белого населения Европы представителями народов, традиционно проживающих на территории Африки и Ближнего Востока; идея о «великом замещении» предложена французским писателем Рено Камю. – Примеч. перев.

58 *QAnon* – возникшая в период президентства Дональда Трампа теория заговора среди американских ультраправых; сторонники *QAnon* верят, что США (и миром) управляет клика сатанистов-педофилов, поддерживающая сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних. – Примеч. перев.

59 MARASCO R. *Reconsidering the Sexual Politics of Fascism // Historical Materialism*. 2021. June 25 (www.historicalmaterialism.org/reconsidering-the-sexual-politics-of-fascism/).

6 января»⁶⁰, – Мараско призывает нас задуматься о регрессивных формах расширения прав и возможностей и трансгрессивных удовольствиях, которые могут быть доступны некоторым женщинам в современных ультраправых движениях. То, что предлагают фашистские правые сообщества, может и не быть патриархальной безопасностью в первую очередь (хотя ее пастыш и предлагается «традиционным женам» и им подобным):

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО
СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

«[Это] нечто, более непосредственным образом связанное с трансгрессией, более восприимчивое к деструктивным импульсам и антисоциальным силам, более близкое к равенству, которое оно отвергает, и к свободе, от которой оно отказывается. Нечто такое, что предлагает белым женщинам объяснение причин их несчастья и аффективную арену для выражения своего гнева. [...] Это не просто вопрос о защите своих интересов (белых женщин, мелкобуржуазных женщин, женщин с американским гражданством) или даже о желании господства – это вопрос о получении доступа к удовольствиям “мужского” аффекта и агентности. Это привилегия, доступная лишь некоторым женщинам, о чем, собственно, и идет речь. И это форма “женского антифеминизма”, зеркально отражающая неолиберальный феминизм, против которого она выступает, – очередная выродившаяся версия желания *иметь все*, где вместо корпоративной карьеры и гетеросексуальной репродуктивной семьи у женщин могут быть боевая подготовка, винтовка AR 15, полиаморная сексуальность, конспирология и, главное, видимость власти, заменяющая власть реальную»⁶¹.

Эта рекомпозиция женского антифеминизма может также перетекать в «фашистский феминизм», который стремится насильственно закрепить и утвердить нормативную, пусть и не обязательно гетеропатриархальную, фигуру женщины и который инвестирует желание и либидо в свои нарративы о надвигающейся угрозе стирания женщин и даже феминизма «гендерной идеологией» и трансгендерностью⁶².

60 35-летняя Эшли Бэббит, сторонница Трампа и последовательница *QAnon*, была застрелена сотрудником полиции во время штурма Капитолия 6 января 2021 года протестующими, поддерживавшими попытки Трампа отменить результат президентских выборов. Случай Бэббит был мифологизирован правыми, которые представили ее в качестве «жертвы». – *Примеч. перев.*

61 Ibid. Этот женский антифеминизм следует связать с неофашистским использованием имплозии нуклеарной семьи, описанным Розенбергом в «Диалектике папы»: «Семья, попросту говоря, раскалывается под грузом того, что ей приходится компенсировать в силу сокращения государственных ресурсов в условиях жесткой экономики. Современный неофашизм пожинает плоды этого расщепления – семейного распада, который, подобно разрушающейся звезде, испускает хаос энергии, уходя в небытие. Заметьте, что здесь неофашизм не претендует на моральное превосходство. Напротив, он *радуется своей извращенности*» (ROSENBERG J. *Op. cit.*).

62 Льюис и Сересин предполагают, что «в архивах ультраправого крыла движения за женские права прослеживается своеобразный Эрос: он ощущается в удовольствии, которое люди получают от проявления материнского авторитаризма, в эйфории от мировоззрения “женственность-как-страдание”, в уязвленной привязанности, лежащей в основе однополого цис-сепаратизма. [...] В глазах участниц евгенического феминизма – возбужденная, жертвенная обреченность, которая сопровождает состояние так называемых женщин, рожденных женщинами» (LEWIS S., SERESIN A. *Fascist Feminism: A Dialogue* // *Transgender Studies Quarterly*. 2022. Vol. 9. № 3. P. 464, 469–470).

СЕКС В КРИЗИСЕ

Фашизм рекламирует себя как решение, как средство преодоления всеобъемлющего кризиса порядка. Не просто социального порядка, а порядка во всех его семантических и материальных регистрах: экономическом, геополитическом, духовном, эстетическом, телесном, расовом – и сексуальном. С фашистской точки зрения, органический кризис – это всегда кризис органического, дерегуляция чувств, расстройство наших органов. Но, в отличие от реакционных консерватизмов, которыми он умело манипулирует, фашизм никогда не сводится к желанию реставрации, возвращения тел на свои места⁶³. Осознавая – пусть и не всегда признавая, – что путь к утраченной гармонии безнадежно отрезан, фашизм летит вперед в прошлое, но этот полет неизбежно сопровождается всевозможными рекомбинантными изобретениями, консервативными революциями, затрагивающими репродукцию и сексуальность, желание и удовольствие, интимное и коллективное. И в этой области фашизм если и повторяется, то с различиями. Мы еще не покончили с политически спровоцированной паникой вокруг (еврейского) расового растления, «кризисной женщины» и гомосексуальности – паникой, которая сформировала межвоенные европейские фашизмы, – или с гендеризацией отягощенного террором регулирования «Черноты» (*Blackness*) и колониальной подчиненности (*subalternity*) расовым фашизмом, который как предшествовал оси Рим–Берлин, так и пережил ее⁶⁴. Но мы также должны бороться с новыми формами фашизма (включая повседневные фашизмы и микрофашизмы), возникающими вследствие трансформаций в сфере пола, гендера и сексуальности, а также в результате подвижных сочленений между либидинальным, экономическим и природным.

Как отмечают исследователи пересборки ультраправых в контексте чрезвычайной климатической ситуации, реакционные сексуальные и гендерные нормы не просто связаны с домашней или интимной сферами, но также являются антагонистическими опосредованиями социальной тотальности, реагирующими на воображаемые образы общественного (и природного) целого. Как считает Кара Даггетт, агрессивная ностальгия по устаревшей сборке мужественности и производства – которая

63 Как сказал в 1980-е художник и активист борьбы со СПИДом Дэвид Войнарович по поводу попыток сенатора-республиканца Джесси Хелмса заблокировать федеральное финансирование любых программ, упоминающих гомосексуальность: «Фашисты в консервативной одежде взобрались на Хелмса и проехали на нем по основам Конституции» (WOJNAROWICZ D. *Close to the Knives: A Memoir of Disintegration*. London: Serpent's Tail, 1992. P. 129).

64 CHANG N. *The Crisis-Woman: Body Politics and the Modern Woman in Fascist Italy*. Toronto: University of Toronto Press, 2015. Обсуждается в: BASSI S., LAFLEUR G. *Introduction: TERFS, Gender-Critical Movements, and Postfascist Feminisms* // *Transgender Studies Quarterly*. 2022. Vol. 9. № 3. P. 315.

выходит за пределы исторических очагов фордизма – может быть осмыслена как консолидация *петромаскулинности*:

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО

СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

«Изменение климата может стать катализатором фашистских желаний укрепить *Lebensraum*, жизненное пространство, дом, ограждаемый от призрака чужеродной угрозы, будь то загрязнители, иммигранты или гендерные девианты. Принять петромаскулинность всерьез – значит обратить внимание на то, как пресекаются желания привилегированных патриархатов [*privileged patriarchies*], когда они лишаются своих ископаемых [*fossil*] иллюзий»⁶⁵.

Эту приведенную в боевую готовность утрату иллюзий (и иллюзию утраты) «все более хрупкой западной гипермаскулинностью» можно также представить как кражу наслаждения – которую, если не забывать об эксплуататорской и экстрактивистской истории этих колониальных, расовых и патриархальных историй, пожалуй, точнее будет назвать *кражей наслаждения от кражи* (и порядка, возникающего и воспроизводящегося в результате грабежа). Похитители удовольствия могут принимать множественные, изменчивые, несвязные формы (хищные еврейские плутократы, едущие на *Prius* столичные либеральные элиты, живущие на пособие чернокожие матери, транс-женщины), но для фашистского воображаемого без их устранения или подавления невозможны ни «институционализированное возрождение», ни восстановительная революция⁶⁶.

**Фашизм рекламирует себя как средство преодоления
всеобъемлющего кризиса порядка, порядка во
всех его семантических и материальных регистрах:
экономическом, геополитическом, духовном,
эстетическом, телесном, расовом – и сексуальном.**

Как давно утверждают феминистски и квир-антифашисты, фашизмы – режимы, не только расовые, но также половые и гендерные⁶⁷. Антиполитическая политизация пола и гендера играет важнейшую роль в формировании и циркуляции фа-

⁶⁵ DAGGETT C. *Petro-Masculinity: Fossil Fuels and Authoritarian Desire* // Millennium: Journal of International Studies. 2018. Vol. 47. № 1. P. 44. О психологической расплате за ископаемый авторитаризм см. также: MALM A. *The Zetkin Collective. White Skin, Black Fuel: On the Danger of Fossil Fascism*. London: Verso, 2021.

⁶⁶ THEWELEIT K. *Postface* // LITTELL J. *Op. cit.* P. 124. Среди организаций, упомянутых Тевеляйтом с отсылкой к Ригоберте Менчу, – латиноамериканские «эскадроны смерти», в которых заявляет о себе одна из универсальных черт телесного фашизма, анализируемого Тевеляйтом: «санкционированная трансгрессия на пути к преступлению, проявляющаяся в то же самое время, когда ее совершают» (Ibid. P. 124).

⁶⁷ См. об этом: HAMILTON R. *The Very Quintessence of Persecution: Queer Anti-Fascism in 1970s Europe* // Radical History Review. 2020. № 138. P. 60–81.

шизма. Она инвестирует опыт кризиса на самом интимном и висцеральном уровне, где социальные и экономические нарушения, кажущиеся слишком абстрактными, чтобы их можно было отобразить, ощущаются в домашних, либидинальных и телесных регистрах. Поздний фашизм – в равной степени либидинальное предложение (претензия на коллективные желания) и половая паника, или лучше сказать, паника гендерная. Правая культура сегодня – культура негражданских войн, которые ставят на передний план регуляцию, таргетинг и стигматизацию тел в аспекте их половой принадлежности и сексуальности. Это также внушающая тревогу транснациональная, «вирусная» культура, в которой восстановление и переизобретение воинственной маскулинности и страстная ностальгия по гетеронормативной семье как ячейке *демоса* и *этноса*, являются центрами, вокруг которых формируется целая институциональная и идеологическая инфраструктура, объявляющая своими заклятыми врагами «гендерную идеологию» и трансгендерность. Если «гендерно-критический активизм функционирует [...] как крупномасштабный процесс трансляции, посредством которого формулируются и пускаются в [глобальный] оборот конкретные контртеории и концепции», то происходит это не только благодаря его способности создавать новые сочленения между консервативными и феминистскими формациями, но и потому, что он представляет гендерную смуту как глобальный кризис, одновременно порождение и вектор плохого, глобалистского капитализма, направляемого неукорененными элитами, вступающими в сговор с девиантными и подчиненными субъектами (*subaltern subjects*), чтобы еще больше обездолжить и без того уязвимых «простых граждан», – создавая то, что Серена Басси и Грета Лафлёр провокационно окрестили «постфашистским феминизмом 99%»⁶⁸.

Как сурово напоминает нам свадебная речь Гиммлера, фашистская антиполитика секса – стратегия, привязывающая геополитическое к генитальному (а также геномному или гормональному). В каком-то смысле неудивительно (хотя от этого не менее гротескно), что поздний фашизм часто формируется и циркулирует вокруг моральной паники по поводу трансгендерности и «гендерной идеологии». Здесь действует своего рода сексуальная и гендерная «масштабируемость»: не толь-

68 BASSI S., LAFLEUR G. *Op. cit.* P. 318. См. также попытку обнаружить капиталистическую логику абстракции за фашистской трансмизогинией и антисемитизмом, персонифицированную в фигуре еврея как изобретателя трансгендерности: CONEN J.A. *The Eradication of "Talmudic Abstractions": Anti-Semitism, Transmisogyny and the National Socialist Project* // Verso blog. 2018. December 19 (www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/4188-the-eradication-of-talmudic-abstractions-anti-semitism-transmisogyny-and-the-national-socialist-project).

ко тематизация сексуально-гендерного беспорядка позволяет проецировать макропроблемы на микромасштабы (надвигающийся конец западной цивилизации начертан на непокорных телах), но и консолидация нового «фашистского интернационала» (с его способностью к захвату и гегемонизации старых консерватизмов), как правило, осуществляется в перспективе планетарного кризиса гендерных и сексуальных норм⁶⁹. Это послужило укреплению политических инфраструктур и солидарности между разрозненными политическими субъектами, приверженными идее, что мы пребываем в гуще культурной мировой войны, где квинность и трансгендерность – предвестники краха цивилизации, который должен быть предотвращен любой ценой⁷⁰.

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО
СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

Правая культура сегодня – это транснациональная, «вирусная» культура, в которой восстановление и переизобретение воинственной маскулинности и страстная ностальгия по гетеронормативной семье как ячейке демоса и этноса, являются центрами, вокруг которых формируется институциональная и идеологическая инфраструктура, объявляющая своими заклятыми врагами «гендерную идеологию» и трансгендерность.

Если цветной мигрант – аватар «великого замещения», окончательного исчезновения белой расы и составляющих ее наций, то трансгендерность – эмблема и эмиссар «великого беспорядка», перемешивания сексуальных различий и разрушения семьи. Если фашизмы, рожденные на полях боев Первой мировой войны, пытались спроецировать логику фронта на социальные и сексуальные кризисы, борясь с красными, женскими и еврейскими массами как векторами растворения самих телесных границ, то нынешние, поздние фашизмы, по большей части не связанные с «войной как внутренним опытом», но страстно ностальгирующие по воинственным маскулинностям, фиксируются на гендерной неконформности как одновременно метафоре и метонимии, причине и симптоме

69 Я вдохновлен пронизательным анализом «расовой масштабируемости», предложенным Дорианом Беллом: BELL D. *Globalizing Race: Antisemitism and Empire in French and European Culture*. Evanston: Illinois University Press, 2018.

70 Возьмем, к примеру, организации вроде Всемирного конгресса семей, а также призыв к сохранению гетеронормативной семьи, с которым выступила постфашистская председательница Совета министров Италии Джорджа Мелони на встрече в Вероне в 2019 году. Мелони часто озвучивает нарратив о «великом замещении».

беспорядка в личных и планетарных масштабах⁷¹. Для них закат Запада есть гендерная проблема, а заразительное стремление к лучшей жизни за пределами иерархий расовой идентичности и сексуальной нормальности – болезнь, социальная патология, девиантная дистопия, в противовес которой создается регрессивный образ жизни в непрестанной борьбе и отчаянном стремлении к грядущей традиции⁷².

Перевод с английского Дениса Шалагинова

71 См.: THEWELEIT K. *Male Fantasies*, vol. 2...; а также предисловие Рабинбаха и Бенджамин к этому тому.

72 Тевеляйт приводит «мечту» одного из главных идеологов нацизма – Альфреда Розенберга: «Какой-то неуловимый импульс в массах давно стремится избавиться от жалкой веры в то, что жизнь предназначена для удовольствия, – заразительной веры, по своей природе истинно еврейской. Сегодня идиллия “рая на земле” утратила львиную долю своей привлекательности». Тевеляйт комментирует: «Эта цитата из Розенберга – предельно четкая формулировка нацистской программы для масс: борьба с любой надеждой на настоящий “рай на земле”, настоящую жизнь в удовольствии; объявление желания лучшей жизни болезнью, человеческих удовольствий – заразой, главным носителем которой является “еврейский элемент”, с его вечным влечением к расовому смешению» (Ibid. P. 9). Фашизм: эрос без счастья, желание без удовольствия? Как пишет Александра Минна Стерн, ссылаясь на Джейсона Стэнли, для ультраправых США «уничтожение возможности гендерной изменчивости – неотъемлемая часть восстановления патриархальной белой Америки» (STERN A.M. *Proud Boys and the White Ethnostate: How the Alt-Right is Warping the American Imagination*. Boston: Beacon Press, 2019. P. 134).

«Они везде»: еврейская пресса на идише о первых днях после назначения Гитлера главой германского правительства

Евреи поселились на территории современной Германии в IV веке. В раннем Средневековье земли возле Рейна (именовавшиеся на иврите Ашкеназ) стали колыбелью зарождающегося европейского еврейства. Здесь же на основе средне- и верхне-немецких диалектов сформируется язык ашкеназских евреев – идиш, – на котором к 1939 году говорили около одиннадцати миллионов евреев во всем мире. За полторы с лишним тысячи лет история евреев в Германии знала разные периоды, но тот, который начался 30 января 1933 года – с приходом к власти Адольфа Гитлера, – безусловно, оказался самым черным. Впрочем, ретроспективно становится понятно, что Холокост является лишь одним из вариантов развития событий и в 1933-м он не был предопределен – тогда его было просто невозможно вообразить.

Представленные ниже переводы статей и заметок из наиболее популярных еврейских газет того времени¹ демонстрируют реакции польских и немецких евреев на назначение Гитлера рейхсканцлером. Тема прихода к власти нацистов привлекла заслуженное внимание: в неделю после 30 января она занимает первые полосы и около трети содержания этих выпусков. Авторы смотрят в будущее с несомненной опаской: ясно, что планы нового правительства не сулят немецким евреям ничего хорошего. Так же понятно, что происходящее в Германии касается не только немецких евреев.

Общая линия размышлений – выжидательная: не стоит принимать поспешных решений, лучше посмотреть, как поведет себя Гитлер на посту канцлера, как долго продержится его правительство, не смягчит ли он свои взгляды в отношении евреев под давлением партнеров по коалиции? Интересно также:

1 Переводы выполнены по материалам ежедневных газет на идиш «Хайнт» («Сегодня») (1907–1939) и «Дер момент» («Момент») (1910–1939), самых крупных и влиятельных еврейских периодических изданий того времени. Обе газеты выходили в Варшаве тиражом более 100 тысяч экземпляров каждая и распространялись по всей территории Польши и за ее пределами.

чего именно опасаются авторы статей? Чего, к примеру, бояться польским евреям? Того, что политику Гитлера возьмет на заметку в чем-то родственный ему авторитарный режим Юзефа Пилсудского? Прямого вторжения Германии? А что думали сами немецкие евреи?

В первой половине XX века они – численностью около 500 тысяч человек (менее 1% общего населения страны) – представляли, пожалуй, самую ассимилированную еврейскую общину в мире. В немалой степени этому способствовали деятельность движения Гаскала (еврейское Просвещение), зародившегося в середине XVIII века. Идеологи Гаскалы видели своей целью интеграцию евреев в европейское общество, добровольный выход из самоизолировавшегося гетто, который мог быть достигнут через изучение светских наук, переход на европейскую одежду, изучение европейских языков и так далее. Первоначально инициатор Гаскалы Мозес Мендельсон не связывал аккультурацию евреев с религиозной ассимиляцией, однако продолжатели его дела шли дальше, призывая отказаться от всех еврейских традиций. Одной стороной Гаскалы стал финансовый успех немецких евреев, а также правовая эмансипация: евреи Германии получили гражданские права одними из первых в Европе. Другой стороной – массовая ассимиляция, крещение и полный переход с идиша на немецкий. Таким образом, к 1933 году со стороны немецких евреев различия между ними и немцами были сведены к минимуму.

Однако пока немецкие евреи стремились войти в немецкое общество, оно само все меньше хотело их в себя принять. Вторая половина XIX века характеризуется зарождением и широким распространением расовой идеологии, на которой позже основывались взгляды Гитлера и его сподвижников на «еврейский вопрос»; согласно ей, евреи портят организм здоровой арийской расы. Следуя этой логике, ассимилированные крещенные евреи – это худшие из евреев, поскольку они своим внешним видом вводят в заблуждение, незаметно паразитируя на ни о чем не подозревающих арийцах. Соответственно, евреев следует всячески маркировать и сегрегировать (впоследствии – уничтожать), чтобы они не смогли навредить. Таким образом, основной страх немецких евреев в связи с приходом Гитлера заключался в лишении их общегражданских прав, подтвержденных Веймарской конституцией 1919 года. Реальность многократно превзошла самые большие опасения.

Фабула событий конца января – начала февраля 1933 года такова: назначение Адольфа Гитлера президентом Веймарской Республики Паулем фон Гинденбургом на пост рейхсканцлера было законным с правовой точки зрения и не означало захвата власти нацистами, хотя и стало первым шагом к этому.

На фоне тяжелых социально-экономических проблем внутри Германии и недовольства условиями Версальского мира национал-социалисты добились значительной поддержки населения, о чем говорят результаты выборов в парламент – где тем не менее они не смогли завоевать абсолютного большинства. Основными соперниками НСДАП на выборах были СДПГ (социал-демократы), КППГ (коммунисты), консервативная католическая партия Центра, НННП (Немецкая националистическая народная партия).

Немалую роль в том, чтобы убедить Гинденбурга назначить Гитлера канцлером, сыграл беспартийный политик Франц фон Папен (в прошлом член партии Центра, в будущем – НСДАП), отправленный в отставку с поста рейхсканцлера Куртом фон Шлейхером и мечтающий о политическом реванше. По его замыслу, назначение Гитлера должно было обеспечить формирование коалиционного правительства, в котором опытные профессиональные политики отодвинули бы нацистов, уличных горлопанов, чья популярность, казалось, уже клонилась к закату, на второй план. Радикальность политической программы национал-социалистов недооценили: казалось, что нацисты используют столь популистские лозунги, чтобы прийти к власти, а не чтобы воплотить их в жизнь. Смягчение курса Гитлера в условиях коалиционного правительства выглядело неизбежным.

Итак, в конце января – начале февраля 1933 года еврейские газеты с большой тревогой следят за развитием событий в Германии: как будет вести себя новое коалиционное правительство во главе с Гитлером? **[Ася Лейдерман]**

«ОНИ ВЕЗДЕ»: ЕВРЕЙСКАЯ
ПРЕССА НА ИДИШЕ
О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПОСЛЕ
НАЗНАЧЕНИЯ ГИТЛЕРА
ГЛАВОЙ ГЕРМАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

ГИТЛЕР – КАНЦЛЕР²

Берлин. Сегодня президент Гинденбург назначил Гитлера канцлером нового правительства. Помимо Гитлера, в кабинет вошли: фон Папен – вице-канцлер, Нейрат³ – министр иностранных дел, Фрик – министр внутренних дел, генерал Бломберг⁴ –

² Хайнт. 1933. 31 января. № 27. С. 1.

³ Константин Карл Герман фон Нейрат (1873–1956) – немецкий дипломат, министр иностранных дел Германии (1932–1938), рейхспротектор Богемии и Моравии (1939–1943, после сентября 1941-го занимал эту должность только номинально, фактически отстраненный Гитлером от исполнения обязанностей), обергруппенфюрер СС (1943). За время пребывания Нейрата на посту министра иностранных дел Германия вышла из Лиги Наций и провела ремилитаризацию Рейнской области. Был уволен со своего поста в 1938 году из-за несогласия с агрессивной внешней политикой Гитлера, но остался в правительстве в ранге министра без портфеля. Заменен Иоахимом фон Риббентропом.

⁴ Вернер Эдуард Фриц фон Бломберг (1878–1946) – немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (с 1936 года), в 1933–1938 годах министр обороны. Стоял у истоков создания вермахта.

«ОНИ ВЕЗДЕ»: ЕВРЕЙСКАЯ
ПРЕССА НА ИДИШ
О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПОСЛЕ
НАЗНАЧЕНИЯ ГИТЛЕРА
ГЛАВОЙ ГЕРМАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

министр рейхсвера, Швериг фон Крозиг⁵ – министр финансов, Гугенберг – министр экономики и сельского хозяйства, Зельд-те⁶ – министр труда, Геринг – министр без портфеля, осуществляющий контроль за Министерством внутренних дел Пруссии.

Берлин. Новое правительство уже принесло клятвы, и в 5 часов дня состоялось первое заседание кабинета.

Гитлер вскоре после своего назначения приступил к переговорам с Центром и Баварской народной партией⁷, чья поддержка необходима его правительству.

Со стороны Центра уверяют, что ни фон Папен, ни гитлеровцы пока не общались с Центром насчет поддержки правительства.

Илл. 1. Гитлер – канцлер!
«Хайнт» (1933. 31 января.
№ 27. С. 1).

- 5 Иоганн Людвиг Шверин фон Крозиг (1887–1977) – министр финансов Германии (1932–1945). Поддерживал политику перевооружения Германии, с февраля 1935 года выделял специальные средства на этот проект. После «хрустальной ночи» поддержал «ариизацию» финансов и изгнание евреев из государства. После самоубийства Адольфа Гитлера совместно с адмиралом Дёницем сформировал так называемое «Фленсбургское правительство», где занимал должности главного министра и министра иностранных дел вплоть до роспуска 23 мая 1945 года.
- 6 Франц Зельдте (1882–1947) – один из руководителей организации «Стальной шлем», рейхсминистр труда (1932–1945), обергруппенфюрер СА (1933), обергруппенфюрер СС (1933), прусский государственный советник. За время существования нацистского режима компетенция возглавляемого Зельдте министерства, бывшего ранее ведущим ведомством по трудовым и социальным вопросам, постоянно сужалась за счет усиления роли в этих вопросах различных государственных, партийных и общественных организаций нацистской Германии.
- 7 Баварская народная партия – консервативная католическая партия, самая влиятельная политическая сила Баварии в период Веймарской Республики. Выражала интересы крестьянства и в целом сельских жителей, средней буржуазии и части промышленных кругов. Занимала более консервативную позицию, чем общегерманская партия Центра. Распущена 4 июля 1933 года.

Берлин. В связи с назначением Гитлера перед отелем «Кайзерхоф» собрались толпы людей, которые приветствовали его на новом посту бурными овациями.

Коммунистическая фракция Рейхстага постановила на первом заседании внести ноту недоверия.

«ОНИ ВЕЗДЕ»: ЕВРЕЙСКАЯ
ПРЕССА НА ИДИШЕ
О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПОСЛЕ
НАЗНАЧЕНИЯ ГИТЛЕРА
ГЛАВОЙ ГЕРМАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

Берлин (телефонный разговор с нашим корреспондентом). В городе царит напряженная атмосфера. На многих домах начали появляться свастики. По улицам города браво маршируют отряды штурмовиков, опьяненные победой.

Еврейский квартал будто замер в ожидании дальнейших событий. Главный вопрос, который интересует людей, получит ли Гитлер поддержку Центра. Если да, это было бы минимальной гарантией того, что правительство будет придерживаться Конституции и права евреев не будут уничтожены.

Еврейские круги также интересуются, был ли среди условий Гитлера в договоренности с фон Папеном пункт о том, что отряды штурмовиков должны быть приняты в полицию.

Биржа поначалу отреагировала очень остро. Началось резкое снижение всех курсов, но вскоре ситуация успокоилась.

У рабочих организаций постоянно проходят собрания. Такое впечатление, что запугивание всеобщей забастовкой лишь пустой лозунг. До нее, вероятно, никогда не дойдет в связи с разногласиями между социал-демократами и коммунистами.

Проходят совещания еврейских организаций. Часть из них уже обратилась к еврейскому населению с призывом вести себя тихо.

Что думают в Варшаве о приходе⁸ Гитлера к власти

Новость о назначении Гитлера рейхсканцлером очень быстро распространилась в польских политических кругах и вызвала оживленную реакцию.

Один из ключевых представителей польской дипломатии, хорошо осведомленный о положении в Германии, поделился своим мнением в устном разговоре с нашим сотрудником:

– Я убежден, что назначение Гитлера не вызовет за границей бурной реакции. [...] Эта возможность активно обсуждалась последние дни, так что ни для кого не стало сюрпризом, что Гитлер все-таки пришел к власти в Германии. Это огромная ошибка. Это правда, что Гитлер, который уже давно мечтал стать немецким президентом, сейчас достиг одной из своих целей – хотя бы

⁸ Дер Момент. 1933. 31 января. № 27. С. 4.

«ОНИ ВЕЗДЕ»: ЕВРЕЙСКАЯ
ПРЕССА НА ИДИШЕ
О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПОСЛЕ
НАЗНАЧЕНИЯ ГИТЛЕРА
ГЛАВОЙ ГЕРМАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

Илл. 2. Соглашение
между фон Папеном и
Гитлером. «Дер Момент»
(1933. 31 января. № 27.
С. 3).

поста рейхсканцлера. После того, что гитлеровское движение в последнее время переживало внутренние раздоры, это определенно большая победа Гитлера. Но эта победа одновременно является началом его поражения, поскольку фактическим руководителем немецкой политики будет не Гитлер, а фон Папен. Он является доверенным лицом Гинденбурга в правительстве и будет принимать решения по ключевым вопросам.

Сам факт, что Гитлер согласился встать во главе коалиционного правительства, говорит о том, что он готов идти на компромиссы и будет вынужден отказаться от многих пунктов своей программы.

– Считаете ли вы, что после назначения Гитлера изменится немецкая внешняя политика и как это отразится на международной расстановке сил?

– По моему мнению, это не сильно отразится на международной политике. Назначение Нейрата министром иностранных дел говорит мне о том, что скорее всего Германия будет продолжать придерживаться той же линии, что и раньше, то есть ревизионистских требований пересмотра Версальского мира и, прежде всего, снятия военных ограничений в отношении Германии. Эта линия ясно прослеживается с первого правительства фон Папена, и ее полностью разделяют гитлеровцы, хотя все понимают, что Германия мало чего может в этом добиться.

Загвоздка курса Гитлера находится во внутренней политике Германии. В этой области стоит ожидать заметных перемен. Какие изменения ждут немецкую демократию и рабочее движение? Откажется ли правительство Гитлера – фон Папена

от установления диктатуры? Или, наоборот, они попробуют от-крыто ее установить, объявив всеобщую забастовку или приняв другие меры, которые могут привести к гражданской войне?

Нам нужно спокойно и терпеливо наблюдать за развитием событий в Германии, которые могут привести к серьезному правительственному кризису.

Гитлер у власти⁹

Антисемитские студенческие демонстрации в университе-те и на бирже. Министр внутренних дел Фрик заявил, что правительство будет придерживаться Конституции. Евреи по всей Германии боятся резни.

«ОНИ ВЕЗДЕ»: ЕВРЕЙСКАЯ ПРЕССА НА ИДИШЕ О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПОСЛЕ НАЗНАЧЕНИЯ ГИТЛЕРА ГЛАВОЙ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Илл. 3. Гитлер у власти. «Хайнт» (1933. 1 февраля. № 28. С. 1).

9 Хайнт. 1933. 1 февраля. № 28. С. 1.

Берлин. Манифест Гитлера к партии. Гитлер опубликовал манифест к своим товарищам по партии. Он требует, чтобы члены партии доверяли ему на посту рейхсканцлера так же, как на посту руководителя партии.

Берлин. Позиция Центра. Гитлер провел официальную встречу с представителем партии Центра Людвигом Каасом. Он задал Гитлеру ряд вопросов о политическом курсе нового Правительства. Гитлер отказался предоставить ответ.

Берлин. Настроение еврейского населения (телефонный разговор с нашим корреспондентом). Настроение в еврейских кругах напряженное. Большой Бяликовский вечер, подготовленный немецкой сионистской организацией и запланированный на сегодня, был отменен.

В Центральном союзе немецких евреев сегодня прошло совещание прессы. Высказанные мнения были глубоко пессимистичны. Предполагают, что погромов не будет, поскольку Гугенберг этого не позволит. Однако ожидают волны гонений на евреев.

Кажется, что одним из первых указов нового правительства будет запрет шхиты. Известно, что в Тюрингии местное гитлеровское правительство уже одобрило этот запрет¹⁰.

ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК¹¹

День, когда Гитлер был назначен канцлером. От нашего корреспондента И. Клинова.

Всего восемь с половиной часов прошли от отставки Шлейхера¹² до образования нового кабинета правительства. Правые партии заключили между собой мир. Гитлер стал канцлером. Было ли это неожиданностью? Нет, с того момента, как Шлейхер ушел в отставку, было очевидно, что на смену придут национал-социалисты. И все же мы не были готовы. В понедельник, после полудня крупнейшие агентурные сети ожидали, что избрание нового правительства займет несколько дней, но уже через считанные минуты радиоприемники по всей стране огласили новость: все решилось!

Как на эту новость в первые минуты отреагировали берлинские евреи?

10 Запрет шхиты – ритуального забоя скота – под предлогом заботы о животных был распространенным легальным способом ограничить права евреев. Запрет шхиты в Германии был принят спустя несколько месяцев после описываемых событий, он также вводился на всех территориях, оккупированных Германией после 1939 года.

11 Дер Момент. 1933. 31 января. № 27. С. 2. Текст написан на германизированном идише.

12 Занимал пост рейхсканцлера до Гитлера.

* * *

«ОНИ ВЕЗДЕ»: ЕВРЕЙСКАЯ
ПРЕССА НА ИДИШЕ
О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПОСЛЕ
НАЗНАЧЕНИЯ ГИТЛЕРА
ГЛАВОЙ ГЕРМАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

Крупнейшая еврейская организация «Центральный союз немецких граждан иудейской веры» сразу же созвала срочное совещание президиума. Была издана резолюция с разъяснением позиции по сложившейся ситуации. Пока следует подождать, вдруг в ближайшие дни в кабинет Гитлера войдут несколько республиканцев-центристов, тогда можно было бы рассчитывать, что правительство будет придерживаться Конституции и законов. До последнего хочется верить, что на пути диктатуры и беззакония появится какое-нибудь препятствие. Хочется верить, однако первая реакция подсказывает организации следующую прокламацию:

«Мы относимся с большим недоверием к правительству национал-социалистов. Но в создавшейся ситуации у нас не остается иного выбора, кроме как ожидать следующих действий от властей. Мы доверяем президенту Гинденбургу, его чувству справедливости и приверженности конституционным ценностям. Однако мы не хотим думать, что кто-то покусится отнять наши конституционные права. Любая попытка это сделать тут же вызовет наше решительное сопротивление. В остальном сейчас мы рекомендуем спокойно ждать!»

И действительно было спокойно. Как минимум внешне. Такой тишины, которая стояла на берлинских улицах в первые часы после прихода Гитлера к власти, я не припомню. Кое-где появлялись флаги со свастикой. Сияли победные огни. На тротуарах – гитлеровские бригады штурмовиков. Но немного. И недолго. Обычные люди избегали выходить на улицу.

Я связался со второй крупнейшей еврейской организацией – сионистами: что вы скажете?

«Сионистское объединение Германии» считает, что прихода к власти Гитлера было не избежать; однажды эти силы должны были победить. Не стоит переставать надеяться – разве у нас есть выбор? Если еврейских гражданских прав не тронут, стоит помнить о внутренней еврейской силе и – оставаться спокойными. Выбор есть!

* * *

В состав нового кабинета правительства в качества министра внутренних дел вошел Прик, печально известный своими антисемитскими выпадами на посту министра внутренних дел Тюрингии. Однако с еврейской точки зрения это не столь важно, как внутренняя политика, которую будет проводить в Пруссии

национал-социалист Геринг. Под его руководством будут находиться иностранные подданные и организации, которые имеют дело с евреями за границей. Как пойдут дела с ними? На данный момент кабинет сформирован таким образом, что национал-социалисты и немецкие националисты контролируют друг друга. Гитлер – рейхсканцлер, однако его будет контролировать фон Папен, представитель Немецкой национальной партии¹³. Он же будет контролировать Геринга на посту министра внутренних дел Пруссии. Может ли это защитить права евреев? Посмотрим.

Если силы Центра вступят в конфликт с новым кабинетом, это можно рассматривать как знак, что в Немецкой национальной партии видят слабое утешение.

«Сионистское объединение Германии» считает, что прихода к власти Гитлера было не избежать; однажды эти силы должны были победить. Не стоит переставать надеяться – разве у нас есть выбор? Если еврейских гражданских прав не тронут, стоит помнить о внутренней еврейской силе и – оставаться спокойными. Выбор есть!

Последние дни перед формированием нового кабинета национал-социалистическая пресса начала распространять гнусные антисемитские слухи. Берлинская «Дер Ангрифф»¹⁴ даже пообещала отсутствие погромов и кровавых выступлений, но из этого запрета можно понять их содержание. Как они будут вести себя сейчас, когда цель достигнута? На хорошее рассчитывать не приходится.

* * *

Но в действительности ли эта цель достигнута? Да и надолго ли?

Даже сторонники нацистов не закрывают глаз на трудности, которые несет в себе союз капиталиста Гинденбурга и [национал-]социалиста Гитлера. Как Гитлер будет вести себя на практике со своими сторонниками, которые надеются на бог знает какое спасение? И что случится если его правительство окажется в Рейхстаге в меньшинстве? Встанет ли он на путь фашистской диктатуры, как этого хочет Гугенберг, делая то, чего Гинденбург якобы не хочет?

¹³ Формально в это время фон Папен был беспартийным.

¹⁴ «Der Angriff» («Атака») – антисемитская и антикоммунистическая газета, издававшаяся в 1927–1945 годах в Берлине местным гау НСДАП. Главный редактор – Йозеф Геббельс.

Большую трагедию переживают крупные рабочие союзы. Пугают, что, если правительство Гитлера останется в меньшинстве и захочет остаться у власти вопреки Конституции, рабочий народ ответит многочисленными протестами и борьбой. Однако народ расколот, внутри него нет единства. Коммунисты и социал-демократы пока что сражаются друг с другом. И, кроме всего прочего, не исключено, что подобное выступление рабочих организаций для членов нового правительства только желанно. Они ждут подходящего момента, чтобы окончательно разгромить рабочее движение. Коммунистическая партия находится под запретом, и прежде, чем Гитлер стал рейхсканцлером, распространялись и более дикие слухи:

– Если рабочие организации начнут гражданскую войну, правительство затребует чрезвычайные внеконституционные полномочия. Президент Гинденбург, который принес клятву следовать Конституции, не захочет перед смертью ее нарушать. Он скорее уйдет со своего поста, и тогда в качестве президента или претендента на трон придет кронпринц. [...]

ПЕРВЫЕ СУТКИ ПОД ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ГИТЛЕРА¹⁵

От нашего корреспондента в Берлине Германа Света. Пока новый министр внутренних дел Прик (один из основателей партии национал-социалистов, правая рука Гитлера) и недавно назначенный пресс-секретарем правительства Вальтер Функ (также принадлежит к ближайшему окружению Гитлера; говорят, что его родители – крещеные евреи...) провели встречу с представителями немецкой и иностранной прессы в бывшем дворце принца Фридриха Леопольда на Вильгельмплац, успокоив их, что оснований для паники нет: новое правительство будет править в соответствии с законом – без каких-либо экспериментов.

В течение пары часов была организована грандиозная процессия к отелю «Кайзерхоф», и 10–15 тысяч штурмовиков в униформе дефилировали через узкую Вильгельмштрассе между Унтер-ден-Линден и Лейпцигштрассе. «Он» с одной стороны и пожилой седовласый президент¹⁶ с другой принимали спонтанный парад, который длился несколько часов. До поздней ночи толпились на Вильгельмплац ликующие толпы. Приехали кинооператоры с оборудованием, чтобы с автомобильных платформ запечатлеть этот «исторический» момент для будущих поколений.

Люди разошлись по домам, погасли факелы, а на улицах осталась человеческая кровь. Только в одном Берлине на сче-

¹⁵ Дер Момент. 1933. 3 февраля. № 30. С. 3.

¹⁶ Имеются в виду Гитлер и Гинденбург, которому на тот момент было 87 лет.

ту первой ночи «третьего рейха» двое убитых, десятки легко- и тяжелораненых, а также свыше сотни арестованных. То же самое в провинции. Повсюду драки, столкновения и человеческие жертвы. Так Германия промаршировала в новую эпоху Гитлеррейха.

Нужно отметить, что за первые сутки правления Гитлера до еврейских эксцессов дело не дошло. Повсюду доносились крики «Евреи, вон отсюда!». У нашей любимой лавки с еврейскими книгами выбили все окна. А на одной из улиц пьяные гитлеровцы поиздевались над еврейской похоронной процессией. Но в целом первый день прошел спокойно.

Однако ответственные еврейские лидеры не строят иллюзий. Они очень хорошо понимают, что все это лишь случайные проявления, которые ничего не говорят о ситуации в целом. Возможно ли, что Гитлер уже сейчас попытается провести в рейхстаге закон, лишаящий немецких евреев гражданских прав? На этот экзистенциальный вопрос выдающиеся предводители немецкого еврейства отвечают следующим образом.

В кабинете Гитлера, как известно, имеют места только три национал-социалиста и семь представителей Немецкой национальной партии. Всех этих немецких консерваторов из лагеря Гугенберга ни в коем случае нельзя рассматривать как антисемитов. Прежде всего, он сам не антисемит. Это известно. И также известно, что в нынешнем правительстве у него наибольшая власть. Симпатизирующая Гитлеру «Фолкишер беобахтер»¹⁷ даже ставит под сомнения, что это действительно кабинет Гитлера. Газета характеризует новое правительство как кабинет Гугенберга, Гитлера и фон Папена, показывая, что Гитлер связан с обеих сторон.

Другие члены кабинета из Национальной партии так же известны немецкой общественности как люди, которых никак нельзя заподозрить в антисемитских взглядах. О фон Папене, занимающем в новом кабинете пост вице-канцлера, в еврейских кругах рассказывают, что в отношении еврейского вопроса он намного мягче своего предшественника, генерала Шлейхера. То же говорят и о министре иностранных дел Нейрате (приближенном Гинденбурга), министре финансов, графе Швериг фон Крозиге, и министре труда Зельдте. Со всеми ними предводителям немецкого еврейства уже доводилось взаимодействовать, и этот опыт не дает оснований переживать, что эти люди могут пойти на какие бы то ни было антисемитские уступки кабинету Гитлера, большинство в котором принадлежит им.

17 «Völkischer Beobachter» («Народный обозреватель») — с 1920 года печатный орган НСДАП, на протяжении всего времени существования — флагман нацистской пропаганды. С 1933-го газета была практически правительственным органом.

Другой вопрос, разумеется, в том, что будет, если все они выйдут из состава правительства. Но, во-первых, на данный момент это не актуально. А во-вторых, тогда возникнет ситуация, угрожающая не только евреям...

Прямая угроза сейчас нависла над вопросом шхиты. Немецкие здравоохранители уже долго готовят указ о ее запрете во всей Германии. До сегодняшнего дня этот закон не был внесен в рейхстаг. Однако существует решение, что с этим вопросом нужно разобраться до 1 июля. Немецкие евреи не без оснований опасаются, что если этот закон будет обсуждаться в парламенте, то при нынешних настроениях он будет, без сомнения, принят.

«ОНИ ВЕЗДЕ»: ЕВРЕЙСКАЯ
ПРЕССА НА ИДИШЕ
О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПОСЛЕ
НАЗНАЧЕНИЯ ГИТЛЕРА
ГЛАВОЙ ГЕРМАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

**Только в одном Берлине на счету первой ночи
«третьего рейха» двое убитых, десятки легко- и
тяжелораненых, а также свыше сотни арестованных.
То же самое в провинции. Повсюду драки,
столкновения и человеческие жертвы. Так Германия
промаршировала в новую эпоху Гитлеррейха.**

Много неприятностей доставляет положение в Пруссии. Геринг во главе внутренних дел Пруссии – само по себе весомое основание для беспокойства. Со времени инцидента с Брюнингом¹⁸ администрация немецкого правительственного аппарата относится к евреям весьма недоброжелательно. К этой «старой вражде» – как характеризуют этот антисемитский выпад немецкие евреи – однако уже привыкли. Сейчас наступает период новой вражды. И прогнозы на этот счет не вполне оптимистичные.

Процесс по «заселению» администрации своими людьми пока находится в самом начале. Но уже сейчас тенденция новых правителей становится ясной. Так, например, прусское Министерство культуры в первые сутки гитлеровского режима получило нового руководителя, известного сторонника Гитлера из Ганновера. Прошлый министр культуры, профессор Келлер, был снят со своей должности¹⁹. Что это значит для тысяч еврейских студентов – ясно всем. Это также означает, что теперь профессора и доценты евреи, занимающие кафедры в немецких университетах, сидят на своих местах непрочны.

18 Непонятно, что имеется в виду.

19 Вильгельм Келлер (1871–1934) – министр культуры Пруссии (1932–1933), на этом посту был заменен на Бернхарда Руста (1883–1945), с 1934 года – рейхсминистра науки, образования и национальной культуры. Руст стоял во главе нацистского преобразования немецкой системы образования. В 1933-м издал указ о том, что студенты и преподаватели должны приветствовать друг друга нацистским приветствием. Сыграл важную роль в изгнании из немецких университетов евреев и других лиц, считавшихся врагами государства. Целью образования Руст считал воспитание «этнически сознательных немцев».

И последнее – вопрос о высылках. Но об этом в следующей статье.

ПРЕДВОДИТЕЛИ НЕМЕЦКОГО ЕВРЕЙСТВА О СЕРЬЕЗНОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ. НАСТРОЕНИЯ СРЕДИ НЕМЕЦКИХ ЕВРЕЕВ²⁰

Предводители немецкого еврейства пытаются успокоить еврейскую общественность и не допустить паники, однако они отказываются дать прямой ответ о серьезности положения.

Как сообщают представители ведущих еврейских кругов, прямая опасность немецким евреям не угрожает. Гитлеровские отряды штурмовиков не были инкорпорированы в полицию, как думали раньше. Большую угрозу, однако, представляет стремление круга Гинденбурга использовать Гитлера в своих планах, тем самым нейтрализовав его силы, поскольку это может быть достигнуто путем определенных концессий за счет евреев. Это может позволить Гитлеру начать антисемитскую кампанию. Подобная гибкость в еврейском вопросе даст развитие планам Геринга против «безродных» евреев, среди которых – введение принудительных работ, от которых евреи могут освободиться за счет дополнительного налогообложения.

Определенные надежды связаны с личностями фон Папена и Гинденбурга, которые борются с антисемитизмом как в своих партиях, так и с новым министром рейхсвера, генералом Бломбергом, который участвовал в собраниях еврейских ветеранов войны. Но одновременно нужно принять во внимание, что эти политики привели к тому, что новые парламентские выборы будут проходить при режиме Гитлера, а не Шлейхера, что приведет к укреплению антисемитских сил. Если гитлеровский режим закрепится надолго, его министры не будут колебаться выступать с открыто антисемитской программой.

ГЕРОЙ ПОГРАМА НА РОШ А-ШАНА НАЗНАЧЕН ПРЕЗИДЕНТОМ БЕРЛИНСКОЙ ПОЛИЦИИ²¹

От нашего берлинского корреспондента Германа Света. «Фолкиш беобахтер» и «Дер Ангрифф», которые сейчас, скажем так, стали официальными изданиями правительства, все дни в слащаво-лиричном тоне пишут о том, как сильно страдает кабинет Гитлера, бедный. Собрания министров часто длятся до поздней ночи. Кипит тяжелая, лихорадочная работа. Но, если читате-

20 Дер Момент. 1933. 7 февраля. № 33. С. 1.

21 Там же. С. 3. Рош а-Шана – еврейский праздник начала года, празднуется в сентябре–октябре.

ли захотят узнать, что именно было сделано, можно выяснить лишь одно: кабинет постановил снять этого министра или статс-секретаря с занимаемой должности и на его место назначить «нашего партийного товарища» такого-то.

Пока что суть работы гитлеровского кабинета состоит в перераспределении постов. А для значительных политических и экономических проблем, которые говорили, что решат одним махом все 14 лет, пока рвались к власти, не сделано ровным счетом ничего. Прежде всего они торопятся занять административный аппарат своими людьми, собирают власть в свои руки. Еще Бисмарк когда-то сказал, что даже осел сможет править, имея в своих армии и полицию.

Еврейский вопрос пока тоже не трогают. Сейчас есть более важные дела. Так что тон гитлеровской прессы на этот счет пока спокойный. Не пришло время. Можно найти какую-нибудь антисемитскую заметку, но не более.

Несколько дней назад один из приближенных Гитлера, доктор Франк, выступил с речью перед студентами. Он вполне недвусмысленно заявил, что они, нацисты, будут вести борьбу, пока не завоюют власть полностью. Он не забыл упомянуть инцидента с профессором Коэном из Бреслау²² и подчеркнул, что с этим Коэном или с любым другим «мы будем бороться, пока не искореним еврейский азиатизм». Это было первое официальное антисемитское заявление. [...] На этом мероприятии прозвучали и другие слова:

– В ближайшее время нам предстоят трудные битвы. Но на этот раз государственная власть в наших руках. С нами полиция, и мы будем держать тюрьмы открытыми.

Итак, «с нами полиция». Это было главным. В ближайшие недели перед выборами нацисты займут все ведущие полицейские посты своими «товарищами». А на должность президента полиции назначается не кто иной, как граф Хелльдорф²³ – тот самый благородный аристократ, который полтора года назад отдал своим частям приказ напасть на молящихся, идущих по бульвару Курфюрстендам из синагоги после молитвы вечером в праздник Рош а-Шана. Прodelав эту работенку, наш славный немецкий граф вместе со своим адъютантом тотчас двинулся в Мюнхен. Однако его вынудили вернуться в Берлин и предстать перед судом.

«ОНИ ВЕЗДЕ»: ЕВРЕЙСКАЯ
ПРЕССА НА ИДИШЕ
О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПОСЛЕ
НАЗНАЧЕНИЯ ГИТЛЕРА
ГЛАВОЙ ГЕРМАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

22 Непонятно, о чем идет речь.

23 Вольф-Генрих фон Хелльдорф (1896–1944) – в 1933 году назначен начальником полиции Потсдама, по совместительству возглавляя отряды СС в Берлине. В 1931-м возглавил организацию нацистских штурмовиков в Берлине. Участвовал в организации и проведении первого крупного еврейского погрома в Веймарской Республике 12 сентября 1931 года. Был привлечен к уголовной ответственности, но благодаря юридической помощи сопартийцев отделался небольшим штрафом. В июле 1935-го был назначен начальником общей полиции (ОРПО) Берлина. На этом посту известен активным преследованием берлинских евреев. Сыграл заметную роль в организации еврейских погромов ноября 1938 года, известных как «хрустальная ночь».

При первом рассмотрении дела ему и сорока его товарищам дали несколько месяцев тюрьмы, но гитлеровцы запротестовали против решения суда, и тот самый Франк, о котором я писал выше, вытащил графа Хелльдорфа из тюрьмы. Сейчас он будет стоять во главе полиции.

Нынешний президент полиции, доктор Мельхер²⁴, принадлежит к лагерю Гутенбурга. Он немецкий националист и последнее время лез из кожи вон, чтобы выслужиться перед гитлеровцами. Это его стоит благодарить им за возможность провести демонстрацию на Беловплац, прямо напротив дома Карла Либкнехта. Но, видимо, все это было напрасно. [...]

Но не всем досталось при этом разделе. Один из основных оскорбленных – знаменитый доктор Геббельс, генерал пропаганды нацистской партии и главный редактор газеты «Дер Ангриф». Когда несколько месяцев назад нацисты думали насчет коалиции с католическим центром, он предложил создать должность министра культуры (до этого она существовала только в правительстве земель). И этот портфель достался бы Геббельсу.

Сейчас говорят, что министерство культуры все же будет создано и во главе встанет, конечно, Геббельс. Какая же перспектива будет у еврейских студентов, профессоров, учителей и – главное – общин, если определять их бюджет будет такой человек?

★ ★ ★

Пока что в Берлине спокойно. Первые страхи прошли. Жизнь немного успокоилась, и особых происшествий не произошло. Повсюду можно увидеть штурмовиков в униформе. Они стучат жестяными коробками: «Поддержите отряды штурмовиков! Германия, проснись!» Они везде.

Перевод с идиш, вступление и комментарии Аси Лейдерман

24 Курт Мельхер (1881–1970) – занимал должность начальника полиции Эссена (1919–1933) и Берлина (с июля 1932-го). В декабре 1932 года запретил в Берлине множество танцевальных заведений и ночных клубов, которые посещали люди разной сексуальной ориентации. Член Немецкой народной партии; вскоре после прихода к власти нацистов был заменен на своем посту членом НСДАП.

Разум против чувства: избранные книги о практиках нацизма и сопротивления ему

В 159-м номере «НЗ» рискнул пойти на эксперимент со структурой этого тематического блока. Подборка материалов, посвященных истории и нынешним формам фашизма, а также некоторым чертам его идеологии, открывается переводом отрывка из британской книги 1934 года, продолжается современным исследованием фашизма, далее следует серия «горячих» откликов еврейских газет (на идише) на первые дни пребывания Гитлера у власти в Германии. Эти три материала задают основные интеллектуальные сюжеты подборки, а продолжают и развивают их рецензии на вышедшие на русском книги, освещающие разные аспекты данной темы. Это дневники, публицистика и сборник радиообращений к согражданам знаменитого немецкого писателя-эмигранта. Получилось что-то вроде форума, в котором разные голоса обсуждают – из разных перспектив – один и тот же круг тем. Именно поэтому эти рецензии перенесены из соответствующего раздела журнала сюда, в тематический блок. Надеемся, что данный эксперимент удался. [«НЗ»]

Некто Гитлер: политика преступления

СЕБАСТЬЯН ХАФНЕР

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. – 320 с. – 3000 экз.

Адольф Гитлер покончил с собой 30 апреля 1945 года. До этого он был несколько раз близок к тому, чтобы свести счеты с жизнью, ближе всего – после провала мюнхенского «пивного путча» в ноябре 1923-го. Как утверждает Себастьян Хафнер в публицистической биографии под названием «Примечания к Гитлеру» (в русском переводе книга вышла под названием «Некто Гитлер»), личная жизнь диктатора «была слишком пуста, чтобы в несчастье быть для него чем-то, что следует сохранить; а его политическая жизнь с самого начала была нацелена на “все или ничего”» (с. 70). В тот день беременная жена его приятеля Эрнста Ганфштенгля помешала самоубийству, выбив револьвер из рук Гитлера. Если бы она этого не сделала,

мировая история могла бы пойти по другому пути. Сегодня эта мысль кажется невероятной.

Настоящее имя автора книги – Раймунд Претцель (1907–1999). Берлинский немец из интеллигентной семьи, после школы он стал юристом, работал в Верховном апелляционном суде Пруссии, уволился с государственной службы в знак протеста против бойкота евреев. Женился на еврейке. В 1938 году эмигрировал в Англию. Стал публицистом, девятнадцать лет работал в газете «Observer», писал книги по современной истории. В 1954-м вернулся в Германию, работал в авторитетных немецких изданиях, вел свою телепрограмму. В 1978-м Хафнер написал свои «Примечания к Гитлеру». Русский издатель называет их аналитическим комментарием к его же ранней книге «История одного немца» (1939)¹, которая была написана в самом начале эмиграции, но вышла уже после смерти автора, в 2000 году. «История одного немца» – это очень честный и очень личный рассказ о том, как и почему цивилизованная нация немцев «с овечьей покорностью» сдала себя под власть Гитлера и его диктатуры и как повел себя в этих условиях отдельный человек – автор книги.

Переводчик и комментатор обеих книг Никита Елисеев рекомендует издавать и читать их вместе: они настолько же дополняют друг друга, насколько и антитетичны. Для Елисеева эта антитеза состоит в том, что «История одного немца» – это толстовская книга, а «Некто Гитлер» – книга из мира Достоевского. По мнению комментатора, изложенному в предисловии, главный герой «Истории одного немца» – это герой Толстого, условный Болконский, Безухов, Левин или Нехлюдов – рефлексирующий человек, стремящийся жить по правде, совести и чести. Главный герой книги «Некто Гитлер» – это «человек страсти и безумных, бредовых идей; человек жуткой, но веры» (с. 18), аналог Смердякова или Верховенского.

Противоположно в этих книгах и отношение к истории. В первой из них история объективистски рассматривается как интеграл миллионов личных волей, и тогда роль больших исторических личностей состоит в том, чтобы оседлать волну истории. То же Толстой писал в «Войне и мире» о полковнике Кутузове, о его умении видеть и понимать неизбежный ход событий и отречься от своей личной воли. Во второй книге подход совершенно другой: здесь Хафнер отказывается преуменьшать роль «личного элемента» в политике и личности в истории. Он пишет, что без Гитлера Вторая мировая война если бы и началась, то была бы совсем другой. «Сегодняшний мир, нравится вам или нет, – результат деятельности Гитлера» (с. 169).

1 ХАФНЕР С. *История одного немца: частный человек против тысячелетнего рейха*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.

Хафнер предупреждает читателя о своей сдержанности в моральных оценках Гитлера, намереваясь оставаться в рамках исторического исследования, хотя авторский публицистический стиль все-таки невозможно изъять из этого повествования. Автор осознанно преодолевает «искушение недооценить Гитлера, у которого было полно мелких и смехотворных черт» (с. 94). Одна из глав называется «Достижения». Хафнер трактует их двояко. С одной стороны, это нечто условно созидательное, как, например, «экономическое чудо», включающее ликвидацию колоссальной безработицы, или «военное чудо» – ремилитаризация и вооружение вермахта, создание танковых армий. Благодаря этим «чудесам» Гитлер к началу войны привлек на свою сторону большинство из тех людей, которые голосовали против него в 1933 году, когда его партия добилась успеха на выборах. Эти немцы рассуждали так (и впоследствии им было за это стыдно):

«Можно ли продолжать сбрасывать Гитлера со счетов, не учитывая всего, чего он достиг? И что такое рядом с достижениями Гитлера его неприятные черты, его преступления? Не более чем небольшие недостатки личности, пятнышки и бородавки» (с. 84).

С другой стороны, к личным «достижениям» Гитлера (по смыслу это слово должно быть в кавычках) автор относит и вещи деструктивные: разрушение правового государства и уничтожение конституционных гарантий, создание взамен этого «всенародной общности», которую Хафнер называет «социалистической стороной гитлеровского национал-социализма», и, в конечном счете, решение начать войну. Все это было подчинено двум целям, вытекающим из расовой теории гитлеризма: установлению господства «рейха» над Европой и физическому уничтожению евреев. Фундамент мировоззрения Гитлера – это соединение великогерманского национализма и антисемитизма. Хафнер на нескольких страницах излагает теорию Гитлера, и для этого ему потребовалось не так много места, поскольку она предельно редукционистская, но, видимо, благодаря именно этому упрощенчеству Гитлеру с помощью гипнотических речей удалось сбить с толку целую нацию.

Фюрер был харизматиком, но он никогда не был глубоким человеком. Хафнер называет его жизнь бессодержательной: он не состоял в браке (на Еве Браун он женился за день до самоубийства), был бездетен, боялся любви и интимности, не имел близких друзей, не имел систематического образования и настоящей профессии, оставаясь недоучкой, и лишь фронт Первой мировой стал для него наиболее существенным опытом. Его характер рано застыл в своем развитии. Беспощадный и мстительный, он был неспособен к самокритике, утверждал

свою историческую незаменимость и стал объектом культа собственной личности. Политика в то время заменяла жизнь многим людям, пишет автор, «но Гитлеру она заменила жизнь полностью» (с. 50). В этом смысле он был женат на Германии.

Хафнер особо подчеркивает одну особенность Гитлера как человека и политика: он подчинил свои планы сроку своей земной жизни. Своих целей он хотел добиться при жизни, ничего не оставляя на потом, поскольку верил в свою незаменимость. «Он отказывался думать о том, что будет после его смерти, и совершенно об этом не заботился. Все должно было совершиться при нем и через него» (с. 66). Это, в частности, означало, что «великая война за жизненное пространство Германии, которую Гитлер готовил, обязательно должна случиться при его жизни, чтобы он сам мог вести эту великую войну» (с. 66). Он сетовал, что хотел начать войну раньше, еще в 1938 году, но англичане и французы в Мюнхене согласились со всеми его требованиями, из-за чего пришлось отсрочить войну на год.

Фюрер был харизматиком, но он никогда не был глубоким человеком. Его характер рано застыл в своем развитии. Беспощадный и мстительный, он был неспособен к самокритике, утверждал свою историческую незаменимость и стал объектом культа собственной личности.

В декабре 1941 года, когда вермахту не удалось взять Москву и советские войска начали контрнаступление, Гитлер понял, что цель мирового господства недостижима, и сосредоточился на второй цели – на истреблении евреев и других «неарийских» народов. С этого времени, пишет автор, Гитлер больше не занимался политикой, потому что занимался уголовщиной:

«Гитлер уничтожил неисчислимое количество ни в чем не повинных людей, без какой-либо военной или политической необходимости, а просто ради личного удовлетворения... Гитлер поставил убийства на конвейер. Его жертвы исчисляются не десятками, не сотнями, но миллионами людей. Он был не просто серийный убийца, но массовый серийный убийца» (с. 202).

Массовые убийства были начаты во время войны, но не были связаны с военными действиями, подчеркивает Хафнер, скорее Гитлер использовал войну как повод для массовых убийств. Они были для него самоцелью, а не способом достижения победы, утверждает автор. На этом основании Хафнер называет Нюрнбергский процесс – при всей его важности и непреходя-

щем международном значении – «неудачным мероприятием». По его мнению, Нюрнберг создал путаницу вследствие расплывчатой юридической классификации преступлений. Трибунал не отделил чисто военные преступления от массовых убийств как цивилизационной катастрофы. Судили военных преступников, и главным пунктом обвинения стали преступления против мира, то есть сама война, и военные преступления как нарушение законов и обычаев войны. Но такие нарушения так или иначе допускали все воюющие стороны. «Поэтому можно было запросто сказать, что в Нюрнберге виновные судили виновных и обвиняемые были приговорены к смерти за то, что проиграли войну» (с. 206), – так автор излагает мысль, которую в 1946 году высказал английский фельдмаршал Бернارد Лоу Монтгомери. Указывая на противоречие в обвинении, Хафнер пишет: «Ведь если сама война обозначена как преступление, то ее законы и обычаи оказываются частью преступления» (с. 212), тогда как массовые убийства по приказу Гитлера были не военными, а уголовными преступлениями.

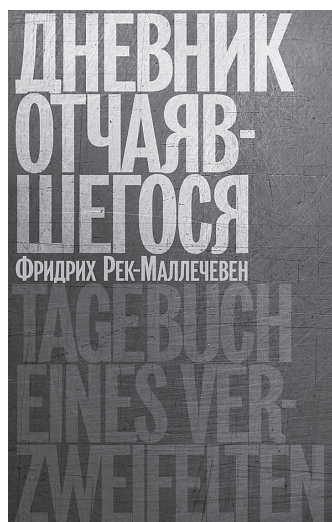
Гитлер истреблял не только евреев, цыган и славян. Прогрывая войну, он был готов истребить и немцев, отдав в марте 1945 года два приказа: очистить от населения территории страны, находящиеся под угрозой захвата, то есть согнать со своих мест сотни тысяч людей, а также уничтожить все материальные ценности, которые могут попасть в руки противника. Гитлер имел для этого идейное обоснование: проиграв, немцы выказали себя слабым народом, поэтому будущее принадлежит не им, а более сильному народу с Востока. Все немцы, говорит он, кто выживет после такой борьбы, «неполноценны, потому что лучшие погибли» (с. 247).

Как пишет Хафнер, немцы интересовали Гитлера только как инструмент власти, но, получив полную власть, он утратил адекватность восприятия мира – другими словами, жил в каком-то своем мире. Не был он, как утверждает автор, и государственным, потому что пожертвовал немецкой государственностью во имя мобилизации народа и собственной несменяемости. «В конечной стадии своего политического пути немецкий ультранационалист Гитлер стал предателем Германии» (с. 234).

Завершая книгу, Себастьян Хафнер говорит, что немецкая история не кончилась вместе с Гитлером. Процесс денацификации сделал невозможным успех политика, который рискнул бы поднять фюрера на предвыборный щит. Но и делать вид, что в истории страны не было такого Гитлера, – это ошибка, считает он, ибо тот, кто так поступает, сам того не ведая, исполняет последнюю волю тирана.

СЕРГЕЙ ГОГИН

Дневник отчаявшегося

Фридрих Рек-Маллечевен

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. – 320 с. – 3000 экз.

Гитлер в юности хотел стать художником, но провалил вступительные экзамены в Венскую академию изобразительных искусств, хотя потом в течение пяти лет продавал свои открытки и акварели через магазин еврейского (!) торговца. Этот униительный провал мог послужить толчком к развитию у Гитлера одержимости, а его дальнейшая политическая карьера могла стать формой гиперкомпенсации для человека, считавшего себя непризнанным гением. Если допустить, что у любой войны всегда есть субъективная причина – в этой роли выступает некто, отдающий приказ двинуть войска через границу, – то, наверное, можно согласиться и с гипотезой Фридриха Рек-Маллечевена из его «Дневника отчаявшегося»:

«Если бы немецкое правительство создало мастерскую этому монстру, оплатило бы прессу, которая прославила его как величайшего художника всех времен и народов, своевременно удовлетворив таким образом его чрезмерное тщеславие, полагая, его направили бы на вполне безопасный путь и он никогда бы не подумал поджечь мир» (с. 38).

Фридрих Рек-Маллечевен (1884–1945) – немецкий аристократ, врач, путешественник, журналист и писатель, автор популярных романов, а в годы германского «рейха» – «внутренний эмигрант», враждебно настроенный по отношению к Гитлеру и диктатуре нацизма. Он был арестован по доносу издательства в конце 1944 года за оппозиционные высказывания и в 1945-м погиб в концлагере Дахау. Свои дневники он тайно вел с 1936-го по 1944 год, несмотря на постоянную угрозу доноса, потому что верил, что его записи «однажды внесут свою лепту в историю нацизма» (с. 61). Дневники сохранились и стали важным человеческим документом.

Рек-Маллечевен не эмигрировал из Германии ни перед войной, ни после ее начала, хотя не питал никаких иллюзий по поводу нацизма и знал, что тот толкает страну к катастрофе, что приближающаяся Вторая мировая война приведет к гибели множества людей. Благодаря знанию ли жизни, логики истории или навязчивому предчувствию, он в 1937 году предрекал, что немецкая проблема скоро станет проблемой общеевропейской. Почему не уехал? О причинах можно только догадываться. Он был истинным аристократом, и его аристократическое презрение к нацизму, вероятно, удержало его от бегства, не позволило выказать страх перед необразованными нацистскими хамами и плебеями. В конце концов, он просто любил свою

Германию, еще точнее, свою Баварию: «Я – немец, эту страну, в которой я живу, я принимаю всем своим сердцем. Стоит вытащить меня со всеми корнями из этой земли, и я засохну» (с. 87). Не будет ошибкой назвать Рек-Маллечевена патриотом Германии, но только не той «карикатуры на Германию, которую разыгрывает сорвавшаяся с цепи злая обезьяна» (с. 88).

Это был патриотизм критического свойства, любовь с открытыми глазами, поэтому автор дневника знал, что «нужно ненавидеть эту Германию всем сердцем, если ее действительно любишь» (там же). В своем тайном дневнике он шлет проклятия нацистам, которые поработили землю и сломали просвещенный дух его страны. Удел такого рода несогласных – «смертельное одиночество» и «наполненный страданиями воздух катакомб» (с. 62). Из своей катакомбной оппозиции Рек-Маллечевен пишет, обращаясь к тем, кто уехал:

«Поймете ли вы, что значит жить столько лет с ненавистью в сердце, ложиться с ненавистью, видеть ненависть во сне и просыпаться с ненавистью утром, – и все это в годы негарантированности твоих прав, без малейшего компромисса, без единого “хайль Гитлер”, без обязательного посещения собрания и с клеймом нелегальности на лбу?» (там же).

Осознавая и фиксируя специфический разрыв между теми, кто уехал и кто остался, Рек-Маллечевен предвидит, что этот разрыв может принять цивилизационный характер, и поэтому риторически вопрошает: а сможем ли мы говорить на одном языке с вами, которые потом вернутся?

Рек-Маллечевен – баварец, аристократ, консерватор, католик, и с позиций каждой из этих своих идентичностей автор рассуждает о происхождении германского национал-социализма и его последствиях для мира. Эти, местами спорные, мировоззренческие позиции автора комментирует в своем послесловии санкт-петербургский критик, публицист, писатель и переводчик Никита Елисеев (именно он блестяще перевел две книги немецкого журналиста Себастьяна Хафнера, «История одного немца» и «Некто Гитлер»). В частности, будучи баварцем до мозга костей, Рек-Маллечевен ненавидел Пруссию, пруссачество и ту объединенную пруссаками Германию, которую они превратили в «агрессивный, вооруженный до зубов рейх» (с. 304), причем нацизм автор считает продолжением этого злобного пруссачества, «искадившего облик германского народа» (с. 305). Для аристократа Рек-Маллечевена фашизм – это взбунтовавшийся плебс из подворотни, который вообразил себя элитой. Для консерватора Рек-Маллечевена нацисты – «наследники кровожадных якобинцев; безжалостные модернизаторы, работающие на пользу крупнейших капита-

листических корпораций» (с. 313). Как сознательный католик, он не принимает национализм ни в каком виде и верит в победу добра над злом, не отождествляя ее при этом с прогрессом технологий.

Осознавая и фиксируя разрыв между теми, кто уехал и кто остался, Рек-Маллечевен предвидит, что этот разрыв может принять цивилизационный характер, и поэтому риторически вопрошает: а сможем ли мы говорить на одном языке с вами, которые потом вернутся?

Когда Рек-Маллечевен пишет о Гитлере, его письмо становится эмоциональным, пронизанным пафосом ненависти, а его определения – уничижительными: «ротный придурок», «жалкое пугало», «экскрементальная личность» в руководящем кресле, «пигмей», вершащий судьбы Германии, «опьяненный властью шизофреник». Чтобы объяснить себе и потенциальному читателю, откуда взялась эта ничтожная личность, он периодически ставит фюреру диагнозы в стиле фрейдовского психоанализа – например, такой: «С сатанинским упорством меченого человека и с ненавистью зачатого в бесчестной постели он ненавидит все, что выросло прямым и здоровым» (с. 221). Автор дневника признается, что с радостью готов был погибнуть, если бы смог своей ненавистью увлечь Гитлера в бездну. Рек-Маллечевен пишет, что осенью 1932 года встретил Гитлера в почти безлюдном ресторане и, имея при себе оружие, мог бы его застрелить:

«Я бы сделал это, если бы осознавал роль этого наглеца и предвидел наши многолетние страдания. В то время я принимал его лишь за героя юмористической газеты и не стал стрелять» (с. 39).

Впрочем, он тут же признает, что это было бы бесполезно в силу некой высшей предрежденности национального мученичества немцев, а потому не сдерживает своего презрения и к превращенному в аморфную массу «глубинному народу», отказываясь признать в нем нацию. Допуская роль национализма как метафизического центра, придающего народу силу и мощь, он недоумевает, «почему к этому скоплению получателей зарплаты, одичавших фельдфебелей и печатающих полудевиц следует обращаться как к нации?» (с. 154). Рек-Маллечевен остро переживает стыд за свой народ, а также свое одиночество среди него:

«Я задыхаюсь от осознания, что нахожусь в плену у орды злобных обезьян, и ломаю голову над вечной загадкой – как народ, который еще несколько лет назад так ревностно охранял свои права, в одночасье погрузился в летаргию, в которой не только терпит господство вчерашних бездельников, но и, какой стыд, уже *неспособен ощутить свой собственный позор как позор*» (с. 32, курсив автора).

Автор со стыдом пишет об «эякуляции воодушевления» (с. 105), о массовом психозе, который охватывал немцев на торжествах с участием фюрера, когда «восторженные женщины глотали гравий, которого касалась его нога» (с. 72–73). А ведь перед ними был всего лишь человек в надвинутой на лоб фуражке, похожий на кондуктора трамвая, с дряблым телом и отечным лицом:

«Никакого сияния, никакого огня и озарения, ниспосланного богом... на лице клеймо сексуальной неполноценности, скрытая злость получеловека, который вымещает гнев, издеваясь над другими. И все же этот упрямый и, в конечном счете, идиотский приветствующий рев... истеричные женщины вокруг, подростки в трансе, целая нация в состоянии духа воюющих дервишей» (с. 106).

Метаморфоза, произошедшая с нацией, настолько чудовищна, что у Рек-Маллечевена нет рационального объяснения этому и потому он прибегает к объяснению эзотерическому и мистическому: «За всеми зверствами и беспрецедентным отрывом, в общем-то, хорошего народа от морали стоит космический процесс, гигантский психоз и освобождение связанной орды демонов» (с. 172). В продолжение этой мысли Никита Елисеев напоминает в своем послесловии, что истовая вера в прогресс, в его мудрую организующую руку ошибочна:

«Кто сказал, что прогресс необратим? Кто сказал, что человечество не может погибнуть? Кто сказал, что человечество не может вернуться во времена варварства и стагнации? Разве такие возможности не должен учитывать думающий человек? Рек-Маллечевен учитывает» (с. 314).

Рек-Маллечевен знал, что за свое безумство немецкому народу придется дорого заплатить, что его неспособен исцелить ни один врач, поскольку такое лечится только «железом и огнем», то есть поражением в войне. Автор книги думал о будущем страны и даже говорил об этом с теми, с кем можно было об этом говорить, хотя в то время участие в любой оппозиционной деятельности было смертельно опасным. Помимо освобождения Германии от «прусской гегемонии», его программа будущего включала несколько существенных пунктов, в частности:

«Немедленное предъявление обвинений в государственной измене всем, кто причастен к зарождению гитлеровского режима, [...] немедленное предъявление обвинений всем генералам, ответственным за продолжение войны» (с. 250).

Это было написано в 1943 году – как свидетельство того, что идея Нюрнбергского процесса над гитлеризмом зародилась в среде немецких интеллектуалов еще до окончания войны.

СЕРГЕЙ ГОГИН

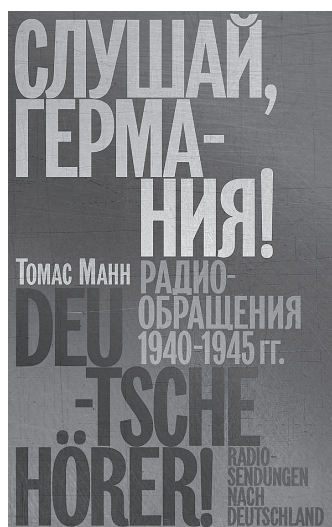
Слушай, Германия! Радиообращения 1940–1945 гг.

ТОМАС МАНН

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2024. – 336 с. – 1500 экз.

Пожалуйста, выберите время,
Выключите радио, отоспитесь
И почувствуйте в себе наличие мозга,
Этой мощной и негибкой системы.

Давид Самойлов. «Свободный стих»

На страницах этой книги, составленной, переведенной и комментированной Игорем Эбаноидзе, классик немецкой (и мировой) литературы Томас Манн предстает в несколько непривычной ипостаси радиоведущего. Причем он не презентует публике свой новый роман, обсуждая его с любезным и остроумным интервьюером; не рассказывает о себе и своих творческих планах; не читает вслух, баюкая (или вгоняя в сон) невидимого визави. Идет Вторая мировая война, и Манн «работает» пропагандистом. Цель его воззваний, транслировавшихся в эфир с 1940-го по 1945 год, – донести до соотечественников-немцев мысль о том, как они нужны своей родной стране, и напомнить им, что имя этой страны не «третий рейх», но Германия.

«ЭТО ЖЕ БРЕД, НЕМЦЫ»

С соотечественниками Манн, мягко говоря, не ласков и совершенно не старается расположить их к себе ни словами сочувствия, ни деликатным намеком на понимание трудностей и противоречий, которыми полнилась краткая история единой Германии и которые в итоге обусловили подъем национал-социализма. В каждом обращении он прямо говорит о при-

частности немцев к преступлениям и зверствам, творимым нацистами: «к слишком ужасным последствиям привели по-датливость, внушаемость, опьяняемость и политическая незрелость нашего народа» (с. 153).

Манн не склонен к нюансированию при определении виновных, не стремится подтолкнуть своих слушателей к осуждению нацизма и созданного им мира, или к более простой (и менее сопряженной с муками совести) операции по возложению вины на нацистскую верхушку и присвоению фюреру еще одного «почетного» звания – козла отпущения.

«Немецкому народу отмщается за его безумие и угар; он должен заплатить за веру в свое преимущественное право на насилие, которое ему внушили его гнусные учителя, – и, к сожалению, это лишь начало расплаты. Нужно ли, немцы, говорить вам, что то, от чего вы сейчас страдаете, идет не от жестокости и brutality других, а проистекает из самого национал-социализма? Он нес в себе это с самого начала, ничего другого выйти из него не могло. Это нужно было увидеть в 1932-м или 1933-м. То, что Германия этого не увидела, пока еще было время, – ее тяжкая вина» (с. 220).

«Единственный опыт, способный привести Германию в чувство, – опыт катастрофического, неоспоримого и очевидного поражения, опыт оккупации и временного лишения государственной самостоятельности, опыт всевозможных превентивных мер, необходимых, чтобы надолго сделать невозможной всякую дальнейшую агрессивность, – этот опыт вас, немцы, не минует» (с. 222).

Нам, читающими эти строки сегодня, нетрудно признать правоту Манна, хотя бы в силу наличествующего представления о ходе истории: всем известно, чем кончилась Вторая мировая война и какая сторона – в моральном и юридическом отношении – ее проиграла. Однако каково было современникам Манна, записывавшего свои обращения в США, слушать откуда-то из-за границы нескончаемые упреки и напоминания о скором возмездии, да еще и делать это украдкой, поскольку режим тщательно следил за содержимым обволакивающего его информационного поля? Этот режим публично сжигал книги, написанные Манном, видя в нем врага немцев и всего подлинно немецкого. Писатель в свою очередь отвечал режиму ненавистью и презрением. Не мог ли Манн способствовать его краху, занимаясь деморализацией соотечественников? Мог, надо думать, однако ничего подобного не делал. Чтобы это предположение подтвердить, обратимся к иным, помимо все-народной вины и неизбежности наказания, лейтмотивам его радиообращений.

РАЗУМ ПРОТИВ ЧУВСТВА:
ИЗБРАННЫЕ КНИГИ
О ПРАКТИКАХ НАЦИЗМА
И СОПРОТИВЛЕНИЯ ЕМУ

«МОЯ ОТЧИЗНА, КТО ТЕБЯ СПАСЕТ?»

При знакомстве с текстами военных радиообращений Манна сложно не заметить, что некоторые идеи воспроизводятся в них в качестве постоянного рефрена: немецкий народ виноват, ему предстоит искупить свою вину, и, главное, искупление возможно; проигрыш в войне не есть гибель Германии, как и Германия не есть национал-социализм; заключение мира с нацистами невозможно, но возможно их уничтожение; будущее настанет – и в нем найдется место для всех, кто разделяет ценности мирного существования и свободы.

Эти мысли переходят из обращения в обращение на протяжении пяти лет, обретая различные словесные формулировки, но при том неизменно оставаясь узнаваемыми. О ходе времени свидетельствуют упоминания крупных сражений, зверств нацистов в разных странах Европы, конференций, определявших конфигурации обязательств союзников. Однако Манн в своих речах не занимается политическим прогнозированием и аналитическими изысканиями, результаты которых помогли бы подтвердить правоту его суждений, не засыпает своих слушателей фактами и цифрами, чтобы позволить им уверовать в неминуемую победу антигитлеровской коалиции и принять прагматическое решение отмежеваться от нацизма, встав на сторону победителей. Немцы, по его мнению, и так проявили чересчур много прагматизма, деловитости и чуждой им политической сметки, не сумев из-за этого продемонстрировать массового неприятия национал-социализма. Если они и были способны разглядеть подлинную природу новой власти, то в целом выказывали готовность мириться с ней и с ее методами при условии, что псевдогероическая кровавая «стряпня на кухне истории» (с. 85), которую эта власть затеяла, в итоге позволит им вкусить мирового господства.

«Чем дольше длится война, тем отчаяннее запутывается этот народ в силках вины, а война продолжается по одной-единственной причине – из-за того, что вам, немцам, кажется, *будто останавливаться уже поздно*. Вы чувствуете: произошло слишком многое, чтобы можно было еще сдать назад, вас охватывает ужас при мысли о расплате и искуплении. Вы должны победить, думается вам, чтобы революция бестиализма распространилась на весь мир и под знаком ее было достигнуто угрюмое согласие между вами и остальным миром. Но такому не дано случиться. Я вижу воочию, что мир полон решимости сделать все возможное, чтобы избежать судьбы, которая может столкнуть его с вашим бестиализмом, и силе вашего отчаяния не одолеть воли трех четвертей человечества... *Очищение* должно прийти изнутри – потому что извне может прийти только месть и наказание, но не очищение. Я всегда возражаю

возражаю тем, кто настаивает на идущем извне принудительном воспитании немецкого народа после того, как падет гитлеризм. Всякое преобразование, отвечаю я им, – *дело самого немецкого народа* и должно оставаться таковым» (с. 136, курсив мой. – Е.З.).

РАЗУМ ПРОТИВ ЧУВСТВА:
ИЗБРАННЫЕ КНИГИ
О ПРАКТИКАХ НАЦИЗМА
И СОПРОТИВЛЕНИЯ ЕМУ

Писатель видит свою задачу в том, чтобы посредством своей пропаганды, которая по идейному содержанию выступает антиподом пропаганды нацистской, избавить соотечественников «от мании немецкого сверхчеловечества» (с. 273). Судя по цитате выше, он верит, что немцы действительно на это способны; однако им нужно увидеть и прочувствовать эту способность, проникнуться ее ценностью. Манн верит в свой народ, но эта вера не имеет эзотерического характера: она коренится не в осознании исключительности немцев как нации, железная воля и единство которой делают для нее посильными даже самые тяжелые решения, но, напротив, в глубоком постижении ее природы и ее слабостей.

Манн верит в свой народ, но эта вера коренится не в осознании исключительности немцев как нации, железная воля и единство которой делают для нее посильными даже самые тяжелые решения, но, напротив, в глубоком постижении ее природы и ее слабостей.

Именно в последних, как в ярчайшем проявлении *человечности*, Манн видит залог возможного успеха своей «воспитательной» работы. Немцы, будучи народом, долгое время не имевшим единого государства, неопытны в делах геополитики, но вместо того, чтобы извлечь из этой неопытности пользу для себя и, не изменяя себе, обогащать свою культуру, они решили примерить на себя чуждую им роль вершителей политических судеб других народов:

«Немецкий народ изменился с тех пор, как на нем лежит проклятие геополитики; он, без всякого преувеличения, стал карикатурой на себя и кошмаром не только для прежде готового восхищаться им мира, но и для самого себя; он, наконец, в наши дни принял на себя беспрецедентное духовное и гражданское бесчестие, а именно: национал-социализм» (с. 52).

Иными словами, ключ к спасению есть, но воспользоваться им должны решить *сами немцы*, развеяв морок нацизма и вновь обрета себя.

«УПОРСТВО, КОТОРОЕ БРУТАЛЬНОСТИ НЕ ПО ЗУБАМ»

Сотворенное Манном полотно, на котором запечатлена логика отказа немца от нацизма, остается незавершенным. Это своего рода коллективное творчество, и последний, решающий штрих, который может либо подчеркнуть, либо перечеркнуть все сказанное Манном, предстоит сделать самим немцам. Стоит обратить на это внимание, поскольку, приглашая соотечественников в соавторы их собственной истории, Манн признает за немцами право на статус, в котором им отказывали нацистские власти: быть людьми, осознающими свою индивидуальность, людьми, неправыми и сомневающимися.

«Что последние [нацисты] всегда обожали, так это создавать новые окончательные реалии. И самой окончательной реальией всегда остается уничтожение» (с. 119).

В то время как «фашизму свойственно воспитывать в людях неверие в значимость индивидуальной позиции, в возможность индивидуального сопротивления» (с. 25), Манн пытается воззвать именно к индивидуальностям немцев, поскольку его писательское знание человеческой природы подсказывает: нацизм противен человеческой природе и не дает ответов на мучающие человека вопросы. Он способен лишь уничтожать поводы для этих вопросов, делая ткань жизни, в том числе и тот ее пласт, который охватывает отношения человека и государства, однообразной и не допускающей поиска смысла.

«Древнегреческий миф повествует о царе Мидасе, который превращал все, к чему прикасался, в золото. В наши дни всем довелось узнать, что бывают прикосновения, мгновенно превращающие все, даже самое благородное, в дерьмо. Такой отвратительной способностью наделен национал-социализм... И что же сделал национал-социализм, этот анти-Мидас, из золота любви к родине? Разумеется, дерьмо» (с. 163–165).

РАЗГОВОР ВНЕ ВРЕМЕНИ

В рецензии затронуты далеко не все вопросы, которые могут возникнуть у читателя, взявшегося за эту книгу. Можно заниматься текстологическим анализом речей Манна, пытаясь проследить, насколько используемые им образы и средства их создания уникальны для этих выступлений или же, напротив, продолжают идеи и художественные формы, знакомые ценителям его творчества. Можно заниматься изучением политической плоскости вопроса отказа от нацизма и видением Манном демократии, о ценности которой он неоднократно напоминает

на страницах этой книги. Можно, оглядываясь на моральные дилеммы сегодняшнего дня, сфокусировать внимание на последней части книги, где в форме писем представлена дискуссия Манна, покинувшего Германию, чтобы остаться немцем, с писателями-соотечественниками, пытавшимися уйти от нацизма во «внутреннюю эмиграцию». Можно думать о том, где проходит линия, разграничивающая здоровый патриотизм и манию национального самовозвеличивания. Можно изучать дихотомии и полифонии смыслов, в контекстах которых трудился Манн: исторический выбор немецкого народа и антиисторичная природа нацизма; бесславная победа и созидательный потенциал поражения; родина и государство, которое будто бы должно выступать ее материальным воплощением; индивидуальность как продолжение традиции – и так далее. Несмотря на то, что совсем скоро исполнится сто лет с того момента, как Манн взялся за работу над этими текстами, он, как настоящий художник, сумел, опираясь на современные ему реалии, приоткрыть нам заложенную в них вневременную суть.

ЕКАТЕРИНА ЗАХАРОВА

РАЗУМ ПРОТИВ ЧУВСТВА:
ИЗБРАННЫЕ КНИГИ
О ПРАКТИКАХ НАЦИЗМА
И СОПРОТИВЛЕНИЯ ЕМУ

Европа-плюс и Гейропа-минус

ЕВРОЦЕННОСТИ

В ходе одного из исследований «Левада-центра»¹ в 2023–2024 годах проводились групповые дискуссии с людьми, которые считали европейские ценности близкими или, наоборот, чуждыми себе². Участников с диаметрально противоположными взглядами приглашали за один стол и примечательным было даже не различие их позиций, а то, что в какой-то степени они побаивались друг друга.

Люди с проевропейскими установками явно чувствовали, что представляют меньшинство и что их оппоненты не просто большинство, но те, на чьей

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

2 Предпочтения участников выяснялись заранее. Никакого толкования слов «европейские ценности» им не предлагалось. Исследователи исходили из того, что в современном русском языке за этим словосочетанием закреплён определённый и понятный участникам смысл, который оценивается либо положительно либо отрицательно. Тесты подтвердили обоснованность такого подхода.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

стороне государство со всей его силой. Внутренней опорой «проевропейцев» была честь российской интеллигенции, для которой ценности, называемые европейскими, были крайне значимы.

Противоположная сторона была исполнена куражу: они в самом деле чувствовали, что за ними сила большинства и, что важнее, власти. Но иногда в запале спора они теряли контроль над собой и в их поведении чувствовались некоторая неуверенность и опаска. А точно ли мы эту Европу окончательно обошли и морально победили? А может ли правда быть все же за «проевропейским», во что эти интеллигенты еще верят, а мы – уже нет?

Тема отношений к Западу, к Европе для российского массового сознания не является вопросом лишь внешней политики. Это вопрос общих мировоззренческих установок в политике внутренней, в отношении к власти, к событиям внутренней жизни, даже во взаимоотношениях между людьми. Проевропейский комплекс можно назвать «старым», он восходит к западной традиции в российской культуре и к умонастроениям 1990-х с их тенденциями сближения с Европой в настроениях, модах и в экономическом взаимодействии. Он предполагает принятие европейских ценностей как базовых и потому в идеологическом отношении тяготеет к либеральным воззрениям. В современной России он оказывается в подавленном состоянии, оппозиционным, предполагающем критическое отношение к нынешней политике власти – в частности, в Украине.

Антиевропейский комплекс также имеет весьма старые корни, но в современной России он более «новый» в том смысле, что совпадает с политической линией, принятой Владимиром Путиным в 2004 году в связи с угрозой,

которую российские власти увидели в «оранжевой революции» в Украине и наметившемся прозападном тренде ее развития. Линия была продолжена в «мюнхенской речи» Путина (2007) и развилась в реальное противостояние России и Запада после Крыма (2014), за которым последовали санкции и контрсанкции. В массовом сознании эти процессы проявились в формировании нового патриотического комплекса – антизападного и антилиберального, милитаристского и провластного.

«Старый» проевропейский комплекс, заметно более консистентный и проработанный, в «новом» же у респондентов часто не сходятся концы с концами, цепочки обоснований здесь редко имеют больше двух звеньев. Главное объяснение респондентами того, почему они настроены против Европы, сводится к тому, что *Европа против нас*. А почему? *Потому что она всегда была против России*. При этом понимание европейских ценностей в действии, понимание условий жизни в Европе как их практической реализации вполне присутствует в сознании как про-, так и антиевропейски настроенных россиян. Разница в том, что для первых они являются нормой – увы, недостижимой, – а у вторых вызывают скрытую зависть, проявляющуюся как раздражение, стремление дискредитировать или отрицать их наличие.

ТОЛЕРАСТЫ

В контексте разговора про европейские ценности довольно часто речь заходит про *толерантность*. Следует пояснить, что в современном словоупотреблении, особенно в кругах антиевропейски настроенных (а это нередко респонденты с относительно более низким уровнем

образования и кругозора), словарное значение этого понятия неизвестно или присутствует как ироническое иносказание. Имеется в виду, что в некоторых странах Европы признаны легитимными однополые браки и прочие варианты отношений полов, рассматриваемые российским массовым сознанием как недопустимые, порочные, патологические, извращенные. Респонденты, которые меньше стесняются, говорят о *толерантах*, встречаются и более грубые выражения. Слово *Гейропа*, появившееся в период первого всплеска этих антиевропейских сантиментов в кругах относительно узких и высоких, ныне в ходу в кругах более широких и менее просвещенных в подобных вопросах.

Характерно, что в российской трактовке толерантность стала пониматься не как согласие одних групп на особость норм других групп (меньшинств), а как капитуляция общества, дающего согласие на то, что практики меньшинства распространятся (или будут распространены намеренно) на всех. Отсюда страхи, что Запад навязывает нам *всем* гомосексуализм, что *все* перейдут на однополые связи, дети перестанут рождаться, нация исчезнет. Как и в предшествующую волну претензий в адрес Европы (в основном после 2014 года), тема однополых браков и связанной с этим проблематики стала основной претензией, оттеснив даже недовольство тем, что европейские страны оказывают военную помощь Украине.

Гомофобия часто становится элементом политики режимов, подобных нынешнему в России, однако массовое негодование обращено не столько против людей, практикующих однополые отношения у нас в стране или в Европе, сколько против того, что «Европа нам это навязывает» – в основном, по словам респондентов, посредством интер-

нета. Это рассматривается как серьезная угроза существованию России: для одних – из-за потери россиянами своей идентичности («они хотят сделать нас такими, как они»), для других – из-за рисков снижения рождаемости, сокращения населения и следующей из этого невозможности защитить свои границы. Поэтому часто здесь же поминают пропаганду *childfree*.

В России происходит сокращение рождаемости и преобладает малодетность в среде русского большинства, но в то же время сохраняется многодетность среди сопричастующих этносов с Северного Кавказа и из Центральной Азии. Страх потери доминантной позиции из-за того, что «мы, русские, не хотим рожать больше детей, а они плодятся как...», иногда прорывается как у отдельных участников фокус-групп, так и у публичных фигур. Но страх этот по большей части латентный и проявляется в виде агрессии против «врагов», которым приписывается отрицательное влияние на способность россиян рождать и растить детей. Потому страх и возмущение вызывают более *толерантное* отношение в Европе к однополым отношениям и к усыновлению иностранцами российских детей.

СВОБОДА: 40 ЗА И 40 ПРОТИВ

Помимо фокус-групп отношение к Европе и европейским ценностям выяснялось с помощью специальных тестов, проводившихся в 2024 году. Участникам предлагалось продолжить фразу «Европа – это...». В результате были получены два набора по 160 суждений от респондентов двух противоположных ориентаций.

Обзор высказываний позволяет заключить, что в сознании каждой группы

Европа присутствует как воображаемое пространство, противоположное России. Информанты наделяют свою воображаемую Европу признаками и атрибутами, отсутствующими в российской жизни. В дискурсе «проевропейцев» это позитивные качества, которые они хотели бы видеть в России. В дискурсе «антиевропейцев», напротив, это негативные черты, приписываемые ими Европе, которых в России нет и, по их мнению, быть не должно.

Анализ показывает, что в обоих случаях респонденты имеют в виду свой идеал *социального государства*. «Проевропейцы» приписывают Европе заботу о населении, попечение о социально слабых, комфорт, красоту, чистоту городов. У «антиевропейцев» Европа именно этого и лишена, а ее население обречено страдать от отсутствия должной опеки со стороны государства, грязи и неустроенности. «Проевропейцы» говорят об удобстве, здоровом образе жизни, «антиевропейцы» – о тяготах, плохом здравоохранении. «Проевропейцы» – о благополучии, «антиевропейцы» – о бедности.

За небольшими исключениями, и положительные и отрицательные описания европейской жизни являются придуманными. Наши наблюдения на многочисленных фокус-группах на данную тему указывают, что даже те, кто до начала СВО бывал в Европе, под влиянием общих трендов вытесняют из памяти свои реальные впечатления и заменяют их расхожими штампами. Примечательно, что благостная картина процветающей Европы у одних и мрачный образ Европы загнивающей, катящейся к упадку, у других не содержит материальных объяснений этих состояний, но активно

оперирует различными *моральными* основаниями происходящего.

Частотный анализ наиболее повторяемых респондентами понятий показывает, что у «проевропейцев» это слова *свобода* и *свободный(-ая)*. В шести случаях это были утверждения вида «Европа – это свобода», в четырнадцати случаях речь шла про «свободу слова», еще в пяти случаях про «свободу мнения», «свободу выражения своего мнения», «свободу самовыражения». Также встречались сочетания слова «свобода» с действиями вроде «свобода передвижения», «свобода выбора», «свобода выбора сексуальной ориентации»³.

Полный список свобод, названных «проевропейцами», включает 42 позиции. В массиве проевропейских высказываний другие повторяющиеся слова, например *культура* или *образование*, встречаются в семь–десять раз реже. Следует по достоинству оценить этот результат: видно острое ощущение отсутствия свободы в России – это главная проблема, которая волнует «проевропейцев». Именно свободу они хотели бы перенять у Европы и сожалеют, что этого не происходит.

В высказываниях «антиевропейцев» почти с такой же частотой – 40 раз – присутствуют упоминания гомосексуальных отношений и всего круга понятий и образов, которые с ними связаны. Подчеркнем, что эти отношения трактуются массовым сознанием не как разновидности человеческих чувств или влечений, не как биологические или физиологические явления, но как моральные преступления (разврат). Здесь также звучит проблематика свободы, свободы сексуальной, которую, по мнению некоторых участников

3 Отметим как упоминание в проевропейском дискурсе этой свободы, так и то обстоятельство, что в ходе исследования она была указана «проевропейцами» лишь один раз. Уже в этом видно различие по отношению к этому вопросу с «антиевропейцами».

фокус-групп, Европа стремится навязать России – и чего они ни в коем случае не хотели бы допустить.

Из опыта «проевропейцев», покинувших Россию после начала СВО, мы знаем, что многие из них намеревались попасть именно в европейские страны, и там им пришлось понять, насколько имевшийся у них образ Европы отличается от реального положения вещей. Что-то из испытанных ими трудностей совпадает с отдельными высказываниями «антиевропейцев». Но главного, в чем те обвиняют Европу, они не встретили.

Показательно полное отсутствие в высказываниях обеих сторон чего бы то ни было, указывающего на военные действия, идущие к моменту исследования на территории Европы уже почти три года. «Антиевропейцы» ни разу не коснулись того обстоятельства, что многие страны Европы поставляют оружие Украине. Более того, хотя в их сентенциях и есть некоторые маркеры современности (торжество глобалистов и ультраглобалистов, крах либеральной повестки, либеральные ценности), регулярно встречаются примеры языка пропаганды тех времен, когда СССР вел «холодную войну» с Западом: «Европа – это мир капитализма, где деньги важнее морали и принципов», «доминирование материализма над духовными ценностями».

ДЕМОКРАТИЯ МЕНЬШИНСТВ

В странах западноевропейского культурного ареала в последние десятилетия совершается грандиозный социальный переход – от демократии большинства к демократии меньшинств. Формальный принцип, согласно которому воля или норма большинства должна быть обязательной для меньшинств(а), со-

храняется в электоральной процедуре и в некоторых институциональных механизмах, как правило, регулируемых писаным правом, созданным, к тому же несколько поколений назад.

В сфере же культуры, в повседневной жизни, где действуют в основном неписанные нормы, более гибкие регуляторы, возникает новый социальный порядок, в котором общество видит себя состоящим из множества групп (если угодно – меньшинств), объединенных общим для всех интересом сосуществования. Во взаимодействии друг с другом каждая из групп может заявлять свое частное преимущество перед другими, которое может теми признаваться или нет, но ни одна группа не может претендовать на власть над любой другой.

В такой обстановке проявили себя последствия сексуальной революции (затем контрреволюции), феминизма и ряда других тенденций в западноевропейской культуре. Они реализовались в виде повышенного интереса части общества к сексуальным практикам отдельных меньшинств. Интересы социального, а не сексуального характера. На примере публичного поведения этих меньшинств и реакции на него других групп отрабатываются механизмы толерантности.

Толерантность здесь – это сложный вид избирательного социального контроля. Общество (или множество групп, чувствующих себя таковым) разрешает некоему меньшинству нарушение норм, которые в остальных группах соблюдаются и от которых отказываться не собираются. Соглашается при условии, что нарушение этих норм в отдельной группе не наносит вреда остальным и что этой группой признаются базовые ценности, соблюдаются базовые нормы, конституирующие данное общество как целое.

Понимаемая таким образом толерантность означает, что меньшинства, чьи практики и нормы отличаются от практик и норм большинства, получают признанные другими права на свое отличие и демонстрируют это. Это прямо противоречит принципам демократии большинства, а волнующие сердца россиян «гей-парады» – как публичные общезначимые события – являются не торжеством половых извращений, а празднованием свободы как ценности всего общества, а не привилегии отдельных его групп.

Российское общество находится на другой стадии развития. В конце 1980-х – начале 1990-х оно пережило слом социальных конструкций, созданных за время «строительства социализма». На руинах прежней социальной структуры начала складываться новая социальная организация. Бурное развитие частной инициативы (в том числе предпринимательства) вкупе с бурным же формированием разного рода социальных объединений и организаций открывали перспективу плюрализма, формирования некоего подобия демократии меньшинств.

Однако в экономике и политике стали брать верх централизация и монополизация, в основном с одобрением встре-

ченные публикой, не успевшей вкушать радостей плюрализма и тяготеющей к демократии большинства, а в пределе – к тоталитаризму как власти «всех» над «всеми». Такая форма реакции и на развал советского социального порядка, и на временное торжество постсоветских плюралистических и анархистских начал стала в том числе причиной того, что в возникшей социальной организации особенно заметна тоталитарная сверхценность единства, объединения «всех» вокруг одного символического центра.

Соседство и мирное сосуществование этой системы с той, которая выше обозначалась как «европейская», было возможно, но при условии, что российская культура «понимала» бы и могла бы почувствовать родство с тем социальным и культурным порядком, который европейская цивилизация прожила и из которого по сути уже ушла. Новый же социальный и культурный порядок Европы чужд всему строю современной российской культуры и ее социальнойности. Как возможная перспектива он особенно чужд группам, которые при нынешнем строе возглавляют его движение к тоталитаризму. Для них в плюралистическом обществе места и ресурса нет.

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Аргентинская бензопила: год первый

Приход к власти президента Хавьера Милея без преувеличения открыл новую эпоху в истории Аргентины. Сорок лет демократического развития (1983–2023), в течение которых в стране чередовались право- и левоцентристские правительства, привели к началу 2020-х ко всеобщему недовольству и разочарованию населения, что вызвало глубочайший кризис всей представительной системы.

Милей победил на выборах 2023 года без команды, фактически без партии, с минимальным количеством депутатов и сенаторов, не завоевав ни одного губернаторского поста в провинциях¹.

1 Коалиция «Свобода наступает» («La Libertad Avanza») была создана Милеем за два года до этого; на промежуточных выборах (2021) она завоевала всего три места в палате депутатов Национального конгресса. На выборах 2023 года она получила 39 (из 257) мест депутатов и шесть (из 72) – сенаторов. Тогда одновременно избирались губернаторы 21 (из 23) провинции Аргентины и глава правительства столицы –

**ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА**

Несмотря на эти, казалось бы, непреодолимые институциональные препятствия, он смог в течение года создать работоспособное правительство, которое реализует его «либертарианскую» экономическую программу, а также добиться, пусть и ценой больших усилий, одобрения Национальным конгрессом своих самых радикальных мер по сокращению бюджетных расходов и фактическому демонтажу части государственных институтов, в особенности в сфере науки, культуры, образования и социальной поддержки. В результате первая годовщина президентства Милея была отмечена его сторонниками в стране и особенно за рубежом как его экономический и политический триумф.

Поражает скорость общественных изменений в Аргентине: в кратчайшие сроки Милею удалось создать под своим руководством и вокруг своей программы фактическую коалицию, включив в нее основные политические силы правого-центристского спектра – либо как союзников, либо как «сотрудничающих оппозиционеров». В числе первых оказалось «Республиканское предложение» («Propuesta Republicana»), в числе вторых – Гражданский радикальный союз (Unión Cívica Radical), Гражданская коалиция (Coalición Cívica), почти все региональные партии.

И хотя часть политиков, депутатов и сенаторов, принадлежащих к этим силам, не готова безусловно поддерживать правительство, Милей, в конечном счете, выиграл все решающие голосования в парламенте. В июне 2024 года, после полугодового обсуждения, внесения из-

менений и политического торга Национальный конгресс принял представленный правительством «всеобъемлющий закон» (*Ley Ómnibus*) об административных, экономических, финансовых и бюджетных преобразованиях, пенсионной реформе и реформе трудовых отношений². Одновременно был принят бюджетный пакет правительства (*paquete fiscal*), включавший изменения в области налогообложения доходов и имущества граждан, а также налоговой амнистии для капиталов (*blanqueo de capitales*).

Перонистский «Союз за Родину» («Unión por la Patria»), будучи главной силой «жесткой оппозиции» и обладая самой крупной фракцией в палате депутатов (98 мест из 257), не смог противопоставить правительству сколько-нибудь последовательную и единую стратегию. В перонистской партии сосуществуют разные тенденции, борьба между которыми усилилась после поражения на президентских выборах. Кроме того, Милей, угрожая сократить субсидии непокорным провинциям, смог достаточно быстро поставить под свой контроль большую часть губернаторов, в том числе тех, кто был избран от перонистской партии. Многие депутаты, представляющие провинции в Национальном конгрессе, прислушиваются к руководящим указаниям своих губернаторов, от отношений с которыми во многом зависят перспективы их будущего переизбрания.

В сентябре 2024 года оппозиционные партии – перонисты, радикалы и «Республиканское федеральное собрание»

автономного города Буэнос-Айрес, который также имеет статус федерального субъекта Аргентинской Республики.

- 2** Его официальное название – «Закон об основах и отправных точках свободы аргентинцев» («Ley de Bases y Puntos de Partida para la Libertad de los Argentinos») – отсылает к работе отца-вдохновителя аргентинской Конституции 1853 года Хуана Баутисты Альберди, которого Милей считает своим предтечей в борьбе за свободу в Аргентине. В первоначальном варианте закона содержалось 664 статьи, число которых в процессе принятия сократилось до 250.

(«Encuentro Republicano Federal»)³ – проголосовали за закон о финансировании университетов, призванный компенсировать резкое падение их доходов из-за инфляции и проводимой политикой жесткой экономии. Милей счел принятие такого закона «безответственным», поскольку оно потребовало бы увеличения бюджетных расходов, и наложил на него вето, которое оппозиция не смогла преодолеть⁴. Месяцем ранее та же судьба постигла поддержанный объединенной оппозицией проект закона о компенсациях пенсионерам, предусматривавший более высокий уровень индексации пенсий по сравнению с предложенным правительством: голосов для преодоления президентского вето тоже не хватило⁵.

Таким образом, появившись из ниоткуда и не обладая парламентским большинством, Милей сумел полностью поставить политическую и экономическую повестку под свой контроль и фактически подчинить те политические силы, которые еще годом ранее смотрели на него с презрением как на выскочку и, по-видимому, рассчитывали использовать его для достижения

собственных целей. Милей на подъеме, он использует достигнутые за год позитивные сдвиги в экономике, чтобы решающим образом переломить в свою пользу политическое соотношение сил и динамику общественного мнения – тем более, что в октябре 2025 года предстоят промежуточные выборы в Национальный конгресс.

Главное достижение Милея в 2024 году – победа над инфляцией, провозглашавшаяся основной целью его предвыборной программы. В ноябре 2023-го, последнем месяце уходящего правительства Альберто Фернандеса, месячный индекс потребительских цен составил 12,8%, а в годовом выражении размер инфляции достиг 160,9%. 12 декабря, через два дня после вступления Милея в должность, новое правительство Аргентины объявило о девальвации национальной валюты на 100%. Это подстегнуло инфляцию: в декабре ее месячный индекс подскочил до 25,5%⁶. К маю 2024-го инфляция в годовом выражении выросла до 289,4%, хотя месячный уровень с начала года постепенно снижался⁷. В декабре 2024-го он упал до 2,7% в месяц, что в годовом выражении составило 117,8%⁸.

3 Политическая партия, созданная в 2021 году бывшим сенатором от перонистской партии Мигелем Анхелем Пичетто. В 2019-м он заключил союз с президентом Маурисио Макри (2015–2019), неудачно пытавшимся переизбраться на второй срок, и стал его кандидатом в вице-президенты. Претендуя на роль третьей силы между правым и левым центрами, блок Пичетто, принадлежащий к «сотрудничающей оппозиции» (*oposición dialoguista*), включает шестнадцать депутатов и пять сенаторов – перебежчиков из всех, главным образом региональных, партий Аргентины.

4 *Veto a la ley de Financiamiento Universitario: cuáles son los motivos de la decisión de Javier Milei* // Infobae. 2024. 3 de octubre (www.infobae.com/politica/2024/10/03/veto-a-la-ley-de-financiamiento-universitario-cuales-son-los-motivos-de-la-decision-de-javier-milei/). Для того, чтобы преодолеть президентское вето, оппозиции нужно набрать две трети голосов в каждой из палат Национального конгресса.

5 В результате вступила в действие предложенная правительством схема, согласно которой пенсии индексируются в соответствии с последними данными об инфляции, то есть с двухмесячным лагом: LEIVA M. *Jubilaciones: qué establecía la ley de movilidad que aprobó el Congreso y que vetó Javier Milei?* // Chequeado. 2024. 18 de septiembre (<https://chequeado.com/el-explicador/jubilados-cual-es-la-formula-de-movilidad-que-propone-la-oposicion-y-debate-el-senado/>).

6 *IPC de Argentina: El IPC aumenta hasta el 160,9% en noviembre en Argentina* // Expansion.com / Datosmacro.com. 2023 (<https://datosmacro.expansion.com/ipc-paises/argentina?dr=2023-11#>).

7 PAGNI C. *A Javier Milei se le alinean los astros* // La Nación. 2024. 17 de diciembre (www.lanacion.com.ar/politica/a-javier-milei-se-le-alinean-los-astros-nid17122024/).

8 *IPC de Argentina: Baja el IPC en diciembre en Argentina* // Expansion.com / Datosmacro.com. 2024 (<https://datosmacro.expansion.com/ipc-paises/argentina?sc=IPC-IG&dr=2024-12>).

Такой уровень годовой инфляции не может считаться низким даже по аргентинским меркам; он по-прежнему остается одним из самых высоких в мире – выше только в Зимбабве и Судане. К тому же снижение инфляции в Аргентине отнюдь не равномерно распространяется на все товары и услуги. Существенно быстрее росли цены в таких жизненно важных сферах, как жилье, аренда, коммунальные услуги, водо-, электро- и газоснабжение, где они выросли на 5,3% в декабре и на 248,2% за весь 2024 год, а также на медицинские страховки, образовательные услуги (169,4%), транспорт (137,8%)⁹. Тем не менее важна тенденция – разворот состоялся. При ее сохранении уровень годовой инфляции к концу 2025 года должен, согласно расчетам правительства, снизиться до 28,9%¹⁰.

Обуздание роста цен – главной беды аргентинской экономики и основного индикатора неблагополучия, нараставшего в ней в течение последнего десятилетия, – является несомненным успехом правительства Милей, которым он не перестает хвастаться на протяжении последних месяцев. По его мнению, стратегия, которую он предложил своим избирателям – «будет хуже, придется терпеть, но потом наступит улучшение», – полностью себя оправдала. Столь значительное снижение инфляции было достигнуто главным образом за

счет радикального сокращения расходов государственного бюджета: в годовом выражении на 28,1% в первые десять месяцев 2024 года (при одновременном падении доходов бюджета на 7,1%)¹¹.

Первый год своего президентского мандата Милей закончил с бюджетным профицитом в 1,7 миллиарда долларов, что составляет 0,3% ВВП. В последний раз Аргентина имела положительный баланс государственного бюджета (после выполнения всех долговых обязательств) в 2010-м, а размер профицита, достигнутый в 2024-м, стал самым высоким за шестнадцать лет¹². Это экстраординарный результат, учитывая, что Аргентина закончила 2023 год с бюджетным дефицитом в 2,9% ВВП¹³. Министр экономики Луис Капуто в этой связи подчеркнул:

«Обнародованный финансовый результат следует рассматривать как важную веху нашей истории. Это итог выдающегося лидерства нашего президента Хавьера Милей в сочетании с удивившей мир программой стабилизации, а также работы всех министров и секретарей нашего правительства, которые поняли значение бюджетной экономики [*austeridad fiscal*] как главного инструмента макроэкономической стабильности и социального мира»¹⁴.

Иначе говоря, знаменитая бензопила Милей будет продолжать работать и в 2025 году.

9 *Información inflacionaria Argentina mensual y anual* // Estudios del AMO. 2025 (<https://estudiodelamo.com/inflacion-argentina-anual-mensual/>).

10 PAGNI C. *A Javier Milei se le alinean los astros*.

11 *Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. 2024*. Comisión Económica para América Latina (CEPAL). 2024 (<https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/3aaa46ba-332e-4122-9ecc-59cf551d9d11/content#>).

12 MAZA A. *La Argentina registró el año pasado su primer superávit fiscal desde 2010* // La Nación. 2025. 17 de enero (www.infobae.com/economia/2025/01/17/la-argentina-registro-el-ano-pasado-su-primer-superavit-fiscal-desde-2010/).

13 MANZONI C. *El déficit fiscal de 2023 fue de 2,9% del PBI, lejos de la meta acordada con el FMI* // La Nación. 2024. 22 de enero (www.lanacion.com.ar/economia/el-deficit-fiscal-de-2023-fue-de-29-del-pbi-lejos-de-la-meta-acordada-con-el-fmi-nid22012024/).

14 MAZA A. *Op. cit.*

Сокращение инфляции и политика нулевого дефицита бюджета в речах и выступлениях Милея выглядят гораздо более значимыми, чем просто экономические задачи. Они имеют экзистенциальный, почти религиозный характер, это самодостаточные цели, что вполне согласуется с либертарианским мировоззрением президента Аргентины. Рынок, полностью освобожденный от вмешательства государства и связанной с ним своекорыстной «касты» чиновников, предпринимателей, профсоюзных деятелей, должен автоматически обеспечить всеобщее равновесие¹⁵. И поэтому, если вопрос об экономической и социальной цене «самой радикальной в мировой истории программы стабилизации» вообще стоит, то он, по мнению ее демиурга, имеет сугубо второстепенное значение.

Между тем цена, уже заплаченная за экономическую стабилизацию, столь же необычайна, как и сама программа. Согласно последним официальным данным, ВВП Аргентины в 2024 году сократился на 1,8% (в 2023-м он упал на 1,6%)¹⁶. В богатой взлетами и падениям экономической истории Аргентины последних десятилетий были и более резкие спады ВВП (-10,9% в 2002-м, -5,9% в 2009-м, -9,9% в 2020-м¹⁷), но они были связаны или с глубочайшим социально-экономическим кризисом (2001–2002), или с внешними шоками – мировым экономическим кризисом (2008–2009) и пандемией COVID-19 (2020).

Сокращение темпов роста в 2024 году стало результатом целенаправленной политики: радикального урезания государ-

ственных расходов и вызванного этим сокращения спроса и падения производства. Наиболее сильным оно было в строительстве и производстве строительных материалов (-24,3%), производстве машин и оборудования (-18,6%), металлургии (-17,5%), текстильной промышленности (-17,1) и производстве автомобилей (-11,3%). Общее снижение в обрабатывающей промышленности составило 9,4%¹⁸. Наиболее болезненным сокращение спроса оказалось для малых и средних предприятий, многие из которых были вынуждены или закрыться, или уйти в неформальный сектор экономики. Падение производства усугублялось до апреля–мая 2024 года, а затем начался рост, однако недостаточный, чтобы компенсировать общегодовое сокращение.

Лишь в одном отношении Аргентине повезло: в 2024-м был собран хороший – в особенности на фоне засухи предыдущего года – урожай сои, главного экспортного продукта, что позволило увеличить приток иностранной валюты в опустошенные резервы Центрального банка. Милей и министры экономического блока ожесточенно спорят с экспертами и лидерами оппозиции о том, как расценивать наметившееся во второй половине года оживление производства: как долгожданный выход из кризиса или как временное улучшение. В конечном счете, развитие ситуации зависит от действия тех экономических факторов, которых правительство пока полностью не контролирует.

Главным из этих факторов является сохранение множественного валютного

15 См.: ВОРОЖЕЙКИНА Т. *Да здравствует свобода, черт подери!* // Неприкосновенный запас. 2023. № 6(152). С. 221–232.

16 MANZONI C. *La economía cayó 1,8% durante 2024, pero se consolida la recuperación* // La Nación. 2025. 25 de febrero (www.lanacion.com.ar/economia/en-recuperacion-la-economia-crecio-55-en-diciembre-nid25022025/).

17 *World Economic Outlook Database. World Economic and Financial Survey*. International Monetary Fund. 2024. October (www.imf.org/en/Publications/WEQ/weo-database/2024/October).

18 *Índice de producción industrial manufacturero* // Industria manufacturera. 2024. Vol. 9. № 3 (www.indec.gob.ar/uploads/informesdeprensa/ipi_manufacturero_02_25835136BE5C.pdf).

курса (*серио cambiario*)¹⁹. Правительство понимает, что его отмена приведет к усилению инфляции, хотя во время избирательной кампании Милей яростно выступал не только против фиксированного курса, но и за отказ от национальной валюты вообще и даже ликвидацию Центрального банка. Но об этом сейчас уже никто не вспоминает. Зато все хорошо помнят, к каким последствиям привела ликвидация *серио cambiario* правительством президента Макри сразу после инаугурации в 2015-м: за четыре года уровень инфляции вырос в три раза – с 17,2% до 53,8%, что стало важнейшим фактором его поражения на следующих выборах (2019). Ведущие министры Милей, авторы и исполнители нынешней экономической программы, тогда непосредственно отвечали за финансовую политику правительства Макри: Луис Капуто, нынешний министр экономики, – в качестве министра финансов, а Федерико Штурценеггер, нынешний министр дерегулирования и трансформации государства, – в роли главы Центрального банка. Милей явно не собирается повторять этот путь:

«[Его стратегия] заключается в том, чтобы выиграть выборы [2025 года] благодаря снижению инфляции. Валютная политика служит главным инструментом для достижения этой цели. Поэтому правительство не только не девальвирует песо, но и поддерживает его завышенный курс, снизив *crawling peg* с 2% до 1% в месяц. Мечта Милей – прийти к избирательным урнам с месячной инфляцией ниже 2%»²⁰.

Международный валютный фонд (МВФ), с директором-распорядителем которого Кристалиной Георгиевой у Милей и Капуто сложились сердечные отношения, обсуждает вопрос о выдаче правительству Аргентины – своему самому крупному должнику – небольшого кредита в 10–15 миллиардов долларов для поддержания курса национальной валюты. При этом МВФ вопреки собственным правилам, по-видимому, не будет настаивать на отмене *серио cambiario*, по крайней мере до выборов в октябре 2025 года. Если Аргентина получит такой кредит, то в сочетании с улучшением платежного баланса это должно повысить ее привлекательность для иностранных капиталовложений, снизив страновой риск. Обратная сторона этого – сохранение завышенного курса национальной валюты, который отрицательно действует на конкурентоспособность промышленности по сравнению с импортом.

Аргентина уже прошла этот путь в 1990-е, когда правительство президента Карлоса Менема (1989–1999) установило так называемое «валютное управление» (*plan de convertibilidad*), законодательно привязав курс песо к доллару. Денежная стабильность и растущие доходы средних слоев обернулись тогда падением внутреннего производства, ростом безработицы, неравенства и бедности и, в конечном счете, привели к катастрофическому социально-экономическому кризису 2001–2002 годов. Нынешняя валютная

19 В начале 2025 года Центральный банк Аргентины устанавливал семь курсов песо к доллару, которые применялись для различных торговых и финансовых операций. Главными являются официальный курс (*dólar oficial*) и параллельный курс свободного рынка (*dólar blue*), разница между которыми составляет один из главных показателей, влияющих на инфляцию. За 2024 год эта разница снизилась до 5% по сравнению с максимумом в 170% (2023): *Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe*. 2024.

20 PAGNI C. *Hacia un acuerdo heterodoxo con el FMI* // La Nación. 2024. 30 de enero (www.lanacion.com.ar/politica/hacia-un-acuerdo-heterodoxo-con-el-fmi-nid29012025/). *Crawling peg* – «ползучий» паритет, один из вариантов фиксированного обменного курса, при котором регулятор ежемесячно снижает его на небольшую величину.

политика, несомненно, отличается от валютного управления 1990-х, сохраняя (пока) бóльшую конкурентоспособность национальной промышленности. Но не случайно Менем – самый уважаемый Милеем президент в демократической истории Аргентины. Существует реальный риск разрушения целых пластов производственной структуры из-за потери конкурентоспособности с неизбежным падением уровня занятости²¹. Кроме того, становится вполне вероятной угроза возрождения *carry trade* – операций, которые включают обмен долларов на песо, покупку на них облигаций или размещение их на краткосрочных вкладах с тем, чтобы через определенное время снова купить доллары и получить высокую прибыль. На фоне завышенного курса национальной валюты такие спекулятивные операции всегда более выгодны, чем инвестиции в экономику²².

Политическая цель поддержания завышенного обменного курса – любой ценой добиться снижения инфляции до выборов в октябре – очевидна для всех участников политического и экономического противостояния в Аргентине. Милея критикуют за это с противоположных флангов: с одной стороны, на него нападает либерал Доминго Кавалло, министр экономики в правительстве Менема, а с другой стороны, кейнсианец Аксель Кисиллоф, нынешний губерна-

тор провинции Буэнос-Айрес, министр экономики в последнем правительстве Кристины Киришнер (2013–2015).

Любопытно, что фиксированный обменный курс коренным образом противоречит не только либертарианским взглядам самого Милея, но и просто ортодоксальному либерализму, на который тот постоянно обрушивается с критикой за уступки коммунизму. Иначе говоря, не свободный рынок, а так ненавидимое президентом государство устанавливает важнейший для экономики индикатор²³. Это показывает, насколько власть меняет ориентиры даже таких твердокаменных пророков анархо-капитализма, каким провозглашает себя президент Аргентины.

Осложнят ли проблемы и риски, порождаемые ультралиберальной стабилизацией, экономическую ситуацию в Аргентине, или же Милей, оседлав гребень волны, добьется дальнейших успехов в реализации своей программы? Это покажет будущее. Страна проходит очередной исторический водораздел, радикальную смену экономической модели, что в демократической Аргентине случалось уже не раз. Следует подчеркнуть, что эта трансформация подготовлена всей историей предыдущего, киришнеристского двадцатилетия, в котором, однако, был четырехлетний перерыв неудачного президентства Макри (2015–2019), попытавшегося в более

21 ИДЕМ. *El riesgoso juego de la ruleta rusa* // La Nación. 2024. 16 de enero (www.lanacion.com.ar/politica/el-riesgoso-juego-de-la-ruleta-rusa-nid15012025/).

22 CENTENERA M. *Argentina cierra 2024 con una inflación anual del 118% tras reducirla un 44,5% en un año* // El País. 2024. 14 de enero (<https://elpais.com/argentina/2025-01-14/argentina-cierra-2024-con-una-inflacion-anual-del-118-tras-reducirla-un-80.html>); FRASCHINA S. *La burbuja del carry trade de Caputo* // Perfil. 2024. 8 de febrero (www.perfil.com/noticias/economia/la-burbuja-del-carry-trade-de-caputo-por-santiago-fraschina.phtml).

23 «Милей мне говорит, что доллар действительно стоит столько, поскольку у нас профицит бюджета, а это означает большее доверие за рубежом и приток инвестиций. Но я не знаю, какова реальная цена доллара, поскольку вы его регулируете», – возражает президенту Хайро Страксия, экономический обозреватель радиостанции «Radio Con Vos 89,9»: *Milei logró lo imposible: Kicillof y Cavallo coinciden en economía. El editorial de Tenembaum* // Radio Con Vos 89,9. 2025. 10 de febrero (www.youtube.com/watch?v=0-PP3W6yGnA).

цивилизованных формах начать тот переход, который сейчас варварскими средствами осуществляет Милей.

Кризис перонистской (киршнеристской) модели не был вызван внешним шоком вроде внезапного мирового экономического кризиса, если, конечно, вынести за скобки отрицательное воздействие пандемии COVID-19. Этот кризис был кульминацией годами накапливавшихся дисбалансов и несостоятельной экономической политики, когда растущие социальные расходы финансировались с помощью наращивания бюджетного дефицита, покрывавшегося денежной эмиссией, что порождало порочный круг воспроизводства постоянно растущей инфляции²⁴. Приходится признать, что в этом своем диагнозе Милей прав.

Остается, однако, открытым вопрос: почему за сорок лет демократии в Аргентине ни одна из противостоящих друг другу стратегий экономического развития – ни неolibеральная, ни социал-популистская – не приводила к сколько-нибудь длительному (в исторической перспективе) успеху и не создавала кумулятивных предпосылок для стабильного функционирования экономики? Наоборот, накапливавшиеся в каждой из них противоречия с неизбежностью вели к социальному кризису, если не краху, который становился фактором радикальной смены модели. Социальная цена кризиса и последующего перехода от одной модели к другой всегда оказывалась очень высокой.

Не стал исключением и нынешний случай. В результате сокращения государственных структур и урезания финансирования в первый год президентства Милей, по официальным данным, работу потеряли около 38 тысяч служащих, занятых ранее в государственной администрации и на государственных предприятиях, а также сотрудников структур безопасности. Сообщивший эти данные Штурценеггер, по должности отвечающий за демонтаж государства, отметил, «что уменьшение государственных расходов позволяет снижать налоги, не нарушая бюджетного равновесия»²⁵. В Национальной государственной администрации (Administración Pública Nacional)²⁶ за одиннадцать месяцев 2024 года увольнения коснулись 10,8% занятых. В частном секторе занятость уменьшилась на 138,8 тысяч, что составило 2,2% общего числа рабочих мест.

Государственные служащие и занятые в госсекторе пострадали и от падения реальной заработной платы: в октябре 2024 года она была на 20% ниже, чем в ноябре 2023-го. Индексация заработной платы госслужащих на 2% до конца 2024 года была ниже уровня инфляции, что означало дальнейшее снижение реальных доходов в этом секторе. Напротив, реальная заработная плата в частном секторе экономики после первоначального резкого сокращения из-за девальвации в декабре 2023-го затем гораздо меньше отставала от инфляции и в октябре

24 HIDALGO M.A. *El Plan de Estabilización argentino: entre lo convencional y lo inédito (parte I)* // CincoDías. 2025. 13 de enero (<https://cincodias.elpais.com/economia/2025-01-13/el-plan-de-estabilizacion-argentino-entre-lo-convencional-y-lo-inedito-parte-i.html>).

25 *Casi 38.000 empleados públicos perdieron su trabajo en el primer año de gobierno de Milei* // SWI: Swissinfo. 2025. 30 de enero (www.swissinfo.ch/spa/casi-38.000-empleados-p%C3%BAblicos-perdieron-su-trabajo-en-el-primer-a%C3%B1o-de-gobierno-de-milei/88805048).

26 Включает в себя структуры исполнительной власти федерального уровня без провинциальных и муниципальных органов власти.

2024-го вышла на уровень годичной давности²⁷.

Самым сильным было падение доходов в неформальном секторе экономики, который вбирает в себя примерно половину (47,6% в конце 2022 года) тех, кто, по их словам, имеет работу. Это, с одной стороны, работающие по найму без письменного контракта, а с другой стороны, самозанятые без профессионального образования. 92,5% самозанятых в сегодняшней Аргентине – это не врачи, адвокаты или лица свободных профессий, а мелкие уличные торговцы, владельцы ремонтных мастерских, домашняя прислуга, сборщики и сортировщики мусора и так далее²⁸. При этом уровень официальной безработицы, которая, естественно, не учитывает трудящихся неформального сектора, вырос всего на 1,2 процентных пункта: с 5,7% в третьем триместре 2023 года до 6,9% в том же триместре 2024-го. За год количество безработных увеличилось почти на 300 тысяч человек. Количество занятых, которые ищут вторую и третью работу, выросло на 18%. Кроме того, с 8,4% до 12,3% повысилось количество безработных с законченным университетским образованием²⁹.

Вместе с тем даже в условиях кризиса и падения производства в 2024 году не было таких резких скачков безработицы, какие наблюдались в предыдущие кри-

зисные периоды. Одно из объяснений заключается в падении покупательной способности заработной платы: рынок труда адаптировался за счет снижения компенсаций, а не количества рабочих мест. Если бы произошла количественная корректировка, занятость сократилась бы гораздо больше, но этого не случилось, поскольку труд стал относительно более дешевым³⁰.

И, наконец, самая уязвимая категория – пенсионеры. В феврале 2024 года пенсии в реальном выражении упали по сравнению с декабрем 2023-го на 27%, достигнув самого низкого значения за последние пятнадцать лет. В апреле 2024-го правительство Милея ввело систему индексации в соответствии с уровнем инфляции двухмесячной давности и добавило к минимальной пенсии дополнительную выплату в 70 тысяч песо³¹, уровень которой заморожен с марта 2024 года. В результате снижения инфляции уровень пенсий в реальном выражении начал повышаться: в декабре 2024-го по отношению к ноябрю 2023-го он составлял 96,9% для минимальных пенсий и 108,6% для пенсий, превышающих две минимальные. Если же рассматривать среднегодовую величину реальной пенсии за 2024 год, то она сократилась на 15% для минимальных пенсий и на 18% для остальных³². В феврале 2025-го минимальная пенсия

27 См.: CENTRO DE INVESTIGACIÓN, DESARROLLO E INNOVACIÓN DEL SECTOR PÚBLICO. *Empleo y salarios en el sector público*. Buenos Aires: Universidad Nacional de San Martín, 2024 (<https://drive.google.com/file/d/10N98ZBtIhlpKvUxEd9wihbPoBa07GFp/view>).

28 JIMÉNEZ J. *Informalidad laboral en la Argentina: datos y razones de un fenómeno en aumento* // Chequeado. 2023. 3 de octubre (<https://chequeado.com/el-explicador/informalidad-laboral-en-la-argentina-datos-y-razones-de-un-fenomeno-en-aumento/>).

29 *El desempleo aumentó al 6,9 por ciento en el tercer trimestre* // Página 12. 2024. 18 de diciembre (www.pagina12.com.ar/791416-el-desempleo-aumento-al-6-9-por-ciento-en-el-tercer-trimestr).

30 DIAMANTE S. Leopoldo Tornarolli: “La pobreza cayó más de lo esperado, pero persisten problemas estructurales” // La Nación. 4 de febrero (www.lanacion.com.ar/economia/leopoldo-tornarolli-la-pobreza-cayo-mas-de-lo-esperado-pero-persisten-problemas-estructurales-nid02022025/).

31 Примерно 65 долларов по официальному курсу февраля 2025 года.

32 GIMÉNEZ J. Axel Kicillof: “Las jubilaciones cayeron un 30%” // Chequeado. 2025. 22 de enero (<https://chequeado.com/ultimas-noticias/axel-kicillof-las-jubilaciones-cayeron-un-30/>); LEIVA M. *Jubilados: cuánto cobran en febrero de 2025 y cómo evolucionaron los haberes en el último año* // Chequeado. 2025. 31 de enero

в Аргентине, включая дополнительную выплату, составляла, по официальному курсу, 316 долларов³³.

Если рассматривать социальные последствия экономической стабилизации, осуществляемой в Аргентине, ориентируясь лишь на динамику занятости, заработных плат и пенсий, то в цифрах все выглядит не так страшно. Эти последствия можно было бы оценить как социальные издержки стандартной программы либеральной стабилизации: сначала резкое падение всех социальных показателей, а затем – по мере снижения инфляции – их постепенное выравнивание, хотя и не достигающее исходных значений. Такой трактовке мешает, однако, катастрофический рост бедности в Аргентине – постыдной для богатой страны.

К концу правления Альберто Фернандеса уровень бедности составил 41,7%, а 11,9% населения жили в состоянии нищеты³⁴. В первом полугодии 2024 года, по информации Национального института статистики и переписи населения (Instituto Nacional de Estadística y Censos – INDEC), 52,9% населения Аргентины попадали в категорию бедных, а уровень нищеты достиг 18,1%. Это худший показатель за двадцать лет – с кризиса 2001–2002 годов. Сказанное означает, что за чертой бедности в 31 городской агломерации, включенной INDEC в по-

стоянное обследование, находились 4,3 миллиона домохозяйств, или 15,7 миллиона человек. Из них 1,4 миллиона домохозяйств (5,4 миллиона человек) жили в нищете. Если это соотношение распространить на все население Аргентины (47,1 миллиона человек), включая сельское, которое не попадает в обследования INDEC, то получается, что бедными являются почти 24,9 миллиона человек, из которых 8,9 миллиона – нищие, кому не хватает средств на покупку самых элементарных продуктов питания.

Наиболее вопиющим стал рост детской бедности (*pobreza infantil*), которая составила 66,1%. Из немногим более 11 миллионов детей моложе четырнадцати лет 7,3 миллиона живут в бедных семьях. Иначе говоря, двое из трех аргентинских детей живут в бедности, а трое из десяти (28,4%) – в нищете, то есть недоедают. Самый высокий уровень бедности – 62,9% (23,2% нищеты) – фиксируется на северо-востоке Аргентины, в провинциях Мисьонес, Корриентес, Чако и Формоза. Выше среднего бедность и нищета (59,7% и 22,7% соответственно) в 24 муниципалитетах провинции Буэнос-Айрес, окружающих столицу страны, но не входящих в нее³⁵.

В категорию бедных попадает треть пенсионеров, многие работающие по

(<https://chequeado.com/el-explicador/jubilados-cuanto-cobran-en-febrero-de-2025-y-como-evolucionaron-los-haberes-en-el-ultimo-ano/>).

33 LEIVA M. *Op. cit.*

34 Уровень бедности определяется ценой общей базовой корзины (*canasta básica total*), уровень нищеты – ценой базовой продовольственной корзины (*canasta básica alimentaria*). Их стоимость индексируется в соответствии с уровнем инфляции и устанавливается в каждом регионе отдельно. В районе большого Буэнос-Айреса в декабре 2024 года первая составляла, по официальному курсу, порядка 300 долларов в месяц на одного человека, вторая – около 140 долларов: *Valorización mensual de la canasta básica alimentaria y de la canasta básica total*. Gran Buenos Aires // Condiciones de vida. 2024. Vol. 9. № 1 (www.indec.gob.ar/uploads/informesdeprensa/canasta_01_252B337BCC7E.pdf). При межстрановых сравнениях следует учитывать заниженную стоимость доллара в Аргентине.

35 BERMÚDEZ I. *El índice de pobreza fue del 52,9% en el primer semestre de 2024, la peor cifra en 20 años* // Clarín. 2024. 27 de septiembre (www.clarin.com/economia/indice-pobreza-529-primer-semestre-2024-relevamiento-indec_0_MflaKzuwdf.html).

найму в формальном секторе экономики с низкими зарплатами и бо́льшая часть неформального сектора. В этой ситуации правительство, вопреки неолиберальным догматам, вынуждено было сохранить часть принятых перонистскими правительствами программ государственной социальной поддержки и даже увеличить выплаты по ним. Универсальное пособие на детей (*Asignación universal por hijo*), введенное правительством Кристины Киришнер в 2009 году, выплачивается на каждого ребенка до восемнадцати лет, если его родители являются безработными, заняты в неформальном секторе или работают в качестве домашней прислуги. В феврале 2025-го пособие на одного ребенка составляло порядка девяноста долларов; пособие на ребенка-инвалида, которое выплачивается бессрочно, – около трехсот долларов³⁶. Кроме того, все, кто отвечает вышеприведенным критериям, имеют право на дополнительные пособия по программе «Продовольственная карточка» (*Tarjeta alimentaria*), принятой правительством Альберто Фернандеса в 2020 году с тем, чтобы обеспечить минимальный уровень питания детей в социально уязвимых семьях.

Сочетание социальных трансфертов с падением инфляции во второй половине 2024 года привело к существенному – статистически – снижению уровня бедности в третьем квартале до 38,9%; особенно заметно сократился уровень нищеты – до 8,5%. Это было неожиданно для всех: и для правительства, расценившего подобный результат как колоссальный успех и подтверждение пра-

вильности избранного им пути, и для оппозиции, которая именно в галопирующем росте бедности видела главный изъян правительственной программы стабилизации – несогласованность экономических целей и бесчеловечных средств их достижения. Следует заметить, что почти 40% бедных в некогда самой богатой стране континента – достижение весьма сомнительное. И опять-таки речь идет о статистике. Некоторые эксперты считают, что привязка стоимости потребительских корзин к уровню инфляции может исказить показатели бедности как в сторону завышения (при высоких темпах инфляции), так и занижения (при снижении ее темпов)³⁷.

Кроме того, в Аргентине на протяжении десятилетий сохраняется застойная, структурная бедность, приблизительный уровень которой оценивается в 20–25% населения. Речь идет о семьях, которые будут оставаться бедными, даже если экономика начнет расти. Это связано с тем, что люди, долгое время не имевшие официальной работы, не могут выйти на рынок труда даже после оживления экономики. У них низкий уровень квалификации, в условиях кризиса они теряют накопленные активы, навыки и инструменты своей неформальной деятельности (строителей, сантехников, ремонтников и так далее) и не могут восстановить их. Или это семьи одиноких матерей с несколькими детьми, которым уход за детьми мешает иметь регулярную зарегистрированную работу. Эти семьи будут зависеть от государства в любом случае, безотносительно состояния экономики³⁸. Очень многие из тех, кто живет в «поселках нищеты»

36 Nuevo aumento por movilidad para jubilaciones, pensiones y asignaciones. Administración Nacional de la Seguridad Social. Ministerio de Capital Humano Republica Argentina. Febrero de 2025 (www.anses.gob.ar/nuevo-aumento-por-movilidad-para-jubilaciones-pensiones-y-asignaciones).

37 DIAMANTE S. *Op. cit.*

38 Ibid.

вокруг и/или внутри крупных городов, не только сами никогда не работали, но и не видели, чтобы работали их родители. Это «твердое ядро» (*núcleo duro*) бедности на протяжении последних пятидесяти лет не смогли разрушить ни либеральные, ни социал-популистские режимы³⁹.

Таковы вкратце основные экономические и социальные результаты первого года правительства Хавьера Милея. Вступая в должность, он обещал, что за политику жесткой экономии (*ajuste*) заплатит «каста». Приведенные данные свидетельствуют, что пока платит отнюдь не «каста», а те, кто на всех поворотах аргентинской экономической истории всегда оказывался в самом уязвимом положении. Правительство же, выполняя предвыборные обещания, снижает налоги для экспортеров и на потребление самых богатых. Крупные предприниматели Аргентины горячо поддерживают Милея, рассчитывая на дальнейшие налоговые льготы⁴⁰. Но ими круг его сторонников не ограничивается.

Согласно опросам общественного мнения, на протяжении года примерно 45% граждан сохраняли устойчивое позитивное отношение к президенту (положительные оценки не опускались ниже 40% и не поднимались выше 47%). Примерно столько же опрошенных (43,8%) считали в феврале 2025 года, что страна идет в правильном направлении, 45,1% одобряли деятельность

правительства, 44% соглашались с тем, что при новом правительстве в стране стало больше стабильности. Негативные оценки по всем этим позициям, за исключением вопроса о стабильности, были выше примерно на десять процентных пунктов⁴¹. Тем не менее Милей не только сохранил ядро своего электората – 30%, полученные им в первом туре голосования в 2023 году, – но и существенно, на пятнадцать процентных пунктов, увеличил его, не достигнув, правда, 56%, которые получил во втором туре. Главным фактором устойчивой поддержки Милея стало снижение инфляции. С утверждением «я поддерживаю Хавьера Милея, потому что он снижает инфляцию» в феврале 2025 года согласились 48,9% и ровно столько же не согласились⁴².

Страна фактически расколота напополам. Противники Милея и его политики жесткой экономии несколько раз массово выходили на улицы, протестуя против очередных законопроектов, снижающих государственные социальные расходы. Самыми мощными были протесты против планов уменьшить государственное финансирование университетов: 23 апреля 2024 года от четырехсот до восьмисот тысяч человек (по разным подсчетам) приняли участие в демонстрации протеста в центре Буэнос-Айреса и еще двести тысяч митинговали в других городах страны. На демонстрации 2 октября 2024 года против ветирования Милеем оппози-

39 См.: ВОРОЖЕЙКИНА Т. *Как стать гражданами: власть и общество в Аргентине* // Отечественные записки. 2005. № 6 (<https://strana-oz.ru/2005/6/kak-stat-grazhdanami-vlast-i-obshchestvo-v-argentine>).

40 Милей наложил вето на оппозиционный закон о финансировании университетов, объясняя это тем, что его принятие увеличило бы государственные расходы на 0,14% ВВП. Ровно на ту же долю ВВП, согласно исследованию Университета Буэнос-Айреса, уменьшились доходы бюджета из-за амнистии капиталов и налоговых льгот для самых богатых. См.: *Advierten que el ajuste a las universidades es igual a los beneficios fiscales para los más ricos* // La Gaceta. 2024. 3 de septiembre (www.lagaceta.com.ar/nota/1050111/politica/advierten-ajuste-universidades-igual-beneficios-fiscales-para-mas-ricos.html).

41 *Tecnofeudalismo vs Democracia. Informe febrero 2025* // Zuban Córdoba y asociados. 2025. Febrero (<https://zubancordoba.com/portfolio/informe-nacional-febrero-2025/>).

42 Ibid.

ционного закона о финансировании университетов вышло уже существенно меньше людей. Закон, как уже говорилось, был отклонен, так как парламент не собрал голосов, необходимых для преодоления президентского вето.

1 февраля 2025 года десятки тысяч людей протестовали против гомофобных и антифеминистских высказываний Милея, содержащихся в его последней речи в швейцарском Давосе. В январе 2024-го в своем первом выступлении на Мировом экономическом форуме Милей обвинил представителей мировой экономической и политической элиты в том, что они находятся в плену ложных экономических идей и представлений о государстве, ведущих к катастрофе – к «социализму и нищете». Выступая там же через год, он почти не упоминал результаты экономической политики своего правительства, считая этот успех очевидным и общеизвестным. На сей раз аргентинский президент сосредоточился на «культурной битве» против того, что он называет *progresismo* и *wokismo*⁴³. На острие его атаки были феминизм, защита окружающей среды и сексуальное разнообразие во всех его проявлениях.

Высказывания по этим вопросам и в целом объявленная Милеем «культурная битва» вызвали резко негативную реакцию не только в гражданском обществе, но даже в кругах «сотрудничающей оппозиции». На протест вышли представители профсоюзов, перонистской партии, радикалов и членов «Гражданской коалиции». Стало очевидно, что здесь президент и его окружение «перегнули палку»: ведь теперь в протестах участвовал собственный электорат Милея – антикиршнеристская молодежь и средний класс – те, кого устраивает его экономическая политика, но совсем

не устраивает его «культурная битва». Аргентина еще к такому не привыкла. Позже Милей стал говорить, что его скандальная речь в Давосе была злонамеренно отредактирована, что вызвало насмешки, поскольку видео и транскрипт этого выступления выложены на президентском сайте. Однако уже подготовленный проект закона о «равенстве перед законом», отменявший положения о феминициде (*feminicidio*) как отягчающем обстоятельстве при убийстве, был положен под сукно.

2025 год очень важен для аргентинского президента: в октябре пройдут промежуточные выборы, на которых будут переизбираться половина палаты депутатов и треть сената, а также законодательные и исполнительные органы власти в половине провинций страны. Цель Милея на этих выборах заключается в том, чтобы добиться превращения собственной партии «Свобода наступает» в главную силу правой части политического спектра, ослабив, насколько это возможно, своего главного нынешнего союзника в лице «Республиканского предложения» и его лидера Маурисио Макри. В интересах Милея максимально поляризовать электорат.

Первоначально он, по-видимому, намеревался сохранить Кристину Киришнер в качестве удобного ему лидера «жесткой оппозиции», не допустив выдвижения от перонистов менее скомпрометированных в глазах общества фигур – к таковым можно отнести, например, губернатора провинции Буэнос-Айрес Акселя Кисиллофа. Поэтому правительственная «Свобода наступает» дважды проваливала обеспечение кворума для голосования по законопроекту, выдвинутому «Республиканским предложением», Гражданским радикальным

43 См.: Ворожейкина Т. Аргентина и мир: эра Милея? // Неприкосновенный запас. 2024. № 6(158). С. 247–255.

союзом и другими партиями «сотрудничающей оппозиции». Законопроект «Чистое досье» (*Ficha Limpia*) предусматривает, что граждане, обвиненные в коррупции двумя судебными инстанциями, не могут избираться в органы власти. Этот законопроект совершенно очевидно направлен против Кристины Киршнер, в отношении которой суд второй инстанции подтвердил 13 ноября 2024 года приговор, вынесенный судом первой инстанции в декабре 2022-го: она получила шесть лет тюремного заключения по обвинению в ненадлежащем употреблении средств, выделенных на общественные работы в провинции Санта-Крус. Согласно аргентинским законам, приговор вступает в окончательную силу только после утверждения его Верховным судом.

В начале 2025 года в обстановке все более громких обвинений Милея в сговоре с Кристиной Киршнер президент дал санкцию на принятие этого закона, и 12 февраля палата депутатов большинством голосов правящей партии и «сотрудничающей оппозиции» утвердила его⁴⁴. В случае прохождения этого решения через сенат главный лидер оппозиции, недавно избранная председателем перонистской партии, лишится возможности выдвинуть свою кандидатуру на выборах в сенат от провинции Буэнос-Айрес, где ее победа была практически гарантирована. «Сотрудничающая оппозиция» стремится

таким образом окончательно похоронить киршнеризм и оттянуть на себя часть его сторонников. Вряд ли в этом заинтересован Милей, которому всегда нужен «враг» – по крайней мере как мишень.

Пока расклад политических сил благоприятствует Милею: оппозиция расколота по многим параметрам, борьба идет не только внутри правящего лагеря, но и между различными течениями перонизма. В оппозиции не появилось за этот год ни новых сил, ни новых фигур, ни новых идей. 61,1% опрошенных говорят о своем разочаровании в оппозиции⁴⁵. Если эти тенденции сохраняются, а Милей достигнет успеха на выборах, став первой или второй после перонистов политической силой в Национальном конгрессе, он сможет с гораздо большей свободой и более быстрыми темпами осуществлять не только экономические, но и политические реформы, которые помогут ему переизбраться в 2027 году на второй президентский срок.

Как сказал один аргентинский журналист в самом начале правления Милея: «Если он будет успешен, это будет ужасно. Если он провалится, будет еще хуже». Пока рано об этом говорить, но два президентских срока Милея при нынешней международной конъюнктуре могут до неузнаваемости изменить Аргентину, которая может стать совсем другой страной.

⁴⁴ SERRA L. *Ficha Limpia: obtuvo media sanción el proyecto que impediría a Cristina Kirchner ser candidata* // La Nación. 2025. 13 de febrero (www.lanacion.com.ar/politica/ficha-limpia-avanza-hacia-su-aprobacion-y-el-kirchnerismo-exclama-que-quieren-proscribir-a-cristina-nid12022025/).

⁴⁵ *Tecnofeudalismo vs Democracia. Informe febrero 2025.*

Что осталось от музыкального и политического радикализма второй половины XX века?

Беседа Кирилла Кобрин и Евгения Былины

Кирилл Рафаилович Кобрин (р. 1964) – историк, литератор, шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас».

Кирилл Кобрин: Хотя это не интервью, а разговор, но я хотел бы его начать с вопроса, который постоянно себе задаю. В последний раз этот вопрос всплыл у меня в голове, когда я просматривал вышедшую на днях книгу Дэниэла Спайсера о немецком саксофонисте Петере Брётцмане¹, рецензия на которую публикуется в этом номере «НЗ». Эта книга о том, как радикальная политика и радикальная музыка не то что переплетаются, а в данном случае являются по сути одним и тем же, одной вещью – просто манифестации ее разные. Когда-то импровизационная музыка (крайние формы джаза) была – или, скажем осторожнее, – казалась радикальной. Это были те же самые времена, когда существовала радикальная политика. Но с конца 1950-х под «радикальной политикой» понималась в основном только политика левая. И понятно, что подразумевалось под «радикальной левой политикой», а радикальная музыка у многих была очень тесно переплетена именно с ней.

1 SPICER D. *Peter Brötzmann: Free-Jazz, Revolution and the Politics of Improvisation*. London: Repeater Books, 2025. Здесь и далее – примечания редакции.

КУЛЬТУРНЫЙ *VERSUS* ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Может быть, я недостаточно оптимистичен по поводу судеб радикальной музыки сегодня, но, как мне кажется, сейчас ситуация абсолютно иная. Масса поп-музыки, которую называют радикальной, является обычной поп-музыкой, довольно примитивной, в которую вчитывают (точнее, вслушивают) некие, как кажется широкой публике, радикальные политические или идеологические жесты. Даже певицу Сабрину Карпентер теперь иногда называют «радикальной поп-звездой». Если смотреть шире, то в западном мире радикальная левая политика (не риторика левацких изданий и дружественных левому движению интеллектуалов, а именно *политика*) просто исчезла. У нас нет радикальной левой политики; а та радикальная политика, которая действительно как-то вызывает интерес и отклик у трудящихся, – это радикальная *правая* политика. И кажется, что исчезла вот эта онтологическая связь между музыкальным и политическим (левым) радикализмом. Или я не прав?

Евгений Былина: Это очень масштабный вопрос, начну отвечать на него издалека.

Основной тезис книги, которая послужила поводом для нашего разговора, ясен из ее названия. Он заключается в том, что радикальная социальная позиция неизбежным образом выражается в радикальных эстетических формах искусства. На первый взгляд подобный вывод относительно музыкальной культуры выглядит логичным, тем более, если мы вспомним фигуру, относившуюся к джазу и популярной музыке с настоящим презрением, но благодаря которой наша дискуссия оказалась возможна. Я говорю о Теодоре Адорно, так или иначе создавшем социологию музыки в ее современном виде. Его резкие выводы были неоднократно оспорены, но, мне кажется, он обнаружил тот нерв во взаимоотношениях музыкального искусства и общества, который парадоксальным образом и дает ответ на вопрос, почему, к примеру, бибоп² или панк настолько важны.

Критика Адорно популярной музыки заключалась в том, что жанровые эстетические формы неизбежным образом ведут к тому, что сознание слушателя упрощается и оказывается неспособным ответить на вызовы современности. Вызовы серьезные: речь идет о расцвете тоталитарных режимов, один из которых непосредственным образом повлиял на его собственную биографию, а также о послевоенном становлении неолиберализма, идеальным воплощением которого стало массовое искусство. В «ложной индивидуализации» и «стандартизации» музыкальных форм и слушания Адорно видит настоящую опас-

**КИРИЛЛ КОБРИН –
ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ
ОТ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА?

Евгений Былина –
теоретик культуры,
исследователь звука,
куратор и музыкант.
Редактор серии «История
звука» в издательстве
«Новое литературное
обозрение».

2 Стиль джаза, появившийся в США в середине 1940-х. Характеризуется сложностью импровизаций, более быстрыми темпами, длительностью композиций. Пришел на смену стилю свинг.

ность. Почему? Потому что ставки, как никогда, высоки. Для него вопрос о структуре музыкального произведения и слушательского опыта (рассуждая о музыке, он говорит об искусстве в целом) тесным образом связан с тем, как мы живем, оцениваем и описываем окружающую нас реальность. Для Адорно, как и остальных представителей Франкфуртской школы, искусство оказывается матрицей, сквозь которую мы можем узнать принципы функционирования сознания в современном мире. Более того, музыка, воздействуя на сознание, способна стимулировать новые формы социальной организации. Чем музыка сложнее и уникальнее, тем более глубоким образом она влияет на слушателя. Исходя из этой точки зрения, если мы вечером предпочитаем слушать додекафонические пьесы Арнольда Шёнберга вместо песен *Tin Pan Alley*³, то мы в большей степени способны распознать противоречия сегодняшнего дня.

Естественно, подобные суждения не лишены авторской ангажированности: немецкий интеллектуал из среднего класса, ученик Альбана Берга и сам практикующий композитор, мог увидеть эгалитарный потенциал только в авангарде. Также нужно признать, что джаз и поп в 1930-е не отличались разнообразием, а стремительную революцию популярных музыкальных форм в 1960-е Адорно в силу снобизма и возраста попросту не заметил. Тем не менее я еще раз хочу зафиксировать то рвение, с которым он отстаивал значимость музыки в формировании структуры субъективности и общества. Тиа ДеНора писала, что именно Адорно выдвинул одно из самых весомых утверждений о силе музыки в истории гуманитарных наук⁴. Данный вывод доказывает необходимость говорения о популярной музыке в том числе.

При этом сам Адорно считал, что говорить о музыке вредно. Другой важный момент его эстетики заключается в том, что он продолжал отстаивать романтическую и модернистскую идею автономии искусства, которую его коллеги по левому авангарду стремились разрушить (судьба автономии в массовом искусстве – основной сюжет его «спора» с Вальтером Бенямином). Парадоксальным образом, будучи марксистом и говорящим о социуме философом, он упускает из виду важнейшую социальную роль музыки, знакомую нам по комментариям в сети или кухонным разговорам. О музыкальных вкусах, да и любых других, вопреки распространенному утверждению, безусловно, спорят – именно таким образом мы привносим новый

3 *Tin Pan Alley* – неформальное сообщество музыкальных издателей и сочинителей песен, сложившееся в Нью-Йорке в конце XIX века. Просуществовало до середины прошлого столетия. Поставляло на музыкальный рынок популярные песни. *Tin Pan Alley* стало нарицательным обозначением ранней индустрии поп-музыки.

4 DENORA T. *Aesthetic Agency and Musical Practice: New Directions* // JUSLIN P.N., SLOVODA J.A. (Eds.). *Music and Emotion: Theory and Research*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 75–125.

смысл в услышанное и формируем собственную идентичность. У Адорно же, ввиду его внимания к идее автономии, слушатель очень пассивен: его задача сводится лишь к расшифровке сложного авторского послания, заключенного в пьесах того же Шёнберга, в которых, по мысли философа, мы можем обнаружить критические инструменты для описания социального порядка.

Именно внимание к слушательскому опыту стало главным объектом культурного анализа музыки в конце XX века. Деятельность бирмингемского Центра современных культурных исследований (Centre for Contemporary Cultural Studies) во главе со Стюартом Холлом⁵ демонстрирует, что эгалитарный потенциал популярной музыки – и поп-культуры, в частности – заключается не столько в ее эстетической форме, сколько предоставляемой ею возможности формировать контуры и границы сообществ, субкультур и так далее. В 1970-е деятельность Центра сосредоточилась вокруг того, как музыка влияет на повседневную жизнь, – это позволило слушателю стать полноценным участником и интерпретатором музыкального высказывания. Уверен, что в ходе нашей беседы мы неизбежно вернемся к их наследию⁶.

**КИРИЛЛ КОБРИН –
ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ
ОТ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА?

**О музыкальных вкусах, да и любых других, вопреки
распространенному утверждению, безусловно,
спорят – именно таким образом мы привносим новый
смысл в услышанное и формируем собственную
идентичность.**

Столь длинное предисловие необходимо, чтобы объяснить контекст и условия возникновения вашего вопроса. Любимая нами высоколобая британская музыкальная критика, оказавшая решающее влияние на современный критический дискурс о популярной культуре, уже в конце 1980-х стремилась соединить два вышеизложенных подхода. В начале XXI века она выдвинула вывод, ставший общим местом критических дискуссий о поп-культуре, о том, что эта культура перестала грезить новизной, утратила свой политический нерв и пустилась в бесконечную археологию архива, обряд экзорцизма по призыву существовавших прежде форм.

Поэтому короткий ответ на ваш вопрос: да, так и есть. Если мы будем рассматривать популярную культуру исключительно

5 Стюарт Холл (1932–2014) – британский социолог культуры, марксист.

6 Более детальный рассказ об эволюции интерпретаций популярной музыки в XX веке см.: РОНДАРЕВ А. *Другая философия музыки* // Логос. 2016. № 4. С. 1–6.

с эстетических позиций, окажется, что пресловутые новизна и радикализм отсутствуют. Безусловно, это еще и следствие того, что неолиберальная модель внеисторического сознания и идеи инаковости оказались реализованной утопией, для которой отсутствуют категории будущего, нового и тому подобного. Об этом много рефлексировали постмарксистские теоретики вроде Фредрика Джеймисона, Франко «Бифо» Берарди и Марка Фишера.

Но если сфокусироваться на другой стороне социологии музыки, то окажется, что радикализм содержания не всегда обязан радикализму формы. Мне кажется, что это один из самых важных выводов послевоенного искусства, который мы можем обнаружить в ходе наших раскопок и который максимально созвучен сегодняшнему дню. Взять, к примеру, глэм 1970-х⁷, на мой взгляд, самое важное явление в истории популярной музыки, потому что ему удалось обнажить сами механизмы ее функционирования. Его нельзя назвать ни жанром, ни стилем, ни субкультурой, а скорее – инверсией поп-музыки и поп-культуры как таковой, в этом и была его новизна и инаковость.

Я сам преследуюм призраками прошлого и вижу необходимость в такой археологии. Тем не менее необходимо помнить, что категория «современности» в ее прогрессистском виде, который изобрело Новое время, не просто отсутствует, но окончательно исчезла, показав собственную несостоятельность. Мы живем во времени «реставрирующей ностальгии», если вспомнить формулировку Светланы Бойм. В 2024 году это стало особенно очевидно – ввиду того, что леволиберальная модель мира в течение последнего десятилетия потерпела поражение. Здесь мы возвращаемся в фигуре Брѐцмана и основному сюжету книги о нем: крах леволиберальной (и радикальной левой) культурной программы связан с отказом от классового подхода и исключением рабочего класса как основополагающего условия для социального или политического видения будущего.

К.К.: В вашей реплике – две очень важных вещи. Начнем с Адорно. Про него написано очень много, потому я скорее предложил бы несколько сторонних соображений. Адорно был человеком высокого модернизма, главная идея которого –

7 Глэм, или глэм-рок (*glam, glam rock*), процветал преимущественно на британской поп-сцене в первой половине 1970-х. Музыкально определить его как стиль сложно, хотя многие глэм-рокеры тяготели к неприятно-тяжелым заводным песням с запоминающимся припевом. Для глэма были характерны яркие, пестрые, театральные или кабаре-ные наряды, макияж, андрогинный образ исполнителей. Считается, что первым глэм-рокером был Марк Болан (группа «T-Rex»). Болан вместе с Дэвидом Боуи и группой «Roxy Music» привнесли в глэм более тонкие, двусмысленные и даже интеллектуальные черты. Помимо них, героями глэма были «Sweet», «Slade», Сьюзи Кватро. «Queen» и Элтон Джон отдали дань этому направлению в середине 1970-х.

идея автономности искусства, сложно устроенного искусства, которое плевать хотело на публику, как Джойс – на читателя. В сущности, и Пруст плевать хотел на читателя – он только искусно (как ему казалось) это маскировал. Они были в своем праве, поскольку делали то самое искусство высокого модернизма. В музыке таким был Шёнберг (когда речь идет о Стравинском, то мы уже начинаем сомневаться).

Высокий модернизм строился именно на том, что есть реальность гораздо более подлинная, чем реальность повседневной жизни, – это реальность подлинного автономного искусства. Это современное (модерное) искусство: оно создано современным (модерным) сознанием и имеет своим предметом современные (модерные) вещи и явления (как завещал нам Бодлер в своей арт-критике). Вот почему это модернизм. Искусство должно быть современным, оно не должно воспроизводить штампы традиционного искусства, даже если назвать их великими традициями или как угодно еще. Мы, модернисты, придумали новые штуки, мы доведем их до ума, максимально усложним и сделаем модернистскую вещь.

Высокий модернизм строился именно на том, что есть реальность гораздо более подлинная, чем реальность повседневной жизни, – это реальность подлинного автономного искусства.

Для Адорно такой вещью был Шёнберг, а не Луи Армстронг или Сидней Беше. Но взглянем на социокультурный аспект жизни нашего теоретика. Зададимся вопросом: а какой джаз он слышал? Бибоба он не знал, – то есть он слышал свинг...

Е.Б.: Да! Усредненный и стандартизированный.

К.К.: ...свинг, джаз до бибоба, до Чарли Паркера, Майлза Дэвиса, Телониуса Монка. Я не к тому, что бибоп лучше, чем свинг, – это абсолютно две разные музыки, так ведь? Еще в 1940–1950-е среди джазовых критиков вспыхнули серьезные дискуссии сторонников свинга и бибоба; многие считали, что бибоп и последующие течения – это уже не джаз.

Я помню в Советском Союзе в 1978 году перевели книгу Юга Панасье «История подлинного джаза». В 1930–1940-х он был организатором концертов в Париже, музыкальным журналистом, а Париж тогда был главным джазовым городом Европы. Там были не только свои блестящие музыканты (как не вспомнить Джанго Рейнхардта или Стефана Граппелли), но в городе постоянно выступали многие великие американские джазме-

**КИРИЛЛ КОБРИН –
ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ
ОТ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА?

ны, а некоторые вроде того же Беше там постоянно жили. Так вот, Панасье, который видел, как в клубах Сен-Жерменского предместья⁸ появляются американские музыканты нового поколения, которые играют странную музыку (Майлз Дэвис, Чарли Паркер и прочие), просто отказывал им в праве называться джазменами, потому что «это не джаз». Настоящая черная музыка – это та, «народная», «популярная», «доступная», которую играет Бенни Картер, Сидней Беше, ну и все, кто бывал в Париже еще в 1930-е.

Забавным образом Адорно оказался в той же точке, что и неизвестный ему Панасье. Только он не просто не признавал бибоп за джаз – он его никогда не слышал, не знал о его существовании. Этот высокий модернист, эстет и сноб прозевал рождение, может быть, последней музыки высокого модернизма. Потому что бибоп – до его трансформации в более коммерческие варианты вроде кула⁹ – абсолютно «неслушабельная» музыка. Ну, кому, кроме музыкантов, специалистов и джазовых фэнов, придет в голову идея слушать рулады Чарли Паркера в каком-то клубе, где ни черта не слышно, а саксофон за этим шумом выводит какие-то сложные построения. То же самое можно сказать о ранних записях Майлза Дэвиса и других музыкантов «героического периода» бибоба. А они делали новую музыку и не считали себя никакими политиками, делая, тем не менее, новую *политику музыки*. Бибоп – это первая настоящая заявка черной культуры на высокую сложность и интеллектуализм. Адорно это прозевал. Я не критикую его: он был человеком своего возраста и своего воспитания. Просто отметим, что дело обстояло именно таким образом.

Что касается второй части того, что вы говорите, то, конечно, происходящее в поп-музыке за последние 20–25 лет, – да, это абсолютная банальность. Поп-музыка бесконечно повторяет сама себя уже не первое десятилетие, а представление о будущем со всем политическим потенциалом, который там возможен, абсолютно исчезло из поп-культуры. И в нынешнюю эпоху краха привычной нам левой идеологии – не только леволиберальной, но и крайне левой – возникает вопрос: а почему мы вообще сосредоточились на поп-музыке и ее контексте, почему из нее надо извлекать какой-то сверхсмысл, эту эссенцию политического, культурного и, если угодно, социального смысла, подобно тому, как советские пушкинисты (да и вообще гуманис-

8 Некогда предместье средневекового Парижа Сен-Жермен-де-Пре превратился в центр богемной и культурной жизни перед Второй мировой войной. Квартал сразу стал столицей французского джаза; здесь постоянно выступали американские музыканты: и те, кто переселился во Францию из США, и те, кто приезжал в Париж на гастроли. В клубах Сен-Жерменского предместья исполнители свинга соседствовали с новым поколением, игравшим бибоп.

9 Кул-джаз (*cool jazz*) – направление бибоба, родившееся во второй половине 1940-х на Западном побережье США. Характеризовался «прохладным», отстраненным звучанием и более мелодичными композициями.

тически настроенные советские интеллигенты) извлекали из Пушкина? Почему вообще это так важно: поп-музыка, массовое кино и прочее? Отставим в сторону самый простой ответ – потому что мы все, представители разных социальных групп и классов, живем в мире поп-культуры, – он не убеждает. Есть же масса вещей, среди которых мы живем, но они имеют очень ограниченное значение для понимания нашего мира. А вот здесь – нет: из поп-культуры, не только из музыки, но и из сериалов, коммерческих фильмов, коммерческих книг, комиксов извлекаются какие-то смыслы, которые якобы – это не я говорю «якобы», а те, кто задает такой вопрос, – являются глобальными сверхсмыслами, определяющими (опять вставлю «якобы») функционирование самых разнообразных сфер жизни.

Подобное отношение к поп-культуре является наследием 1960-х. Тогда поп-музыка стала важной с политической точки зрения; в западном мире именно в этом увидели залог какого-то развития будущего понимания современного мира. Это мне кажется важным, и это совпадает с тем, как благодаря поп-арту, Энди Уорхолу и концептуальному искусству, поп-культура превратилась в *мейнстрим высокой культуры*. В 1950-е этого не было. Соответственно, если поп-культура настолько всемогуща и всепроникающа, что стала культурным мейнстримом, то тогда, действительно, из этой сферы следует извлекать сверхсмыслы. Что вы думаете по этому поводу?

Е.Б.: Внимание к артефактам массовой популярной культуры как к определенному рода лакмусовой бумаге того, что происходит в обществе, возникает не в 1960-е, а гораздо раньше, в том числе благодаря деятельности Франкфуртской школы, которая стала наблюдать в тех или иных событиях повседневной жизни определенного рода идеологические паттерны. С помощью музыки мы можем судить о пресловутом *Zeitgeist* эпохи.

Второй вопрос мне кажется гораздо более важным. Почему именно музыка в контексте диалогов о политике и обществе стала той формой искусства, которой вменили XX веку так много обязанностей? Мне кажется, здесь можно вспомнить наследие одного из самых пронизательных социологов популярной музыки Саймона Фрита – брата джазового и импровизационного гитариста Фреда Фрита¹⁰, участника леворадикальной группы «Henry Cow», с которым неоднократно выступал Петер Брёмман. В одном из своих текстов, где объясняется взаимная обусловленность социологического и эстетического подходов в анализе популярной музыки, Саймон Фрит делает на первый взгляд банальный, очевидный, но далеко идущий вывод, к ко-

**КИРИЛЛ КОБРИН –
ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ
ОТ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА?

10 Джереми Уэбстер «Фред» Фрит – британский музыкант-мультиинструменталист, композитор. Основатель нескольких авангардных групп, участвовал в ряде проектов импровизационной музыки.

тому неизбежно приходит и музыковедение, и философия звука, и теория искусства. Музыка – это наиболее нефигуративная, ненарративная форма искусства¹¹. В силу массового распространения звукозаписи и технологий радиовещания музыка способна достичь практически любого, потому что она не опосредована теми или иными символическими формами. Честнее будет сказать – «наименьшим образом», потому что в противном случае мы застрянем исключительно в западноевропейской парадигме.

В том же тексте Фрит утверждает, что другие артефакты популярного искусства – вроде «мыльных опер» или спорта – в большей степени упаковываются в готовые культурные формы. Слушая песню о несчастной любви, мы способны пережить страдание, не зная языка и несмотря на культурные различия. Саймон Фрит делает ровно противоположный Адорно вывод – индивидуализация отнюдь не «ложная», а самая настоящая; популярная музыка, как ничто другое, способна формировать нашу индивидуальную и коллективную идентичность.

К.К.: Простите, я перебею на секунду. В связи с этим есть любопытная история, которую хочется упомянуть. В романе швейцарского писателя Кристиана Крахта «1979» есть персонаж, который посвящает свою жизнь тому, что ездит по всему миру и ищет место, где никто никогда не слышал песню группы «Modern Talking» «Brother Louie».

Е.Б.: Думаю, довольно легко, мне кажется.

К.К.: Я понимаю, что это передержка, такой вот немецкоцентризм. Но это ужасно смешно, как и все в романах Крахта. И там есть сцена, когда он приезжает в Индию, в какую-то деревню, где нет ни радио, совершенно ничего, это еще до интернета, 1990-е, и он уже ликует: вот оно – место, где эту проклятую песню никто не знает! Он уезжает на машине – и в спину ему из деревни откуда-то доносится эта сиропная штука. Фрит прав: от поп-музыки не спрячешься никуда.

Е.Б.: В общем, отталкиваясь от того, что музыка – одна из самых аффективных форм человеческой деятельности, не нуждающаяся в переводе, Фрит нащупывает очень важные последствия. Пожалуй, главным выводом бирмингемско Центра современных культурных исследований и Фрита в частности, является яростная критика романтической идеи подлинности, или аутентичности. В 1960-е – эпоху, традиционно считающуюся расцветом

11 FRITH S. *Towards an Aesthetic of Popular Music // Taking Popular Music Seriously*. New York: Routledge, 2016. P. 263.

и самым ярким десятилетием поп-музыки, – эта идея проявила себя в полную силу. Она заключается в том, что музыка может считаться «настоящей», если она аутентична и сообщает опыт, который был непосредственно пережит индивидуумом или той или иной социальной группой. В годы моей юности это качество выражалось словом «трушность»¹². Стоит заметить, что более чудовищной и разрушительной категории для искусства и культуры XX века не существовало. При этом «жаргон подлинности» продолжает преследовать нас до сих пор.

Фрит разделяет эту позицию, наглядно показывая противоречивость и тупиковость подобного взгляда, и приходит к выводу, который является фундаментальным для всех дискуссий о политичности и социальности музыки. Популярная музыка – самое грандиозное изобретение XX века и вообще человечества не потому, что она выражает некоторый опыт, но потому, что она непосредственно создает и конструирует субъекта, сообщества, субкультуры и любые другие формы жизни. Если мы взглянем на всю историю поп-музыки с 1950-х и буквально до наших дней, то увидим, что она способна создавать различные модели идентичности, не связанные с происхождением, классом, гендером и любой другой универсализирующей категорией. Главный дар поп-музыки – возможность быть кем угодно.

**КИРИЛЛ КОБРИН –
ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ
ОТ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА?

**Если мы взглянем на всю историю поп-музыки,
то увидим, что она способна создавать различные
модели идентичности, не связанные
с происхождением, классом, гендером и любой
другой универсализирующей категорией. Главный
дар поп-музыки – возможность быть кем угодно.**

Я уже упоминал глэм-рок, и мне кажется, наш разговор неспроста происходит в годовщину смерти Дэвида Боуи, – выше-сказанное он продемонстрировал лучше всех остальных. Боуи показал, что задача популярной музыки и эстетического высказывания в целом заключается не в производстве уникального эстетического опыта, а в способности это высказывание взять в скобки, подвесить и произвести критический комментарий к нему. За свое самое продуктивное десятилетие Боуи, скрываясь за паутиной множественных гетеронимов, создает серию альбомов, благодаря которым мы можем услышать всю палитру значимых музыкальных настроений 1970-х – от фолка и соула до краут-рока и ранней электроники. Несмотря на

12 От английского *true* – правдивый, настоящий, подлинный.

дружбу и сотрудничество с лучшими продюсерами и музыкантами той эпохи, ни один из этих альбомов нельзя назвать великим или выдающимся, если мы будем опираться исключительно на формальные изыски и достижения. Но каждый раз он производил остраняющий жест по отношению к жанру, его означаемым и означающим, «внешним» социальным импликациям, тем самым показывая, как он функционирует в пространстве популярной культуры. Саймон Фрит предлагает подобную художественную стратегию называть «искусственной» в противовес аутентичному рокизму¹³. Найти у Боуи, как и во всем глэме, прямой политический стейтмент очень трудно, но, мне кажется, в этом жесте гораздо больше эгалитарного, нежели в собирательном шестидесятничестве, которое традиционно ассоциируется с демократической борьбой, но на деле не предложило ничего нового, а где-то оказалось даже реакционным.

К.К.: Здесь нужно остановиться на двух точках.

Первое – что касается 1960-х. Мне кажется, что по поводу западных 1960-х существует большое недоразумение. Все видят в этом десятилетии, особенно в развитии околохиппистской поп-музыки (это вторая половина 1960-х), какой-то невероятный прогресс – в частности, политический. А замешано это все было на сексуальной революции, которая воспринимается как невероятный прогресс в развитии общества. Но не надо забывать, что главный вклад в сексуальную революцию внесли не длинноволосые люди в Вудстоке, а скромные фармацевты, которые изобрели *The Pill (birth pill)* – противозачаточную таблетку. Мне случалось говорить с довольно большим количеством людей в Британии, у которых молодость пришлось на конец 1960-х, и для них все эти хиппи не имели никакого значения, а настоящее освобождение принесла эта вещь. Это отдельная тема, очень интересная, но оставим ее в стороне.

Вернемся к хиппи: их движение по своей сути было традиционалистским и реакционным. Оно исходило из того, что надо вернуться к корням. Под лозунгом «Назад к природе!» оно онтологизировало сельскую Америку, – видимо, те фермы, на которых выросли родители этих городских ребят. Музыкально движение хиппи породило отчасти и эйсид-фолк, и психоделическую музыку, но, серьезно-то говоря, – что от этого осталось? Сегодня уже невозможно отделить эйсид-фолк от просто фолка. Только обычные исполнители фолка чаще были лучшими музыкантами, чем эйсид-фолк музыканты.

В сущности, это движение было плацебо, безвредным замесителем реальной политической революции и политических

13 Ibid. P. 271.

изменений. Плацебо, которую молодые люди получали, и им казалось, что они участвуют в чем-то невероятно прогрессивном и важном. Это похоже на молодежную «революцию» 1968-го в Париже. Когда Мишеля Фуко спросили: 1968 год – что это было? – а он ответил: мы делали все, чтобы не совершать настоящей революции.

Второе, что очень важно. Я зайду немного издалека. Меня последние несколько лет занимает мысль, что надо написать книгу с совершенно невозможным названием «Политические взгляды великих русских писателей» – XIX века, например. Несмотря на тонны написанного про Пушкина, Тургенева, Толстого и других – невозможно артикулировать, какие у них были политические взгляды. Вам расскажут тысячу раз, что значит свободолюбие для Пушкина или либерализм для Тургенева, но вот сформулировать – у этого автора были такие-то политические взгляды, *соотносящиеся с такими-то политическими идеологическими представлениями того времени*, – увы, нет.

А если тот же вопрос опрокинуть на 1960-е, 1970-е и далее в поп-музыке? Политические взгляды «The Beatles» до, грубо говоря, 1967 года идеально укладываются в песню «Taxman» (альбом «Revolver», 1966), сочиненную Джорджем Харрисоном, где он выражает страшное недовольство тем, что все заработанные деньги у него отбирает налоговая служба. Это еще времена послевоенного британского социального государства – налоги довольно высокие. Харрисон при этом умудряется забыть, что он воспитан и вообще стал Джорджем Харрисоном только благодаря тем самым налогам, которые платили другие люди. Его родители получили социальное жилье, сам он бесплатно ходил в школу, бесплатная медицина... И все благодаря высоким налогам с прогрессивной шкалой.

Из британской музыки того времени я знаю только одну песню, которая высокие налоги социального государства трактовало совершенно с обратной стороны. Это «Sunny Afternoon» группы «The Kinks»¹⁴, поющей от имени аристократа, который привык ничего не делать, нежиться на солнышке, а потом пришел сборщик налогов, все отобрал, и от лирического героя сбежала подружка, отобрали яхту и так далее. «The Kinks» в 1960-е была великой группой, а Рэй Дэвис – великим сонграйтером. «Sunny Afternoon» сделан очень тонко, это не прямая социальная сатира, скорее в ней слышится отголосок английских романов об упадке аристократии вроде «Возвращения в Брайдсхед» Ивлина Во. Но это «The Kinks». По большому счету, мы ничего не знаем о политических взглядах «The Beatles»

14 Британская группа, создана в 1963 году. В 1960-х разрабатывала самые разные стили, от прото-хардрока до кабаре. В 1990-е «The Kinks» образца 1960-х заметно повлияла на группы «бритпопа» («Blur», «Oasis»).

**КИРИЛЛ КОБРИН –
ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ
ОТ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА?

до 1967 года или «The Rolling Stones» – если говорить о главных поп-фигурах Британии (и отчасти Европы) того десятилетия.

Молодая американская рок-музыка была более политизированной, но она в основном обозначала свою позицию в рамках хиппи и около-хиппи движения. Но в то же время другая часть музыки, например, джаз, именно тогда становится политически радикальной. Это времена позднего Колтрейна¹⁵, Мингуса¹⁶, «свободного джаза». Нина Симон¹⁷ (хотя она вряд ли может быть названа чисто джазовым исполнителем) была тогда сильно политизирована. Даже абсолютно аполитичный Майлз Дэвис к концу 1960-х начинает двигаться в сторону радикализма – не только музыкального.

Я не хочу сказать, что джаз лучше рока, ни в коем случае. Просто интересно: то, что возникло в американском культурном и политическом контексте конца 1940–1950-х, с ходом своего развития начало определять свои политические представления и манифестировать понимание того, в каком мире они живут. А новая музыка 1960-х (прежде всего британская), которая завоевала мир и определила дальнейшее движение поп-музыки, была до конца этого десятилетия абсолютно аполитичной. А потом что-то изменилось в этом типе художественного сознания, и вот раз – Леннон уже поет про героя рабочего класса, и даже Пол Маккартни – при том, что сложно представить себе более аполитичного человека, – сочиняет «Give Ireland Back to the Irish», реагируя на «Кровавое воскресенье» 30 января 1972 года¹⁸. Но это музыка белая, а если мы посмотрим на черную музыку того времени – не только джаз – то она была абсолютно политически заряжена. Достаточно вспомнить Стиви Уандера¹⁹ конца 1960-х – середины 1970-х, многие его великие песни, особенно с альбома «Songs in the Key of Life» (1976), к примеру, «Black Man» и особенно «Village Ghetto Land». Посвоему сделанная, но это социальная критика.

15 Джон Колтрейн – американский саксофонист и композитор. Играл бибоп и его разновидность хард-боп, считается одним из предтеч «свободного джаза».

16 Чарльз Мингус – американский контрабасист, лидер оркестра, композитор. Помимо бибоба, на него сильно повлияли госпел и классическая музыка. Мингуса также называют одним из предтеч «свободного джаза». Как и Колтрейн, поддерживал борьбу афроамериканцев за равноправие, пытался пробудить интерес к музыке Африканского контента.

17 Нина Симон – одна из ключевых фигур американской черной музыки, возникшей на пересечении джаза, соула, госпела и блюза. Певица, пианистка, автор песен, многие из которых были социально и политически ангажированы. Поддерживала движение против расовой дискриминации.

18 В этот день британские солдаты открыли огонь по мирной демонстрации католиков в североирландском городе Дерри. Были убиты четырнадцать человек, более десяти ранены. Расстрел демонстрации вызвал волну возмущения в Ирландии и Ольстере, послужив стартовой точкой для новой – более кровавой – фазы североирландского конфликта. Расследования этих событий, позже предпринятые британскими властями, к осязаемым результатам не привели.

19 Стиви Уандер – американский исполнитель и продюсер. Считается одним из самых влиятельных поп-музыкантов второй половины XX века в США. В 1970-е выпустил ряд новаторских альбомов, в которых совмещались влияния соула, госпела, фанка, ритм-энд-блюза.

В этом контексте звезды глэма, который вы упомянули, не могли делать вид, что вот мы вас развлекаем дешевой мишурой, ботинками на огромных платформах, заводными нехитрыми песенками, мы прямо заявляем, что мечтаем о лимузинах, толпах поклонниц – но при этом мы еще немного за социальную и политическую справедливость. Они чувствовали, что это было бы лицемерием, и потому социально-политический вопрос был отставлен в сторону, была установлена дистанция. Благодаря этому, – тут я с вами совершенно согласен, – а не только из-за своих эстетических и прочих качеств, глэм и стал очень важной музыкой для части молодых людей начала 1970-х.

Но если трезво взглянуть на 1970-е и не говорить о черной музыке, то до панка политически ангажированной англоязычной поп-музыки не было, за одним большим исключением – «Pink Floyd». Можно как угодно к ней относиться, но до появления «Sex Pistols» она была единственной по-настоящему политической группой. Панк же, который обычно прочитывается как нечто социально-критическое и, *по умолчанию, левое* (я имею в виду только британский панк, остальное определить в качестве такового сложнее), был совсем иным с политической точки зрения (не считая группы «The Clash»²⁰, которая делала все, чтобы вывести панк – не очень убедительно, но тем не менее – в левую политическую сферу). «Sex Pistols» был крайне реакционным политическим феноменом, который в смысле тотального, абсолютного, нигилистического цинизма идеально предшествовал эпохе Тэтчер. Это, конечно, преувеличение – но все же: панк подготовил Британию к появлению Тэтчер.

Музыкально панк (опять же не «Sex Pistols», не «Undertones», не «Buzzcocks»²¹) был очень прогрессивен, он заметил существование реггей, ска, другой небелой музыки, которая звучала в британских городах – прежде всего в Лондоне, – но никто за пределами этнических сообществ о ней не знал. Но это другая история, которая скорее о том, что панк передал пост-панку и другой последующей поп-музыке. (Это бы очень короткий промежуток: Сид Вишез²² умер в 1979-м, когда вышел первый альбом «Joy Division»²³.)

**КИРИЛЛ КОБРИН –
ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ
ОТ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА?

20 Британская панк-группа второй половины 1970-х – середины 1980-х. Самые яркие представители политического панка, известны антирасистскими и антиколониальными композициями, а также поддержкой левых режимов в Латинской Америке. Среди их альбомов – «Sandinista!» (1980) и «Combat Rock» (1982).

21 Британские панк-группы второй половины 1970-х – начала 1980-х.

22 Басист «Sex Pistols», известный асоциальным поведением и отсутствием элементарных музыкальных навыков. Умер в 21 год. Считается иконой панка «героического периода».

23 Влиятельная британская пост-панк группа, известная мрачной и депрессивной музыкой. Испытала влияние краут-рока, «берлинских альбомов» Дэвида Боуи, британского андерграунда. Существовала четыре года (1976–1980); после самоубийства лидера «Joy Division» Иэна Кёртиса переформировалась в «New Order», ставшую классической группой танцевальной электронной музыки 1980-х.

Что касается «Sex Pistols», то с самого начала это было начинание коммерческое, очень рыночное, циничное, в духе идеологии первого правительства Тэтчер (которая победила на выборах в том же 1979 году). Достаточно вспомнить роль Малкольма Макларена, фильм «The Great Rock'n'Roll Swindle»²⁴, да и то обстоятельство, что группа возникла вокруг... магазина²⁵. Да, альтернативная, но коммерция. Величие Макларена – как придумщика разных способов сделать деньги на хаосе – проявилось прежде всего в том, что он показал, как можно очень хорошо зарабатывать на маргинальных вещах, на странных контркультурных феноменах, которые эстетически определить сложно. В этом смысле он ученик разом и ситуационистов, и Энди Уорхола. Мне кажется, он и «Sex Pistols» придумал как своего рода «Velvet Underground 2.0»²⁶.

Я не пытаюсь кого-то разоблачить или критиковать, – лишь историзирую. Мы с вами оба с территории бывшего Советского Союза, и в какой-то момент вся западная поп-музыка казалась там невероятным освобождением. Но мы должны честно сказать: это было не совсем так, а иногда и совсем не так.

Панк, который обычно прочитывается как нечто социально-критическое и, *по умолчанию, левое*, был совсем иным с политической точки зрения. «Sex Pistols» был крайне реакционным политическим феноменом, который в смысле тотального, абсолютного, нигилистического цинизма идеально предшествовал эпохе Тэтчер.

Е.Б.: Ленинградский рок-клуб не развалил Советский Союз, если вспомнить известную книгу²⁷. Попробую по порядку.

Безусловно, я согласен с тем, что политизированность 1960-х в популярной музыке была исключительно эксплицитной, а не внутренней по своей сути. В основе субкультуры хиппи

24 Псевдодокументальный фильм, рассказывающий историю «Sex Pistols» и Малкольма Макларена. Снят режиссером Джулиеном Темплом в 1980 году.

25 Участники будущих «Sex Pistols» были постоянными посетителями магазина альтернативной моды «Sex», открытого Вивьен Вествуд – в будущем известным британским модельером, создательницей панковского фэшн-стиля. Партнером Вествуд в то время был Малкольм Макларен.

26 «Velvet Underground» – одна из самых знаменитых андерграундных групп в истории поп-музыки, возникла в середине 1960-х. Некоторое время существовала в качестве «домашней группы» студии Энди Уорхола «Фабрика», а сам Уорхол был ее менеджером. Особого коммерческого успеха «Velvet Underground» в 1960-е не снискал, однако сильно повлиял на развитие поп-музыки 1970-х. Брайан Ино говорил, что «первый альбом группы купили немногие, но каждый из купивших основал потом свою группу».

27 Имеется в виду: Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

лежало архаическое обращение к трансцендентализму и американскому романтизму в целом. О консерватизме коммун из Хейт-Эшбери²⁸ писали многие – к примеру, религиовед Кристофер Партридж, книга которого скоро выйдет в «Истории звука». Богатая риторика психоделии, несмотря на протестность, оперировала ностальгическими тропами как в формальном, так и в социальном ключе. Тем не менее я не отказывал бы полностью группам с Вудстока – многие из них интересно слушать до сих пор.

Радикализация музыкального опыта в 1970-х, на мой взгляд, связана с более масштабными историческими и культурными следствиями. Грезить новизной и инаковостью мы перестали не с «концом истории» в 1990-е, а как раз где-то в 1968 году. В это время начинает ломаться последняя утопия, видевшая будущее в прогрессивном и позитивном свете. Идея освоения космоса, на которую решился Майор Том²⁹, стала трещать по швам, а травма Второй мировой войны заявила о себе с новой силой. Довольно быстро оказалось, что обещанная социальная революция обернулась собственной противоположностью, а утопический проект, пользуясь языком Эрнста Блоха и Фредрика Джеймисона, улетучился. Надо отметить, что мы все еще живем, слыша фидбэк и эхо этого импульса.

Как это часто бывает, в кризисные и реакционные времена искусство становится интереснее, по крайней мере в занимающем нас вопросе. Глэм, а впоследствии и панк сформулировали более тонкую социальную критику, заключающуюся в острании и негации реальности. «Sex Pistols» надо воспринимать как концептуалистский жест Ситуационистского Интернационала³⁰; Макларен некоторое время был непосредственным его участником. Скоротечная история «Sex Pistols» прекрасно иллюстрирует, как с помощью различных механизмов поп-музыка может конструировать само определение «популярного» и того, как оно влияет на формирование сообществ. Последующий депрессивный антироковый отказ, в общем-то, оказался ближе к политическому настоящему, нежели романтическое путешествие в прошлое. Но я все равно остерегался бы называть популярную музыку «политической» и вменять ей способность напрямую влиять на социальный порядок.

**КИРИЛЛ КОБРИН –
ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ
ОТ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА?

28 Район в Сан-Франциско. Во второй половине 1960-х – символ контркультурной революции, один из центров так называемого «лета любви» 1967 года.

29 Герой песни Дэвида Боуи «Space Oddity» (1969), которая принесла первую настоящую славу исполнителю, астронавт, навсегда ушедший в космос. В «Ashes to Ashes» (1980) Боуи вернулся к образу Майора Тома, но уже совсем в ином – пессимистическом – сюжете, идеально вписавшемся в атмосферу глубочайшего общественного разочарования конца 1970-х – начала 1980-х.

30 Ситуационистский Интернационал – организация деятелей радикального андерграунда, основанная в 1957-м французским революционером, философом, писателем, кинорежиссером Ги Дебором. В разных составах существовал до 1972 года.

Популярная музыка 1970-х стала внимательнее относиться к собственным истокам. Вся ее история – это история апроприации черных музыкальных форм и тропов. Черная музыка, по определению, является политической и социально заряженной, потому что она всегда говорит исходя из своего колониального прошлого. Пол Гилрой, еще один представитель бирмингемского Центра современных культурных исследований показывает, что весь западноевропейский проект Модерна основан на исключении и подавлении. Быть черным – быть вне истории, быть чужим и Другим³¹. Рассказ об этой дружости не может не быть политическим.

Неспроста главный герой книги, вокруг которой мы сегодня блуждаем, – Петер Брётман – говорил, что интерес к фриджазу в послевоенной Германии был обусловлен не только радикальной формальной новизной, но своей социальной инаковостью, свободной от европейской традиции. История популярной культуры послевоенного ФРГ занимает особенное место, потому что, с одной стороны, она ориентировалась на психоделическую революцию, а с другой, тесным образом взаимодействовала с самым радикальным музыкальным изобретением XX века – электронной музыкой. Особенное место краут-рока, высокомерно оклеймленного англоязычными критиками, и близких ему вещей связано с иным ландшафтом юношеской революции – исторической виной за преступления нацизма.

В мемориальной культуре Германия хрестоматийно выступает идеальным примером общества, которое смогло справиться со своим неудобным прошлым. В конце 1960-х – начале 1970-х все обстоит совершенно иным образом. История нацистской Германии была фигурой умолчания, и только юношество поставило этот вопрос ребром. «Никаких отцов! Никаких фюреров!» – говорил барабанщик «Can» Яки Либецайт³². Этический и эстетический демарш экспериментальной немецкой сцены был тесно связан со стремлением молодого поколения напрямую говорить о преступлениях собственного прошлого. Формальный радикализм отвечал политическому вопрошанию и был действительно близок левым эгалитарным настроениям: эти люди активно участвовали в активистской деятельности, изобретали новые формы социального взаимодействия, ставили неудобные вопросы.

Осенью 1977 года все это завершилось, и реакция вновь победила. События «немецкой осени», названной так в честь до-

31 GILROY P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*. London: Verso, 1993.

32 Цит. по: STUBBS D. *Future Days: Krautrock and the Birth of a Revolutionary New Music*. New York: Melville House, 2015. «Can» – немецкая экспериментальная рок-группа, образовалась в 1968 году в Кёльне. Считается основоположником краут-рока.

кументального фильма Фасбиндера и компании³³, окончательно поставили крест на идее левого будущего и радикального обновления. Мне кажется, крах этой утопии идеально схвачен в серии картин Герхарда Рихтера³⁴ «18 октября 1977 года», где лидеры RAF³⁵ исчезают в дымке и становятся безымянными призраками. Конец 1970-х – время, когда повсеместно (от США до СССР) любые эгалитарные нарративы сменяются стагнацией, выраженной в политическом (а может, даже онтологическом) тезисе Маргарет Тэтчер «There is no alternative».

**КИРИЛЛ КОБРИН –
ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ
ОТ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА?

К.К.: И в ее фразе, что нет такого явления, как общество, есть мужчины и женщины.

В мемориальной культуре Германия хрестоматийно выступает идеальным примером общества, которое смогло справиться со своим неудобным прошлым. Этический и эстетический демарш экспериментальной немецкой сцены был тесно связан со стремлением молодого поколения напрямую говорить о преступлениях собственного прошлого.

Е.Б.: Еще идеальным примером метафоры победившего дис토피ического настоящего может быть фильм «Юбилей» Дерек Джармена³⁶.

К.К.: Мир, в котором правят продюсеры панк-музыки.

Е.Б.: Вывернутая наизнанку и доведенная до предела мечта Малкольма Макларена. В общем, музыка, будучи самым аффективной формой искусства, схватывает это настроение лучше всего. В «Археологиях будущего» Фредрик Джеймисон писал, что 1970-е – это последнее десятилетие, когда утопическая греза была частью культуры. В 1980-м Боуи записывает песню «Ashes to Ashes», где меланхолическое путешествие Майора

33 «Германия осенью» (1978) – фильм-антология, снятый десятью немецкими режиссерами, в их числе и Райнер Вернер Фасбиндер. Посвящен событиям 1977 года – террору красных радикалов из RAF, подозрительным обстоятельствам гибели трех лидеров организации в государственной тюрьме после ареста, настроениям в германском обществе, отношению к нацистскому прошлому.

34 Классик немецкого послевоенного искусства. Один из основателей направления «капиталистический реализм».

35 RAF (Rote Armee Fraktion) – «Фракция Красной армии», немецкая радикальная левая группировка. В 1970–1990-е совершила более тридцати политических убийств, многочисленные ограбления банков и взрывы государственных объектов.

36 Фильм-антиутопия британского кинорежиссера Дерек Джармена (1978). В картине снялись многие герои британского панк-движения того времени.

Тома в космос оказывается кошмаром – он стал сломленным, брошенным всеми наркоманом.

Недавно ушедший от нас Джеймисон в своих жестких оценках не терял сдержанного оптимизма. Вместо того, чтобы надеяться на возникновение нового утопического проекта, нам надо улавливать смутные утопические импульсы, скрытые в осколках прошлого³⁷. В конце концов, утопия, по мысли Джеймисона, явление негативное – ее задача заключается в критике настоящего.

Способность увидеть в дистопии новое начало – опыт, который знаком черной культуре не понаслышке. Мир черной культуры – мир после случившейся катастрофы и пережитого колониального насилия. Недаром в истории популярной музыки в 1980-е, совпавшие с кризисом позитивного воображения, с возникновением постфордистского капитализма и цифровых технологий, самые интересные вещи стали происходить в области танцевальной электроники. Техно, хаус, электро, джангл и даб выработали футуристический словарь, искавший риторические ресурсы в пользу переосмысления угнетенного опыта. Возможно, для того, чтобы услышать эхо утопии, нам нужно обратиться к Другому³⁸.

Но это отдельный сюжет для разговора.

Январь 2025 года

Расшифровка и подготовка к печати Светланы Липатовой

37 JAMESON F. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. London: Verso, 2005. P. 1–9.

38 Подробнее о дистопическом воображении черной электронной танцевальной музыки см. в: БЫЛИНА Е. *Утопия «Черной Атлантиды». Афрофутуризм и электронная музыка* // Неприкосновенный запас. 2019. № 3(125). С. 219–238.

Всемирная классовая борьба и все такое: о первой биографии патриарха фри-джаза

АНДРЕЙ
ГЕЛИАНОВ

Конни: Я ухажу! Я считаю, что джаз бесполезен!

22: О да, джаз определенно бесполезен.

Джо: Эй!

Конни: На самом деле школа вообще – пустая трата времени.

22: Конечно. Как говорил мой наставник Джордж Оруэлл: спонсируемое государством образование – это как дребезжание палки в помойном ведре.

Конни [*ее глаза расширяются*]: Да!

22: Основа учебной программы правящего класса – подавление инакомыслия. Это самый старый трюк в книге.

Джо: О чем ты? Ее такие вещи не интересуют!

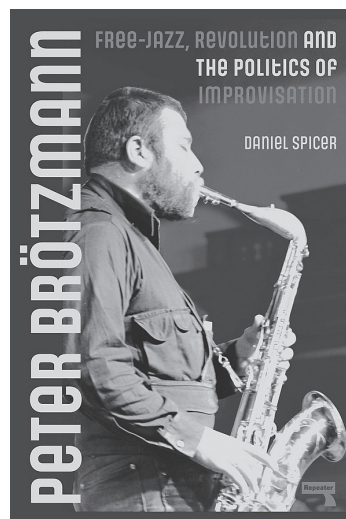
Конни: Я думаю об этом с третьего класса школы!

Мультфильм «Душа» (Pixar, 2020)

Peter Brötzmann: Free-Jazz, Revolution and the Politics of Improvisation

DANIEL SPICER

London: Repeater Books, 2025. – 352 p.

Прежде всего – это очень хорошая книга. Особенно для меломанов: из нее можно выудить массу новых интересных подробностей о жизни любимых музыкантов и выписать сотню малоизвестных уникальных пластинок для прослушивания вечерами.

По стилю работа Даниэля Спайсера совершенно конгениальна своему предмету – ревущей огненной музыке свободной формы: текст несется стремительно, заражает своей энергией, из-под каблучков летят искры – читать такое особенно удивительно и приятно в наше время культурного паралича, когда по сути уже давно ничего не происходит (несмотря на непрерывный поток «событий»).

Формально перед нами – последовательная и очень подробная биография Петера Брётцмана (как только его имя не переводили – и «Бротцман», и «Броцманн», да и «Петер» периоди-

*Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.*

чески превращался в англосаксонского «Питера»), вероятно, самого влиятельного и яркого европейского фри-джазового музыканта, фактически основателя этого стиля в Европе в начале 1960-х.

Брёцман умер в 2023 году в почтенном возрасте 82 лет, проведя на сцене из них в сумме больше шестидесяти. Прозорливый Спайсер начал работать над книгой еще в 2010-е; значительная ее часть состоит из диалогов с пожилым музыкантом – иногда по телефону, но чаще вживую, пока биограф куда-то везет его на машине по сельской дороге (на очередной фестиваль, на котором Брёцман своим рыком вновь и вновь перекрывает все попытки панкующей молодежи грести в ту же сторону).

Эту бесценную информацию от первого лица (Брёцман, правда, иногда искажает или избирательно «забывает» некоторые события прошлого – кажется, ни одна такая попытка не ускользает от бдительного фактчекинга автора) дополняют обстоятельные беседы с дожившими до наших дней ветеранами фри-джаз движения, скрупулезное исследование архивных интервью и *liner notes* древних пластинок (если нужно привести цитату из недожившего ветерана), пассажи из множества малоизвестных тематических книг и статей, пошаговые реконструкции сейчас никому не ведомых, но исторически важных мероприятий (вроде первого совместного концерта джазовых музыкантов из ФРГ и ГДР), фрагменты описаний которых Спайсер каким-то образом умудряется отыскать.

Словом, с академической точки зрения не подкопаться: работа проведена колоссальная, добротная и результат ее – живая, бурная и подробная история андерграундного движения – исключительно удачен.

ДВИЖЕНИЕ

Как следует из подзаголовка «Фри-джаз, революция и политика импровизации», книга, конечно, не только про Брёцмана. Спайсер использует его фигуру – совершив идеальный в этом плане выбор – как стержень, вокруг которого раскручивается рассказ про историю фри-джаза в Европе в целом, к чему подтягиваются многочисленные ниточки очевидных параллелей: студенческие волнения, общая трансформация культуры и политики в 1960-х, борьба чернокожих музыкантов за независимость сначала от повседневной социальной сегрегации, а потом и от «белого культурного дискурса вообще».

Очень интересно в этом плане, что, оказывается, практически все основные деятели афроамериканского фри-джаза –

Альберт Айлер¹, Джон Колтрейн, Дон Черри², Орнетт Коулман³ и десятки других менее известных музыкантов – в тот период практически поселились в Европе или по крайней мере подолгу жили и работали на ее территории. Еще интересней, что они относились к своим соратникам из Германии, Англии, Швеции абсолютно без какой-либо «звездности», помогали им, играли вместе с ними, организовывали мероприятия наравне.

Пока рассказ идет о 1960-х (это занимает значительный объем первой половины книги, так как охватить потребовалось невероятное количество имен и событий), текст порождает ощущение волшебной сказки. Будто само пространство в то время загадочно искривилось, чтобы свести вместе поистине невозможные комбинации культурных фигур. Количество удивительных совпадений, о которых повествует эта документальная книга, в романе выглядело бы неправдоподобным.

Вот молодой Брёцман, еще практически подросток, совершенно случайно становится учеником Нам Джун Пайка⁴ и вливается в движение «Флюксус»⁵, под его влиянием создает и открывает – в 19 лет! – свою первую выставку как художник – «Metallbilder & Collagen» в феврале 1961-го. Вот он знакомится с Йоко Оно и Йозефом Бойсом⁶, посещает (тут нет деталей, а жаль) лекции Карлхайнца Штокхаузена⁷, куда ходят также джазовый барабанщик Яки Либецайт и аккордеонист Хольгер Шукай (очень скоро, в 1968-м, они создадут группу «Can»⁸;

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВСЕМИРНАЯ КЛАССОВАЯ
БОРЬБА И ВСЕ ТАКОЕ...

- 1 Альберт Айлер (1936–1970) – американский саксофонист и мистик, одна из важнейших фигур в истории фри-джаза. Страдал от неустановленного психического заболевания (возможно, шизофрении), был мучим апокалиптическими видениями. 25 ноября 1970 года тело 34-летнего Айлера выловили из нью-йоркской Ист-Ривер, обстоятельства его гибели остались загадкой.
- 2 Дон Черри (1936–1995) – американский авангардный трубач, один из создателей направления *world music*, в описываемый в книге период жил в Европе и фактически стал джазовым «крестным отцом» Брёцмана.
- 3 Рэндольф Денард Орнетт Коулман (1930–2015) – важная фигура в истории фри-джаза (собственно, он и придумал этот термин для своего шестого альбома в 1961 году). Любопытно также, что Коулман – единственный из пионеров движения, кто дожил до глубокой старости.
- 4 Нам Джун Пайк (1932–2006) – американо-корейский художник, основатель видеоарта и активный участник «Флюксуса».
- 5 Международное течение «свободного искусства», основанное американо-литовским художником Джорджем Мацюнасом (1931–1978). Фестивали «Флюксуса» проводились в Париже, Амстердаме, Копенгагене, Лондоне, Нью-Йорке и многих других городах Европы и Америки. После смерти Мацюнаса движение раскололось (было «институционализировано» музеями) и фактически сошло на нет.
- 6 Йозеф Бойс (1921–1986) – немецкий художник и перформансист, во время войны служил в люфтваффе. Первым его арт-проектом, судя по всему, является рассказ о событиях 16 марта 1944 года, когда самолет Бойса был сбит над Крымом, после чего местные жители, «татары», якобы выходили раненого пилота, обернув его тело в войлок, пропитанный жиром, что впоследствии нашло отражение в искусстве Бойса. Современные исследователи считают эту историю полностью вымышленной.
- 7 Карлхайнц Штокхаузен (1928–2007) – одна из крупнейших и самых влиятельных фигур европейского академического авангарда XX века, пионер электронной музыки, последователь секты «Книги Урантии» и создатель (по ее мотивам), вероятно, самого эпического музыкального произведения в мире – 29-часовой оперы «LICHT» (1977–2003).
- 8 Культурная немецкая рок-группа из Кёльна, основной период активности которой пришелся на 1968–1979 годы, записала одиннадцать альбомов. «Can» считается наиболее известным и влиятельным проектом из всей волны краут-рока (*Krautrock*), повлиявшего на бесчисленное множество музыкантов – от пио-

кстати, будущих основателей «Kraftwerk» можно было встретить в соседнем клубе), играет как сессионщик – тоже совершенно случайно – вместе с заезжими американцами Карлой Блей⁹ и Майклом Мантлером (которые еще, кажется, даже не успели пожениться, в том же 1968-м они создадут воистину революционный проект «The Jazz Composer's Orchestra»).

Вот Брѐцман уже постарше, в 25 лет (1966), после концерта он заваливается в единственный бар в бельгийской деревне Комблен-ла-Тур – и видит, как «черный парень в строгом костюме» беседует с «низеньким французом с крючковатым носом». Брѐцман настолько измотан, что не может заказать себе пива, и тогда «черный парень» приходит ему на помощь и представляется: Джон Колтрейн. А «низенький француз», его собеседник – Шарль Азнавур.

Все друг друга знали на этом небольшом европейском пятаке, все происходило буквально в пулеметной динамике. Дон Черри так и назвал Брѐцмана – «мистер Пулемет», в 1968-м это станет названием прорывного альбома «Machine Gun» – джазмену здесь 27 и он уже легенда.

МУЗЫКА

Довольно значительную часть сочинения Спайсера (наверное, до четверти основного текста) занимают, так сказать, *экфрасисы*: буквальные описания того, что мы услышим, если включим ту или иную пластинку или запись концерта с участием Петера Брѐцмана в том или ином составе (повествование несется стремительно, составы музыкантов меняются так легко, будто действие происходит во сне – и, как во сне, в этом всегда присутствует глубинная логика ясности).

Да, «говорить о музыке – все равно что танцевать об архитектуре» (Фрэнк Заппа, кстати, такого не произносил, это одна из загадочно самозародившихся народных цитат) – но у Спайсера чудесным образом получилось. Язык, которым он передает впечатления от фри-джаз вакханалии Брѐцмана & Co, экспрессивный, яркий и изобретательный (попробуйте подобрать десять синонимов к словам «вой» и «визг», которые четко указывали бы на различие тональных оттенков). Переводить такое, конечно, трудно, но вот несколько примеров. Про вышеупомянутый «Machine Gun» (1968):

неров пост-панка «The Fall» и «Joy Division» до позднейших «Radiohead» и Канье Уэста. Лидер группы Хольгер Шукай (умер в 2017-м) был одним из пионеров использования в музыке сэмплов.

⁹ Карла Блей (Ловелла Мэй Борг, 1936–2023) – вероятно, самая влиятельная женщина в американском джазе после Элис Колтрейн, создательница (со своим тогдашним мужем Майклом Мантлером) тройного альбома в жанре джаз-опера «Escalator over the Hill» (1971) и более сорока других пластинок.

«После начальной саксофонной бомбардировки следуют спорадические вопли, подражающие ракетным ударам и сиренам воздушной тревоги, в то время как басы-близнецы скрежещут и ерзают, а Беннинк добавляет металлическое стаккато “выстрелов”, пока Ван Хоув порхает на заднем плане, как призрак, приговоренный к вечности в некоем inferнальном коктейль-баре. Финальное соло Брёмана переходит от гортанных отхаркиваний к альтиссимо-визгам в стиле Айлера – словно трассирующие пули стреляют в ночь, – даже когда ансамбль вдруг приземляется на попкорновый *R&B* рифф» (гл. 3, подгл. 5, абзац 13¹⁰).

Про альбом «Nipples» (1969) – здесь Спайсер дает презрительную отповедь американскому телеведущему Джимми Фэллону, который в 2021 году вульгарно высмеял эту пластинку в своем шоу¹¹:

«Просторность аранжировки открывает ее для проницаемости рядом инструментальных нюансов, а Ван Хоув демонстрирует озорную, пост-Телониусовскую непредсказуемость в сочетании с резкой телесностью Сесила Тейлора. С другой стороны, “Tell a Green Man” еще больше раскрывает чувство пространства начиная с почти пяти минут неприкрашенного контрабаса и плотных, дребезжащих том-томов. Когда, наконец, [в это пространство] входит тенор, он смешливо фыркает “поймай меня, если сможешь” – воплощенный дух юношеского мятежа» (гл. 4, подгл. 2, абзац 2).

Про альбом «Iron Path» (1988), созданный в составе супергруппы «Last Exit» с Биллом Ласвеллом¹²:

«Открывающий трек “Prayer” начинается с рассеивания тумана на пустынной вершине горы и звона храмового колокола во мраке, прежде чем Джексон прищипоривает галопирующий грохот, Брёман развертывает извилистый восточный клич, а Шэррок прозванивает странным образом похожий на волюнку кельтский рефрен. Заглавный трек представляет собой интермедию из разрозненных азиатских переборов и большего количества храмовых гонгов, угнездившихся в огромные клубящиеся облака. “The Fire Drum” – медленный и грязный фанк с резиновым хлюпающим басом и Брёманом, воющим в ночь. “Detonator” – это мрачный фанк-метал, замысленный как джем в стиле фьюжн-супергруппы

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВСЕМИРНАЯ КЛАССОВАЯ
БОРЬБА И ВСЕ ТАКОЕ...

10 В электронной версии книги страницы не нумерованы, а сам текст разделен на семь огромных глав, внутри которых условные подглавы выделены заголовками-цитатами. Здесь и далее при цитировании вынужденно используем нумерацию «глава – подглава – абзац».

11 Вообще к людям «не в теме», которые пытаются рассуждать о фри-джазе, Спайсер явно испытывает холодную неприязнь, например, похвалившего (!) Брёмана Билла Клинтона он презрительно аттестует как *baby-boomer amateur saxophonist*.

12 Билл Ласвелл (р. 1955) – басист и экспериментальный музыкант, более всего известный как продюсер: с участием и под руководством Ласвелла с начала 1980-х вышло несколько сотен – если не тысяч – пластинок (в том числе семь альбомов с Брёманом). Ласвелл работал практически со всеми героями авангарда последних сорока лет XX века, в диапазоне от Дэвида Боуи, Йоко Оно, Мика Джаггера, Уильяма Берроуза, Брайана Ино и Игги Попа до групп «Swans», «Coil», «Gong» и «Ramones».

“Weather Report”. “Cut and Run” – сумеречный серф-трэш, в котором Джексон трансформирует барабанный рифф “Wireout” в сплошной марш легионов пляжных бездельников-зомби. В песне “Eye for an Eye” с могуче спорящими бас-гитарой и бас-саксофоном Брэцман и Ласвелл звучат так, словно “они стоят на крыше мира, как гималайские монахи, выпевающие единый огромный аккорд”» (гл. 6, подгл. 2, абзац 33).

Бросается в глаза, что, описывая как музыку Брэцмана, так и манеру его игры (или его сотоварищей), Спайсер очень часто использует глагол «мускулистый» (или даже «мышцатый», *muscular*). Тут трудно поспорить: это музыка прежде всего брутальная, животная, витальная в самом первичном смысле, кусок стремительно проживаемой жизни, времени, не томно и отстраненно запечатленного, но оруще-сжигающего себя на ходу.

Брэцман очень яростно и почти сектантски отстаивает абсолютную спонтанность как единственный путь в пространство свободы, не идя ни на какие компромиссы, по крайней мере на словах.

К интеллекту все это никакого отношения подчеркнуто не имеет – более того, Брэцман очень яростно и почти сектантски отстаивает абсолютную спонтанность как единственный путь в пространство свободы, не идя ни на какие компромиссы, по крайней мере на словах.

Политика

Основная мысль Спайсера очень проста: фри-джаз в своем чистом виде – это буквально воплощенный и в месте и времени перформанса, и по принципу организации и работы, социализм. Это то, как мы и должны жить.

«За все эти десятилетия Брэцман затронул, оживил и связал множество ключевых [музыкальных] сцен, одновременно воплощая собой своего рода практический утопизм через жизнь, проведенную в дороге в компании друзей и сообщников. На более непосредственном уровне его приверженность художественному сотрудничеству и групповой импровизации может дать подсказки о том, как люди могут лучше организовать себя – позаимствуем фразу Уильяма Паркера¹³, – “чтобы выжить”. Мы можем, если угодно, рассматривать жизнь Брэцмана как воплощенный пример того, как сделать мир лучше» (гл. 1, подгл. 2, предпоследний абзац).

13 По-видимому, автор имеет в виду альбом контрабасиста Уильяма Паркера «In Order to Survive» (1993) или одноименный ансамбль, с которым тот играл до конца 1990-х.

«Во всех моих ансамблях я пытался вовлекать участников в процесс принятия решений и в процесс [исполнения] музыки, – утверждал [Брѣцман]. – Я никогда не был тем парнем, который говорит: “Хорошо, вот твоё соло, играй как проклятый”. Нет, нет, я хочу, чтобы [выступление] было своего рода демократическим процессом. Вот что такое музыка, и вот чем должно стать человеческое общество» (гл. 3, подгл. 2, последний абзац).

«Социалистическое видение человеческой деятельности – как цели самой по себе, – а не просто как средства для накопления капитала» (гл. 3, подгл. 3, третий абзац с конца).

Интересно, что сам Брѣцман такому восприятию Спайсера поначалу как бы сопротивляется: большинство его ремарок про 1960-е и левую активность в молодости носят эдакий снисходительный характер с ноткой ностальгии:

«Для меня джаз имел своего рода политическое значение, потому что с юных лет я уже был очень левым и связался с Коммунистической партией – наивно, конечно, но искренне. Потом начался Вьетнам; Корея только что закончилась, и заниматься джазовой музыкой в то время было способом занять правильную сторону в войне между бедными и богатыми, черными и белыми – ладно, у нас не было этой конкретной проблемы, но тем не менее вы поняли, всемирная классовая борьба и всё такое» (гл. 3, подгл. 2, абзац 11).

«Я всегда это ненавидел», – признался мне Брѣцман, говоря о практике совместного жилья в коммунах. [...] “Некоторые концерты организовывались коммунарами, поэтому приходилось и там бывать. Но я всегда был по ориентации индивидуалистом. Когда вы реально интенсивно заняты своими делами, вам это всё [коммунальное единение] не нужно. У меня была семья, и наш дом и так всегда ломился от людей, которые проезжали через город или работали со мной, так что фактически дом и так был активной коммуной, но делать из этого какой-то принципиальный образ жизни – не для меня”» (гл. 3, подгл. 2, абзацы 20–21).

«В те времена, в 1960-е, когда мы хотели изменить музыку, даже изменить мир, мы все работали вместе, без излишней трескотни, выпивали вместе, жили вместе. Я жил с женой и двумя детьми в маленькой квартире, но иногда у нас было десять музыкантов, в каждом углу кто-нибудь лежал на матрасе. В хате не было денег, но на столе всегда был суп. Я не хочу все это воспевать, потому что, да, это были тяжелые времена. Мне приходилось работать на своей ежедневной работе, зарабатывать деньги для семьи, потому что от музыки их особо не было. Я брался за всё, что подворачивалось под руку. А люди проходили мимо и оставались гостить неделями – иногда даже люди, которых я вообще не знал. Это было действительно другое время. Мы все играли вместе. Это был абсолютно, совершенно другой способ жить”» (гл. 3, подгл. 2, абзац 24).

Более того, большая (на 192 страницы) книга бесед с Брѣцманом, из которой Спайсер неоднократно цитирует подходящие

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВСЕМИРНАЯ КЛАССОВАЯ
БОРЬБА И ВСЁ ТАКОЕ...

к конкретному контексту куски, называется «We Thought We Could Change the World»¹⁴, задавая уже в названии немного разочарованную оптику взгляда на вопрос. Вместе с тем Брёцман не возражает по существу, когда дело доходит конкретно до музыки:

«Я всегда видел в такой музыке нечто большее, чем просто формализм и эстетику. По мере того, как я становлюсь старше, я все больше и больше вижу в ней своего рода социальное движение того, что, возможно, [...] ты можешь видеть и чувствовать, как люди способны научиться жить в этой ситуации и чувствовать себя комфортно в ней, вкладывая свою энергию во все, что они могут делать, – не только в музыку, но и в организационные вопросы. Один человек оказывается лучше других в телефонных звонках, каждый выполняет свою часть для всей группы как семьи, как своего рода сообщества. [...]

Я не настолько наивен, чтобы думать, что мы могли бы перенести это на [более широкое] сообщество. Но, если люди научатся работать таким образом, они смогут передать [этот опыт] своим детям, другим товарищам вокруг них. Просто знать, что такое возможно, – это уже небольшой шаг в правильном направлении, я бы сказал... что политически я всегда был, скажем так, чем-то вроде социалиста» (гл. 8, подгл. 3, абзац 9).

КТО ВЫ, «МИСТЕР ПУЛЕМЕТ»?

Интересно, что после прочтения 350-страничной книги про Петера Брёцмана, впечатление о том, *каким же он был*, совершенно не складывается. Возможно дело и в специфической оптике Спайсера (который не только музыкальный критик, но и сам музыкант¹⁵), и в непростом объекте его исследования.

Поздний Брёцман, с которым беседует автор книги, пытается произвести впечатление лукавого старика – которому, наверное, очень хотелось бы, чтобы его запомнили простым, но искренним – эдаким сельским парнем, народным святым от фри-джаза, не интересующимся всей этой политикой и культурой, а просто витально знающим на телесном, так сказать, уровне великий секрет простоты: будь собой, бери в руки саксофон и сыграй, не сходя с места, лучшую в мире музыку.

Но это не так. Если внимательно посмотреть на материал, представленный в книге, то практически на каждое предположение, характеризующее Брёцмана, найдется опровержение.

Брёцман – простой провинциальный парень-самоучка, ставший великим музыкантом? Ну, да, вот только когда ты еще подростком становишься выставляющимся художником под

¹⁴ www.wolke-verlag.de/musikbuecher/peter-broetzmann-we-thought-we-could-change-the-world/.

¹⁵ <https://danielspicer.bandcamp.com/>.

руководством отцов-основателей «Флюксуса», а работаешь не дворником или дровосеком, а дизайнером-оформителем, это уже немного другое.

Брёцман категорически против скovskyвающего «композиторского фашизма» и стоит горой за импровизацию, называя *the real player* только такого рода музыкантов? Но самые его известные работы (вроде того же «Machine Gun») именно композиторские, и играл он со множеством музыкантов, часть которых сами были композиторами.

Брёцман утверждал, что был сфокусирован на «очень узкой теме» чистой импровизации, обрабатывал свою маленькую делянку? Но такое смешно слышать от человека, который записывался со всеми подряд, включая экзотических восточных музыкантов, а ближе к концу жизни вообще ушел в сторону эмбиента (дуэты со слайд-гитаристкой Хизер Ли).

Брёцман против наркотиков и, точно ханжа из истеблишмента, выговаривает своему залятому другу-барабанщику Хану Беннинку за марихуану? А сам при этом алкоголик с 45-летним стажем, который чуть не свел в могилу младшего товарища Ласвелла: «Кутили ночи напролет, пили как черти, проститутки и все такое. Все, что только можно себе представить. Мы пытались допить до смерти, но не преуспели. Было очень весело» (гл. 6, подгл. 2, абзац 26).

Брёцман не проявляет интереса к духовности и ни разу не говорит о ней в книге? Но вместе с тем «духовное» он услышал в музыке Альберта Айлера, что пробудило в нем интерес к фри-джазу, а это стало стартовой точкой его музыкальной биографии. Не забудем также, что Брёцман играл с марокканскими церемониальными музыкантами, посещал в Рабате мечеть и так далее.

Продолжать можно долго. Не то чтобы Брёцмана хотелось или реально можно было обвинить в лицемерии – на склоне очень долгой карьеры он закономерно начал думать о своем образе для будущих поколений, который тут хочется чуть-чуть подправить, а там что-то вычеркнуть. Проблема в том, что всем этим усилиям по созданию легендарного образа – часто принимаемым в остальном бдительным Спайсером на удивление некритически – уделяется в книге слишком много места и ощутимо идет в ущерб моментам, про которые было бы узнать интересней.

Мы видим – во всевозможных подробностях (иногда достаточно утомительных для непосвященного) траекторию карьеры Брёцмана, узнаем, как она повлияла на жизни других людей, на фри-джаз в целом и так далее. Но мы практически не видим, что это за человек, чем он жил, чем интересовался в свободное от концертов время (ни разу в труде Спайсера,

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВСЕМИРНАЯ КЛАССОВАЯ
БОРЬБА И ВСЕ ТАКОЕ...

например, не упоминается ни одна книга, которую бы читал Брёцман, – неужели это не интересно?). Какой-то краешек реальности на мгновение показывается в последней главе, когда Хизер Ли, вспоминая о совместных турах с Брёцманом, вдруг выдает:

«Мы [с ним] на тот момент уже объездили весь мир... это фантастика. Нам так нравится путешествовать вместе. У нас очень похожие интересы вне музыки – природа, ботанические сады, музеи» (гл. 9, подгл. 2, абзац 12).

Он, оказывается, интересовался ботаническими садами и музеями! Но кроме этой оговорки, больше мы ничего не узнаем. В мире Спайсера Брёцман – исключительно рычащий музыкальный локомотив, мотивационная фигура с плаката. Такой односторонний подход, при всей его красочности (и эффективности в выполнении поставленной автором художественной задачи) в итоге несколько огорчает, потому что о человеке масштаба Петера Брёцмана хотелось бы узнать какие-то вещи, помимо того, что и так очевидно после даже беглого с ним знакомства.

С самого начала книги и, особенно не варьируя характеристики, Спайсер напоминает нам снова и снова про свирепого (*ferocious* – еще одно слово-паразит у автора) Брёцмана-нон-конморфиста и звукового левиафана – как будто об этом образе можно забыть:

«Жизнь пионера и упрямого посланника высокоэнергичной свободной музыки, проведенная в дороге, породила множество историй. За пределами сцены Брёцман на протяжении многих лет был известен как олдскульный бунтарь-алкоголик. На сцене он был легендарен в своей яростной выносливости и грубой, зажигательной свирепости производимого колоссального звука; акустической атаки, характеризующейся пронзительными обертонами и грубыми многоголосыми искажениями; физическая сила поразительной, стихийной мощи и непосредственности» (гл. 1, подгл. 2, первый абзац).

Однообразие звуковых экфрасисов, восторгающих поначалу, при всех стараниях Спайсера в изобретении удивительных метафор ближе к концу книги также начинает уже утомлять и сливаться в один поток – даже если, как это делал автор рецензии, действительно параллельно слушать всю эту прекрасную музыку, – ну, правда, первых двадцати (хотя бы двадцати, а не полусотни!) таких описаний хватило бы с лихвой. Но, нет, – Спайсер задался целью описать свои впечатления от прослушивания практически каждого из основных альбомов и концертов Брёцмана, и дескриптивное шоу продолжается – а про самого музыканта, как человека, мы практически ничего

не узнаём. Запишем это в единственный недостаток книги и вернемся к ее основному вопросу.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ВСЕМИРНАЯ КЛАССОВАЯ
БОРЬБА И ВСЕ ТАКОЕ...

И СНОВА ПОЛИТИКА: ГИТЛЕР И 1960-Е

Спайсер неоднократно проводит явное противопоставление 1940-х (когда родились Брёцман, сын военнослужащего вермахта, и многие его будущие соратники) и 1960-х – когда подросшие молодые люди в Европе, в первую очередь в Германии, начали яростно протестовать против того, что делали их отцы и что в новой, разделенной стране, стало предметом активного умолчания. Где-то на периферии читательского внимания должен мелькнуть, наверное, призрак В.Г. Зебальда – еще одного уроженца «третьего рейха», – который, будучи молодым человеком в 1960-е, избрал куда более витиеватый и интеллектуальный путь, но решал, по сути, ту же задачу (на что указывают его самый знаменитый роман «Аустерлиц» и особенно более ранняя книга «Эмигранты»).

Касательно же выбранной Брёцманом траектории Спайсер не купится на прямой параллелизм:

«Несмотря на репутацию Брёцмана как [в первую очередь] “громкого” музыканта, его резкий, фанфарический рев редко, если вообще когда-либо, использовался только ради самой громкости. В своей почти невыносимой ярости и боли это вызывающе человеческий крик. Это блюз, направляющий все страдания и абсурдные ужасы Европы-после-Освенцима в концентрированный, алхимический визг, преобразующий страдание в яркий, сияющий клинок искупления» (гл. 1, подгл. 5, абзац 5).

«Неудивительно, что столь многие молодые немцы, возмущенные отвратительными свидетельствами Освенцима, Дахау и Бухенвальда, яростно отвергали взрослое общество, предпочитая вместо этого создавать собственный альтернативный образ жизни на задворках “нормального” мира» (гл. 3, подгл. 3, абзац 3).

«Я думаю, что Петер, будучи представителем другого поколения, нежели все участники группы, кроме Джо Макфи, – они [музыканты старшего поколения] исходят из оптики, что лидерство – это отражение тех ужасных, ужасных вещей» (гл. 8, подгл. 1, абзац 13).

Впрочем, Спайсер эти размышления берет не из головы, а основываясь на ремарках героя книги:

«Как бы Брёцман ни преуменьшал эти различия, он охотно признал, что крайности, к которым прибегали молодые немцы, были прямой реакцией на стыд и травму, которые они испытывали в результате совсем недавнего нацистского прошлого Германии. “Это была действительно очень сильная внутренняя проблема, – заявил он, – найти способ справиться с этим. Мы все чувствовали

одно и то же. Нам приходилось бороться со стольким... Вот почему, возможно, наша музыка в те дни была гораздо более агрессивной, гораздо более жестокой, чем, например, английская музыка или голландская музыка, потому что у них не было наших [немецких] проблем» (гл. 3, подгл. 4, абзац 9).

Еще один *политический* момент: Спайсер намекает, что мейнстримная (в каком-то смысле «имперская») версия истории фри-джаза – американские первопроходцы вроде Альберта Айлера и Орнетта Коулмана повлияли на европейскую сцену, откуда уже вышел Брётцман и компания – может быть на самом деле неверна и дела обстояли как раз противоположным образом. Впрочем, основывается эта история только на одном непроверяемом воспоминании самого Брётцмана:

«Когда ансамбль [Альберта Айлера] гастролитировал по Франции и Германии с июня по сентябрь 1960 года, Айлер регулярно посещал клуб под названием “Cave” в Гейдельберге, примерно в трехстах километрах к югу от Вупперталя [где всю жизнь прожил Брётцман]. “Мы были там своего рода *house band* – я, [Петер] Ковальд и другие барабанщики – мы играли очень часто”, – рассказал мне Брётцман. “На заднем ряду всегда сидел худой черный парень, но потом в какой-то момент он исчез. Через несколько лет я купил первую пластинку с фотографией на обложке, из Копенгагена, где он играл «Summertime» [«My Name Is Albert Ayler», 1964]. Я смотрел на фотографию снова и снова – господи, это же тот парень!” [...] Есть ли вероятность, что Брётцман мог, в какой-то небольшой степени [через влияние на Айлера], косвенно повлиять на самого [Джона Кол]Трейна? Здесь Брётцман возразил с несвойственной ему застенчивостью: “Это был бы уже перебор»» (гл. 7, подгл. 3, абзац 6).

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Разберем основную метафору книги, ради которой все и затевалось, – фри-джаз как воплощенный социализм. Что Спайсер/Брётцман имеют в виду?

В сравнительной оптике, которая нам предлагается, абсолютному фашизму соответствует классическая оркестровая музыка – множество иерархически организованных людей, управляемых одним диктатором (композитором и его заместителем – дирижером), играют заранее написанные партии в строго определенном порядке, который должен соответствовать идеальному цельному образу музыкального произведения – условно говоря, симфонии.

Таким образом, любой проект «симфонии церкви и государства», страны как «единого гармонического организма» и так

далее априори может быть реализован только в виде фашизма – потому что без композитора, дирижера и иерархического оркестра исполнение симфонии невозможно. Импровизация здесь немыслима, а значит, логически, невозможно и равенство; первая скрипка всегда будет важнее литавр или треугольника, и ни один из музыкантов в здравом уме никогда не скажет, что он равен композитору или дирижеру.

Это применимо не только к так называемой «классике», но и к академическому авангарду XX века вроде Арнольда Шёнберга, Яниса Ксенакиса или Альфреда Шнитке. Эти композиторы пытались вырваться из музыкальных ограничений традиционной формы, но совершенно не интересовались (в отличие от, например, Джона Кейджа и его лучшего ученика Мортона Фельдмана) методом исполнения. И, кстати, это объясняет, каким образом высокое искусство и фашизм полностью совместимы – здесь нет никакого парадокса: они абсолютно изоморфны в своем истоке. (Надо, наверное, еще раз оговориться, что это не оптика автора рецензии – это тот взгляд, который активно транслируют, хотя и не договаривая до конца, автор/герой книги и их единомышленники.)

Далее по степени свободы идет формат типичной рок-группы или большого «традиционного» джаз-бэнда, который, как правило, носит имя своего основателя. Здесь ситуация помягче, настолько, что очень много лет именно это и считали свободой. Итак: у нас есть лидер ансамбля (вокалист и/или композитор и/или солист), есть, что очень важно, ритм-секция (бас и ударные), которая не имеет права ошибаться и на которую ориентируются солирующие инструменты, и есть музыканты-солисты – правила хорошего тона/структуры требуют, чтобы каждый музыкант сыграл хотя бы одно выдающееся соло на своем инструменте (и получил аплодисменты) – это часто единственный импровизационный момент, который допускается в рамках заранее сочиненной лидером и отрепетированной программы.

Такой формат приблизительно соответствует современным демократическим государствам: да, каждый может себя проявить и получить премию (солисты), но социальные службы и рабочий класс должны работать и не «возникать» (ритм-секция), хотя некоторые отклонения от нормы и допускаются. В любом случае программа чаще всего заранее сочинена и отрепетирована, пока уровень ее исполнения не удовлетворит лидера (правительство, президента).

Радикалы вроде Брёцмана довольно рано – возможно, одними из первых – поняли, что формат традиционного бэнда – это воспроизведение в миниатюре всего того, против чего они протестовали в жизни. Фри-джазовая идея альтернативной музы-

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВСЕМИРНАЯ КЛАССОВАЯ
БОРЬБА И ВСЕ ТАКОЕ...

ки (в своем самом бескомпромиссном виде) шокирует сегодня среднего слушателя точно так же, как и шестьдесят лет назад. Нет никакой ритм-секции. Бас и барабаны играют как равноправные солирующие инструменты (точнее, просто как инструменты, сам концепт соло в таком случае размывается, все как бы все время солируют на пике своих возможностей). Нет никакого лидера, все равноправны, «от каждого по способностям». Нет никакого материала, который нужно вызубрить, музыка создается для этой конкретной ситуации из этих конкретных тел и настроений музыкантов для этой конкретной аудитории.

Такая ситуация – идеал, которому нередко не соответствовал на практике и сам Брѐцман, самый радикальный человек в искусстве импровизации. И все же у него иногда удивительно получалось – особенно с ансамблями расширенного состава, когда из-за изменения подхода к музыке, из-за изменения ее столетиями неизменной иерархичной структуры она оказывает совершенно другое, освобождающее, воздействие.

«Конечно, это довольно большой риск. Импровизировать с десятью людьми на сцене без подготовки – все может пойти не так. Мне нравится риск. Мне нравится борьба. Мне это нравилось всю мою жизнь» (гл. 8, подгл. 3, абзац 5).

Вместе с тем даже ближайшие соратники позднего Брѐцмана – например, чикагский саксофонист Кен Вандермарк (который в собственном творчестве компромиссно сочетает композицию и импровизацию) – делают интересные оговорки относительно того, как эти радикальные идеи воспринимались на практике (курсив мой):

«Если происходило что-то вроде: “Ну, мы должны играть то, а не это”, он действительно вмешивался и говорил: “Нет, речь не о том, и я не хочу этого делать, если группа склоняется к подобному”. И это приводит к проблемам, с моей точки зрения, к замешательству, если ты не готов излагать свои идеи группе из одиннадцати человек, которые все пытаются двигаться в одном направлении в рамках полной импровизации. [...]

Были неоднократно моменты, когда я мог бы извлечь пользу из более четкой картины того, чем именно он был недоволен. *Не для того, чтобы сказать мне, что делать*, а чтобы дать более четкую картину того, чего не делать, потому что иногда я чувствовал, что играю что-то как нужно, и он казался очень отзывчивым и довольным этим, а в другой раз я играю что-то похожее, и Брѐцман явно не удовлетворен. И я оставался наедине с вопросом “Хорошо, что здесь *не произошло?*”, но он никогда не давал ответа. Нелегко» (гл. 8, подгл. 3, абзац 17).

Получается, что социализм, даже фри-джазовый, без лидера невозможен – ведь *лидер и есть тот, кто для начала пред-*

лагает обходиться без лидера. Имеет ли этот парадокс решение? Непонятно. О том, что для Брѣцмана такой подход имел серьезное политическое (чтобы не сказать *экзистенциальное*) значение, свидетельствуют, например, следующие моменты:

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ВСЕМИРНАЯ КЛАССОВАЯ
БОРЬБА И ВСЕ ТАКОЕ...

«Основание [собственного недолго прожившего лейбла] “BRÖ” Брѣцманом... воплощало стремление захватить контроль над художественным продуктом и средствами его производства. Это был, по определению, революционный акт. Описывая свои цели при создании “BRÖ”, Брѣцман сказал Дэвиду Дэксу: “Мы все читали в свое время Карла Маркса, и он говорит, что инструменты должны быть в руках парней, которые делают работу, поэтому мы старались сохранить производство и распространение в одних руках”» (гл. 2, второй абзац с конца).

Спайсер приводит также такое *a-bit-on-the-nose* сравнение:

«В случае Свободной импровизации гений композитора был спущен на землю, освобожден от отчуждения своего письменного стола и переопределен как практический лидер и коллега по работе, открытый для вопросов со стороны коллектива и открытый для немедленной обратной связи. Будучи открытой, но при этом подстегиваемой самыми прогрессивными идеями, доступными на планете, Свободная импровизация напоминает совет трудового коллектива, наиболее радикально демократическое учреждение XX века» (гл. 8, подгл. 3, абзац 9).

**Получается, что социализм, даже фри-джазовый, без
лидера невозможен – ведь лидер и есть тот, кто
для начала предлагает обходиться без лидера.
Имеет ли этот парадокс решение? Непонятно.**

В настоящее время дело Брѣцмана в некоторой степени продолжает несколько раз упоминающийся в книге американский музыкант и композитор Джон Зорн (который явно вдохновлялся его работами в 1980-е и рекрутировал Билла Ласвелла для своих проектов). Его лейбл «Tzadik» выпустил за тридцать лет около тысячи пластинок как самого Зорна (строгающего по десять альбомов в год), так и широчайшего международного спектра авангардных артистов.

Любопытно, что пространство альтернативной культуры, которое создает Зорн (родившийся в Нью-Йорке в ортодоксальной еврейской семье и серьезно относящийся к своим корням), напоминает своего рода планетарную сеть музыкальных кибуцев, где главное – сам процесс освобождения в процессе звука, сам опыт сотрудничества, а не (зачастую сомнительный)

результат. Вопрос, правда, в том, что останется от «Tzadik», если убрать фигуру его директора; все-таки с тотальным равенством тут остаются проблемы.

Вернемся к брёцмановской метафоре фри-джаза как социализма. Получается, что нам предлагают *непосредственный опыт свободной экзистенции*, который, по идее, должен органически переноситься на саму жизнь. По сути, брёцмановский джаз – это тезис о том, что нам, как виду, нужно перестать притворяться, что нас интересует «музыка» и «эстетическое наслаждение», а не освобождающий эффект, который они дают. Скажем, много ли понимали визжащие на концертах «The Beatles» или Элвиса Пресли подростки в музыкальной гармонии или в том, как минорный субдоминант плавно встраивается в мажорную прогрессию? Но они совершенно точно чувствовали всем телом то, что едва ли могли описать, – внезапно наступившее пространство освобождения.

Брёцман & Со предлагают миновать все промежуточные стадии, атавизмы культуры, сбросить старый костюм и *сразу* оказаться в этом пространстве – с первой секунды саксофонного вопля. И здесь возникает фундаментальная проблема как на уровне непосредственного исполнения фри-джаза, так и на уровне его аналогического приложения к обществу.

Чтобы элегантно избежать структуры, чтобы слушать Другого (коллегу-исполнителя), нужно уметь играть виртуозно, иначе получится какофония. Все эти 50–70 музыкантов, которые упоминаются в книге, характеризуются исключительно как виртуозы-оригиналы. У них, исторически сыгравшихся друг с другом исторических личностей, это сложилось. Хорошо. Но при попытке масштабирования получается, что мы требуем от *каждого*, чтобы он был идеально чуток, чтобы его эго не выпирало, позволяя мгновенно (!) слушать и исполнять партию самому, чтобы в принципе хороший музыкант – или идеальный гражданин социализма – был бесконечно любознателен, готов – и способен! – учиться новому и немедленно претворять это в действие, в своей жизни (в музыкальной партии бытия, которую он ведет).

Вы можете себе представить общество, состоящее из таких индивидов, каждый из которых абсолютно свободен, но при этом бесконечно чуток ко всем остальным? Реальное общество из живых людей? Все это вызывает в памяти шиллеровское «Обнимитесь, миллионы! Слейтесь в радости одной!» И потом, в «Оде к радости» все-таки есть «надзвездный край, где Неведомый витает», а на какую ось будет ориентироваться такое фри-джаз общество? Просто на свободу каждого? Самые развитые индивиды немедленно используют эту свободу для того, чтобы не шагать в ногу со всеми остальными, и будут правы,

потому что происходящее на практике не сильно будет отличаться от всем известных режимов.

Да и сам Брѐцман неоднократно подчеркивает, что для него каждое удачное выступление, каждая запись – это «битва», это гармония, которая вырастает в процессе сражения инструментальных талантов, сражения, которое одновременно ведется и друг с другом, и, совместно, с иерархиями мира. Но как такой процесс будет выглядеть на практике при проецировании фриджаз опыта на общество? Сражение разных желаний и интересов? Или нужно, чтобы у всех людей свободного общества это растворилось в саксофонном облаке и они этих эгоистичных интересов и желаний лишились, став частичками огромного социалистического организма?

Сам Брѐцман никак такому образу не соответствовал – он на словах презирал буржуев, капиталистов, обычных музыкантов, но при этом вел традиционный буржуазный образ жизни, зарабатывал неплохие деньги тем, что любил, ненавидел хиппарей и коммуны, а как слушатель предпочитал старые записи блюзов и классических пианистов, а вовсе не то, что играл сам. Да и мы сегодня идеалам Брѐцмана, конечно же, не соответствуем – и поэтому живем в мире капиталистического реализма и цифровой зависимости, который полностью заслужили своей потребительской и пассивной позицией. И что с этим делать, если ты не умеешь играть на саксофоне, решительно непонятно.

В общем, аллегория, которой посвящена книга, очень хороша, но она остается, как говорят англичане, *pipe dream*. Всемирная классовая борьба и все такое.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВСЕМИРНАЯ КЛАССОВАЯ
БОРЬБА И ВСЕ ТАКОЕ...

Брѐцмановский джаз – это тезис о том, что нам, как виду, нужно перестать притворяться, что нас интересует «музыка» и «эстетическое наслаждение», а не освобождающий эффект, который они дают.

КАК ЖИТЬ

И что дальше? Да ничего – жить, как жили, можно, например, писать книги или хотя бы рецензии на них. И стараться понять что-то новое.

Когда Петер Брѐцман – легенда фри-джаза и живое воплощение свободы – в последние годы жизни делится своими наблюдениями о мире и предложениями, как его изменить, в них нет ничего особенно оригинального, но это не делает их менее интересными для читателя.

«Если вы посмотрите на мир – а я не могу делать свою работу, не смотря на мир, потому что я путешествую повсюду и вижу, как всюду творится какая-то дичь, куда бы я ни приехал, – или можете просто почитать газеты, да. Сейчас не время просто сидеть дома и играть хорошую музыку. Если вы посмотрите на то, что мы творим с нашей планетой, то у нас нет ни минуты, чтобы самодовольно расслаживаться. Так что это все тот же импульс в некотором роде [что и в моей молодости]. Ярость все еще есть, но, конечно, она гораздо более контролируема. Я не разочарован, я бы так не сказал, но иногда я в отчаянии. Нет времени разочаровываться. Нужно работать, и я думаю, что человек определяется тем, над чем он работает. [...]

Мы должны вернуться к основам в некотором смысле; нам нужно немного больше смирения. Я говорю не только про музыкантов, но и про весь этот перераздутый мир, в котором мы живем. Нужен другой, творческий, тип сознания и нужна солидарность, которой сейчас почти нет. Я все понимаю, каждый должен как-то бороться, чтобы выжить в своем маленьком мире, и мы забываем смотреть наружу; мы все в одном дерьме. Давайте объединяться, давайте делать что-то вместе, мы загнали себя в яму, и это продолжалось волнами на протяжении многих лет, но я надеюсь, что вместе мы сможем из нее выбраться. Без таких добродетелей, как солидарность, мы просто не справимся. [...]

Я думаю, в этом и суть: достучаться до хотя бы одной души и помочь ей сдвинуться. Это уже довольно много. Мы не совершим большой революции. Кто совершит? Но у меня есть чувство, что можно изменить что-то, хотя бы чуть-чуть» (гл. 9, подгл. 3, абзацы 12–14).

И его последние слова из интервью «Die Zeit», которое вышло на следующий день после смерти музыканта, превратившись в некролог:

«Мне 82, у меня была очень насыщенная жизнь, и я никогда не расслаблялся. Если играть на инструменте больше не выйдет, то мне придется снова сосредоточиться на изобразительном искусстве. О том, чтобы просто остановиться, не может быть и речи»¹⁶.

Призраки нашей прошлой жизни, или Доковидные нарративы и метафоры коронавируса

Илья
Соколенко

Начало 2020-х омрачилось пандемией коронавируса (COVID-19), которая, по данным Всемирной организации здравоохранения, длилась с 11 марта 2020 года по 5 мая 2023-го и затронула множество сфер человеческой жизни. Труд и досуг стремительно цифровизировались – после рабочего дня, проведенного перед прямоугольниками экранов компьютера и телефона, можно было выдохнуть и пойти листать новостные ленты, социальные сети или начать просмотр любимого сериала на тех же самых экранах. Изменения коснулись и языка: речь пополнилась медицинскими терминами (пандемия, бессимптомный носитель, дезинфекция, ИВЛ, коронавирус), их разговорными аналогами («корона») и новыми понятиями, описывающими наступившую реальность (дистанционное образование, или дистанционка, удаленка, самоизоляция, социальная дистанция). Самоизоляция стала причиной значительного прироста новых пользователей на видеохостингах и других онлайн-платформах. Авторам контента предстояло адаптироваться к новым форматам, которые требовали изменения тематики и подачи материала.

Окружающая действительность во время пандемии также претерпела ряд изменений – множество повседневных общественных пространств опустели и стали напоминать заброшенные декорации к кинофильмам. Единственно безопасным местом стал дом. Пустынные улицы, площади и проспекты пугали своей лиминальностью. Все происходящее казалось теперь чудовищным воплощением хоррор-фантазий о зомби-апокалипсисе: непрерывный поток информации о стремительно распространяющемся вирусе, от которого нет вакцины, погружал всех то ли в ожившую реальность фильма «28 дней спустя», где герой Киллиана Мерфи бродил по опустевшему Лондону, то ли в жуткий мир фильма «Я – легенда» с Уиллом Смитом, чей персонаж пытался выжить на обломках цивилизации.

За год до пандемии, 14 марта 2019-го, вышел альбом британского электронного музыканта Лейланда Джеймса Кирби

Илья Михайлович Соколенко (р. 2002) – филолог, руководитель исследовательского проекта «Введение в интернет-эстетики».

Илл. 1. Обложка
первой части альбома
«Everywhere at The End
of Time».

«Everywhere at the End of Time»¹ – заключительного в рамках проекта «The Caretaker», в котором исследовались болезни, связанные с нарушением памяти. Этот релиз был посвящен деменции. Все шесть частей альбома – через посредство музыкальных композиций американских музыкантов 1920-х – иллюстрируют агрессивное развитие болезней (в описании к видео музыкант дает пояснения их стадий). «The Caretaker» – симптоматичный в контексте нынешней мемориальной культуры проект, стремящийся если не удержать призраки прошлого, то хотя бы достойно принять их уход в небытие.

В мае того же года в ветке /x/ на имидж-борде «4Chan», посвященной мистике и паранормальным явлениям, появляется городская легенда о *Backrooms* (далее – Закулисье)². Странное и пугающее пространство желтых коридоров состоит из «вонючего старого ковра, безумия желтых обоев, бескончаемого шума жужжащих флуоресцентных ламп и случайно сгенерированных пустых комнат в шесть тысяч миллионов квадратных миль»³, куда можно провалиться, если «быть недостаточно осторожным». Уподобляясь призраку, человек не просто проваливается сквозь реальность, или Сцену (как будет принято называть действительность в рамках художественной вселенной авторского проекта по Закулисью), а совершают своего рода *noclip* – проход пользователя компьютерной игры через игровую карту.

Сегодня сложно однозначно определить круг претекстов этой городской легенды. Возможным источником вдохновения могла стать «Изнанка» («The Upside Down») – пугающее альтернативное измерение из научно-фантастического сериала «Очень странные дела» («Stranger Things»). В течение пяти лет эта крипипаста⁴ видоизменялась, проходя через различные медиумы, пока не сформировалась в художественный проект с многочисленной аудиторией авторов, читателей и переводчиков. Референсами для многочисленных уровней, объединяющих Закулисье в единую систему, стали фотографии безлюдных лиминальных пространств, пугающих своей безжизненностью и пустотой.

Появившиеся независимо друг от друга альбом Кирби и легенда о Закулисье в начале 2020 года были объединены в один юмористический мем. Его нарративная структура часто повторяется без изменений: герой истории проваливается под зем-

1 См.: www.youtube.com/watch?v=wJWksPWdK0c.

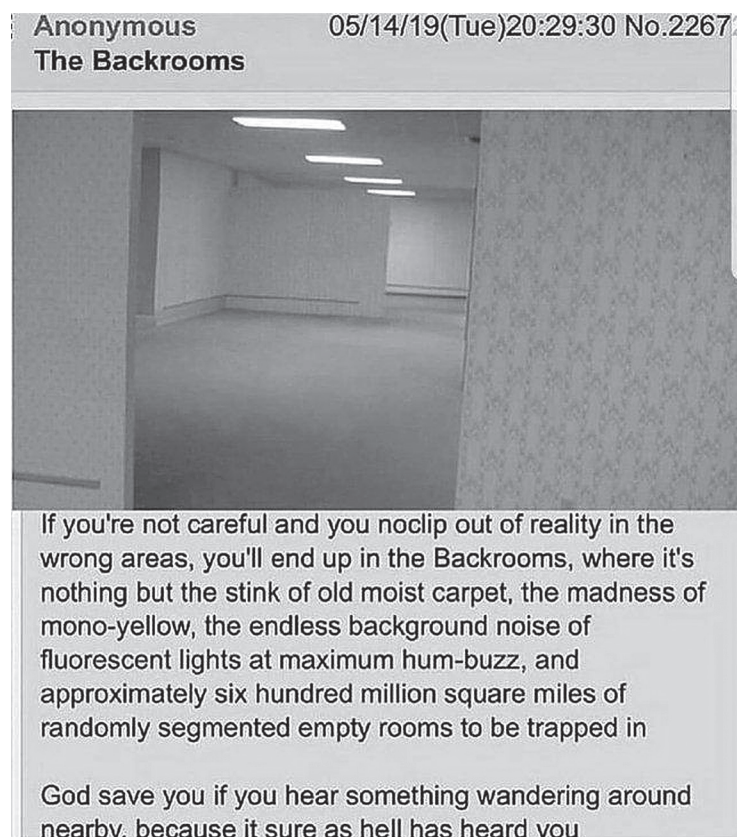
2 См.: www.youtube.com/watch?v=RyQfU9oA08&t=1785s.

3 Там же.

4 Крипипаста – жанр интернет-фольклора, представляющий собой короткие истории, распространяемые в сети с целью напугать читателя, используя образы паранормальных и жутких существ. См.: HENRIKSEN L. *A Short Bestiary of Creatures from the Web* // JENZEN O., MUNT S.R. (Eds.). *The Ashgate Research Companion to Paranormal Cultures*. London: Routledge, 2016.

лю (например в дыру между каменными плитами⁵), после чего кадр сменяется на изображение Уровня 0 с музыкальным сопровождением заглавного трека из первой части «Everywhere at the End of Time» под названием «A1 – It's Just a Burning Memoir». Первоисточником Уровня 0 стала фотография, появившаяся на «4Chan» вместе с легендой о Закулисье. В 2021-м этот мем начал набирать популярность в тиктоке, когда сообщество Закулисья уже активно создавало тексты, продумывало концепцию и канон художественной вселенной проекта.

ИЛЬЯ СОКОЛЕНКО
ПРИЗРАКИ НАШЕЙ
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ...

Илл. 2. Скриншот
легенды о Закулисье
с «4Chan».

Наша гипотеза состоит в том, что акценты на пространственно-временной дистанцированности и метафизической изоляции, характерные как для заключительного альбома «The Caretaker», так и для нарративов Закулисья, во многом предвосхитили метафорику коронавируса. Это предположение подтверждает появившийся недавно в социальных сетях феномен «эффекта 2020 года» («The 2020 Effect»). Речь идет о том, что люди по-разному воспринимали время в начале пандемии и

5 См.: www.youtube.com/shorts/dLhHYmIXK1Y.

после ее окончания: в условиях карантина в ковид-госпиталях или на самоизоляции в замкнутых и неизменных пространствах больниц и квартир переживаемое людьми время существенно замедлилось, а дистанция между 2019-м и концом 2020-го ощутимо выросла⁶. «Эффект 2020 года» – наглядный пример той перцептивной депривации, которая моделировалась и музыке Кирби, и в крипипасте.

Исследование «болезненных» метафор будет опираться на работы Сьюзен Сонтаг – прежде всего на ее эссе «Болезнь как метафора» и «СПИД и его метафоры». Критические наблюдения Сонтаг будут полезны для определения специфики ковидных художественных приемов. И хотя обращение к размышлениям Сонтаг могут показаться нерелевантными, так как рассматриваемые ею заболевания имели и имеют статус неизлечимых, необходимо заметить, что здесь рассматривается период пандемии с 2020-го по 2022 год, когда COVID-19 воспринимался как болезнь, для которой еще не нашли лечение, а доверие к появившимся вакцинам испытывало колоссальное давление со стороны стремительно распространяющегося конспирологического нарратива о вакцинировании и чипировании.

Люди по-разному воспринимали время в начале пандемии и после ее окончания: в условиях карантина в ковид-госпиталях или на самоизоляции в замкнутых и неизменных пространствах больниц и квартир переживаемое людьми время существенно замедлилось, а дистанция между 2019-м и концом 2020-го ощутимо выросла.

Другим важным для нас теоретическим проводником – особенно по миру Закулисья – будет книга «Будущее ностальгии» Светланы Бойм. Ностальгия – ключевое понятие мифологии Закулисья. Образы пространств в текстах, описывающих особенности уровней, обладают неизменной чертой: они напоминают автору места, в которых он как будто бы был раньше. Ностальгия в концепции данного художественного проекта имеет мало общего с ностальгией в общераспространенном понимании. Она более схожа с *рефлексирующей ностальгией* в терминологии Бойм⁷, или с *анемоей*, согласно определению Джона Кенига из «Словаря неясных печалей», – особой фор-

6 BURKE J. *Is the 2020 Time Effect Real?* // The Villanovan. 2024. February 7 (<https://villanovan.com/24730/opinion/is-the-2020-time-effect-real/>).

7 Бойм С. *Будущее ностальгии*. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

мой ностальгии по событиям, которые никогда не были предметом опыта испытывающего ее человека⁸. Анемой кажется наиболее подходящим словом для определения работы памяти в рамках проекта Закулисья.

Важными инструментами последующего анализа станут также размышления Сьюзен Сонтаг и Ролана Барта о природе фотографии (тексты каждого уровня Закулисья сопровождаются специфическими фотоизображениями) и наблюдения Марка Фишера о хонтологии, взятые из его книги «Призраки моей жизни». Вообще Фишер принимал непосредственное участие в работе над проектом «The Caretaker» вместе с Кирби. К сожалению, его критические заметки об этом не сохранились, но в целом хонтологические размышления Фишера релевантны и для анализа «Everywhere at the End of Time», и для интерпретации проекта Закулисья.

ИЛЬЯ СОКОЛЕНКО
ПРИЗРАКИ НАШЕЙ
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ...

«ВСЕ СТРАНЬШЕ И СТРАНЬШЕ»

Преимущество скверной памяти в том, что можно, словно впервые, много раз наслаждаться одними и теми же хорошими вещами.

Фридрих Ницше⁹

Анализируя работы Лейланда Джеймса Кирби, сделанные в рамках проекта «The Caretaker», стоит отметить один важный мотив его взаимодействия с музыкой – мотив культурной памяти. В интервью с Кирби Марк Фишер говорит, что главным импульсом для создания «The Caretaker» стала сцена в бальном зале в фильме Стенли Кубрика «Сияние», где главный герой картины Джек Торренс, будучи новым смотрителем отеля «Overlook», начинает общаться с призраками прошлого¹⁰. Связующим звеном между Джеком и прошлым, в представлении Кирби, является музыка 1920-х: именно она стала важнейшим элементом первых альбомов «The Caretaker» – «Selected Memories from the Haunted Ballroom» (1999), «A Stairway to the Stars» (2001) и «We'll All Go Riding on a Rainbow» (2003)¹¹.

Фишер так описывает ранний период творчества Кирби в сравнении с началом его исследований памяти в альбоме «Theoretically Pure Anterograde Amnesia»:

⁸ KOENIG J. *The Dictionary of Obscure Sorrows*. New York: Simon and Schuster, 2021.

⁹ Цитата в профайле «The Caretaker» на музыкальном интернет-сервисе «Bandcamp». Рус. перев. по: Ницше Ф. *Человеческое, слишком человеческое: В 2 т. // Он же. Полное собрание сочинений: В 13 т.* М.: Культурная революция, 2011. Т. 2. С. 309.

¹⁰ Фишер М. *Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем.* М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 69.

¹¹ Там же.

«Если предыдущие пластинки ассоциировались с покрытыми плесенью, но все еще роскошными зданиями – пришедшими в упадок шикарными отелями, заброшенными балными залами, – то “Theoretically Pure Anterograde Amnesia” рисует нам зоны полнейшего запустения и разрухи, где каждый неопознанный шум таит в себе угрозу»¹².

С 2005-го по 2019 год Кирби часто использует применительно к своим работам в «The Caretaker» слово «изучение». Речь идет о своего рода исследовательском проекте – причем не столько культурологическом, сколько почти медицинском: он изучает нарушения когнитивных функций, которые приводят к серьезным проблемам с памятью. Первый период своих *memory studies* – альбомы «Theoretically Pure Anterograde Amnesia» (2005), «Additional Amnesiac Memories» (2006), «Deleted Scenes / Forgotten Dreams» (2007), «Persistent Repetition of Phrases» (2008), «Recollected Memories from the Museum of Garden History» (2008) – Кирби посвятил концептуальному исследованию амнезии. Здесь происходит тестирование метода, усовершенствованную версию которого можно будет услышать в заключительной работе «Everywhere at the End of Time»:

«В последние несколько лет я много рылся в интернете и смотрел много документалок о людях с нарушениями работы мозга и проблемами с памятью. Предыдущий релиз [“Persistent Repetition of Phrases” (2008)] взял за основу разные состояния, при которых больные просто повторяют свои слова, поэтому на треках много петель; этот релиз вышел более теплым и нежным, чем “амнезийный” бокс-сет. Не все воспоминания обязательно должны быть плохими или тревожными»¹³.

Под «амнезийным» бокс-сетом Кирби имеет в виду альбомы «The Caretaker», вышедшие до 2009 года. «Persistent Repetition of Phrases», действительно, стремится не к обреченной фиксации невозможности воспоминаний, но пытается удержать ускользающую память через «постоянное повторение фраз».

Следующая по хронологии работа «An Empty Bliss beyond This World» (2011) знаменует переход проекта от попыток архивировать неподдающееся воссозданию прошлое, сохранить память, к ее – памяти – тотальному уничтожению. Если попробовать продолжить пространственную метафору Фишера, то можно сказать, что «An Empty Bliss beyond This World» – уже не просто запустелые роскошные залы отелей, потерявшие весь свой лоск, а хрупкие развалины, неосторожное приближение к которым грозит их окончательным и бесповоротным

¹² Там же. С. 67.

¹³ Там же. С. 71.

обрушением. Руины уже не таят опасности в своей тени, так как эта мифологическая опасность давно обратилась в прах.

Части «Everywhere at the End of Time» начинают выходить в период с 2016-го по 2019 год. Полностью альбом был выпущен 14 марта 2019 года – он состоит из шести частей.

ИЛЬЯ СОКОЛЕНКО

ПРИЗРАКИ НАШЕЙ
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ...

Каждая из них знакомит слушателя со стадиями развития деменции. В материале «The Process: The Caretaker», подготовленном Лэндоном Бэйтсом для журнала «The Believer», музыкант признается, что обращение к теме деменции связано не только с его музыкальными исследованиями памяти, но и с брошенным себе вызовом – создать хаос, который невозможно прослушать¹⁴. Переход от третьей части альбома к четвертой – это миметически повторяемый на уровне музыкальной формы переход абстрактного пациента от осознания к постосознанию (*post-awareness*)¹⁵ болезни, как это называет Кирби¹⁶. Постосознанию уделяется особое внимание: именно в этот период пациент перестает рефлексивно относиться и к своей болезни, и к реальности вокруг себя, закрываясь в собственном мире¹⁷.

Илл. 3. Обложки
шести частей альбома
«Everywhere at the End
of Time».

¹⁴ BATES L. *The Process: The Caretaker – Believer Magazine* (<https://web.archive.org/web/20200806073143/https://believermag.com/logger/the-process-the-caretaker/>).

¹⁵ См.: www.youtube.com/watch?v=wJWksPWdK0c.

¹⁶ BATES L. *Op. cit.*

¹⁷ Ibid.

Заключительную часть «The Caretaker» можно воспринимать как музыкальную вариацию истории болезни. Кирби использует множество записей малоизвестных музыкальных исполнителей 1920-х для воссоздания прошлого и его постепенного разрушения. Деменция переходит от едва уловимого присутствия к полноправному властвованию над (само)сознанием больного.

«ВЫПАДЕНИЕ ИЗ РЕАЛЬНОСТИ» В ЗАКУЛИСЬЕ – ИСТОРИЯ КОНЦЕПЦИИ

В настоящее время Закулисье – это коллективный авторский художественный веб-проект. Мы остановимся только на той концепции Закулисья, что была отражена в оригинальном посте и текстах, написанных в первые два года пандемии. Вторичными продуктами Закулисья принято считать одноименный веб-сериал («The Backrooms»¹⁸) в жанре аналогового хоррора авторства Кейна Парсонса (Кейн Пикселс) и все последующие итерации, которые используют образы из сериала. В рамках текстовых историй возникновение Закулисья и то, каким образом персонаж попадает туда, остаются неизвестными. В работе же Парсонса вход в Закулисье открывает таинственная организация «Async», чья основная цель заключается в решении нескольких экономических проблем с использованием Закулисья в качестве складских помещений (*backrooms*). Последующие видеоролики, использующие образы и пространства из сериала, укрепляли, дополняли и разветвляли новый канон, который значительно отличался от художественного веб-проекта Закулисья.

Закулисье – это гиперпространство, делящееся на уровни и подуровни. Одна группа уровней представляет собой повседневные лиминальные пространства (парковку¹⁹, пригород²⁰, офис²¹, детский парк развлечений²²), другая группа – природные места (пещеры²³ или пшеничные поля²⁴), а остальные – набор сюрреалистических и пугающих пейзажей (например «умирающий жесткий диск компьютера»²⁵). Закулисье – прежде всего текстоцентричный проект, но в отдельных случаях в нарративах встречаются визуальные и аудиальные вставки:

18 См.: www.youtube.com/playlist?list=PLVAh-MgDVqvDUeEqDXqORBioE4Yhol_z.

19 Уровень EN-1 – «Обитаемая зона» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-1>).

20 Уровень EN-9 – «Пригород» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-9>).

21 Уровень EN-4 – «Заброшенные офисы» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-4>).

22 Уровень EN-283 – «ИгроЛэнд» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-283>).

23 Уровень EN-8 – «Система пещер» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-8>).

24 Уровень EN-10 – «Обитаемая зона» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-10>).

25 Уровень EN-404 – «Мой любимый фрагмент» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-404>).

иллюстрации с видами уровня и звуками самого пространства. Аудиальное сопровождение – нововведение, которое принято считать заслугой русскоязычных авторов²⁶, так как функции «проиграть атмосферу» или «выключить эмбиент» уровня в текстах на других языках (других «филиалов») нет.

Прежде, чем перейти к анализу этого интернет-феномена, необходимо совершить небольшой экскурс в историю возникновения изображения и поста, которые принято считать отправной точкой концепции. До недавнего времени фотография из оригинального поста в ветке форума /x/ на «4Chan» вызывала множество вопросов. Часть пользователей утверждала, что это – качественно оформленная компьютерная графика к какой-нибудь игре. Подтверждением этой гипотезы стал пост, написанный 14 января 2019 года анонимным пользователем в той же ветке форума: он делился своими идеями по поводу компьютерной игры, чей антураж напоминал Закулисье²⁷. Из-за специфики архивов «4Chan» сложно привести ссылку на этот текст – единственным на данный момент источником, в котором можно его найти с датой публикации, является видео-эссе автора *Viperence* под названием «Во Власти Сновидений...». Отчасти это предположение можно объяснить упоминанием в тексте легенды игровой команды «noclip» – она отменяет привычную гравитацию и позволяет игроку свободно перемещаться в пространстве игровой карты²⁸. Этот мотив повлиял на концепцию проекта – в корпусе текстов встречаются уровни, вдохновленные тематикой аналоговых технологий и видеоигр – уровни «Разум – про07p4mm4»²⁹ и «Мой любимый фрагмент»³⁰.

Весомый вклад в формирование пугающей атмосферы проекта привнесла компания «Valve» с их игровым движком «Source». Игры, созданные на «Source», отличаются гиперреалистичностью³¹. Карта компьютерной игры или пространство уровня в случае Закулисья пугает своим чрезмерным подобием с реальными местами.

«Компьютерная» версия происхождения долгое время была основной. Однако 29 мая 2024 года участники *Discord*-сервера автора *Virtual Carbon* определили, что фотография была сделана в городе Ошкош, штат Висконсин, в помещениях, где сегодня располагается никого не пугающий магазин «Hobby Town». По метаданным изображения выяснилось, что помещения сфо-

ИЛЬЯ СОКОЛЕНКО

ПРИЗРАКИ НАШЕЙ
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ...

²⁶ Из переписки с авторами проекта. Архив автора.

²⁷ См.: www.youtube.com/watch?v=RyQfU90A08&t=1785s.

²⁸ См.: <https://developer.valvesoftware.com/wiki/Noclip#:~:text=noclip%20is%20a%20console%20command,glide%20freely%20through%20the%20world>.

²⁹ Уровень EN-400 – «Разум – про07p4mm4» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-400>).

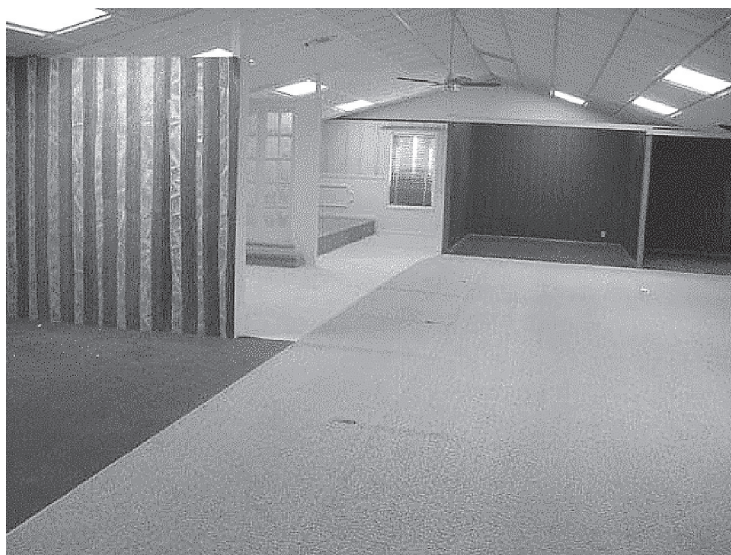
³⁰ Уровень EN-404 – «Мой любимый фрагмент» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-404>).

³¹ См.: www.youtube.com/watch?v=k8Jz-q2s87Y&t=8s.

тографировали в 2002 году, когда там проводились ремонтные работы³². Вскоре были опубликованы и остальные – сделанные тогда же – фотографии, и эти пространства, как и на первой фотографии, выглядят неестественно и даже абсурдно.

Илл. 4, 5. Фотографии помещений «Hobby Town» во время ремонта в 2002 году.

Крипипаста о Закулисы повторила путь своего раннего предшественника «SCP Foundation» – таинственной и могущественной организации, чья цель обезопасить человечество от аномальных объектов, удержав их, соблюдая Особые усло-

32 См.: www.youtube.com/watch?v=6JfuIVFY26Q.

вия содержания (*Special Containment Procedures*), и сохранить нормальность мира – мира без «абсурдного и невозможного» (*Secure, Contain, Protect*). Проект насчитывает более двадцати тысяч текстов, написанных в разных стилях: досье аномально-го объекта с дополнительной информацией об экспериментах, отчет (с приложениями, данными экспериментов, материалами интервью), административная документация о функционировании «SCP Foundation», художественное произведение о взаимодействии аномалий друг с другом. Первый текст крипипасты, ставший фундаментом для будущего проекта, рассказывал об аномалии SCP-173 под названием «Скульптура», напоминающей своими способностями Плачущего Ангела из научно-фантастического сериала «Доктор Кто».

Из небольшой крипипасты в ветке «4Chan», посвященной мистике, пугающее пространство желтых обоев Закулисья переходило от одного автора к другому, с одного тематического сайта на другой. В отличие от «SCP Foundation», истории в Закулисье пугали по совершенно иным причинам. В основе хоррора первого художественного проекта упор был сделан на тайную организацию, в чьих силах было «удержать, сохранить и обезопасить» человечество от пантеона современных лавкрафтианских богов, кровожадных сущностей и всяких аномальных артефактов, – весьма четко здесь можно проследить конспирологический нарратив об ограниченной группе, наделенной властью, в чьих руках оказывается древнее или необъяснимое, пугающее Нечто. Персонажи, появлявшиеся в текстах «SCP Foundation», были заимствованы из прошлых крипипаст, городских легенд и стилистически адаптированы к художественной вселенной нового проекта. Ужас же Закулисья строится на культурном шоке от совпадения фантазии и пандемийной реальности.

Значительное место в текстах Закулисья занимает мотив памяти. В небольшой инструкции для начинающих авторов есть уточнение, что одно из главных впечатлений, которое должен воспроизводить текст, связано с ощущением ложной ностальгии³³, или уже упоминавшейся анемой. В большинстве случаев описание уровня состоит из текста и (фото)изображения, которое позволяет читателю не только представить эту часть Закулисья, но непосредственно увидеть пространство уровня. Роль изображений в проекте можно рассмотреть через посредство теорий, предложенных Роланом Бартом и Сьюзен Сонтаг, для которых фотография – это «сертификат подлинности», «фрагмент мира, который всегда находится под рукой»³⁴. Барт при этом настаивает:

33 *Стилистика Закулисья* (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/the-backrooms-tone>).

34 СОНТАГ С. *О фотографии*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 13.

ИЛЬЯ СОКОЛЕНКО
ПРИЗРАКИ НАШЕЙ
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ...

«В Фотографии обездвиживание, сковывание Времени принимает чрезмерную, чудовищную форму; Время закупоривается... Фото не только по своей сути никогда не является воспоминанием (грамматическим выражением которого было бы прошедшее совершенное время, тогда как временем Фото является скорее аорист), но оно блокирует его, очень быстро становясь противоположностью воспоминания... Фото не “омывают” комнату, в них нет запаха, нет музыки – одна неимоверно разбухшая вещь. Насильственность Фотографии связана не с тем, что она запечатлевает проявления насилия, но с тем, что каждый раз она насильственно заполняет взор»³⁵.

Эта дихотомия между насильственным «заполнением взора» и привольным потоком воспоминаний хорошо проиллюстрирована в текстах уровней «Воспоминание» и «Город обещанных воспоминаний». Отличительной чертой «Воспоминания» можно считать отказ от фотографий в тексте, так как по сюжету объясняется, что этот уровень представляется каждому как его собственные воспоминания, он «выглядит по-разному для каждого странника, однако для всех он будет воссоздавать воспоминания из детства, которые относятся к возрасту от двух до пяти лет»³⁶. Это пространство позволяет всем обладать своим прошлым. «Город обещанных воспоминаний», напротив, стремится конструировать прошлое через несколько фотографий и повествование от второго лица, что создает эффект воспоминания *post factum*, без его проживания: «Ты помнишь это, не так ли? Дни, когда ты играл со своими друзьями до наступления сумерек? Разве ты не помнишь игр, в которые играл?»³⁷ Человек владеет не всем прошлым, а лишь доступным для него фрагментом, которое «позволяет» ему увидеть фотография.

Сонтаг в свою очередь предлагает рассматривать «насилие» фотографического образа как следствие развития капиталистического общества. Став обладателем фотоаппарата, каждый человек открывает для себя возможность сохранять и затем переживать³⁸ не только собственное прошлое, но и прошлое другого человека³⁹. Воспоминания становятся объектом потребления. В контексте Закулисья – это ложная ностальгия, которая распространяется на типологически схожие социальные практики и лиминальные пространства (школьные коридоры, аэропорты, детские площадки) и на пространства, семантика которых связана с культурной памятью (залы с игровыми автоматами, громадные супермаркеты, торговые центры).

35 БАРТ Р. *Camera lucida. Комментарии к фотографии*. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 14.

36 Уровень EN-18 – «Воспоминание» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-18>).

37 Уровень EN-160 – «Город обещанных воспоминаний» (<http://ru-backrooms-wiki.wikidot.com/level-160>).

38 СОНТАГ С. *О фотографии*. С. 39.

39 Там же. С. 20.

ПРЕДВКУШАЯ КАРАНТИН: КАК РАБОТАЕТ МЕТАФОРА COVID-19

ИЛЬЯ СОКОЛЕНКО
ПРИЗРАКИ НАШЕЙ
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ...

В исследовании метафоры коронавируса нам помогут «Болезнь как метафора» и «СПИД и его метафоры» Сьюзен Сонтаг. Одна из метафор COVID-19 – пространственно-временная дистанцированность. Характеризуя туберкулез и рак, Сонтаг противопоставляет их друг другу в темпоральном плане:

«Туберкулез – болезнь времени; он ускоряет жизнь, ярко освещает и одухотворяет ее. [...] Раку присущ не аллюр, а, скорее, стадии. [...] Рак действует медленно, коварно: обычный эвфемизм некрологов – смерть “после продолжительной болезни”»⁴⁰.

Восприятие коронавируса построено на своеобразном трансцендировании: оно преодолевает привычные пространственно-временные рамки. В начале пандемии информация о скоротечных летальных исходах была столь массивной, что превышала нашу способность к ее фиксации, не говоря уже об осмыслении. Новостные передовицы и таблоиды практически ежедневно публиковали некрологи знаменитостей. На сайте школы медицины университета Джона Хопкинса⁴¹ с той же периодичностью отображалось общее количество людей умерших от ковида. Стремительность происходящего метафизически изолировала умирающих пациентов – общество просто не успевало отреагировать принятым в культуре образом. Это были в буквальном смысле смерти «вне истории» – вне привычных, опосредованных устоявшимися кодами нарративов и аффектов. Пока одна часть людей соблюдала режим самоизоляции и пребывала в относительной безопасности своего уютного дома, другая – умирала в четырех стенах закрытых ковид-госпиталей, которые в отсутствие внятного протокола лечения становились хосписами для своих пациентов. Социальная дистанция, требуемая государством, удваивалась дистанцией метафизической.

Сьюзен Сонтаг пишет, что «рак был болезнью индивидуума и воспринимался как результат не столько действия, сколько его отсутствия (неумения соблюдать осторожность, контролировать себя или ясно выражать свои мысли)»⁴². В отличие от рака коронавирус – болезнь коллективная. Бездействие по отношению к собственному здоровью в контексте коронавируса воспринимается не просто как невежество, но как девиантное, общественно опасное поведение. Стремление ко всеобщей

40 Она же. *Болезнь как метафора*. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2022. С. 16.

41 COVID-19 Map. Johns Hopkins Coronavirus Resource Center (<https://coronavirus.jhu.edu/map.html>).

42 Сонтаг С. *Болезнь как метафора*. С. 139.

безопасности приводит к формированию жестких нормативных гласных и негласных актов поведения или ритуалов. Не быть осторожным – значит быть одним из тех, кто окажется вне общества: в изоляции или на дистанции.

Жертвы времени и невнимания в анализируемых доковидных нарративах – абстрактный прохожий, выпавший из реальности в легендах о Закулисье, и абстрактный пациент с прогрессирующей деменцией из «Everywhere at the End of Time».

Закулисье втягивает в себя и оставляет неосторожного посетителя в ограниченном пространстве, где «нет ничего, кроме безумия желтых обоев, нескончаемого шума жужжащих флуоресцентных ламп и случайно сгенерированных пустых комнат». Каноническая деталь всех итераций концепции остается неизменной: из Закулисья нет выхода. Выпав один раз из реальности, обратно вернуться уже невозможно. Авторами был придуман уровень-ловушка «Конец»⁴³, который необходим для создания у читателей иллюзии возможности покинуть Закулисье и вернуться на Сцену (в реальность). Это усиливает эффект безысходности и ожидания смерти «вне истории». Негласное правило проекта гласит, что любая дверь с надписью «Выход» – обманка, через нее можно только вернуться к началу пути.

Стремление ко всеобщей безопасности приводит к формированию жестких нормативных гласных и негласных актов поведения или ритуалов. Не быть осторожным – значит быть одним из тех, кто окажется вне общества: в изоляции или на дистанции.

Для пациента из «Everywhere at the End of Time» не существует физического пространства, но есть время, сформированное музыкой 1920-х (пространству Кирби уделяет больше внимание в проекте «The Stranger» – ближайшем родственнике «The Caretaker») ⁴⁴. Деменция здесь постепенно – и с каждой следующей стадией все больше – отбирает ощущение времени. Пациент уходит в свой мир вместе с болезнью. Слушатель воспринимает усиление метафизической дистанции в сознании пациента через музыкальный хаос, начинающийся с четвертой стадии постосознания. Едва различимые мелодии проходят через фильтр эхо и ревербераций, физически усиливающих ощущение изоляции и замкнутости, а затем перестают вообще проходить на мелодии, превращаясь в гул. Изоляция становится необходимостью. Во второй – «постосознанной» – половине

⁴³ Level 601 (<http://backrooms-wiki.wikidot.com/level-601>).

⁴⁴ Фишер М. Указ. соч. С. 68.

альбома аудиовоспоминания иногда всплывают из глубины стоячей воды, но к концу любая попытка их идентифицировать становится невозможной:

ИЛЬЯ СОКОЛЕНКО
ПРИЗРАКИ НАШЕЙ
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ...

«Постосознание Стадия 4 – это когда спокойствие и способность вызывать единичные воспоминания, уступают место замешательству и ужасу. Это начало процесса, в котором все воспоминания начинают становиться более текучими из-за запутываний повторений и разрывов»⁴⁵.

«Постосознание Стадия 5 – замешательство и ужас. Экстремальные запутывания, повторения и разрывы могут уступить место более спокойным моментам. Незнакомое может звучать и казаться знакомым. Время часто тратится только на момент, ведущий к изоляции»⁴⁶.

«Постосознание Стадия 6: без описания»⁴⁷.

COVID-19 был воспринят в качестве мифологической, хтонической угрозы устоявшемуся порядку: «На болезнь проецируется наше восприятие зла. А болезнь (обогащенная смысловыми оттенками) проецируется на мир»⁴⁸. Трансформация социального мира в период пандемии привела к генерализации дистанции и изоляции. Коронавирус запустил паранойю: постоянная осторожность и забота о собственной безопасности превращала окружающих в источник смертельной угрозы – даже самый близкий Другой рассматривался как потенциально опасный носитель вируса.

«Порядок – одна из старейших тем политической философии, и если уместно сравнивать полис с организмом, то так же уместно сравнивать беспорядок в обществе с болезнью. [...] Болезнь происходит от дисбаланса. Лечение направлено на восстановление равновесия – а в политических терминах, на восстановление иерархии»⁴⁹.

«Восстановление иерархии» в условиях самоизоляции, например, на рынке труда и в сфере образования, поддерживалось дистанционным обучением и удаленной работой. Вопрос о «восстановлении иерархии» в реальных пространстве и времени является более комплексным – и это не в последнюю очередь связано со сдвигом наших социально устоявшихся перцептивных ориентаций.

В конце 2020 года вышла статья Шэнона Стирона, в которой он отмечает, что с начала пандемии произошло колоссальное количество различных событий – «в политике, окружаю-

⁴⁵ См.: www.youtube.com/watch?v=wJWksPwDK0c.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ СОНТАГ С. *Болезнь как метафора*. С. 59.

⁴⁹ Там же. С. 76.

щей среде, в нашей собственной жизни»⁵⁰, – но все это время мы находились «на паузе», что привело к слому привычного временного восприятия. Монотонное существование в ограниченном пространстве искажало и восприятие последовательности событий: самоизолировавшимся людям было трудно сказать, случилось то или иное событие день или год назад. Стандартные способы действий, прогнозирования и планирования дали сбой.

Коронавирус запустил паранойю: постоянная осторожность и забота о собственной безопасности превращала окружающих в источник смертельной угрозы – даже самый близкий Другой рассматривался как потенциально опасный носитель вируса.

«Urban Dictionary» набрасывает первые контуры «эффекта 2020»⁵¹. Во-первых, чаще всего ему подвержены люди среднего и позднего поколения Z (родились в 1997–2012 годах). Для представителей среднего поколения Z (2002–2006) пандемия выпала на этап взросления, переходного возраста и социализации, которые, по большому счету, так и не случились. Во-вторых, в качестве главных причин перцептивного сбоя названы изоляция и самоизоляция. Время не остановилось, но значительно снизило свою скорость. Темпоральность жизни *inside* и *outside* десинхронизировалась, границы событий оказались размыты. В-третьих, в этой ситуации единственным стабильным темпоральным модусом становится ностальгия. Настоящее несущественно, будущее непрогнозируемо, единственная ценность – это прошлое.

В Закулисье коридоры с желтыми обоями или офисные помещения – безлюдные лиминальные пространства – воспринимаются чем-то нереальными, скопированным. Уровни и подуровни этого сюрреалистического измерения – двойники мест из реальности в рамках художественной вселенной. Метафора провала сквозь реальность – это метафора переходного состояния между разными стадиями существования: персонаж выпадает, становится слишком «тяжелым» для этого плана бытия, опускаясь в инобытие, состоящее из оставшихся в его распоряжении памятных мест и событий⁵². Обращение к *curSED images*, пугающим лиминальным пространствам и фотографиям реаль-

50 STIRONE S. *Why 2020 Felt Like a Time Warp, According to Science* // Vox. 2020. December 22 (www.vox.com/the-highlight/22150990/2020-time-covid-warp-year-end).

51 *Urban Dictionary: The 2020 Effect* (www.urbandictionary.com/define.php?term=The+2020+Effect).

52 Ср. «Рак – это перерождение, превращение телесных тканей в нечто твердое» (СОНТАГ С. *Болезнь как метафора*. С. 16).

ных мест в первый год пандемии – попытка вывести скрытые «абсурдные» и «странные» пространства на первый план в самое странное и болезненное время. Уровни не должны связываться в единое линейное повествование, но они образуют текстуальный и визуальный нарратив о выпадении из реальности, нарратив, состоящий из фотографий, фрагментов некогда запечатленной реальности, в которую уже не вернуться.

В «Everywhere at the End of Time» Лейланд Джеймс Кирби, за год до Закулисья, использует тот же прием в аудиальном плане. Дистанцированность поддерживается за счет звуковой обработки: все использованные в работе треки проходят через определенное преобразование, которое создает эффект не просто дистанцированности, а невозможности присутствия в прошлом. Потрескивание в первых двух стадиях, предвосхищающее прогрессирование болезни, подчеркивает разлом между прошлым и настоящим. Марк Фишер объясняет ретрозвучание такого рода потрескивания как «классический хонтологический аудиоэффект»⁵³:

«Потрескивание – способ показать нам, что связь времен распалась; оно препятствует нашему погружению в иллюзию присутствия. Потрескивание полностью меняет стандартный процесс прослушивания музыки, при котором [...] от нас скрыт тот факт, что звук был записан с помощью технических средств»⁵⁴.

Эта деталь – цифровое воспроизведение музыки, записанной на аналоговых носителях, – маркирует временную и технологическую дистанцию.

«Настоящее время, изломанное и пустое, бесконечно стирает себя, почти не оставляя следов. Что-то ненадолго привлекает твоё внимание, но тут же исчезает из памяти. Зато старые воспоминания на месте, в целости и сохранности... Мы отдаем им долг памяти снова и снова»⁵⁵.

Но постепенно уходят и они. Технологическая игра может показаться парадоксальной, но само по себе потрескивание в альбоме отдаленно напоминает белый шум, тихо звучащий где-то на фоне. Мерцающий в начале силуэт призрака прошлого исчезает с развитием болезни. В стадиях постосознания последние остатки прошлого пациента растворяются «в море шипа и статических помех»⁵⁶, иллюстрируя временную дистанцию.

Если у «The Caretaker» хонтологическим приемом было потрескивание, характерное для аналоговых носителей, то

ИЛЬЯ СОКОЛЕНКО
ПРИЗРАКИ НАШЕЙ
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ...

53 Фишер М. Указ. соч. С. 16.

54 Там же.

55 Там же. С. 66.

56 Там же. С. 67.

у Закулисья таким же приемом можно назвать использование фотографий. Несмотря на существенную разницу между теориями Барта и Сонтаг, оба исследователя настаивают, что запечатленный на фотографии фрагмент реальности невозможно воспроизвести: «шок презентации» блокирует работу памяти. Фотографии мертвых пространств не приближают человека к запечатленному прошлому: «Овладеть миром в форме изображений – это означает как раз заново ощутить нереальность и отдаленность реального»⁵⁷. Использование изображений лиминальных пространств во время пандемии подчеркивает их темпоральную и пространственную недоступность. Отсутствие выхода из Закулисья укрепляет ощущение изоляции субъекта от реального.

В случае формирующихся метафор коронавируса в Закулисье и в «Everywhere at the End of Time» дистанция и изоляция в тандеме организуют новую – «самоизолировавшуюся» – реальность. Связь между открытым и изолированным пространством – односторонняя. Социально сконструированная последствиями коронавируса реальность порождает единственно возможную перспективу – взгляд в прошлое. Дистанция и изоляция – первые и, пожалуй, самые важные метафоры коронавирусного мира, чья система образов еще только начинает изучаться.

**Время и память неразрывно связаны между собой:
если память о прошлом нелегитимна и нестабильна,
то прошлое не имеет основания для своего
существования.**

Хотя и Закулисье, и альбом Кирби появились до распространения ковида, интерес к ним вырос именно в период пандемии. Это не случайно. В «Everywhere at the End of Time» Кирби говорит о деменции и развитии болезни через музыку прошлого. От стадии к стадии слушатели наблюдают, как человек сначала постепенно забывает свое прошлое, а затем и сам исчезает как мыслящее существо. Метафора коронавируса в этом проекте фокусируется на временной дистанции между стадиями болезни: непризнание ее пациентом на первых стадиях делает невозможным возвращение к исходному состоянию в заключительной части альбома. Время и память неразрывно связаны между собой: если память о прошлом нелегитимна и нестабильна, то прошлое не имеет основания для своего существования. Это разрушение приводит к дистанции между

пациентом и его близкими, изолирует пациента в мире болезни от самого течения времени.

Если в «The Caretaker» можно наблюдать процесс развития болезни, то Закулисье представляет ее начало. Неосторожность, приводящая к выпадению из реальности на изолированные уровни пугающего бесконечного и безвыходного инобытия, заставляет субъекта, как предполагаемого больного, дистанцироваться от здорового мира и из-за собственной глупости провести все оставшееся время в самоизоляции. Все внутри концепции Закулисья стремится к энтропии. Множество изображений пространств из доковидного периода создает потребность еще большего погружения в прошлое: «Проблема больше не в том, что нас тянет в прошлое, а в том, что из него невозможно выбраться»⁵⁸.

ИЛЬЯ СОКОЛЕНКО

ПРИЗРАКИ НАШЕЙ
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ...

58 Там же. С. 66.

АНАСТАСИЯ
КИРИЧЕК

Мир, который построил Валлерстайн: метрополии и периферии в социальных науках

Анастасия Антоновна
Киричек (р. 2001) – по-
литолог, студентка
магистратуры по со-
циологии Европейского
университета в Санкт-
Петербурге.

Современный академический мир едва ли можно назвать местом равных возможностей: одни направления, методологии и объекты демонстрируют явное превосходство над другими, а аффилиация и страна способны предопределить, будут ли ученого цитировать или, напротив, оставят его труды в небрежении. Каким образом следует обсуждать такое неравенство? Многие исследователи используют оптику, в которой противопоставляются центр и периферия, настаивая на том, что глобальное поле науки хорошо описывается с помощью этого дуалистичного концепта: в подобных дескрипциях именно ядро (центр) будет аккумулировать наибольший престиж, обеспечивать максимальное внимание и устанавливать эпистемические стандарты¹.

Здесь, однако, возникает важный вопрос: достаточно ли эвристических ресурсов дихотомии «ядро – периферия» для обстоятельного разговора об упомянутом неравенстве? Ведь можно предположить, что жесткость подобного противопоставле-

¹ См., например: ALATAS S. *Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences* // *Current Sociology*. 2003. Vol. 51. № 6. P. 599–613.

ПОЛИТИКА
НАУКИ

ния упрощает устройство академического мира и потому мешает анализу важных контекстов. Например, как быть с теми локациями, которые с трудом втискиваются в эту бинарную оппозицию? Скажем, Россию, Китай или Бразилию нельзя отнести к типовым периферийным странам – производство знания в них устроено сложнее, так как оно внутренне более разнообразно и в большей степени опосредовано прошлым опытом и внешними факторами: геополитическим контекстом, уровнем академических свобод и так далее. Описательные механизмы, которые ранее предлагались для периферийных стран, здесь ломаются. Местная интеллектуальная элита в подобных локациях предстает чем-то вроде двуглавого орла: одна ее часть смотрит на международное сообщество, в то время как другая ориентирована на местные структуры. Причем различия между ними прослеживаются на уровне как институциональных, так и более широких политических и культурных практик².

В этой статье сначала будут рассмотрены подходы к центру и периферии в современных социальных науках, а также возможные варианты концептуализации этих категорий, а затем будут представлены критика и вытекающий из нее альтернативный интеллектуальный проект, позволяющий продуктивнее рассуждать об интересующем нас неравенстве.

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК
МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ
ВАЛЛЕРСТАЙН...

АКАДЕМИЧЕСКИЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

Процесс глобализации изменил и мир в целом, и академический мир в частности: международная циркуляция знания трансформировала сами практики его производства. Последствия этого процесса оцениваются диаметрально противоположным образом: если одни специалисты говорят, что это разрушило традиционные барьеры в коммуникации и мобильности³, то другие настаивают на том, что прежние иерархии в академическом мире не только никуда не делись, но даже сделались более жесткими⁴.

Если Йохан Хейлброн описывает поле современной глобальной науки схемой «ядра – периферии» с дуополистическим евро-американским ядром, множественными полуперифериями и широким спектром, то Мартон Деметер и Мануэль Гойа-

- 2 SOKOLOV M. *The Sources of Academic Localism and Globalism in Russian Sociology: The Choice of Professional Ideologies and Occupational Niches among Social Scientists* // *Current Sociology*. 2019. Vol. 67. № 6. P. 818–837.
- 3 См.: FREIDMAN T. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005; BAUMAN Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000. [Фрийдман Т. *Плоский мир: краткая история XXI века*. М. АСТ, 2009; Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.]
- 4 См.: COLLYER F. *Global Patterns in the Publishing of Academic Knowledge: Global North, Global South* // *Current Sociology*. 2018. Vol. 66. № 1. P. 56–73; HEILBRON J., SORÁ G., BONCOURT T. *The Social and Human Sciences in Global Power Relations*. Cham: Springer, 2018.

нес видят в ней «гегемонистскую и эксклюзивную социальную подсистему», где каждый из агентов, будь то акторы центральные или периферийные, воспроизводит ее⁵. Подобные картины отсылают к аналитическому аппарату мир-системной теории Иммануила Валлерстайна. Его последователи убеждены, что в производстве знания наличествует определенное распределение труда, являющееся неотъемлемой частью динамики общей мир-системы⁶.

В программной статье, посвященной академической зависимости, Саид Фарида Алатаас показывает, как «академическая неокOLONизация» поддерживает доминирование западных стран в научной сфере. Он определяет академическую зависимость следующим образом:

«[Это ситуация, в которой] одни научные сообщества – расположенные в локациях, считающихся в сфере социального знания своего рода “державами”, – способны развиваться согласно собственным критериям прогресса, тогда как другие научные сообщества – прежде всего в странах “третьего мира” – могут лишь повторять проторенные пути»⁷.

В подобном контексте исследователи из зависимых стран воспринимаются по большей части как простые потребители исследовательских программ и научных идей западных ученых. Алатаас выделяет шесть основных аспектов академической зависимости:

1) Идеинная зависимость – исследователи из стран периферии используют теории и подходы, разработанные в странах центра.

2) Информационная зависимость – научные журналы и библиометрические базы данных чаще всего принадлежат именно западным издательствам, а научные мероприятия в основном организуют западные институты.

3) Технологическая зависимость – периферийные университеты, обеспечивая себе доступ к образовательным ресурсам, зависят от технической помощи западных фондов.

4) Денежная зависимость – многие исследования финансируются западными организациями, а это влияет на выбор тематики и методологии.

5) Инвестиционная зависимость – программы обмена и образовательные проекты, исходящие от западных университетов, формируют стандарты преподавания и исследований.

5 См.: HEILBRON J. *The Social Sciences as an Emerging Global Field* // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. № 5. P. 685–703; DEMETER M., GOYANES M. *A World-Systemic Analysis of Knowledge Production in International Communication and Media Studies: The Epistemic Hierarchy of Research Approaches* // *The Journal of International Communication*. 2021. Vol. 27. № 1. P. 38–58.

6 DEMETER M. *The World-Systemic Dynamics of Knowledge Production: The Distribution of Transnational Academic Capital in the Social Sciences* // *Journal of World-Systems Research*. 2019. Vol. 25. № 1. P. 111–144.

7 ALATAS S. *Op. cit.* P. 603.

6) «Утечка мозгов» – ученые из стран периферии переезжают работать в западные университеты или сотрудничают в проектах, инициированных странами центра, в качестве вспомогательного персонала, который лишь предоставляет материал, затем обрабатываемый и интерпретируемый специалистами западных институций⁸.

Весь этот комплекс факторов оборачивается крайне ограниченной вовлеченностью «периферийных» социальных наук в глобальное производство знания. Венгерский исследователь Мартон Деметер, опираясь на данные «Web of Science», показал, что публикационный вклад исследователей глобального Юга, включая Африку, Латинскую Америку, Ближний Восток и Восточную Европу, в совокупности составляет менее 10% всех статей, в то время как исследователи глобального Севера публикуют более 85% общего массива работ⁹. Страны Северной Америки, прежде всего США и Канада, занимают центральное место во всех дисциплинах, обеспечивая в среднем 57% всех публикаций по социальным наукам¹⁰. Интересно, что даже существенное наращивание числа публикаций не может гарантировать периферийным странам повышение их глобальной научной значимости. В этой связи Деметер с коллегами обращают внимание на фиксируемый в последние десятилетия аномальный рост числа публикаций российских и индийских политологов, который, однако, не сопровождается пропорциональным увеличением цитирований. Россия, например, вышла на третье место по количеству статей в области политической науки, но по числу цитирований ее ученые не попадают даже в первую десятку¹¹.

Нагляднее всего проблематику затрагиваемого неравенства отражает сфера академической издательской деятельности. С одной стороны, именно нынешняя публикационная инфраструктура делает глобальную научную коммуникацию возможной, но, с другой стороны, она насквозь пронизана властными отношениями, определяющими, что именно должно быть допущено к печати, а что отвергнуто¹². В дополнение к сказанному тут проявляется и еще одно структурное ограничение: до-

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК
МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ
ВАЛЛЕРСТАЙН...

8 Ibid. Олег Хархордин называет этот комплекс явлений «сырьевым проклятием в социальных науках»: KHARKHORDIN O. *From Priests to Pathfinders: The Fate of the Humanities and Social Sciences in Russia after World War II* // *The American Historical Review*. 2015. Vol. 120. № 4. P. 1283–1298.

9 См.: DEMETER M. *The World-Systemic Dynamics of Knowledge Production...*

10 MOSBACH-NATANSON S., GINGRAS Y. *The Globalization of Social Sciences? Evidence from a Quantitative Analysis of 30 Years of Production, Collaboration and Citations in the Social Sciences (1980–2009)* // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. № 5. P. 626–646.

11 KAISER T. ET AL. *Publishing Trends in Political Science: How Publishing Houses, Geographical Positions, and International Collaboration Shapes Academic Knowledge Production* // *Publishing Research Quarterly*. 2023. Vol. 39. P. 201–218.

12 MARGINSON S., XU X. *Moving beyond Centre–Periphery Science: Towards an Ecology of Knowledge*. Centre for Global Higher Education Working Paper Series. Oxford: Centre for Global Higher Education, 2021.

минирование одного языка над другими. Научное сообщество хорошо знает, что английский является более выгодным для академического письма, нежели другие языки. Но преобладание англоязычной (и западной) академии не может не влиять как на характер описания исследовательских кейсов, так и на процесс генерирования знания в целом. В одном из обзоров подчеркивается, что исследователи, для которых английский язык не является родным, часто вынуждены адаптировать свои темы, теоретические рамки и методологии, чтобы соответствовать требованиям англоязычных журналов¹³. Ради публикации в таких журналах «сторонние» специалисты нередко вынуждены корректировать подходы к описанию собственных кейсов, подстраиваясь под западные теоретико-методологические стандарты.

Публикационный вклад исследователей глобального Юга, включая Африку, Латинскую Америку, Ближний Восток и Восточную Европу, в совокупности составляет менее 10% всех статей, в то время как исследователи глобального Севера публикуют более 85% общего массива работ.

Негласные требования, подталкивающие авторов к следованию подобному курсу, чаще всего поддерживаются журнальными редакциями, которые ставят знак равенства между соблюдением упомянутых критериев и соответствием «международному стандарту». Работы, не укладывающиеся в эти рамки или предлагающие альтернативные интерпретации, могут быть отклонены как не соответствующие требованиям журнала. Исследователи из периферийных академий сталкиваются и с иными барьерами: чаще всего им приходится усердно оправдывать актуальность своих кейсов, которые рассматриваются западными академическими изданиями как локальные или незначительные¹⁴.

В исследованиях, посвященных развитию социальных наук на периферии, подчеркивается, что перед работающими в этой сфере учеными открываются несколько возможных исследовательских стратегий. Наиболее распространенными выступают три опции: во-первых, *мимикрия*, выражающаяся в гомогенизации тематики и применении подходов, опирающихся на более традиционные для глобального научного поля методы; во-вто-

¹³ Xu X. *Options in the (Semi-)Periphery: A Review of Multilingual Scholars' Choices of Topics, Methodologies, and Theories in Research and Publishing* // Publications. 2023. Vol. 11. № 50. P. 1–21.

¹⁴ Ibid.

рых, *эсклюзивность*, в рамках которой незападная идентичность и западные темы воспринимаются как особый актив, который можно конвертировать в научный капитал на международной арене; в-третьих, *локализация*, сосредотачивающая исследовательский фокус исключительно на местных контекстах¹⁵. Последняя стратегия является наиболее типичной, что подтверждается значительным количеством эмпирических исследований, выполняемых на периферии¹⁶. Весь этот набор в полной мере вписывается в глобальное разделение труда, сложившееся в социальных науках и предполагающее, что специалисты из периферийных стран должны заниматься эмпирическими исследованиями местных контекстов, а исследователи из центральных стран будут выполнять более привилегированную работу, связанную с компаративистикой и обобщениями, которые позже обретут статус универсальных научных утверждений.

Практика подтверждает, что периферийные социальные исследователи с большей вероятностью склонны заниматься эмпирическими исследованиями на ограниченном материале¹⁷. Проанализировав публикации в журналах, охватываемых системой «Journal Citation Reports», Мартон Деметер и Мануэль Гойанес наглядно продемонстрировали, что глобальное ядро публикует теоретические и количественные статьи в гораздо большем объеме, чем глобальная периферия¹⁸. В частности, итальянские политологи, которые в социальных науках принадлежат скорее к периферии, не склонны касаться крупных теоретических и/или сравнительных тем, а предпочитают писать статьи об итальянской политике и местных партиях; точно так же и для сербских обществоведов внутригосударственные и локальные проблемы неизменно важнее международного контекста¹⁹. Символично, что специалисты, аффилированные с институтами глобального Юга, указывают в заголовках своих работ названия собственных регионов, в то время как названия работ ученых с глобального Севера более лаконичны, абстрактны и универсальны²⁰. В подобной диспозиции знание центра

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК

МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ
ВАЛЛЕРСТАЙН...

- 15 DEMETER M. *Taking off Camouflage Identities: Why Peripheral Scholars Strive to Look Like Their Western Peers in Order to Being Recognized?* // Journal of Multicultural Discourses. 2021. Vol. 16. № 1. P. 53–68.
- 16 См.: LI Y., FLOWERDEW J. *International Engagement versus Local Commitment: Hong Kong Academics in the Humanities and Social Sciences Writing for Publication* // Journal of English for Academic Purposes. 2009. Vol. 8. № 4. P. 279–293; GUZMÁN-VALENZUELA C. ET AL. *The New Knowledge Production in the Social Sciences and in the Arts and Humanities in Latin America* // Higher Education. 2023. Vol. 85. № 3. P. 587–612.
- 17 PAJIE D. ET AL. *Publication and Citation Patterns in the Social Sciences and Humanities: A National Perspective* // The Canadian Journal of Sociology. 2019. Vol. 44. № 1. P. 67–94.
- 18 См.: DEMETER M., GOYANES M. *Op. cit.*
- 19 См.: PLÜMPER T., RADAELLI C. *Publish or Perish? Publications and Citations of Italian Political Scientists in International Political Science Journals, 1990–2002* // Journal of European Public Policy. 2004. Vol. 11. № 6. P. 1112–1127; PAJIE D. ET AL. *Op. cit.*
- 20 CASTRO TORRES A., ALBUREZ-GUTIERREZ D. *North and South: Naming Practices and the Hidden Dimension of Global Disparities in Knowledge Production* // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2022. Vol. 119. № 10. P. 1–7.

неизбежно предстает всеобщим, а знание периферии кажется всего лишь частным. Хейлброн пишет:

«Почти все наиболее цитируемые социологи работают в Северной Америке и Европе. [...] Около 85% статей в ведущих социологических журналах США посвящены американскому обществу. [...] Учитывая силу и привилегии американской социологии, легко представить мир в американских терминах»²¹.

Получается, что почти любая теория, созданная за пределами Запада, будет восприниматься в качестве отражения сугубо национальной специфики – и не более того²².

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ

Исходя из описанных паттернов глобального производства знания можно было бы предположить, что и периферийные, и центральные социальные науки гомогенны: если одни производят знание о себе, опираясь на интеллектуальные инструменты западной науки, то другие, пользуясь преимуществами структурного неравенства, привлекают основное внимание и создают универсалистские нарративы. Однако реальная ситуация сложнее. Несмотря на то, что данная статья сосредоточена на последствиях неравенства, переживаемого периферийными социальными науками, стоит иметь в виду, что и внутри западного академического поля в рассматриваемом отношении все неоднородно. Американские общественные науки пронизаны различными формами и грациями неравенства, затрагивающими самые разные плоскости – начиная с журнальных публикаций и заканчивая используемыми методологиями²³. Показательным примером может служить американская социология, в рамках которой институциональной и экономической властью, то есть способностью управлять и распоряжаться ресурсами, обладают именно те факультеты и исследователи, которые ориентированы на количественную методологию²⁴.

Концептуализация, опирающаяся на противопоставление центра и периферии, склонна игнорировать подобные нюансы. В этом плане права Рэйвин Коннелл, по мнению которой, сами указанные понятия выступают лишь точками отсчета, позволяющими начать анализ, но они отнюдь не исчерпывают его. Более того, проблематичным становится само определение

21 HEILBRON J. *Op. cit.* P. 697.

22 CASTRO TORRES A., ALBUREZ-GUTIERREZ D. *Op. cit.*

23 GILES M., GARAND J. *Ranking Political Science Journals: Reputational and Citational Approaches* // *Political Science and Politics*. 2007. Vol. 40. № 4. P. 741–751.

24 Подробнее о кейсе американской социологии см.: WARCZOK T., BEYER S. *The Logic of Knowledge Production: Power Structures and Symbolic Divisions in the Elite Field of American Sociology* // *Poetics*. 2021. Vol. 87. P. 1–18.

центра и периферии, так как в разряд последней включаются как крайне бедные страны, подобные Бенину, так и весьма богатые государства, подобные Австралии²⁵. Понятные затруднения здесь возникают и с Россией, которую сложно объявить частью глобального Юга или простой периферийной страной. Стараясь уйти от этого затруднения, некоторые исследователи предпочитают называть ее «бывшей империей», «полупериферией» или «субалтерн-империей»²⁶.

Концептуализация, опирающаяся на противопоставление центра и периферии, примитивизирует реальную картину: фактически, в этой оптике состояние академической сферы предстает лишь производной от финансового капитала и военной мощи. И хотя эта парадигма учитывает влияние глобальной мир-системы на паттерны производства знания, она совершенно исключает все остальные факторы, влияющие на него. Как указывают специалисты, все дело в том, что концепция центра–периферии основывается на спорных допущениях: во-первых, на представлении, что периферийные социальные ученые хотят примкнуть к глобальному Северу и лишь искусственные барьеры не позволяют им сделать этого; а во-вторых, на идее, согласно которой исследователи, аффилированные с перифериями и полуперифериями, неизменно будут генерировать контргегемонистские аргументы²⁷.

Обращаясь к той же теме, Саймон Маргинсон и Синь Сю полагают, что в придачу эта оптика не вмещает в себя допущения, касающиеся независимости национальных систем, и не учитывает локальные культурные контексты²⁸. В целом же само распространение модели центра–периферии в научных исследованиях следует, по их мнению, признать не чем иным, как следствием европоцентричного видения мира:

«С идеей Валлерстайна о неизбежно европоцентричном мире охотно соглашались те, кто, в отличие от него, приветствует евро-американское доминирование, наслаждается гипотетическим культурным превосходством мирового центра и считает капитализм не просто неизбежным, но и желательным»²⁹.

С точки зрения этих авторов, подтверждением неадекватности подобных описаний служит академический подъем Китая, Индии и Бразилии во всех научных рейтингах: эти страны смогли выйти на ведущие позиции в глобальной науке, опираясь не на сеть евро-американских научных центров, а на со-

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК

МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ
ВАЛЛЕРСТАЙН...

25 CONNELL R. *Southern Theory: The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Oxford: Polity, 2007. P. 212.

26 KACZMARSKA K. *Making Global Knowledge in Local Contexts: The Politics of International Relations and Policy Advice in Russia*. London: Routledge, 2020. P. 7.

27 Ibid. P. 40.

28 MARGINSON S., XU X. *Op. cit.*

29 Ibid. P. 18.

трудничество внутри собственных национальных институтов. В конечном счете, Маргинсон и Сюй рекомендуют заменить имеющую явный геополитический оттенок категорию «центр–периферия» сформулированным Антонио Грамши понятием «гегемония», которое предполагает культурное доминирование, основанное на согласии тех, кто ему подвергается, и поддерживаемое не только экономическим или военным потенциалом, но и культурной ассимиляцией.

Рефлексия такого типа ставит перед исследователем важнейший вопрос: можно ли изучать производство знания, не сводя его исключительно к теме властвования и доминирования и сохраняет ли свою актуальность при таком повороте парадигма центра–периферии? Как представляется, наиболее изящный ответ на него нашла аргентинский социолог Фернанда Бейгель. Основой для ее интеллектуальных построений служит теоретический аппарат, разработанный Пьером Бурдьё.

В центре проекта Бурдьё – специфическая теория действия, которая выражается формулой «габитус + капитал + поле = практика». Под габитусом здесь имеется в виду интериоризированный жизненный опыт, реализуемый в схемах мышления и действиях, подкрепляемый капиталом, представляющим собой накопленные формы власти. В свою очередь разновидности капитала опосредуются полем, которое есть в той или иной степени автономная сеть отношений между людьми, разделяющими общие принципы символического различения. Если же говорить о научном пространстве, то оно состоит из множества полей, которые вступают в неравноправные отношения как друг с другом, так и с другими полями – прежде всего власти и экономики. Согласно Бурдьё, на стыке жизненного опыта и навязанных правилами поля условий формируется практика. В данном случае речь идет о практиках производства знания, которые он именует «стилями исследования»: то есть о совокупности утверждений, касающихся методологии, наблюдений, гипотез, проблем³⁰. Наконец, завершающая часть проекта Бурдьё посвящена рефлексивности. В ней реконструируется генезис академического поля, которое, с одной стороны, тот или иной ученый изучает, а с другой стороны, продуктом которого сам является. Рефлексивность относительно генезиса поля позволяет объективировать категории, применяемые самим исследователем, а также обозначить его собственную позицию в этом поле. Рефлексивность, в трактовке Бурдьё, ценна не только как способ фиксации неравенств, но и как инстру-

30 См.: BOURDIEU P., WACQUANT L. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Ch. 1. [См. также фрагмент этой работы: БУРДЬЁ П. *Опыт рефлексивной социологии* (<https://gtmarket.ru/library/articles/3228>). – Примеч. ред.]; BOURDIEU P. *Science of Science and Reflexivity*. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

мент изменения наличных структур господства, причем как в локальных, так и в глобальных полях³¹.

Совмещая рефлексивную социологию Бурдьё и теорию центра–периферии, Бейгель создает собственную реляционную теорию академической зависимости, которая позволяет выявить наличие структурных ограничений и иерархий сразу на нескольких уровнях: локальном, национальном, региональном, транснациональном. Операционализация академической мир-системы в терминах полей отсылает к неравенству между национальными и международными полями наук³². Они могут находиться в различных отношениях по степени близости, автономности и зависимости и не вписываться в бинарную схему. Такой подход позволяет выявить структуры и позиции, формирующие внешний международный авторитет, учитывать гетерогенность поля социальных наук, влияние национальных институтов, внутренние контроверзы, а также общий интеллектуальный контекст.

Исходя из теории Фернанды Бейгель можно увидеть, что многие периферийные социальные науки не обладают внутренним единством. Они разделяются не только по степени обладания академическим капиталом, но и по практикам производства знания. В них сосуществуют две академические культуры, одна из которых ориентирована на интернационализацию и стандарты глобального международного знания, а другая – на местные проблемы, институции и стандарты³³. Различия между глобалистами и локалистами прослеживаются на уровнях институций, публикационных схем, общих политических и интеллектуальных ориентаций. Группы локально ориентированных и глобально ориентированных ученых можно обнаружить во многих академических пространствах; они действуют в одной и той же институциональной системе, хотя адресуются к разным аудиториям и занимаются разными проблемами³⁴. Иначе говоря, национальные институты генерирования знаний никуда не исчезли – более того, из них складываются альтернативные площадки накопления престижа и легитимации, которые противостоят глобальной мир-системной площадке.

Например, в случае Аргентины – и, замечу от себя, России тоже – можно зафиксировать существование местных институций, которые фильтруют, классифицируют, оценивают гло-

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК

МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ
ВАЛЛЕРСТАЙН...

31 Подробнее см.: STEINMETZ G. *The Colonial Origins of Modern Social Thought: French Sociology and the Overseas Empire*. Princeton: Princeton University Press, 2023. P. 17–25.

32 BEIGEL F. *Circulation of Academic Knowledge and Recognition* // KEIM W., MEDINA L. (Eds.). *Routledge Handbook of Academic Knowledge Circulation*. London: Routledge, 2023. P. 75–88.

33 SOKOLOV M. *Op. cit.*; см. также: PIOVANI J. *Styles of Academic Production in the Argentine Social Sciences: Heterogeneity and Heterodoxy* // *Serendipities. Journal for the Sociology and History of the Social Sciences*. 2020. Vol. 4. № 1. P. 27–48.

34 SOKOLOV M. *Op. cit.*

бальные стандарты³⁵. В процессе своей деятельности они генерируют особые разновидности национального престижа. При этом универсалистский престиж, к которому стремятся глобалисты и символами которого выступают публикации в зарубежных журналах, обладание зарубежными степенями, участие в зарубежных конференциях, сочетается с институциональным престижем, которого добиваются локалисты и который воплощается в местных академических должностях, статьях в национальных журналах, ключевых позициях в администрации вузов. Так, по замечанию Бейгель, для аргентинских ученых публикации в международных изданиях весьма важны в плане их продвижения в проектах и программах, курируемых Национальным советом по научным и техническим исследованиям (Consejo Nacional de Investigaciones Científicas y Técnicas), но гарантировать место в управленческой университетской иерархии они не могут³⁶.

В рассматриваемом здесь ключе очень интересна картина, складывающаяся в китайских социальных науках, внутри которых не так давно обострились противоречия между локалистами и глобалистами. В китайском контексте их спор вылился в горячее обсуждение так называемой «индигенизации» применительно к местным общественным наукам. Согласно современной литературе, под индигенной научной деятельностью понимаются исследования, которые осуществляются коренными (индигенными) народами, опирающимися на собственные онтологии и эпистемологии и добивающимися «деколонизации» научного знания³⁷. Хотя новейший раунд обсуждения этой проблемы в КНР открылся в 2018 году, когда китайский социолог Се Юй из Принстонского университета назвал индигенизацию «псевдовопросом» и заявил, что никакой нужды заниматься социологией с китайской спецификой нет и быть не может³⁸, история дебатов на эту тему гораздо более давняя.

Разговоры о китаизации гуманитарного знания начались еще в 1920-х, когда местные ученые начали приспособливать западные теории к национальным реалиям, стремясь создать на этой основе собственную академическую традицию. В следующем десятилетии социологи У Вэньцзао и Фэй Сяотун заложили основы «китаизированной» социологии, однако до полноценной реализации этого проекта дело дошло лишь после «культурной революции». Именно тогда было предложено создать «социологию нового Китая», воздвигаемую на марксистском

35 BEIGEL F. *Op. cit.*

36 Ibid.

37 Подробнее см.: COBURN E., MORETON-ROBINSON A., SEFA DEIET G., STEWART-HARAWIRA M. *Unspeakable Things: Indigenous Research and Social Science* // Socio. 2013. Vol. 2. P. 331–348.

38 LI J., XU S., ZHOU G., YANG T., ZHANG Z. *Indigenisation: The Significance of the Debates for the Circulation of Academic Knowledge* // KEIM W., MEDINA L. (Eds.). *Op. cit.* P. 407–417.

фундаменте. Такая инициатива, помимо прочего, была вызвана необходимостью научно легитимизировать социологию, ранее считавшуюся буржуазной дисциплиной. К 1990-м почин подхватили и китайские политологи, пришедшие к выводу, что никакие западные концепции, за исключением марксизма, не подходят для описания китайской политики. На этот раз спор вышел за пределы академической дискуссии и перешел в политическую плоскость. Ученые, настаивавшие на индигенизации, подчеркивали:

«Политическая наука в каждой стране или регионе должна опираться на дискурсивную систему этой страны или региона; она должна распространять собственные ценности, отстаивать собственные позиции, выражать собственные идеи, используя дискурс, который может быть понятным и усвоенным нацией, а также давать политическое наставление и обучать людей на местах»³⁹.

О стратегическом значении индигенизации в тот период говорило и политическое руководство Китая: в частности, председатель Си Цзиньпин заявил о необходимости развития общественных наук с китайскими особенностями – по его мысли, это позволило бы укрепить национальный престиж и обеспечить независимость знаний.

Индигенизация охватывает как изучение специфически китайских тем, так и адаптацию западных концепций к анализу местных явлений. Национальный контекст в политических науках интерпретируется в основном через социалистические концепции, хотя радикальные сторонники индигенизации обращают внимание на необходимость создания такого незападного общественознания, которое основывалось бы на конфуцианских традициях. Разумеется, все это не было бы подлинными дебатами, если бы в обсуждении участвовала лишь одна сторона. Фактически, поле китайской социологии разделилось на четыре сектора, представленные радикальными локалистами (полностью отвергают западные подходы), умеренными локалистами (адаптируют их под национальные условия), умеренными глобалистами (поддерживают диалог между традициями) и радикальными глобалистами (считают западные методы единственно верными). Как отмечают исследователи, разделение на эти группы коррелирует с распределением академического и политического капиталов: если наличие академического капитала повышает вероятность того, что ученый окажется в рядах радикальных глобалистов, то обладание капиталом политическим при отсутствии академического делает специалиста приверженцем китаизированных социальных наук⁴⁰.

39 Ibid. P. 408.

40 Ibid.

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК

МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ
ВАЛЛЕРСТАЙН...

Борьба за символическую власть в китайском академическом сообществе сопровождается взаимными обвинениями: глобалисты считают локалистов недостаточно подкованными теоретически, а индигенисты утверждают, что универсалисты игнорируют специфику китайского общества. Этот идеологический раскол предельно углубил противостояние, превратив научный диалог в битву за легитимность исследований, что усложняет перспективы конструктивного взаимодействия между сторонами, каждая из которых в академическом пространстве равноправна.

* * *

Глобальный академический мир не обеспечивает равенство возможностей и ресурсов для всех агентов, включенных в него. Дихотомия центра и периферии как аналитическая модель позволяет различить глубоко укоренившиеся иерархии, за которыми стоит не только экономическое и геополитическое, но и эпистемическое доминирование. Научные исследования в странах периферии сталкиваются с целым рядом ограничений, обусловленных их экономической и интеллектуальной зависимостью от западных стран. В результате местные ученые, используя множество различных стратегий, стремятся интегрироваться в глобальное научное пространство.

Однако нередко бинарное противопоставление центра и периферии не столько способствует преодолению неравенства, сколько подтверждает или даже цементирует его. Оптика, используемая для анализа этой проблемы, должна стать более инклюзивной: не ограничиваясь рамками исключительно геополитики, ее следовало бы сфокусировать на внутренних различиях и границах. Применение здесь инструментария, предложенного Бурдьё, позволяет объективировать и поле, в котором действуют исследователи, и само их положение в этом поле. Основанная на нем реляционная теория академической зависимости акцентирует внимание на множественности уровней иерархии, культурных и институциональных контекстах, а также на диалектическом взаимодействии глобального и локального. В итоге перед нами открываются возможности переосмыслить академическое пространство не только как место борьбы за ресурсы и влияние, но и как площадку для внедрения новых, более равноправных форм международного сотрудничества.

Материнское тело и грамматика пола

АНАТОЛИЙ
РЯСОВ

К заочным спорам Юлии Кристевой,
Джудит Батлер и Аленки Зупанчич

Поводом для обращения к критическому анализу идей Юлии Кристевой, в свое время осуществленному Джудит Батлер, оказывается не только недавний перевод на русский язык книги «Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности», но и возможность оценить, сохранили ли эти инвективы актуальность спустя 35 лет. Сегодня работа Батлер считается классикой гендерных исследований, но одновременно остается источником тревоги для правого политического фланга, а в свете ренессанса консервативных настроений имеет все шансы пополнить списки запрещенной литературы. Попробуем перечитать некоторые пассажи, пока этого не произошло.

Анатолий Рясов
(р. 1978) – независимый
исследователь.

ГЕНДЕР

Многие ставки Батлер до сих пор остаются высокими, поскольку в ее работе подвергаются сомнению не только сексистские стереотипы, но и биологическая детерминированность пола. Батлер исследует дисциплинарное производство гендера, очерчи-

**ГЕНДЕРНЫЙ
ВОПРОС:
ПРАКТИКА ТЕОРИИ
И ТЕОРИЯ ПРАКТИКИ**

вающее обязательные рамки репродуктивной сексуальности и пытающееся скрыть принципиальную случайность в отношениях между полом и гендером. Перед нами установка не только на разрушение патриархальных норм, но и на удаление с авансцены главных действующих лиц – мужчин и женщин.

Исторические экскурсы в проблемы гермафродитизма не являются основным сюжетом книги, но выводы Батлер вполне могут быть подкреплены генеалогией «третьего пола». Так, культуры бердашей и мукси, по мнению ряда исследователей, восходящие к доколумбовым временам, тайландская традиция катой или многовековые афганские обычаи бача-пош и бача-бази напоминают о том, что «третий пол» вовсе не является изобретением так называемых англосаксов. И, когда некий сержант требует от нерадивого рядового «не быть бабой», эта вульгарная формулировка уже содержит всю гендерную проблематику, связанную с присутствием фемининного в маскулинном.

Одновременно с этим в «Гендерном беспокойстве» можно найти предостережения относительно превращения борьбы за права женщин в колонизирующую практику:

«Феминистская критика должна исследовать тотализирующие претензии маскулинистской экономики означения, но одновременно проявлять критичность к тотализирующим жестам самого феминизма»¹.

Представляя язык не как инструмент, который революционеры должны отобрать у угнетателей, а как изменчивое поле значений, Батлер указывает на то, что куда более важным является не факт обращения к далеко не всегда совпадающим с установками феминизма работам Маркса или Фрейда, а логика последующих выводов. В этом смысле одним из самых интересных и амбициозных намерений Батлер оказывается апелляция к работам Жака Лакана с целью обнаружить «очаг сопротивления внутри его теории»² и указать на то, что слепые пятна психоанализа способны восстать против его собственных патриархальных тезисов. Символический порядок существует с непостоянством и гибкостью дискурса, и, значит, смирение перед законом может противостоять изменчивая сексуальность.

Основными союзниками на этом пути становятся Мишель Фуко с его археологией дискурсивных практик и Жак Деррида, чья критика фаллогоцентризма оказала на гендерную теорию Батлер значительное влияние. Собственно, сама мысль, что «гендер – это такое комплексное образование, тотальность которого навсегда отсрочена и которое никогда в полной мере

1 Батлер Дж. *Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности*. М.: V-A-C Press, 2022. С. 63.

2 Там же. С. 128.

не является собой в любой отдельно взятый момент времени»³, является отсылкой к понятию *différance* («различая»). При этом, задействуя для аргументации те или иные концепции и критикуя конкретные работы, Батлер в целом остается в рамках академического дискурса и практически не позволяет себе резких оценок. Эта манера письма существенно изменяется лишь в случае обращения к феминистской теории Юлии Кристевой. Тем интереснее разобраться в сути предъявляемых претензий.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
МАТЕРИНСКОЕ ТЕЛО
И ГРАММАТИКА ПОЛА...

**Слепые пятна психоанализа способны восстать
против его собственных патриархальных
тезисов. Символический порядок сосуществует
с непостоянством и гибкостью дискурса, и, значит,
смирению перед законом может противостоять
изменчивая сексуальность.**

МАТЬ

Анализируя процесс сплавления и растяжения клеток эмбриона внутри материнского тела, Кристева сопоставляет его с семиозисом – столкновениями смыслов и рождением новых значений. Согласно теории Кристевой, тело роженицы оказывается территорией, на которой закон символического сталкивается с семиотическим пространством непрогнозируемых значений, вызывающим аналогию с поэтическим творчеством и превращающим фигуру матери в нечто, ускользающее от фаллоцентрического дискурса⁴. Принципиальная амбивалентность материнского тела становится объектом притяжения и противостояния, а «архаический страх перед матерью оказывается страхом перед ее воспроизводительной силой»⁵.

Батлер подвергает эти идеи жесточайшей критике, обвиняя Кристеву не только в том, что та «навязывает женскому телу материнскую телеологию до его включения в культуру», но и в подспудной солидаризации с «механизмом принудительного культурного конструирования женского тела как тела материнского»⁶. То есть Кристева онтологизирует социальную практику, навязываемую патриархатом, представляя ее как женское либидинальное влечение и видовую потребность. К тому же

³ Там же. С. 67.

⁴ Подробнее см.: KRISTEVA J. *Polylogue*. Paris: Seuil, 1977; КРИСТЕВА Ю. *Силы ужаса: эссе об отвращении*. СПб.: Алетейя, 2003; ОНА ЖЕ. *Черное солнце: депрессия и меланхолия*. М.: Когито-Центр, 2010.

⁵ ОНА ЖЕ. *Силы ужаса...* С. 113.

⁶ БАТЛЕР Дж. *Указ. соч.* С. 181–182.

на эту стратегию вполне можно взглянуть как на подспудное укрепление сексистских тезисов Лакана вроде следующего: «не говорите, пожалуйста, что у женщины есть, мол, вторичные половые признаки – доминируют у нее в первую очередь признаки материнские»⁷. Контраргументация Батлер опирается прежде всего на тексты Фуко:

«[Фуко], несомненно, возразил бы, что дискурсивное производство материнского тела как преддискурсивного является тактикой самоусиления и сокрытия особых властных отношений, посредством которых и произведен троп материнского тела»⁸.

Иными словами, чтобы представить женщину в роли матери, нужно уже находиться в пространстве определенных дискурсов – естественнонаучного, патриархального, авторитарного и тому подобного. По словам Батлер, именно этот методологический изъян и делает теорию Кристевой «зависимой от стабильности и воспроизводимости того самого отцовского закона, который она стремится сместить»⁹.

Как ни странно, эти инвективы не спровоцировали обстоятельного ответа Кристевой, если не считать обтекаемых замечаний вроде следующего: «сегодня трудно говорить о материнстве, не будучи обвиненным в нормативизме»¹⁰. Несмотря на это, ее теория содержит значительный потенциал для возражений: например, Фанни Сёдербек замечает, что в работах Кристевой речь идет не о преддискурсивности материнского тела, а о сложном переплетении семиотического и символического. Но независимо от того, насколько правомерна предложенная Батлер интерпретация, есть как минимум один важный аспект, который она упускает.

Работа «Гендерное беспокойство» нацелена прежде всего на расшатывание «бинарной гетеросексистской концептуальной схемы, которая подразделяет гендеры на мужские и женские и заведомо исключает адекватное описание тех подрывных и пародийных сближений, что характеризуют гей- и лесбийскую культуры»¹¹. Кристева же напоминает о том, что осознание анатомической (не)способности родить ребенка не может не оказывать фундаментального влияния на гендерную чувствительность. Здесь в свою очередь реактуализируются открытые психоанализом коллизии, связанные с взаимоотношениями родителей и детей. Все это позволяет заметить, что пренебрежение проблемой половых различий является преждевремен-

7 ЛАКАН Ж. *Еще (Семинар, Книга XX, 1972/73)*. М.: Гнозис; Логос, 2011. С. 12.

8 БАТЛЕР ДЖ. *Указ. соч.* С. 184.

9 Там же. С. 167.

10 Цит по: SÖDERBÜCK F. *Julia Kristeva face aux féministes américaines* // *L'Infini*. 2010. № 111. P. 86.

11 *Ibid.* P. 144–145.

ным, но одновременно за этой поспешностью скрывается серьезная методологическая проблема. Когда Батлер утверждает, что «поэтический язык и радости материнства представляют собой локальные смещения отцовского закона, временные подерывы, которые, в конце концов, подчиняются тому, против чего изначально восстают»¹², это обвинение с куда большим основанием можно адресовать ее собственным намерениям.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
МАТЕРИНСКОЕ ТЕЛО
И ГРАММАТИКА ПОЛА...

Пол

Сама идея лишить половые различия их сущностных характеристик, оставшись при этом на территории, очерченной Лаканом, заранее обречена на провал. Причина этого поражения емко определена в одной из статей Аленки Зупанчич:

«Если мы “изгоняем секс из пола”, мы изгоняем в первую очередь ту самую вещь, которая выводила на свет проблематичный и исключительный характер половых различий. Проблема этим не снимается, но устраняется возможность ее видеть и, в конечном счете, разбираться с ней»¹³.

Апелляция к Фуко также оказывается не совсем состоятельной, потому что сам он здесь «недостаточно фукодианский»:

«Секс – это не некое “предшествующее” бытие, которое “внедрили” в дискурс и “заставили говорить” в определенный исторический момент, а само это парадоксальное двойное движение дискурса»¹⁴.

Упуская фундаментальную связь между сексуальностью и бессознательным, Фуко оказывается настолько увлечен демифологизацией любых претензий на преддискурсивность, что начинает относить к ним внутренние противоречия дискурса. Напротив, в психоанализе именно разрыв, порождаемый половыми различиями, превращает их в узловую проблему, отличную «от гендерных различий, которые являются такими же различиями, как и любые другие, и которые упускают суть, будучи чересчур успешными и попадая в ловушку обеспечения оснований для онтологической непротиворечивости»¹⁵.

Схожие доводы приводит и Славой Жижек: «половое различие в полной мере принадлежит Символическому и является его неустранимым изъяном»¹⁶. Спустя десять лет после изда-

12 БАТЛЕР Дж. Указ. соч. С. 178.

13 Зупанчич А. *Половые различия и онтология* // Она же. *Секс и бытие*. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 55–56.

14 Она же. *«Мир полон не-сказанного»* // Она же. *Секс и бытие*. С. 66–67.

15 Она же. *Половые различия и онтология*. С. 53–54.

16 Žižek S. *Class Struggle or Postmodernism? Yes, Please!* // BUTLER J., LACLAU E., ŽIŽEK S. *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*. London: Verso, 2000. P. 122.

ния «Гендерного беспокойства» Батлер, полемизируя с Жижек-ом, с завидным упорством отказывается признавать логику этой аргументации, настаивая на том, что здесь подспудно сохраняется «квазитрансцендентальный статус полового различия»¹⁷. Но – как раз по причине нежелания замечать неустранимость проблемы пола – гендерное разнообразие, представляемое как радикальный подрыв, в итоге оказывается не чем иным, как возвращением к той самой бинарной оппозиции, против которой изначально поднималось восстание. Вся множественность, призванная проиллюстрировать вывод о том, что гендеры могут быть «радикально невероятными»¹⁸, сводится к предсказуемым вариациям на тему конструктов мужского/женского или же их смешения (дрэг, буч, фем, транс и пр.). Здесь нет никакого радикального третьего, независимого от плохо завуалированной бинарной схемы, и при этом нехитрая комбинация двух известных элементов преподносится как нечто, подчистую разрушающее оппозицию.

Если бы методология Батлер выстраивалась на фундаменте, принципиально выходящем за пределы психоанализа, то претензии на радикальный подрыв, возможно, оказались бы более оправданными. Такой шанс, например, могла бы предоставить стратегия, развернутая в работах Делёза и Гваттари. В мире тел без органов не так уж сложно представить третий элемент вроде медузы или превращение секса в процесс, связанный с погружением в гелеобразную массу, в которой граница между человеческим телом и сгустками окровавленного желе станет трудно определяемой. Не столь важно, насколько жизнеспособна эта стратегия, – главное, что в рамках теории Батлер подобный скачок абсолютно невозможен, поскольку, в отличие от шизоанализа, она основана на той самой системе, которую стремится опровергнуть. Вот почему, когда Батлер утверждает, что «Кристева предлагает нам стратегию подрыва, которая никогда не сможет стать долгосрочной политической практикой»¹⁹, это высказывание вызывает чувство неловкости. Да разве собственная теория Батлер предлагает что-то похожее на революционный подрыв?

КАПИТАЛИЗМ

Анализ политической философии Батлер и вопрос о жизнеспособности идей, изложенных в соответствующих работах, выходят за рамки рассматриваемого сюжета, тогда как преобразовательная программа, разворачивающаяся на страницах «Ген-

¹⁷ BUTLER J. *Competing Universalities* // BUTLER J., LACLAU E., ŽIŽEK S. *Op. cit.* P. 143–148.

¹⁸ БАТЛЕР Дж. *Указ. соч.* С. 255.

¹⁹ Там же. С. 168.

дерного беспокойства», заслуживает нескольких слов. Возможно, стратегия Кристевой и является проблематичной в качестве долгосрочной практики, но в одном можно быть уверенным: ее опора на языковые опыты Хлебникова, Арто и Селина, бесспорно, остается ставкой на сотрясение конвенций. А вот на теорию Батлер, напротив, вполне можно взглянуть лишь как на корректировку существующего конформистского порядка. Причем предпосылки для этой интерпретации можно обнаружить внутри феминистской теории: Марша Хьюитт в статье, опубликованной через три года после издания «Гендерного беспокойства», указывала на то, что ряд практик, включая дрег и киберфеминизм, напоминают эзотерическую деятельность, подменяющую реальную политическую борьбу, предоставляя иллюзию освобождения²⁰. Говоря марксистским языком, гендерное многообразие вовсе не отменяет классового разделения. Скорее перед нами еще один вариант социального протеста, не приводящего к впечатляющим политическим результатам. Журналы для лесбиянок, гей-бары и ежегодные прайды не разрушают репрессивные государственные структуры, но вполне вписываются в капиталистическую логику потребления. И уж во всяком случае этот «подрыв» даже близко не соответствует поэтическому переустройству грамматики, которое анализирует Кристева и в котором она открывает телесное измерение.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
МАТЕРИНСКОЕ ТЕЛО
И ГРАММАТИКА ПОЛА...

Гендерное многообразие вовсе не отменяет классового разделения. Скорее перед нами еще один вариант социального протеста, не приводящего к впечатляющим политическим результатам.

В этом смысле, например, тексты Жана Жене предстают трансгрессивным скачком в сравнении не только с теорией Батлер, но даже с работами Фуко, в которых институт тюрьмы выступал прежде всего как репрессивная практика. Для Жене тюрьма, несмотря на все приносимые ею страдания, является аналогом Эдема – подлинной колыбелью бунта, а гомосексуализм – сакральным преступлением. Это ставка не предполагает никаких компромиссов, связанных с социальной интеграцией, – напротив, она направлена на упрочнение статуса изгоя:

«Я свой выбор сделал: я на стороне преступника. И я буду помогать детям не возвращаться в ваши дома, школы, на заводы, не следовать вашим законам и обычаям, а их преступать»²¹.

20 HEWITT M.A. *Cyborgs, Drag Queens, and Goddesses: Emancipatory Regressive Paths in Feminist Theory* // *Method & Theory in the Study of Religion*. 1993. Vol. 5. № 2. P. 135–154.

21 ЖЕНЕ Ж. *Малолетний преступник* // *Театр Жана Жене*. СПб.: Гиперион, 2001. С. 41.

Можно спорить, в какой степени эти установки Жене сработали за пределами эстетического пространства, но они получили определенную политическую апробацию как минимум в его сотрудничестве с «Черными пантерами» и Организацией освобождения Палестины.

Здесь имеется еще один уровень, имеющий отношение к будущей полемике Батлер с Кристевой. Первый роман Жене «Богоматерь цветов» повествует об истории дрэг-квин, вполне вписываясь в логику плавучести гендера, однако за сюжетным фасадом скрывается тема, куда в большей степени подтверждающая аргументацию Кристевой. Дело не только в том, что герой предпочитает гильотину, а не корректировку социальных конвенций, – дополнительное напряжение в эту историю вносит биографический мотив связи/вражды с навсегда потерянной матерью²²:

«Я, в своей дыре похожий на маленькую личинку, наслаждался покоем ночного существования, и порой мне казалось, что я погружаюсь то ли в сон, то ли в некое озеро, то ли в материнскую грудь, то ли – что было бы инцестом – в духовное сосредоточие земли»²³.

Гомосексуальная исповедь Жене подтверждает выводы Кристевой: различие полов вписано в материнское тело и определяет внутреннюю расколотость субъекта.

Разветвление сексуальных практик и гендерных ролей само по себе вовсе не дает гарантий ниспровержения репрессивной модели, и в лучшем случае здесь можно вести речь лишь о перераспределении власти.

Итак, отказываясь говорить о материнстве как об одной из границ, проходящих по человеческой плоти и воздействующих на область сексуальных влечений, Батлер предпочитает вести речь исключительно о сведении жизненного предназначения женщин к репродуктивным функциям и тем самым существенно упрощает проблему гендерных ролей. Поспешное желание избавиться от половых различий и представить их как нечто архаичное рискует превратить изыскания Батлер в тот самый

22 На материале текстов Жене он был подробно проанализирован Жан-Полем Сартром: SARTRE J.-P. *Saint Genet, comédien et martyr* // GENET J. *Œuvres complètes*. Paris: Gallimard, 1952. P. 9–26. Среди представительниц феминистской теории о присутствии «материнской женственности» в прозе Жене упоминала, например, Элен Сиксу: Сиксу Э. *Выходы* // *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000*. М.: РОССПЭН, 2005. С. 55.

23 ЖЕНЕ Ж. *Богоматерь цветов*. М.: АСТ, 2015. С. 83.

«тотализирующий жест», против которого она сама неоднократно предостерегала. Проблема заключается в том, что разветвление сексуальных практик и гендерных ролей само по себе вовсе не дает гарантий ниспровержения репрессивной модели, и в лучшем случае здесь можно вести речь лишь о перераспределении власти.

Оставляя за скобками ряд социально-политических суждений Кристевой, нужно заметить, что поставленный ею вопрос – «Что стоит за желанием быть матерью?» – нацелен как раз в тот узел противоречий, из которого вырастает теория Батлер:

«Неспособная ответить на этот вопрос феминистская идеология открывает дверь возвращению религии, которая приносит умиротворение, смягчает страдание и отвечает материнским ожиданиям»²⁴.

Иными словами: если внутри системы, поддавшейся существенной гендерной реформации, обнаруживается внушительный потенциал для консервативного поворота, то одной из причин этого является как раз то, что так называемое освобождение не выходило за пределы воспроизводства капиталистической логики. Однако это вовсе не означает, что сама проблема вариативности маскулинной и фемининной моделей является надуманной – напротив, разговор о гендерном многообразии сможет выйти на новый уровень только после обозначения собственных пределов, а материнское тело оказывается одним из способов очертить эти границы.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ

МАТЕРИНСКОЕ ТЕЛО
И ГРАММАТИКА ПОЛА...

24 Кристева Ю. *Время женщин* // *Гендерная теория и искусство...* С. 139.

Феминистские эпистемологии: направления, теории, дебаты

Аня Кузнецова (р. 1998) –
гендерная исследователь-
ница, магистр филологии
(РГГУ, Москва).

Какие темы интересуют гендерных исследователей сегодня? Ответ на этот вопрос может разочаровать: многие работы последних лет посвящены той же проблематике, что и двадцать, тридцать и даже пятьдесят лет назад.

Отчасти это связано с реактуализацией проблем, о которых говорилось во время расцвета женского движения в 1960-х. Среди них – права людей с негегемонной гендерной идентичностью и сексуальностью, небелых женщин, связь экономического и гендерного угнетения и даже право на аборт. Правый поворот, который наблюдается сегодня по всему миру, меняет социальную политику. Первыми эти изменения ощущают маргинализированные группы. Наглядный пример – президентство Дональда Трампа, целью которого была и остается борьба с мигрантами. Вспомним и то, что во время его первого срока Верховный суд США отменил постановление о праве на аборт.

Взгляды Трампа и других правых политиков рассматриваются в книге Джудит Батлер «Кто боится гендера?» (2024). Примечательно, что она существенно отличается от предыдущих работ Батлер. Если в «Гендерном беспокойстве» важное место занимала ревизия психоаналитических и философских концепций, то в новой книге существенную часть занимают описания социальной реальности и стратегий по ее улучшению. Этот пример наглядно показывает, как изменение политического ландшафта влияет на темы и методологии гендерных исследований.

Однако у цикличности, которую мы наблюдаем в феминистском движении, есть и другое объяснение. Оно связано с пониманием женского движения как череды волн. Линда Николсон указывает, что сегодня это понимание не только изжило себя, но и может оказаться вредным: волна как метафора, во-первых, подразумевает объединение людей вокруг одной идеи и, во-вторых, не объясняет, почему цели, поставленные феминистками первых волн, до сих пор не достигнуты¹.

Теперь, когда мы выяснили, почему темы, затронутые еще в 1960-е, остаются предметом дебатов в женском движении, рассмотрим их подробнее.

¹ NICHOLSON L. *Feminism in «Waves»: Useful Metaphor or Not?* // New Politics. 2010 (https://newpol.org/issue_post/feminism-waves-useful-metaphor-or-not/).

ГЕНДЕРНО-ИНКЛЮЗИВНЫЙ И ГЕНДЕРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ФЕМИНИЗМЫ

АНЯ КУЗНЕЦОВА

ФЕМИНИСТСКИЕ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРИИ,
ДЕБАТЫ

Вопрос о допуске «транс»-женщин в женские пространства – уборные и раздевалки, – который сегодня активно обсуждается на страницах академических изданий и в социальных сетях, еще в 1970-х был краеугольным камнем дискуссии о «транс»-людях. Исследовательница Яна Кирей-Ситникова указывает, что для радикальных феминисток² того времени «транс»-женщины являлись не женщинами, а мужчинами, которые вторгаются как в женские пространства, так и в само движение:

«Аргументами против признания транс-женщин женщинами служили как биологические (хромосомы и половые органы), так и социально-конструктивистские (отсутствие опыта угнетения и мужские привилегии) подходы»³.

Наиболее распространенным основанием для отказа включать «транс»-женщин в феминистское движение и вообще считать их женщинами был (и остается) аргумент о наличии у них пенисов и отсутствии вагин. «Трансфеминистки» сходятся во мнении, что такой довод является догматическим и эссенциализирующим:

«Сведение личности к гениталиям является не только объективизацией, но и поддерживает миф о том, что мужская власть каким-то образом связана с наличием фаллоса, – миф, нашедший яркое выражение в теориях психоаналитиков»⁴.

Несмотря на развитие «трансфеминистских» исследований за последние тридцать лет, вопрос о включении «транс»-женщин в женское движение и допуске их в женские пространства все еще обсуждается современными исследовательницами. Среди них – профессор философии Кэтлин Сток. В книге «Материальные девочки: почему реальность важна для феминизма» (2021) она обозревает историю и теорию гендерной идентичности и пытается ответить на вопрос о том, как «транс»-активизм и исследования трансгендерности влияют на фем-активизм и жизнь «материальных» женщин, то есть тех, кому женский пол был приписан при рождении.

Сток приводит цитату Симоны де Бовуар из «Второго пола» – «Женщиной не рождаются, женщиной становятся»⁵, а затем пишет, что французская экзистенциалистка в первую очередь

2 Сегодня не все феминистки, идентифицирующие себя как радикальные, поддерживают исключение «транс»-людей из феминистского дискурса.

3 Ситникова Я. Трансфеминизм и радикальный феминизм: когда приватное ставит под вопрос публичное // Женщины в политике: новые подходы к политическому. 2013. № 3. С. 79.

4 Там же. С. 83.

5 Бовуар С. *Второй пол*. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. С. 336.

говорила о процессе превращения девочки в женщину под воздействием культурных представлений о женственности, которые «в основном формируются мужчинами и во многом в их интересах»⁶. Сток считает, что идея Бовуар – с подачи феминисток второй волны, которые развели понятия «гендер» и «пол», – была превратно понята современными гендерными исследовательницами, рассматривающими женщин и девочек как группу людей, на которых проецируется женская социальная роль, и приходит к такому выводу:

«Кажется, из этой точки зрения следует – как минимум, потенциально, что быть женщиной [*woman*] – не значит обязательно быть женщиной по рождению [*female*], как и для того, чтобы быть мужчиной [*man*] – не значит обязательно быть мужчиной по рождению [*male*]. Мужчина по рождению [*male*] может быть женщиной до тех пор, пока на него систематически проецируется – или скорее видимо, на нее – женская социальная роль. Таким образом, это, вероятно, открывает возможность для транс-женщин считаться женщиной – в буквальном смысле – до тех пор, пока она играет женскую социальную роль, подобно другим женщинам»⁷.

Именно с этой позицией Сток спорит на протяжении книги. Она утверждает, что биологический пол материален, бинарен и имеет социальную значимость, то есть влияет на то, как устроены социальные отношения между женщинами и мужчинами.

Важную часть «Материальных девочек» занимают размышления о социальном конструировании гендера. В качестве оппонентов Сток среди прочих выбирает Джудит Батлер и разбирает работы «Гендерное беспокойство» и «Тела, имеющие значения». Сток критикует якобы высказанные Батлер утверждения о том, что «категории мужского и женского не обладают никаким другим смыслом, кроме социального», что «в мире нет ничего вразумительного до тех пор, пока оно не будет упомянуто в языке», и что «язык не отражает того, что уже существовало»⁸.

Тем не менее в «Гендерном беспокойстве», помимо социального, разбирается роль культурного, лингвистического, политического и других аспектов в процессе конструирования гендера (но не пола). Что касается критики лингвистического подхода, рискнем предположить, что Сток имеет в виду следующее высказывание из «Гендерного беспокойства»:

«Области политической и языковой “репрезентации” заранее устанавливают критерии, по которым образуются субъекты, в результате чего репрезентация распространяется только на то, что может быть признано субъектом»⁹.

6 Сток К. *Material Girls. Why Reality Matters for Feminism*. London: Fleet, 2021. P. 14.

7 Ibid. P. 15.

8 Ibid. P. 54–55.

9 БАТЛЕР Дж. *Гендерное беспокойство. Феминизм и подрыв идентичности*. М.: V-A-C Press, 2022. С. 44.

По все видимости в тексте Батлер речь идет о критериях для языковой репрезентации, а не о языке как способе репрезентации. Например, для гендера, эти критерии будут делиться на две бинарные категории: феминность, конвенционально женственную красоту, наличие вагины и груди – для образования женского субъекта; маскулинность, силу, наличие пениса – для образования мужского субъекта.

Почему эти детали важны? Как они влияют на дискуссию между гендерно-инклюзивными и гендерно-критическими феминистками? Анализ, который предлагает Кэтлин Сток и который критикует исследования, позволяющие взглянуть на гендер не только как на материальность, но как на более сложную конструкцию, сформированную под влиянием различных дискурсов и предлагающие пересмотреть бинарную оппозицию, эпистемологически разрушает предложенные гендерно-инклюзивными исследовательницами возможности для тех, кто не желает и не может идентифицировать себя с одним из двух возможных в этой материальности гендеров.

Дискуссия о «транс»-людях – яркий пример того, как вопросы феминизма переходят из активистской среды на страницы академических изданий, которые затем обсуждаются публично, например, в социальных сетях, а эти дебаты в свою очередь становятся частью новых работ по гендерным исследованиям. Так, на своей страничке писательница Джоан Роулинг признавалась, что изучала работы Кэтлин Сток¹⁰. Действительно, тезисы первой воспроизводят идеи второй: критика идеи о социальном конструировании гендера, убеждение в его исключительной материальности и, наконец, позиция по поводу допуска «транс»-женщин в женские пространства. Интересно и то, что Джоан Роулинг знакома с работами Джудит Батлер. Хотя писательница не вступала в публичные споры с Батлер, но отзывалась о них в саркастической манере¹¹. Впрочем, для нас более интересным является тот факт, что в последней книге Батлер выделяется значительное место разбору позиции Джоан Роулинг, а заодно и Кэтлин Сток.

Работа «Кто боится гендера?» посвящена анализу антигендерной идеологии (в терминологии Батлер), представителями которой являются правые политики и популисты, религиозные организации и все, кто рассматривает гендер как некий «монолит, обладающий пугающей силой и влиянием»¹². В книге анализируются несколько кейсов последних лет, среди которых – движение британских гендерно-критических феминисток. Типичный для них тезис о том, что «транс»-женщины, по-

¹⁰ См.: https://x.com/jk_rowling/status/1796958424736874862.

¹¹ См.: https://x.com/jk_rowling/status/1854315757913657592.

¹² BUTLER J. *Who is Afraid of Gender?* New York: Farrar, Straus & Giroux, 2024. P. 6.

падая в женские тюрьмы, уборные и раздевалки, могут и/или совершают сексуализированное насилие (аргумент, к которому прибегает Сток в «Материальных девочках» и Роулинг в своих соцсетях) разбирается следующим образом: изнасилование является актом доминирования, который возникает из социальных отношений, утверждающих маскулинное господство и доступ к женским телам без согласия. Причина этого доминирования видится не в наличии пениса, а в отношениях власти в обществе и их влиянии на наши тела:

«Причина этого доминирования не является биологической; тело, скорее, организовано и пронизано действующими в нем отношениями власти. [...] Если целью является собственническое доминирование, для него хороши все средства. Жестокое желание не возникает из пениса, хотя иногда осуществляется с его помощью, но не по биологической необходимости, а скорее ради социального желания абсолютного доминирования (эта точка зрения когда-то принадлежала радикальному феминизму, а затем была присвоена биологическими редукционистами). Безусловно, нам было бы полезно лучше понять, как возникает это желание доминировать, о чем уже задумывалось множество феминисток до появления поколения TERF [гендерно-критических феминисток]»¹³.

Вместо исключения «транс»-людей из феминистского сообщества возможна другая стратегия: кооперация для совместного сопротивления антигендерному движению, целью которого являются не только ограничение прав «транс»-людей, но также – женщин, небелых, «квир»-людей и экономически не защищенных групп.

Иными словами, критика в адрес Кэтлин Сток и Джоан Роулинг связана с тем, что те проводят прямую связь между наличием пениса и потенциальной возможностью насильствовать и не пытаются разобраться в том, как распределение власти в обществе влияет на насилие в отношении женщин. Вместо исключения «транс»-людей из феминистского сообщества возможна другая стратегия: кооперация для совместного сопротивления антигендерному движению, целью которого являются не только ограничение прав «транс»-людей, но также – женщин, небелых, «квир»-людей и экономически не защищенных групп. Этой точки зрения придерживаются многие представительницы интерсекционального феминизма, тесно связанного с борь-

13 Ibid. P. 144.

бой за права небелых женщин, – например, Кимберли Креншоу и Сара Ахмед.

АНЯ КУЗНЕЦОВА

ФЕМИНИСТСКИЕ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРИИ,
ДЕБАТЫ

НЕБЕЛЫЙ ФЕМИНИЗМ И ДЕКОЛОНИАЛЬНАЯ ГЕНДЕРНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Вопросы, которые ставит небелый феминизм, пожалуй, одни из самых сложных для феминистского сообщества, что во многом обусловлено проблемой, которую подняла Гаятри Спивак в эссе «Могут ли угнетенные говорить?» (1988): субалтерны не только находятся в позиции угнетенных, но и лишены возможности говорить от себя. Желание белых феминисток репрезентировать и поддержать небелых женщин, пускай и идущее из хороших намерений, может оказаться проблематичным: начиная с непонимания потребностей небелых женщин и заканчивая чувством вины за свою «белость» (*white guilt*), которое переносит фокус с темы угнетения небелых женщин на ощущения белых людей. Проблематичным является и дискурс о «спасении» небелых женщин белыми феминистками. Этот вопрос рассматривает, например, Лила Абу-Лугод в книге «Нуждаются ли мусульманские женщины в спасении?» (2015), критикуя распространившийся образ «жертвы ислама», западный вокабуляр, который используется для описания их положения, а также военные вмешательства других государств «во имя спасения». Учитывая обозначенные выше сложности, попробуем рассмотреть ряд дискуссий внутри и вокруг небелого феминизма.

Для черного феминизма, зародившегося в кругах англоязычных чернокожих активисток и исследовательниц, одной из центральных проблем был и остается расизм и его связь с женским опытом. Этим вопросом занимались (а некоторые и продолжают заниматься) белл хукс, Анжела Дэвис, Кимберли Креншоу, Патриция Хилл Коллинз и другие. Становление многих пришлось на 1960–1980-е – период, когда чернокожее население США активно выступало против расовой сегрегации, физического и экономического насилия. Позже Креншоу предложила концепцию интерсекциональности, или теории пересечений¹⁴: используя метафору перекрестка, она писала о необходимости учета различных факторов угнетения – расы, класса, сексуальной ориентации и других, в то время как белый феминизм брал во внимание только гендер.

Со временем интерсекциональность вышла далеко за рамки черного феминизма. Однако сегодня теория пересечений является дискуссионной в академических кругах. Пока одни исполь-

14 CRENSHAW K. *Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color* // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43. № 6. P. 1241–1299.

зуют ее в качестве отправной точки своих работ – например, Сара Ахмед, писавшая, что «феминизм будет интерсекциональным или же станет чушью»¹⁵, – другие утверждают, что, становясь все более популярной, эта теория утратила свой изначальный смысл. Так, Рекия Джибрин и Сара Салем указывают, что теория пересечений стала зонтичным термином для различных, иногда противоречивых эпистемологий¹⁶. Это привело к тому, что интерсекциональными стали считаться в том числе исследования либеральных феминисток, которым изначально и противостоял черный феминизм. Воспроизводя политику идентичности, либеральный феминизм ставит знак равенства между расой и другими идентичностями, что критикуется, например, Мэри Моран и Джудит Батлер. В итоге процесс присвоения интерсекциональности либеральным феминизмом привел к «обелению» изначальной теории и повторной маргинализации черного феминизма, на что также указывала и сама Креншоу.

Ряд исследовательниц – например, Сирма Бильге – считают, что ответственность за деполитизацию интерсекциональности лежит на неолиберализме, который ее апроприировал: «радикальная политика, основанная на идентичности, часто становилась корпоративным инструментом разнообразия, используемым доминирующими группами для достижения различных идеологических и институциональных целей»¹⁷. Чандра Моханти указывает, что важную роль в этом процессе сыграла постмодернистская академия и те способы, которыми она отвлекает внимание от структурных форм угнетения:

«Знакомый постмодернистский аргумент, согласно которому “внутренние различия” всегда превосходят критический анализ доминирующих дискурсов, приводит к отказу выявить существование гегемонного феминизма, который оказывает систематическое воздействие на маргинализированные сообщества»¹⁸.

Возможной эпистемологической альтернативой могла бы стать деколониальная гендерная философия – область знания, развивающаяся в русле деколониального поворота. Ее цель – размежевание с колониальностью и колониальным знанием. По мнению деколониальных мыслительниц, колониальность связана с модернистской эпистемологией, а потому задача деколониального феминизма – в разрушении монополии западного феминизма на универсальное знание, отказ от принятия западных гендерных исследований как некоего абсолюта. Де-

15 AHMED S. *Living a Feminist Life*. Durham: Duke University Press, 2017. P. 8.

16 JIBRIN R., SALEM S. *Revisiting Intersectionality: Reflections on Theory and Praxis* // Trans-Scripts. 2015. Vol. 5 (https://cpb-us-e2.wpmucdn.com/sites.uci.edu/dist/f/1861/files/2014/10/2015_5_salem.pdf).

17 BILGE S. *Intersectionality Undone* // Du Bois Review: Social Science Research on Race. 2013. Vol. 10. № 2. P. 407.

18 MOHANTY C. *Transnational Feminist Crossings: On Neoliberalism and Radical Critique* // Signs. 2013. Vol. 38. № 4. P. 983.

колониальные феминистки проблематизируют исследования о небелом феминизме, основанные на западной методологии. Примером подобного исследования является работа Кумари Джайаурдены «Феминизм и национализм в третьем мире», которая повествует об истории женского движения в восточных странах. Автор опирается на европоцентричный подход, несмотря на то, что феминизм, о котором она пишет, не был просто заимствован на Западе, но развивался самостоятельно. Мадина Тлостанова пишет в этой связи:

«Такая критика категорий и установок западного феминизма не посягает на более всеохватные конструкты и фреймы современности, частью которых был западный феминизм и каковыми он обуславливался»¹⁹.

По мнению Тлостановой, деколониальный феминизм является основанием для объединения цветного феминизма²⁰. Это вовсе не означает универсализацию опытов, связанных с различными контекстами. Например, Мария Лугонес, одна из центральных для деколониального поворота исследовательниц, предлагает рассматривать каждый опыт изнутри той среды, в которой он существует. Лугонес вводит идею о «путешествии-в-мир», которое позволяет понять, как другие люди воспринимают нас и самих себя внутри собственного опыта. Этот подход позволяет узнать об опыте конкретного человека не с некой воображаемой объективной позиции, а как бы поставить или попытаться поставить себя на его или ее место:

«Рекомендуя “путешествие-в-мир” и идентификацию через “путешествие-в-мир” как форму любви к другим женщинам, я предлагаю быть нелояльными к высокомерному восприятию, в том числе высокомерному восприятию внутри нас самих, и его конструированию женщин. Говоря об агонистической игривости как несовместимой с “путешествием-в-мир”, я одновременно указываю на ее сходство с империализмом и высокомерным восприятием и на ее несовместимость с любовью и любящим взглядом»²¹.

Более детальное погружение в тему деколониального феминизма показывает, насколько сложным и неоднородным он является. Деколониальные феминистки проблематизируют необходимость овладевать западными теориями, чтобы быть услышанными, указывают на присвоение исследований цветного феминизма западными учеными, ставят вопрос о колониальном навязывании гендера и так далее.

19 Тлостанова М. *От феминизма третьего мира к деколониальной гендерной философии* // Вестник ТГЭУ. 2009. № 1. С. 108.

20 Там же. С. 112.

21 LUGONES M. *Playfulness, «World»-Travelling, and Loving Perception* // Hypatia. 1987. Vol. 2. № 2. P. 18.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ И ЛЕВЫЕ ЖЕНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Либеральный феминизм неоднократно критиковали представительницы различных женских движений. Радикальные и гендерно-критические феминистки, такие как Джули Биндел, упрекали либеральных феминисток в поддержке «транс»-людей, а также в том, что они рассматривают секс-работу не как угнетение и сексуализированное насилие, а как «расширение возможностей социальных структур»²².

Либеральный феминизм едва ли можно назвать однородным движением, однако многие либерально-феминистские интернациональные организации вроде «ООН-женщины», а также ряд организаций в Дании, Ирландии, Германии и других странах действительно считают борьбу с «трансфобией» своей задачей. Однако упрек либерального феминизма в поддержке секс-работы ошибочен. Известные либерально-феминистские организации – например, Национальная организация женщин, – как правило, выступают против секс-работы, хотя их взгляды на стратегии борьбы с ней различаются (в то время как радикальные феминистки призывают к полному запрету проституции). Борьбой за права секс-работниц исторически занималось не либеральное женское движение, а феминистки, придерживающиеся левых взглядов. Это происходит и сейчас: показательный случай, описанный в книге «Бунтующие проститутки: борьба за права секс-работниц», авторы которой Джуно Мак и Молли Смит, изначально стоявшие на позициях либерального феминизма, заинтересовались коммунистическими идеями после того, как стали секс-работницами. В своей книге они критикуют феминисток, чьи взгляды направлены против проституции, и приводят доказательства, что криминализация, как и скандинавская модель, не только не улучшают жизнь секс-работниц, но и повышают риски вымогательства, насилия и в целом угрожают их безопасности.

Более конструктивную критику либерального феминизма можно услышать со стороны небелого феминизма – об этом мы писали выше. Важной также является критика, исходящая от левых женских движений. Хотя они разнообразны и придерживаются разных стратегий, но сходятся в том, что оспаривают основы, на которых базируется либеральный феминизм: стремление к равноправию с помощью правового и институционального регулирования, которое, в конечном счете, сводится к борьбе с мужчинами за власть. Кроме того, либеральный феминизм, по мнению левых феминисток, является поверхност-

22 BINDEL J. *Liberal Feminism Has Failed Women* (www.aljazeera.com/opinions/2020/11/16/feminisms-second-wave-has-failed-women).

ным, поскольку не прибегает к классовому анализу и репрезентирует интересы лишь одной группы женщин (как правило, белых из среднего класса). В 2017 году против либерального феминизма в США выступило движение «Феминизм для 99%». Авторы его манифеста, левые феминистки и исследовательницы Чинция Арруцца, Тити Бхаттачарья и Нэнси Фрэйзер, порицали либерально-феминистские движения за их служение лишь 1% женщин, которые получили независимость, благодаря хорошей зарплате и успешной карьере, и призывали к этому других, в то время как подавляющее большинство женщин из-за более маргинализованного положения не имели доступа к таким ресурсам.

АНЯ КУЗНЕЦОВА

ФЕМИНИСТСКИЕ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРИИ,
ДЕБАТЫ

Воспроизводя политику идентичности, либеральный феминизм ставит знак равенства между расой и другими идентичностями. В итоге процесс присвоения интерсекциональности либеральным феминизмом привел к «обелению» изначальной теории и повторной маргинализации черного феминизма.

Прежде, чем перейти к проблемам, которыми занимаются современные левые феминистки, стоит сделать оговорку о разнообразии этого движения. Упрощая категоризацию, можно было бы сказать, что основные направления внутри левого феминизма – это марксистский, социалистический и анархо-феминизмы. Тем не менее ряд феминисток, оставаясь в рамках небелого феминизма, прибегают к марксистской и/или анархистской оптике для комплексного анализа угнетения – и, наоборот, левые феминистки выступают за солидаризацию с представительницами небелого феминизма. Сложным остается и вопрос различия между марксистским и социалистическим феминизмами. Исследовательница Нэнси Холмсторн пишет:

«То, какое слово мы выберем для самоидентификации, во многом зависит... от политического контекста, в котором мы находимся, и дебатов, в которых мы участвуем, а также от того, как мы понимаем эти категории. Таким образом, один и тот же лейбл может не подразумевать одного и того же анализа, а разные лейблы могут не подразумевать разных анализов»²³.

В этой связи далее будут указываться названия, использованные в рассматриваемых работах.

23 HOLMSTROM N. *Feminisms of the Left* // New Politics. 2016 (https://newpol.org/issue_post/feminisms-left/).

Важным событием для исследовательниц, работающих с марксистской и феминистской теориями, стало переиздание в 2013 году книги Лизы Фогель «Марксизм и угнетение женщин». Изначально она была опубликована почти тридцать лет назад и не получила должного внимания, однако стала актуальной с возрождением антикапиталистического движения. Проводя ревизию трудов Маркса, Фогель отводит важную роль вопросу о воспроизводстве рабочей силы, которое осуществляется в том числе путем деторождения. Производство товаров и услуг и производство рабочей силы тесно связаны, хотя эта связь довольно сложная и противоречивая. Капиталистам нужна рабочая сила – это необходимое условие производства стоимости, а рабочие в свою очередь нуждаются в зарплате и социальных услугах для удовлетворения потребностей. Развивая мысль Фогель, исследовательница Сьюзан Фергюсон пишет:

«В этом есть противоречие, потому что капиталисты должны – чтобы оставаться конкурентоспособными – создавать условия, при которых удовлетворение человеческих потребностей подчинено накоплению. Они должны сдерживать и контролировать заработную плату и социальные расходы, которые идут на обновление рабочей силы и самой жизни»²⁴.

К этой концепции обратилась еще одна марксистская феминистка – Сильвия Федеричи. В работе «Патриархат заработной платы» она предлагает рассмотреть гендерные идентичности как идентичности рабочих (так как женщины занимаются (вос)производством рабочей силы), а гендерные отношения как производственные. Этот подход не только дополняет теорию Маркса, который не обратил внимания на роль репродуктивного труда, но и дает новые возможности для классовой борьбы. Впрочем, здесь стратегии левых феминисток разнятся. Федеричи считает, что в случае, когда мужчины соглашаются занимать позицию государства по отношению к женщинам, классовая борьба может вестись и внутри пролетариата, внутри семьи, поскольку, «чтобы сражаться с капитализмом, мы должны были бороться с нашими собственными мужьями и отцами»²⁵. Лиза Фогель говорит о том, что выбор способа сопротивления может носить личный характер:

«Женщины могут отказаться оставаться дома, чтобы рожать и воспитывать детей. [...] Женщины и мужчины могут объединиться для защиты существующих форм своих институтов семейной жизни»²⁶.

24 ФЕРГЮСОН С. *Социальное воспроизводство: в чем ключевая идея?* (<https://altleft.org/2024/08/socialnoe-vosproizvodstvo-v-chem-kljuchevaja-ideja/>).

25 ФЕДЕРИЧИ С. *Патриархат заработной платы*. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 69.

26 ФОГЕЛЬ Л. *Марксизм и угнетение женщин*. М.: Напильник, 2023. С. 244.

Еще одна исследовательница, занимающаяся теорией социального воспроизводства, Тити Бхаттачарья, указывает на важность комплексной борьбы:

«В организациях, в которых мы боремся за заработную плату (например в наших профсоюзах), нам необходимо поднять вопрос репродуктивной справедливости; а в организациях, где мы боремся с сексизмом и расизмом, необходимо поднять вопрос о заработной плате»²⁷.

Однако есть и общая тенденция. Бхаттачарья и другие левые феминистки сходятся во мнении, что споры о первостепенной важности класса или гендера бессмысленны. Исследовательница Чинция Арруцца пишет:

«Дело не в том, что важнее, класс или гендер, а в том, каким образом гендер и класс переплетаются в капиталистическом производстве и отношениях власти, формируя комплексную реальность. Не слишком важно, да и не слишком полезно пытаться свести все это к простой формуле. Дело в том, каким образом класс и гендер могут быть соединены в политическом проекте, который действовал бы, избегая двух зеркальных опасностей: искушения смешивать две реальности, считая гендер классом или класс гендером, и искушения сводить отношения власти и отношения эксплуатации к микроуровню и не видеть ничего, кроме ряда отдельных угнетений, которые невозможно включить в отчетливый освободительный проект»²⁸.

Изнутри левого женского движения марксистский феминизм критикуется анархо-феминистками за риск экономического редукционизма, поскольку может сводиться исключительно к анализу экономического положения. Так, Кьяра Боттичи считает²⁹, что альянс феминизма с анархизмом мог бы стать куда лучшей альтернативой «несчастливому браку марксизма с феминизмом», поскольку анархизм ориентирован на преодоление всех форм господства. О тенденции критического дистанцирования от догматического марксизма также пишет Мария Рахманинова, хотя и указывает на сближение анархизма и постмарксизма «на почве новой антропологии, рефлексии о психоанализе и, собственно, дрейфа постмарксизма влево»³⁰.

АНЯ КУЗНЕЦОВА

ФЕМИНИСТСКИЕ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРИИ,
ДЕБАТЫ

27 BHATTACHARYA T. *What is Social Reproduction Theory?* (<https://marxismocritico.com/2017/10/17/what-is-social-reproduction-theory/>).

28 АРРУЦЦА Ч. «Несчастливый брак марксизма с феминизмом»: битва за то, какое угнетение главное, подходит к концу // Открытая левая. 2016. 15 сентября (<http://openleft.ru/?p=8472>).

29 BOTTECHI C. *Bodies in Plural: Towards an Anarcha-Feminist Manifesto* // Thesis Eleven. 2017. Vol. 142. № 1. P. 91–111.

30 РАХМАНИНОВА М. *Власть и тело*. М.: Радикальная теория и практика, 2020. С. 170.

Разумеется, круг феминистских дискуссий намного шире. Дебаты ведутся среди киберфеминисток, экофеминисток, постмодернистских феминисток и многих других. Вопросы касаются определения женского субъекта, методологии исследований, а также феминистского праксиса. Несмотря на то, что общей целью является борьба с гендерным неравенством, каждое движение внутри феминизма видит разные причины его существования и предлагает свои стратегии сопротивления.

Стоит также отметить, что нередко гендерные исследования существуют не как набор эпистемологий, но как методологии, на которые опираются исследовательницы в различных областях гуманитарного знания. Можно говорить о «феминистской оптике» или «феминистском подходе», который применяется к конкретному полю – будь то история, литература, кинематограф, социология и так далее. Речь идет не столько о программных статьях для каждой из указанных областей (например работах Элен Сиксу или Лоры Малви), сколько об использовании предложенных в них концепций для анализа или же о выборе предмета исследования по гендерезированному принципу (например литературоведческий анализ текстов, написанных только женщинами).

Женский вопрос в Исландии: история, особенности, уроки

ЕВГЕНИЙ
ПАНКОВ

24 октября 2023 года стало редким днем, когда на лентах новостных агентств всего мира появились новости из Исландии: тысячи местных женщин объявили забастовку и отказались выходить на работу, требуя соблюдения своих прав и обеспечения гендерного равенства на рынке труда, а улицы Рейкьявика заполнили протестующие. При этом Исландия уже на протяжении многих лет возглавляет рейтинги, являясь наряду с другими североевропейскими обществами образцом эффективной борьбы за равноправие мужчин и женщин¹.

Даже если принять во внимание все оговорки относительно того, что опыт одних обществ не может быть слепо скопирован другими, опыт исландок может научить многому. Какие же уроки можно извлечь из истории борьбы исландских женщин за равноправие?

Евгений Сергеевич
Панков (р. 2000) –
аспирант МГИМО МИД
России.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Многим исследователям женского вопроса сложно удержаться от соблазна задать вопрос: «В каких странах женщины раньше получили гражданские и политические права на законодательном уровне?». Пример Исландии показывает: изменение правовой базы для устранения барьеров на пути к активному вовлечению женщин в политическую жизнь общества само по себе не ведет к качественному изменению места женщины в этом социуме.

Так, спорадические проявления борьбы за права женщин в Исландии заметны уже во второй половине XIX века, когда остров находился под властью Дании. В то время в структуре производства доминировало сельское хозяйство (животноводство и рыболовство), что отражалось на характере социальных отношений и гендерной структуре рынка труда. Если жены рыбаков обладали некоторой степенью автономии и независимости в ведении домашнего хозяйства ввиду частого отсутствия их мужей дома (при этом исследователи проводят различия между ролью женщины в семьях владельцев маленьких лодок,

¹ WORLD ECONOMIC FORUM. *Global Gender Gap Report 2023*. P. 11 (www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023/).

которые возвращались домой по вечерам, и в тех семьях, где мужчины отправлялись в многодневные плавания²), то в сфере овцеводства и заготовки кормов, как правило, не было каких-либо различий в характере выполняемых мужчинами и женщинами работ. С одной стороны, это способствовало утяжелению физического бремени, возлагаемого на женщину как участника производственных отношений; с другой, способствовало повышению ее социального статуса ввиду значительного вклада в производство конечного продукта.

Изменение правовой базы для устранения барьеров на пути к активному вовлечению женщин в политическую жизнь общества само по себе не ведет к качественному изменению места женщины в этом социуме.

Вследствие этого именно обеспечение благосостояния жен фермеров было объектом внимания первых организаций и движений, возникших на локальном уровне – в 1869 году в Ска-гафьорде³ и в 1874-м в Свиनावатнсхреппуре⁴. Примечательно, что расширение социальных или политических прав женщин не было целью этих организаций – речь шла исключительно о поддержке оказавшихся в тяжелом экономическом положении домохозяйств.

В это же время начинается деятельность одной из первых исландских феминисток Бриет Бьярнхьединсдоуттир (1856–1940): ее первым достижением стало открытие школы для девочек в Рейкьявике в 1874 году. Инициировав выпуск первых изданий на соответствующую тематику – «Женская газета» («Kvennablaðið») и «Прогресс» («Framsókn»), – Бриет отмечала:

«Образование женщины – это главная предпосылка всякого процветания в семейной жизни и, следовательно, один из двигателей общественного прогресса»⁵.

Во многом рост популярности женской проблематики был результатом импорта идей из Северной Америки (с конца XIX века

2 SKAPTADÓTTIR U.D. *Housework and Wage Work: Gender in Icelandic Fishing Communities* // PÁLSSON G., DUR-RENBERGER E.P. (Eds.). *Images of Contemporary Iceland: Everyday Lives and Global Contexts*. Iowa City: University of Iowa City, 1996. P. 93.

3 Здесь и далее исландские имена собственные переданы в соответствии с: БЕРКОВ В.П. *О передаче исландских собственных имен* // Скандинавский сборник. 1959. Вып. 4. С. 206–215.

4 KRISTMUNDSDÓTTIR S.D. *Doing and Becoming: Women's Movements and Women's Personhood in Iceland, 1870–1990*. Reykjavík: University of Iceland, 1997. P. 29.

5 HALLDÓRSÓTTIR E.H. *Earning One's Living. Debates on Femininity in Iceland in the 1880s* // LAMBROPOULOU D., YANNITSIOTIS Y., SALVATERRA S. (Eds.). *Rhetoric of Work*. Pisa: Pisa University Press, 2008. P. 46.

в Канаде и США начала образовываться значительная по численности исландская диаспора, представители которой сохраняли связи с островом) и континентальной Европы: Бриет и десятки ее соратниц происходили из среды сельской интеллигенции и поддерживали связи с теми представителями молодежи, которые учились в европейских университетах, в первую очередь – в Копенгагене. Как правило, это были мужчины из состоятельных семей, составлявшие образованное меньшинство, поэтому их идеи не снискали масштабной популярности в аграрном обществе. Многие женщины довольствовались внутрисемейным статусом «королевы в собственном жилище» – именно так описывали роль женщин в семье консервативные газеты на рубеже XIX–XX веков, выступая против расширения их политических прав⁶.

Однако идеи прогрессивного меньшинства все же нашли институциональное выражение: под их влиянием в 1894 году была создана Исландская ассоциация женщин – первая организация, чья деятельность была нацелена на расширение политических прав исландок.

Отметим, что именно нахождение под властью датской монархии обусловило стремительное расширение правовых основ регулирования общественного статуса женщины в Исландии в начале XX века: помимо того, что принятие законов об изменении избирательного законодательства требовало одобрения со стороны датского короля, многие правовые инициативы в этой сфере были мотивированы соответствующими тенденциями в метрополии. Так, в 1907–1909 годах избирательное право на местном уровне получили женщины, выплачивающие налоги, а в 1911-м все женщины получили равный с мужчинами доступ к высшему образованию и руководящим должностям. В 1915-м исландки старше 40 лет – одновременно с датчанками – получили возможность участвовать в парламентских выборах. В 1920-м – через два года после того, как Исландия обрела автономию во внутренней политике, – возрастной ценз был значительно снижен, а имущественный – окончательно упразднен, поэтому избирательное право получили все совершеннолетние жительницы Исландии.

Эти меры принесли значимые результаты на местном уровне. Женские избирательные списки на муниципальных выборах в Исландии пользовались большей популярностью, чем в других странах Северной Европы.

ЕВГЕНИЙ ПАНКОВ

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС
В ИСЛАНДИИ: ИСТОРИЯ,
ОСОБЕННОСТИ, УРОКИ

6 GÚSTAFSDÓTTIR G., MATTHÍASDÓTTIR S., EINARSDÓTTIR Þ. *The Development of Icelandic Womanhood at the Turn of Two Centuries: From Motherly Nature to Sex Appeal*. Reykjavík: Félagsvísindastofnun Háskóla Íslands, 2010. P. 4.

Доля голосов, отданных за кандидатов от женских политических движений на местных выборах в Исландии в начале XX века⁷.

Избирательный округ	Год	Доля голосов
Рейкьявик	1908	21,3%
	1910	20,8%
	1912	21,5%
	1914	1,7%
	1916	0,1%
Акюрейри	1910	8%
	1911	16,7%
	1921	29,3%
Сейдисфьордур	1910	36,3%

Для сравнения: в то же время аналогичные избирательные списки в Дании, Швеции и Норвегии не пользовались популярностью среди избирателей: женским движениям там не удавалось провести своих кандидатов в местные собрания.

Тем не менее стремительное снижение правовых барьеров для участия женщин в политической жизни острова принесло скромные результаты на национальном уровне: исландка впервые получила мандат в национальном парламенте лишь в 1922 году – это была Ингибьерг Бьярнасон. Долгое время она оставалась там единственной женщиной и, таким образом, единственной исландкой в органах государственной власти на общенациональном уровне. В то же время в других странах Северной Европы участие женщин в национальной политике было более заметным: в 1924-м женщина заняла пост министра образования в Дании, в 1926-м – министра социального обеспечения в Финляндии⁸.

Более показательным примером является крайне медленное изменение статуса женщин в сфере высшего образования. В частности, если на правовом уровне гендерное равенство было гарантировано еще в 1911 году, то фактически первая женщина-бакалавр теологии появилась в Исландии лишь в 1945-м, вторая – в 1962-м. Тогда же женщина, еще даже не будучи рукоположенной, впервые провела церковную службу, но лишь в 1974-м на острове появилась женщина-пастор. Диплом археолога первая исландка получила в 1950-м⁹. Наконец, первая женщина с высшим юридическим образованием тоже появилась в Исландии значительно позже, чем был принят закон, наделяющий исландок такой возможностью, – лишь в 1935-м.

⁷ KRISTMUNDSDÓTTIR S.D. *Op. cit.* P. 34.

⁸ SKARD T. *Women in the Political Life of the Nordic Countries* // International Social Science Journal. 1983. Vol. XXXV. P. 655 (<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000057963>).

⁹ *Fyrsti Íslendingurinn sem tekur próf í fornleifafræði: viðtal við Ólafíu Einarasdóttur* // Melkorka. 1950. October 1.

Так, темпы трансформации правовых основ регулирования статуса женщины в обществе значительно опережали скорость реального изменения социального статуса исландок: преобразовать «воображаемые» правовые нормы было намного легче, чем более устойчивые социальные связи в условиях доминирования первичного сектора в национальном хозяйстве и соответствующего ему распределения гендерных ролей.

В результате большой локальный потенциал женского движения в начале XX века не был преобразован в какие-либо значимые успехи на общенациональном уровне. В этой связи декларативное расширение прав исландских женщин и рост популярности гендерной повестки в начале XX века закономерно сменились заметным откатом в конце 1920-х, когда популярность идей исландских суфражисток пошла на спад. Показательно, что за весь период с 1915-го по 1971 год среди депутатов парламента Исландии было лишь девять женщин¹⁰.

ЕВГЕНИЙ ПАНКОВ
ЖЕНСКИЙ ВОПРОС
В ИСЛАНДИИ: ИСТОРИЯ,
ОСОБЕННОСТИ, УРОКИ

«ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ОТКАЗАТЬ СОЛДАТУ...»

Символом отката в расширении прав женщин стало событие, которое вошло в историю Исландии как «ситуация» (*ástandid*).

Во время Второй мировой войны страну оккупировали британские войска: высадку на остров они осуществили в мае 1940 года – вскоре после того, как Адольф Гитлер захватил Данию, метрополию Исландии. Ввиду того, что в 1941-м стратегическое положение британских войск в Норвегии начало стремительно ухудшаться, Лондон и Рейкьявик были вынуждены прибегнуть к помощи США, которые также были заинтересованы в укреплении безопасности североатлантических путей снабжения Европы военными грузами из Северной Америки¹¹. Вследствие этого совместно со значительно сократившимся британским контингентом на острове были размещены американские военные: во время войны, помимо 130 тысяч исландцев, там находились около 60 тысяч американских солдат¹².

В этнически гомогенном исландском обществе прибытие большого количества иностранных мужчин было воспринято как угроза сохранению национальной идентичности и самобытности исландцев. «Ситуация» – это закрепившийся в ис-

10 GÚSTAFSDÓTTIR G., MATTHÍASDÓTTIR S., EINARSDÓTTIR Þ. *Op. cit.* P. 2.

11 Воротников В.В., Панков Е.С. Трансформация подхода США к определению границы Западного полушария в Северной Атлантике накануне размещения вооруженных сил в Исландии в 1941 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 8(130). С. 10–12.

12 INGIMUNDARSON V. *Immunizing against the American Other* // Journal of Cold War Studies. 2004. Vol. 6. № 4. P. 65.

торической науке эвфемизм, который используется для обозначения явления, суть которого состояла в том, что местные девушки, вступавшие в близкие отношения с иностранными военными, сталкивались с общественным осуждением. Примечательно, что под давлением электорального фактора правительство неприкрыто осуждало женщин, встречавшихся с американцами, – в унисон высказывались и крупнейшие газеты¹³. По инициативе политического руководства страны был создан специальный «Комитет морали», чья деятельность была направлена на решение возникшей «ситуации», однако никаких значимых результатов его работа не принесла. Тем не менее жертвами общественного давления стали сотни исландок. Рассекреченные документы свидетельствуют даже об организованной правительством кампании по скрытому наблюдению за женщинами¹⁴.

Американские власти предпринимали активные попытки сгладить это противоречие и пропагандировали среди местного населения положительный образ военного США. Так, через год после размещения американских войск в Исландии в США был снят киномюзикл «Исландия» (1942). Магистральная линия сюжета описывает романтические отношения между американским моряком и исландской девушкой, которая, находясь под впечатлением от солдатской выправки и военной формы, прекращает отношения с местным молодым человеком, а благополучное развитие отношений между главными героями сопровождается рефреном: «Ты не можешь отказать солдату» («You can't say no to a soldier»):

Ты не можешь отказать солдату,
Статный он морпех или новобранец.
Ты не можешь отказать солдату,
Если он зовет тебя на танец.
Если ждет его войны туман,
Он имеет право на роман.

Так где же твоя пудра и помада?
Веди себя красиво и покорно.
И если он не в твоём вкусе – полно!
Целуй его, лишь как сестра целует брата¹⁵.

Несмотря на относительный успех фильма среди американской аудитории, исландцы восприняли его резко негативно. В октябре 1942 года американская газета «The New York Times» писала:

¹³ См., например: Verkamaðurinn. 1940. October 12; Morgunblaðið. 1940. May 12. Bls. 6.

¹⁴ WHITENEAD P. *Ástandið og yfirvöldin: stríðið um konurnar, 1940–1941* // Saga. 2013. 2 tölublað. Bls. 92–93.

¹⁵ Joan Merrill – *You Can't Say No to a Soldier* (www.youtube.com/watch?v=ZmAppg4fodg). Перевод автора.

«По сообщениям из Исландии, добрые жители этого северного острова испытывают сильную неприязнь к компании “20th Century Fox”. Вернее, объектом их недовольства стал новый музыкальный фильм этой студии – “Исландия”, который, по их мнению, неверно отражает характер и национальный уклад жизни исландцев»¹⁶.

ЕВГЕНИЙ ПАНКОВ
ЖЕНСКИЙ ВОПРОС
В ИСЛАНДИИ: ИСТОРИЯ,
ОСОБЕННОСТИ, УРОКИ

Если в приведенной выше песне слушательницам предлагается потанцевать с американскими военными, то однажды в городе Акюрейри исландки, отправившиеся на танцевальный вечер с иностранными военнослужащими, подверглись осуждению: список посетивших это мероприятие девушек был опубликован в газете «*Verkamaðurinn*»¹⁷.

Таким образом, в результате размещения иностранных войск на территории острова – и начавшейся кампании за «сохранение исландской идентичности» – положение женщин в Исландии оказалось значительным образом осложнено. Примечательно, что стигматизация женщин, вступавших в отношения с иностранными военными, продолжалась и после окончания войны – об этом свидетельствуют путевые заметки советского писателя Геннадия Фиша, один из местных собеседников которого острил: «У нас говорят, что в Исландии с американскими военными разговаривают только проститутки и министры!»¹⁸.

ВТОРАЯ ВОЛНА ФЕМИНИЗМА

Борьба исландских женщин за гражданские и политические права на всем протяжении XX века отличалась подчеркнуто мирным характером: неприятие насилия как средства достижения целей – константа политической культуры не имеющей собственной армии Исландии. В этой связи протестный потенциал исландских активисток находил выражение в массовых демонстрациях и уникальных перформансах.

В 1970-е стремительный рост популярности идей гендерного равенства в Исландии – это был пик накрывшей весь западный мир второй волны феминизма – придал импульс протестной активности исландцев. Особую роль здесь играл высокий мобилизационный потенциал немногочисленного населения страны, более 80% которого (с 1960 года и позже) проживают в Рейкьявике.

Крупнейшим событием стала национальная забастовка 24 октября 1975 года: около 90% трудоустроенных женщин по всей стране не вышли на рабочие места, а число протестующих на

16 “Iceland” Starring Sonja Henie, Romantic Film Picturing U.S. Expeditionary Troops, Opens at the Roxy Theatre // The New York Times. 1942. October 15.

17 BjörgúlfSDóttir H.D. *The So-Called “Circumstances” in Iceland during World War II* (www.yourfriendinreykjavik.com/the-so-called-circumstances-in-iceland-during-world-war-ii).

18 Фиш Г. *Здравствуй, Дания! Отшельник Атлантики. У шведов*. М.: Советский писатель, 1977. С. 425.

улицах столицы достигло 25 тысяч человек¹⁹. Фактически оказалась парализована работа всех предприятий и учреждений страны, в то время как тысячи мужчин столкнулись с неудобствами и у себя дома из-за того, что женщины отказались выполнять традиционные для них домашние обязанности: вести детей в детский сад, готовить еду, делать уборку. Движущей силой массового протеста стала организация «Красные чулки» – местное отделение международного объединения феминисток²⁰.

Помимо многочисленных – как по географическому охвату, так и по числу участников – протестных акций, отрицание насилия в качестве инструмента политической борьбы заставляет исландок творчески подходить к выражению своих взглядов. Приведем лишь несколько наиболее показательных примеров.

Так, во время одного из заседаний совета Рейкьявика упоминавшаяся Бриет Бьярнхьединсдоуттир оказалась недовольна ходом дискуссии и, стремясь сорвать его, начала выразительно зевать. Ввиду того, что это действие оказалось заразительным, заседание пришлось приостановить и продолжить уже в другой день²¹.

В 1970-е, стремясь выразить недовольство сексуальной объективацией женщин, исландские активистки привели на конкурс красоты «Мисс Исландия» в городе Акранесе наряженную корову²². Это событие стало одной из ключевых причин того, что проведение подобных мероприятий было приостановлено по всей стране.

Одной из первых публичных акций движения «Красные чулки» стала демонстрация 1 мая 1970 года – тогда участницы организации вышли на акцию в честь Международного дня труда с большой фигурой женщины, украшенной бантом и надписью «Человек, а не товар»²³.

Высокий уровень несистемной политической активности женского населения в 1970-е может быть связан с низким уровнем представленности женщин в крупнейших политических партиях. В частности, до 1983 года доля женщин в альтингге (национальном парламенте) не превышала 5%, в то время как в других странах Северной Европы этот показатель держался на уровне около 30%. В 1971–1983 годах место в национальном парламенте получили лишь три женщины²⁴.

19 GLOBAL NONVIOLENT ACTION DATABASE. *Icelandic Women Strike for Economic and Social Equality, 1975* (<https://nvdatabase.swarthmore.edu/content/icelandic-women-strike-economic-and-social-equality-1975>).

20 *Ask an Historian: The Legacy of Iceland's Red Stocking Women* // The Reykjavík Grapevine. 2020. April 30.

21 DURRENBERGER E. P. *The Antropology of Iceland*. Iowa City: University of Iowa Press, 1989. P. 85.

22 Morgunblaðið. 1972. September 12. Bls. 2.

23 KRISTMUNDSDÓTTIR S. D. *Op. cit.* P. 101.

24 ÞORVALDSDÓTTIR Þ. H. *The Gender-Equal North: Icelandic Images of Femininity and Masculinity* // ÍSLEIFSSON S. R., CHARTIER D. (Eds.). *Iceland and Images of the North*. Québec: Presses de l'Université du Québec; Reykjavík: The Reykjavík Akademy, 2011. P. 420.

Нестандартное выражение протеста внесло значимый вклад в достижение практических результатов. В 1975 году в Исландии было узаконено искусственное прерывание беременности. В следующем году альтинг принял специальный закон, уравнивающий мужчин и женщин в правах во всех сферах общественных отношений.

Таким образом, «мягкие» способы борьбы за обеспечение равенства мужчин и женщин в Исландии оказывались вполне действенными, когда им сопутствовало использование неординарных методов выражения протеста. Благодаря им, исландкам удавалось компенсировать низкий уровень представленности женщин в национальном парламенте, руководящих органах крупнейших партий и, используя прямое давление на правительство, претворять в жизнь требования об обеспечении гендерного равенства.

Феномен Вигдис

На волне подъема женского движения в Исландии не такой уж удивительной оказалась победа Вигдис Финбогадоуттир на президентских выборах 1980 года. Вигдис – разведенная женщина, воспитывавшая приемного ребенка, – смогла одержать победу над тремя мужчинами, не используя при этом феминистских лозунгов: во время предвыборной кампании она дистанцировалась от радикальных активисток и подчеркнуто сдержанно высказывалась о женском вопросе. Несмотря на сильно ограниченные полномочия президента в конституционной системе Исландии, Вигдис, занимавшая этот пост на протяжении шестнадцати лет, до сих пор остается символом сильной женщины, которая «сделала себя сама» и, таким образом, укрепила позиции женщин в политической системе страны.

Дополнительную популярность Вигдис приобрела благодаря остроумным ответам на вопросы журналистов, пытавшихся обратить внимание аудитории на пол политика. Так, когда очередной репортер спросил Вигдис, скажется ли операция по удалению молочной железы на качестве проделываемой политиком работы, она заявила: «Я не собираюсь кормить исландцев грудью. Я собираюсь стать их президентом»²⁵. На вопрос другого журналиста, стремившегося связать популярность Вигдис с ее полом, исландка ответила: «Я выиграю не из-за того, что я женщина, а из-за того, что я человек»²⁶.

25 BJARNASON E. *How Iceland Changed the World: The Big History of A Small Island*. London: Penguin Books, 2021. P. 154.

26 *Vigdís Finnbogadóttir 90th Birthday* (www.youtube.com/watch?v=ztQkKL6f4IE). Ответ политика основывался на игре слов: в исландском языке нет разницы между словами «человек» и «мужчина» (*maður*).

Если, говоря о начале своей работы на президентском посту, сама Вигдис шутливо отмечала, что «мало какой мужчина того поколения одобрил бы политические амбиции своей жены»²⁷, то к концу 1980-х участие женщин в политической жизни страны стало элементом повседневности. Именно в это время «женские» электоральные списки начали пользоваться популярностью на национальном уровне. На парламентских выборах 1987 года женское движение получило 10% голосов избирателей, а его представительницы – шесть мест в альтинге. Опросы общественного мнения свидетельствовали, что наибольшую популярность партия «Женский альянс» имела среди женщин – 22% против 5% у мужчин – и молодежи: в возрастной группе 18–23 лет ее сторонников было 13%, в группе 24–29 лет – 16%, 30–39 лет – 17% (тогда как в группе 40–49 лет – 11%, а в группе 50–80 лет – 8%)²⁸.

При этом в условиях стремительной эмансипации женщин Исландия оставалась в числе европейских стран с наиболее высоким, хотя и снижающимся показателем рождаемости: в 1960 году он составил 4,29 детей на одну женщину, в 1970-м – 2,8, а в 1980-м – 2,2²⁹. Тем не менее на всем протяжении этого периода и до настоящего времени ежегодно число рожденных исландцев неизменно превышает количество умерших³⁰. Отчасти это может быть связано с тем, что рост вовлеченности женщин в политический процесс на общенациональном уровне привел к повышению качества государственной поддержки молодых матерей, а также к принятию нормативно-правовых актов, гарантирующих выплаты материнских пособий семьям с детьми³¹.

Необходимо отметить, что важной чертой политического стиля Вигдис Финбогадоуттир стала подчеркнутая женственность и элегантность. С тех пор такой подход является одной из констант политической культуры Исландии. В частности, стилю первой женщины-президента Исландии был присущ тщательный подбор предметов гардероба: элегантные дамские шляпки и цветные пальто. Такой подход сближает ее с Маргарет Тэтчер – они одновременно играли ведущие роли в политической жизни своих стран и неоднократно встречались.

Заложенную Вигдис Финбогадоуттир традицию сознательно-го отказа от эксплуатации женственности и подчеркнутой сек-

27 BJARNASON E. *Op. cit.* P. 156.

28 HARDARSON Ó.T., KRISTINSSON G.H. *The Icelandic Parliamentary Election of 1987* // *Electoral Studies*. 1987. Vol. 6. № 3. P. 231.

29 WORLD BANK. *Fertility Rate, Total (Births per Woman) – Iceland* (<https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?locations=IS>).

30 MACROTRENDS. *Iceland Birth Rate 1950–2023* (www.macrotrends.net/countries/ISL/iceland/birth-rate).

31 KISSMAN K. *Social Support, Parental Belief Systems, and Well Being* // *Youth and Society*. 1989. Vol. 21. № 1. P. 123.

ЕВГЕНИЙ ПАНКОВ

**ЖЕНСКИЙ ВОПРОС
В ИСЛАНДИИ: ИСТОРИЯ,
ОСОБЕННОСТИ, УРОКИ**

Илл. 1. Вигдис Финбогадоуттир в национальном свитере после победы на выборах 1980 года³³.

Илл. 2. Катрин Якобсдоуттир в национальном свитере во время встречи с канадским премьер-министром Джастином Трюдо, 2023 год³⁴.

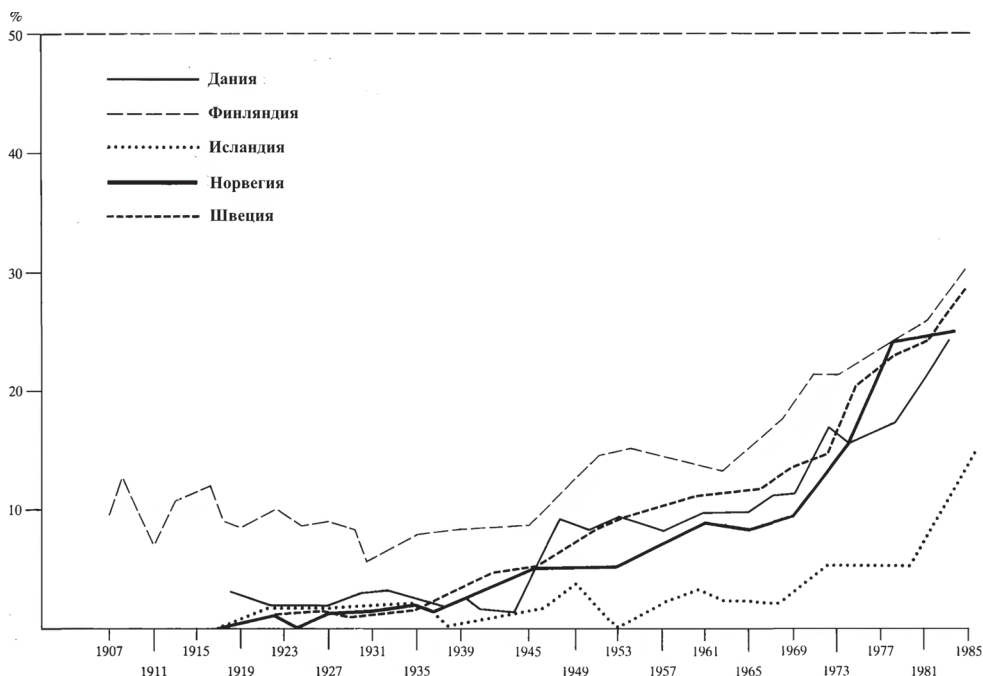
суальности в политических целях продолжила Катрин Якобсдоуттир (премьер-министр в 2017–2024 годах). Часто она появлялась на публике в национальном свитере лопапейса – даже на официальных мероприятиях в Исландии и за рубежом. В этом она очевидно подражает первой женщине-президенту (илл. 1, 2): одержав победу на выборах 1980 года, Вигдис вышла к журналистам в свитере, который связала для нее одна из избирательниц³². Кроме того, в отличие от некоторых своих североευропейских коллег, Катрин никогда не использовала вызывающей одежды, чтобы привлечь внимание избирателей-мужчин. Аналогичного подхода придерживались и другие жен-

32 DONLAN K., ARMSTRONG J. *The Lopapeysa: A Vehicle to Explore the Performance of Icelandic National Identity*. Wellesley: Wellesley College, 2016. P. 46.

33 Источник: <https://pbs.twimg.com/media/CCnqbEbWEAAEjt1?format=jpg&name=4096x4096>.

34 Источник: Iceland Monitor (<https://cdn.mbl.is/frimg/1/42/37/1423777.jpg>).

Илл. 3. Доля женщин в национальных парламентах стран Северной Европы: заметен значительный рост этого показателя в Исландии в 1980-е³⁶.

В НЕОЛИБЕРАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Неолиберальный поворот, начавшийся в США и Великобритании в конце 1970-х, распространившись на Исландию, привел к значительной переоценке места женщины в социуме. Любопытно, что именно с прочным закреплением идей жесткой рыночной конкуренции исследователи связывают возобновление в Исландии ежегодных конкурсов женской красоты

³⁵ ÞORVALDSDÓTTIR Þ.Н. *Op. cit.* P. 419.

³⁶ Источник: SKARD T. *Op. cit.* P. 645.

и их постепенную нормализацию³⁷. Эти изменения привели к тому, что уже в 1985 году Хоульмфридур Карлсдоуттир выиграла титул «Мисс мира». Ее победа дала повод для национальной гордости не только исландцем, но и исландкам. Когда через три года ее успех повторила Линда Пьетурсдоуттир, неотъемлемой частью транслируемого вовне имиджа Исландии стала идея «естественной» красоты ее жительниц. Локальная сексуальная революция привела к появлению мужских журналов с сексуализированными изображениями жительниц острова, продолжилось сексуальное раскрепощение исландских женщин.

Эти явления способствовали дальнейшему совершенствованию правовой базы в сфере регулирования гендерных прав. В 1995 году равенство полов было закреплено в тексте Конституции, в 65-й статье которой говорится: «Мужчины и женщины пользуются равными правами во всех сферах»³⁸.

С середины 1990-х «женская» повестка, значительно расширившись, оказалась частью комплексной гендерной проблематики, центральным элементом которой стал вопрос об обеспечении прав сексуальных меньшинств. Такое смещение фокуса тем не менее не привело к ухудшению ситуации в отношении прав женщин. Так, весна 2003 года вошла в историю как «феминистская весна»: на волне роста популярности идей гендерного равенства была создана Феминистская ассоциация Исландии³⁹.

Прорывом в религиозной сфере стало избрание разведенной женщины на пост епископа Исландии – в 2012 году эту должность заняла Агнес Сигурдардоуттир. Для многовековой истории острова это событие казалось беспрецедентным, но, как видно, вполне закономерным. Например, если в начале XX века появление женщины в парламенте рассматривалось как отклонение от устоявшейся нормы, то в 2016-м депутат альтинга Уннур Бра Конрадсдоуттир кормила грудью ребенка, выступая при этом с речью о проблеме миграции. Любопытно, что никто из находившихся в зале депутатов не акцентировал на этом внимание⁴⁰. Однако для многих иностранных журналистов исландская политическая культура открылась тогда с новой стороны.

Помимо внутренних достижений, выход Исландии в число лидеров в сфере гендерных проблем стал важным внешнеполитическим ресурсом для страны, не обладающей собствен-

ЕВГЕНИЙ ПАНКОВ

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС
В ИСЛАНДИИ: ИСТОРИЯ,
ОСОБЕННОСТИ, УРОКИ

37 GÚSTAFSDÓTTIR G., MATTHÍASDÓTTIR S., EINARSDÓTTIR Þ. *Op. cit.* P. 5.

38 См.: www.althingi.is/lagas/nuna/1944033.html.

39 *The Most Feminist Place in the World* // The Nation. 2011. February 3.

40 *Icelandic Politician Breastfeeds Baby while Delivering Speech in Parliament and No One Cared* (www.youtube.com/watch?v=DoMlF_FyEd4).

ными вооруженными силами. Слабое – с точки зрения так называемой «геополитики» – государство смогло использовать этот ресурс для укрепления позиций в мире: в 2007 году борьба за обеспечение гендерного равенства официально стала одной из трех основ политики Рейкьявика в международной сфере⁴¹. При этом, в отличие от других стран Северной Европы, главным направлением этой политики стала не Европа, а развивающиеся государства Азии, в особенности политически нестабильные регионы. Так, если еще сто лет назад идея равенства мужчин и женщин была для Исландии «статьей импорта», то в начале текущего столетия маленькое островное государство прочно закрепилось среди ведущих «экспортеров» идеи гендерного равенства.

Несмотря на значительные успехи Исландии в обеспечении гендерного равенства, на современном этапе главные причины недовольства местных женщин связаны с сохранением разницы в уровне оплаты труда мужчин и женщин, а также с проблемой домашнего насилия. И хотя страна уже находится в числе лидеров по уровню участия женщин в экономическом производстве и сокращению разницы в оплате труда мужчин и женщин, правительство Исландии предпринимает активные меры, направленные на окончательное искоренение данной проблемы. По данным Всемирного банка, Исландия является единственной страной мира, где гендерный разрыв в оплате труда преодолен более, чем на 90%⁴². В рамках борьбы с домашним насилием в двух крупнейших городах поддерживается работа женских приютов, оказывающих экстренную психологическую и медицинскую помощь лицам, столкнувшимся с этой проблемой.

* * *

О чем говорит опыт борьбы нескольких поколений исландок? Во-первых, декларативное заимствование правовых норм в сфере гендерной политики – какими бы прогрессивными они ни были – не принесет реальных положительных изменений без социальных реформ: поменять воображаемую реальность законов и регламентов гораздо легче, чем характер взаимоотношений между людьми. Во-вторых, ненасильственный протест может быть очень эффективным. Борьба исландских женщин за свои права не унесла ни одной жизни. Секретом успеха стали креативный подход и нетривиальные решения. В-третьих,

⁴¹ GOVERNMENT OF ICELAND. *Multilateral Development Cooperation Strategy*. 2022. P. 8.

⁴² WORLD ECONOMIC FORUM. *Gender Parity: Here Is What Leading Countries Are Getting Right* (www.weforum.org/agenda/2023/06/global-gender-gap-parity/).

женственность может быть крайне эффективным политическим инструментом, даже если ее проявления не сопровождаются демонстративным подчеркиванием сексуальности женщины-политика.

Уникальность опыта Исландии обусловлена уникальностью исторического пути острова, для которого характерны бесконфликтное развитие и приоритет внутривнутриполитической проблематики над международной. Однако открытым остается главный вопрос: достижения Исландии – это результат развития страны в благоприятных внешних условиях или же закономерный итог долгой и непрерывной работы общества над собой?

ЕВГЕНИЙ ПАНКОВ

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС
В ИСЛАНДИИ: ИСТОРИЯ,
ОСОБЕННОСТИ, УРОКИ

Эрик Саден (р. 1973) – французский писатель и философ, исследующий глобальные последствия цифровизации. Автор более десяти книг, среди которых «Тирания Я: конец общего мира» (2020), «Среди призраков: рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного интеллекта» (2023).

1. Новая экономика отношений

Функциональные связи

Когда люди разлучены, письмо выражает желание не терять связь. Адресовано оно любимому человеку, родственнику или близкому, в нем – частица «я», скрытая, но ощутимая: ведь кто-то потрудился его написать – тем более, если оно составлено от руки, – кто-то думал над формулировками, следил за грамматикой или нарисовал особый знак, понятный только двоим. Письмо говорит о теплоте чувств автора, о том, как он соскучился, как ему не терпится увидаться вновь – совсем скоро или неизвестно когда, – оно о повседневных делах, а еще в нем бывают размышления, порой довольно глубокие. Так, вопреки разлуке эпистолярная связь может еще больше привязать двух людей друг к другу. Так же и телеграмма – слова экономят, но это знак внимания, хотя часто с трагическим содержанием, когда сообщает на дальнейшее расстояние, а то и вовсе на другой континент, да еще внезапно, о чем-то тяжелом (несчастный случай, кончина), но нередко и радостном

1 Настоящая публикация представляет собой третью главу книги Эрика Садена «Среди призраков: рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного интеллекта» (2023), русский перевод которой готовится к выходу в «Издательстве Ивана Лимбаха». Перевод выполнен по изданию: SADEN E. *La vie spectrale: penser l'ère du métavers et des ia génératives*. Paris: Éditions Grasset & Fasquelle, 2023.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

(свадьба, рождение); так можно признаться в любви – в двух словах, но старательно подобранных, – или прямо сообщить, что все кончено, как у Сержа Генсбура в написанной в 1981 году песне с англоязычным названием «Overseas Telegram» – «Телеграмма из-за океана»:

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

J'aimerais que ce télégramme
Soit le plus beau télégramme
De tous les télégrammes
Quetu recevras jamais [...]
Et qu'à la fin du télégramme
Tu te mettes à pleurer.

Я бы хотел, чтобы эта телеграмма
Стала самой прекрасной
Из всех телеграмм,
Которые ты когда-либо получишь, [...]
И чтобы, дочитав эту телеграмму,
Ты заплакала.

Телефон в свою очередь – во времена, когда люди регулярно общались вживую, – позволял поддерживать связь, создавал иллюзию, будто человек рядом, донося тембр его голоса. Это касается и ночных радиопередач, в которых слушатели, находясь дома, откровенничали и экспромтом выдавали в подробностях истории неформальной и преходящей общности душ. Общение на расстоянии не мешает симпатии между людьми и более того – порой ее только усиливает.

В истории межчеловеческого общения произошло событие, переопределившее такие обстоятельства, как расстояние и близость отношений. В один прекрасный день, на рубеже нового тысячелетия мы обзавелись новым навыком, стали слать *имейлы* – *почта сделалась электронной*. Все вдруг оказалось проще простого, в процессе обмена информацией произошло почти чудо – на что только не был способен телефон, но и он не смог его сотворить. А тут за мизерную плату знай пиши письма на собственном компьютере – позже появится возможность добавлять к ним файлы – и в один клик отправляй примерно с одинаковой быстротой хоть соседу по лестничной площадке, хоть на другой конец света. Ничего сложного – и вскоре уже вся планета пользовалась этим способом, обнаружив в нем совершенно новое качество, – печать удобства отметила большинство коммуникаций, затронув даже их содержание, так что не обошлось без скрытых последствий: *в переписке между людьми главной стала функциональность*.

Не случайно явление тут же попало в поле зрения индустрии; различные компании начали предоставлять адреса и доступ к своим серверам, некоторые не стеснялись сканировать

содержимое и продавали информацию для рекламного таргетинга. Доставка сообщений выделила новый экономический сектор, дополнявший, но словно украдкой, экономику отношений, основанную на сокращении затраченного времени, денежных средств и гибком управлении личными коммуникациями. Практика, сочетающая комфорт и владение ситуацией, настолько утвердилась, что телефонные разговоры, да и почтовую переписку поспешили оставить «олдскульным натурам». Это совпало с расцветом неолиберальной логики во всех видах, которые обогатились всенаправленными потоками информации и капиталов и подвергли рационализации и оптимизации ключевые императивы – отчего в наших связях с другими возникла червоточина. На экономическом утилитаризме, в конце концов, строится утилитаризм отношений. Назовем это технологизацией отношений – под знаком одной лишь эффективности; ее постоянно поддерживает цифровая индустрия, в которой мы, даже не пытаясь барахтаться, потонули, а сама она между тем вероломно превратила любое лишнее, как может показаться, слово в человеческом общении в добавочный элемент или возвела в ранг довольно редкой роскоши.

Чистая и постоянная видимость

Многие из тех, кто на момент наступления нового тысячелетия был уже взрослым или вступал в сознательную жизнь, возможно, помнят, как они с приятным удивлением обнаружили на скромном экране мобильного телефона короткое сообщение с пожеланием счастья в 2000 году. Для большинства это было первое знакомство с неведомой функцией, лаконичность и ненавязчивость которой сразу стала заметна, – да, речь об СМС. История гласит, что первое подобное сообщение 3 декабря 1992 года отправил британский программист-разработчик Нил Папуорт, содержание было простым: «Merry Christmas» («С Рождеством»). Прошло несколько лет, прежде чем практика сделалась всеобщей благодаря возможности взаимодействия – интероперабельности, – которую обеспечивала услуга. Вначале это казалось блаженством – посылаем короткие сообщения, не больше 140 знаков на тот момент, и не нужно никому звонить, а значит – беспокоить: предупредительность по отношению к получателю. Поделиться мыслью, чувствами, иногда поздравить с днем рождения, поблагодарить за ужин – пользуйтесь! Не заставило себя ждать и одно малозаметное изменение: тем же способом люди стали назначать свидания, выяснять подробности, уточнять обстоятельства. Оттенок сдержанности, форма деликатности – все это полностью не ушло,

но как будто соединилось с практической стороной дела: позволив, не обременять себя церемониями, в целом скорее мало-важными, и лишний раз не тратить энергию на обычные коммуникативные игры. При общении с другим человеком правила этикета сводились теперь к минимуму. Эффективность только удвоилась благодаря сокращению телефонных звонков (говорить по мобильному тогда было дорого), так что в построении отношений вышла своего рода экономия.

К тому же, несмотря на расстояние, звонки всегда несут ощутимую нагрузку: возможность воспроизводить голос и интонации могут выдать несдержанность, если говорящий перестает контролировать себя и «фильтровать» слова, нерешительность, разные другие эмоциональные состояния, а иногда обернуться весьма красноречивым молчанием. Каким-то, в сущности, парадоксальным образом нечто от нашего тела, дыхания передается в этой телепортируемой атмосфере. Предложенный обходной путь впоследствии дополнился функцией отправки голосовых сообщений в мессенджере, где можно не набирать текст, а что-нибудь сказать, – это часто быстрее, – избежав неудобств прямого разговора. Вдобавок при неудачной попытке, отправленное удастся стереть прежде, чем собеседник успеет его прослушать. Для определения такой практики подойдет еще один оксюморон – «односторонний диалог», в ходе которого главное будет сказано, а у адресата появится выбор, и при желании он сможет отвечать в той же форме – отрывистыми репликами, словно стремится не тратить время зря и обойтись без неуместной спонтанности устного общения. В этом отличие от использовавшегося прежде автоответчика, который обычно приглашал перезвонить, выражая то же, что и протянутая рука, – так что говорящему оставалось только ждать, что будет дальше.

В последние несколько лет, позвонив на мобильный телефон, голосовое сообщение, как правило, не оставляют. Как будто суть принципа «осторожность превыше всего» во времена обесценивания всего физического состоит в том, чтобы не оказаться уязвимым и отдавать предпочтение отношениям, которыми можно всецело управлять в специальном интерфейсе. Столько разных реакций подстраиваются под необходимое условие – рационализованное управление голосовыми формами выражения, сегодня ставшее нормой, – и его, разумеется, надо соотносить с более широким контекстом. А в нем, в частности, банальным стал следующий факт: если нужно что-то выяснить, мы больше никому не звоним. Предполагается, что, уравнивая эти два действия, мы платим высокую цену и понапрасну теряем время. Современная рациональность пришла к тому, что списала со счетов основополагающий принцип общества – возможность доносить до людей информацию

ЭРИК САДЕН

ДРУГОЙ ПРИЗРАК

живым голосом, особенно до самых обездоленных, одиноких и пожилых, а ведь это создает – пусть на расстоянии и лишь на короткое время – эффект доверительного и ободряющего присутствия. Такая концепция человеческих отношений может существовать только в среде, где все устроено исключительно по правилам учета и контроля, а технологии, которые – мы в это верим – работают на то, чтобы сделать мир лучше, предлагают жать на сенсорные клавиши в диалоге с синтезированным голосом. Недалек тот день, когда роботы и аватары приносятся друг к другу и начнут улаживать практически все наши текущие дела.

Суть принципа «осторожность превыше всего» во времена обесценивания всего физического состоит в том, чтобы не оказаться уязвимым и отдавать предпочтение отношениям, которыми можно всецело управлять в специальном интерфейсе.

Расширяющаяся цифровизация нашего бытия относительно незаметно привела к дистанцированию от Другого, от его физического существа, присутствия как такового. Как и от тепла – в термическом и аффективном понимании, – которым он может с нами поделиться. Таким способом мы избавляемся от его непредсказуемой и неуправляемой натуры, от независимого суждения, которое он может о нас составить при непосредственном восприятии, без фильтров, олицетворяя тем самым полностью отличное от нас существо, способное, в общем-то, угрожать нашему представлению о самих себе. Сегодня мы чаще всего являем себя окружающим в сугубо внешней форме – через скудные сообщения, фотографии, онлайн-стримы или записанные видео. Ведь систематизированное посредничество в социальном взаимодействии переросло ныне в главное правило поведения. И вновь уже не симулякр в понимании Жана Бодрийера, то есть двойник, предъявленный для подмены реального, а константа, заключенная в сообщении или в нашем изображении, становится для нас приоритетной формой современного межличностного восприятия.

Сегодня нас все реже видят во плоти, воспринимают преимущественно через экран – через слова или изображения, – и это в очередной раз подтверждает приоритет ретины в нашем «призрачном» способе существования. Так что и в отношениях с другими мы рассматриваем и выстраиваем себя так, *будто нас прежде всего видят и читают*. Таков этос, обслуживаемый интерфейсами, которые в буквальном смысле поддерживают

превосходство внешнего – в ущерб не столько вещам глубоким, сколько грубой, без прикрас силе нашего присутствия, составляющему нас многомерному богатству. Казалось бы, дистанцирование гарантирует, что в нашей повседневной жизни все под контролем, позволяя при этом, точно королеве из сказки про Белоснежку, изо дня в день обращаться к нашему «социальному зеркалу» с вопросом: «Я ль на свете всех милее?». Иначе говоря, экономическая модель, находя безоговорочных сообщников в нашем лице, превращает принцип опосредованности и бестелесности межчеловеческих отношений в один из главных источников прибыли, и, если мы не насторожимся, это свойство будет проявляться все более настойчиво.

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Инструментализация и маргинализация другого

Настал день, когда в наших демократических и либеральных обществах нашлась индустрия, которая – ничтоже сумняшеся – вручила каждому инструмент, делающий из нас обыкновенный товар.

В 2009 году стартап «Grindr» запустил приложение знакомств, не только удобное в использовании на смартфоне и поддерживавшее геолокацию для поиска людей поблизости, но еще и отличавшееся оригинальным интерфейсом. Любой профиль появлялся в нем в виде отдельной иконки, которую можно было «свайпнуть» (от англ. *swipe*, смахнуть). То есть подушечкой пальца пролистывались изображенные лица; вправо – связаться, влево – неинтересно. Прием, тотчас подхваченный другими платформами вроде «OkCupid», «Hinge», «Happn», «Tinder», вызвал неоднозначное явление: трудно сказать, то ли это просто открытая – и лишенная предрассудков – форма все более утилитарных связей между людьми, то ли в масштабе планеты оформилось отношение к Другому как к сущности, которую мы выбираем на свое усмотрение или простым движением отбрасываем с глаз долой.

В этом плане смартфон (а если брать шире – цифровизация нашего бытия) отличается тем, что на его счету два важнейших феномена: потребность в Другом стала менее острой, а его инструментализация более или менее явной. В частности, многочисленные приложения позволили упростить обилие операций, утвердив форму самодостаточности в повседневной жизни, но с той особенностью, что созерцание другого в его телесной реальности полностью исчезло из нашей повестки дня. Подобно рекомендациям по самолечению или достижению благополучия, раздаваемым онлайн (питание, йога, правила качественного сна), в обиход вошла привычка воздер-

живаться от личного присутствия других людей. Этому также способствовала популярность обучающих программ, щедрых на советы и порой весьма хитроумных, чуть ли не во всех областях. Сегодня можно передвигаться по незнакомому городу или фотографироваться без посторонней помощи. Это экономит силы и время, но незаметно ведет к следующему: еще недавно мы просили соседей или знакомых помочь в каком-либо деле – назовем это скромным проявлением спонтанной солидарности между людьми, – теперь же эти «дедовские» инстинкты почти исчезли из регистров нашего поведения. А когда в некоторых похожих ситуациях чужое присутствие оказывается необходимым, его предлагают сайты – в виде горизонтально организованной взаимной поддержки, которая, впрочем, недорого стоит, версия *low cost*?²

С начала 2000-х экономическая модель будет работать на то, чтобы одни индивиды предлагали свои услуги другим напрямую, и это был уже отнюдь не тот довольно узкий список, в который прежде попадали уборка квартир и бебиситтинг, – он охватил многие стороны жизни. Домашний ремонт, доставка товаров, сдача в аренду комнаты или квартиры. Эта особая, необычайно уверенно развивавшаяся сфера получила название, выраженное в антифразе «экономика совместного потребления», она сделает обыденным явлением меркантильные отношения между людьми под видом вечного братства хиппи, в которое все вступают от случая к случаю, вложив или, наоборот, получая несколько купюр. Полная противоположность автостопа, модного в 1970-е и практически исчезнувшего в наши дни: тогда это было свидетельством бескорыстной широты души автомобилистов по отношению к незнакомым людям, а наградой служило живое общение и открытия. Сегодня это сменилось поездками в складчину или арендой автомобилей у частных владельцев.

Такое сознание надо сопоставить с нарастающими финансовыми трудностями, знакомыми многим не одно десятилетие, отчего, вместо механизмов взаимопомощи, которые могли бы развиваться, победило равнение на строго экономические виды логики, которое теперь, как грибок, поражает всю социальную ткань. Высшей точкой стала межличностная система оценок, оправдывающая принцип, согласно которому персональный вклад должен монетизироваться – при том, что каждый из нас рассматривается как набор первичных данных, подлежащих хладнокровному анализу. Осознаем ли мы, до какой степени среда, которой свойственны нестабильность и постоянное обращение к экранам, а с ней и дух времени маргинализирова-

2 Малобюджетный, дешевый (англ.). – Примеч. перев.

ли простые связи, которые держатся на взаимозависимости? И видим ли, в чем именно этот этос установил золотое правило: человеческие отношения не бывают безвозмездными?

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Как следствие – по-новому был определен и характер общественного пространства, во многом утративший жизненное наполнение. Еще в середине 1970-х Пазолини сожалел, что это пространство лишается жизни, постепенно приватизируясь и подчиняясь тенденции, когда улицы все больше приспособляются для пешеходов и увешиваются однотипными вывесками. Аналогичное явление в 1990-х привело к тому, что как грибы после дождя в Северной и Южной Америке, а затем и в Азии стали вырастать *моллы* – торговые центры, где толпы двигались вдоль огромных обезличенных галерей с целями, не отличавшимися разнообразием: потреблять, развлекаться, просто гулять, в одиночестве или со знакомыми, пить газировку из пластикового стаканчика в фастфудах, обычно освещенных назойливыми огнями. Не то чтобы «не-места», если вспомнить концепцию Марка Оже³, скорее места, что создают видимость совместного присутствия. Как расплодившиеся на рубеже нового тысячелетия пространства для коворкинга, куда люди идут, чтобы во времена самозанятости и официальной «удаленки» избавиться от ощущения, что ты работаешь один: там все бок о бок – вот только параллельные прямые не пересекаются. Или заведения «Starbucks», которые в 2000-х размножились по всей планете, превратив кафе как исторически общественное место – парижские Руссо, Дидро, Вольтера в эпоху Просвещения или венские на рубеже XX века, служившие территорией для общения, встреч, полемики, – в стандартизированную среду. Да, люди там тоже находятся в общем пространстве, но в основном уставились в экраны (смотреть на окружающих чуть ли не запрещено) и погружены в коллективное, абсолютно ледяное состояние ухода в себя. Как при виде этого зрелища не вспомнить полотна Эдварда Хоппера, словно актуализированные в нашей пиксельной – или призрачной – жизни?

2. ВСЕОБЩАЯ ТЕЛЕСОЦИАЛЬНОСТЬ

Теория зума

Проделав долгий путь через галактику, единственный пассажир космического корабля в сопровождении стюардессы попадает на спутниковую станцию, которая служит перевалочным узлом для отправки к еще более удаленным пунктам назна-

3 Оже М. *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. (Марк Оже – французский антрополог. – Примеч. перев.)

чения. По прибытии – скорый рабочий брифинг с экипажем, работающим на месте. Затем он отправляется в небольшую кабину, усаживается перед экраном со встроенной камерой, вставляет в считыватель магнитную карту и набирает номер с помощью клавиш. Почти сразу возникает изображение маленькой девочки, играющей на диване, – кажется, она рада увидеть папу. Короткий разговор – и появляется сумма для оплаты связи. Есть нечто приподнято-футуристическое в этой сцене из фильма «2001 год: Космическая одиссея», снятого Стенли Кубриком в 1968 году. Примечательно, что вероятное ближайшее будущее воплощено здесь не столько в межзвездных путешествиях, сколько в этом эпизоде, ведь уже тогда – учитывая развитие телекоммуникаций – можно было предположить, что не сегодня-завтра все так и будет. Наши отношения с будущим, хотя и отмечены сугубой неопределенностью, порой устроены так, что мы каким-то образом предчувствуем некоторые явления, но не можем точно определить, когда их ждать.

Осознаем ли мы, до какой степени среда, которой свойственны нестабильность и постоянное обращение к экранам, а с ней и дух времени маргинализировали простые связи, которые держатся на взаимозависимости? И видим ли, в чем именно этот этос установил золотое правило: человеческие отношения не бывают безвозмездными?

Теперь есть широкий набор подобных способов видеосвязи – они доступны всем. В начале 2000-х придумали *Skype*, приложение для видеозвонков. Появилась возможность общаться на расстоянии через экран, формат позже повторили *WhatsApp*⁴ (2009) и *FaceTime* (2013). Приобщиться к рукотворному чуду могли все, но вот парадокс: пользовались им лишь время от времени – в отличие от текстовых сообщений, более незаметных и ненавязчивых. Функционал помогал в семейном общении, иногда – в заграничной поездке, реже применялся для рабочих совещаний. Возможно, своеобразная нелюбовь к видеокоммуникации объясняется тем, что ты предстаешь на экране как есть, без прикрас, и это мешает отстраниться, не дает чувства защищенности, которое вселяли тогда коммуникационные технологии. Только в самом начале 2020-х порог удалось преодолеть во время всеобщего локдауна, спровоци-

⁴ Принадлежит компании «Meta», признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации. – *Примеч. ред.*

ровавшего резкий курс на едва ли не полную цифровизацию отношений между людьми, а качество действующих систем и скорость соединения создали впечатление, что впредь, пожалуй, можно обходиться и без физического присутствия. Словно нам предложена совершенно новая форма местонахождения, непосредственная и не требующая ни усилий, ни ощутимых затрат. Казалось, что во время пандемии приложение *Zoom* само по себе воплощает новую эру межчеловеческих связей. Но, поскольку события не терпели промедления, видимо, мы не учли, что само его название⁵ имплицитно означает возможность общаться опосредованно, через экраны, а главное, *неявным образом устанавливается совсем другой формат отношений.*

Стоит разобраться в экономике собраний, проводимых на этой платформе (и ей подобных). Характерная особенность: люди здесь как будто подогнаны под стандарт – причем двухмерный, – что *de facto* помогает маскировать многомерность нашего существа. Одно дело – находиться друг напротив друга, когда все здесь, рядом; другое – в потоке изображений, что, естественно, подталкивает рассматривать лица, почти поедать глазами, не стесняясь и порой во всех подробностях. Это влечет за собой скрытое овеществление Другого – в том смысле, что рассматривать друг друга можно обоюдно, как если бы перед каждым из нас была вещь. Снижение остроты межличностного восприятия обусловлено двухмерностью, нивелирующей объемное содержание каждого человека. Видеособрание предполагает, что сначала информацию о нем занесут в календарь, где, помимо прочего, будет указана его длительность. В назначенное время каждый появляется как на посту, правда, обычно видно только лицо (иногда еще и торс) в резком свете экрана. В таком контексте сразу требуется показать, что ты занят делом, выступить с презентацией, в общем, исполнить роль, но каждый раз – с риском сделать неверный шаг, который окажется виден крупным планом.

Контакты с «зум-эффектом» могут раскрыть невидимые прежде стороны других людей, настолько четко не проявляющиеся в повседневной жизни. Все, что в обычном общении под негласным запретом или считается верхом невоспитанности – долго и пристально смотреть на собеседника в той мере, в какой подобное поведение нарушает нашу неприкосновенность, противоречит самому принципу отношений, основанных на взаимном внимании, а не методах пристрастного досмотра, – именно это мы уже взяли в привычку. Происходит нечто вроде обоюдного и ставшего общепринятым вторжения посредством

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

5 *Zoom* – изменение масштаба, увеличение изображения (англ.). – Примеч. перев.

мимики. В этом не столько утилитаристский подход, сколько «реляционный редукционизм», все более свойственный трудовым отношениям. Типичный пример – опенспейс: как будто бы все бок о бок, чуть ли не лучшие друзья, а на самом деле каждый занят своей задачей и испытывает унижительное ощущение общей наготы, заставляющее искать мелкие ухищрения, чтобы укрыться от взглядов коллег, а это – путь к скрытым формам замыкания на себе.

Если присмотреться, видеоконференции, став систематическими, теряют прежнюю легкость и характер игры. А ведь это могло бы придать отношениям своеобразную теплоту (вспомним отца, который звонит дочке в фильме «2001 год: Космическая одиссея», или бабушек и дедушек, которые общаются с внуками на другом конце света в день рождения или на Рождество).

Так, проникая в наши повседневные привычки, чтобы стремительно распространяться (скоро уже в иммерсивной форме), происходит то, что можно назвать *установлением дистанции по отношению к другому*. Это неявная, но все более стойкая форма отчуждения между людьми – отчуждения, которое с момента появления сверхсовременных предприятий на рубеже 1980-х становится все болезненнее, так что сегодня мы уже замечаем его последствия для наших тел, психики и остатков политического сообщества. Это и есть *коллективная изоляция*⁶, незаметно сложившаяся в то время, а постоянный тренд на пикселизацию нашего существования в результате придаст ей новое измерение, в котором она покажется еще более массовой, обостренной и, быть может, необратимой.

Иная инаковость

Дальше – больше. Вереницы лиц или, реже, фигур на наших экранах. Особенно после первого локдауна, когда перед нами мелькали пиксельные люди, ненадолго возникавшие, чтобы затем внезапно скрыться. Образ Другого все чаще получался мимолетным, незавершенным, призрачным, то появлялся, то исчезал. Особенно это было заметно по собеседникам, с которыми мы связывались почти каждый день, видели коллег, одних или, чаще всего, в мозаике из иконок, решали текущие вопросы, обсуждение завершалось парой слов, еще миг – и перед нами уже никого не было. Вот на одной стороне – преподаватель, без рук, без ног, ведет занятие, а на другой выделяют-ся и пропадают окна, в которых студенты могут вдруг задать вопрос, пока не выйдет время, после чего все разом испаря-

6 Понятие, изначально предложенное мной в книге: Саден Э. *Тирания Я: конец общего мира*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023.

ются. Вот терапевт или другой врач возник на экране, ведет видеоконсультацию, итогом которой – когда все, что покажется существенным, будет изучено и скалькулировано, – станет, по всей вероятности, присланный рецепт, после чего «визит» завершится и пациент останется в одиночестве, то есть представленным самому себе.

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Каждый раз, независимо от обстоятельств, нас ждет одно и то же неизменное ощущение или неизменный опыт разочарования: мы обнаруживаем перед собой людей, которые как будто заперты в клетки и в мгновение ока перестают быть частью нашего мира. Если свойство Другого в том, что нечто ему присущее так или иначе от нас ускользает, то теперь мы попадаем в среду, где неуловимость – постоянная черта. Это уже не анонимные толпы современной жизни, описанные Бодлером, а спектакль со светящимися эфемерными видениями. Похоже, бесконечная изменчивость в отношении Другого, перекликающаяся с мотивами *укиё-э*, японского «плывущего мира»⁷, сегодня проявляется прежде всего в пикселизованных обрывочных отношениях, которые мы поддерживаем с себе подобными. «Текущая жизнь» – понятие, которое в начале 2000-х ввел Зигмунт Бауман⁸, – принимает новый вид: мы не навещаем других, и наши встречи не отмечены «текучестью», в силу которой они скоротечны и всегда по-новому повторяются; ныне нам является *дрейфующий Другой* – он без конца перемещается с экрана на экран, а значит, всегда остается как бы вдали.

Такая практика оставляет каждому единственную функцию, которая сводится к насущной необходимости и зачастую лимитирована во времени, что тем более исключает привычные условности. К примеру, мы интересуемся, как дела у другого человека, задаем вопросы, обмениваемся незначущими фразами – сколько всего теперь считается пустой тратой времени! Георг Зиммель в своем «Экскурсе о социологии чувств»⁹ пишет, что различные виды чувственного восприятия создают основу социального инстинкта, и в связи с этим приходит к выводу, что ослабление чувств качественно обедняет общественное взаимодействие. Сегодня структурирование цифровых систем

7 Японская гравюрная техника, зародившаяся в XVII веке и распространившаяся в городской культуре. Для этого художественного направления характерно изображение сцен повседневной жизни, портреты, пейзажи. В переводе с японского название означает «плывущий мир», но является также омофоном выражения «бренный мир». – *Примеч. перев.*

8 БАУМАН З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. Зигмунт Бауман (1925–2017) – британский социолог польского происхождения, исследовавший вопросы анти- и альтерглобализма, труда и бедности в современном мире. Текущая современность – состояние непрерывного перемещения, плавления, перетекания; переход от сложного структурированного мира, который обременен сетью социальных обязательств и условий, к миру гибкому, текучему, свободному от различных границ и условий. Это ключевое понятие социологии Баумана. – *Примеч. перев.*

9 См.: SIMMEL G. *Essai sur la sociologie des sens* // IDEM. *Sociologie et épistémologie*. Paris: PUF, 1981.

в каком-то смысле обесцвечивает отношения, в них как будто остаются голый расчет, повторяющиеся приемы, непрерывные потоки, стремительно следующие один за другим эпизоды. Как будто стирается разница между логикой программирования и формами жизни. Так что, в конце концов, вопрос вовлеченности встает ребром. Она подспудно проявляется по отношению к ближнему. И предполагает обязательства, внимание и даже взаимную пристрастность, причем независимо от расстояния между двумя людьми. Врач воплощает не только персону, которая ставит диагноз или выписывает рецепт. Речь идет о большем – о готовности уделить другому все свое внимание, особенно если положение асимметрично: один уязвим и полагается на другого, который берет на себя заботу о нем.

{ Если свойство Другого в том, что нечто ему присущее так или иначе от нас ускользает, то теперь мы попадаем в среду, где неуловимость – постоянная черта.

Так можно сказать о любых отношениях, бескорыстны они или предполагают плату, то есть и с той и с другой стороны должна быть доля радушия. Этот принцип априори важнее всех функциональных приоритетов в силу нашего общего положения, независимо от социальной категории, в соответствии с экзистенциальными и моральными заповедями, которые настойчиво выделяет Эмманюэль Левинас¹⁰, да и многие другие авторы. В этом смысле мы переживаем не «забвение бытия», в весьма вычурной метафизической терминологии Мартина Хайдеггера, а забвение Другого, а точнее сказать – забвение или отрицание наших перед ним обязанностей. Это, безусловно, задан распространяющейся пикселизацией наших действий, но также и процессами, происходившими со времен промышленной революции, и в еще большей степени – расцветом неолиберальной логики в разных формах, потому перед нами сегодня холодный окаменелый горизонт, а на его фоне – непостоянные и словно бестелесные людские массы. Таково завершение долгой истории, похоже, достигшей кульминации за светящейся – обманным светом – стеклянной перегородкой: мы наблюдаем отношения людей, от которых остались по большому счету мимолетные видения, бездушные, призрачные и образующие тем самым общество-фантом, которое в этом качестве несет в себе множество патологий и опасностей.

10 См., в частности: LEVINAS E. *Entre nous (Essais sur le penser-à-l'autre)*. Paris: Grasset, 1991.

3. ДРУГОЙ ИСЧЕЗАЕТ

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Текучая идентичность

Обязательное ношение медицинской маски с объявлением первого локдауна привнесло один странный аспект. Часть лица оказалась скрыта, хотя средоточие нашей индивидуальности – наш взгляд – по-прежнему считывался. Усеченный облик становился нормой. Складывалась форма присутствия, сочетававшая нашу грубую фактуру и нечто неуловимое. Непривычная ситуация словно раскрывала, скажем так, истинное лицо нашего общества, все чаще отмеченного обезличенностью, анонимностью – особенно в крупных городах, в общественном транспорте, в будничной жизни. Как не связать дух времени и тот факт, что мы годами наблюдали, как некоторые пользуются фальшивыми аккаунтами в так называемых социальных сетях, полагая, что это делает их влиятельнее в социальных играх и нередко позволяет совершенно безнаказанно давать волю гневу? Словно они решили извлечь выгоду из паритета «аноним – аноним», презрев обычаи, правила, а порой и закон. Такое поведение следует соотнести с более широкой практикой: использованием неопределенного ника или измененной внешности. Как будто это открывает новые перспективы в нашей судьбе.

У нас хоть отбавляй поводов, чтобы мы могли вообразить себя – или стать – кем-то другим, почти героем фильма. Такая возможность сделалась привычной в 2000-е: например, в видеоиграх или в приложениях знакомств (где может даже поощряться постинг фальшивых портретов и ложной информации о себе). Нам достались средства, позволяющие возомнить себя свободными от бремени нашего существа, от груза повседневности, чтобы перетасовать карты в свою пользу; вскоре мы уже вовсю предавались пьянящим, но таким тщетным помыслам о непослушании. Любой мог почувствовать себя Протеем – греческим божеством, наделенным, если верить мифу, даром менять свой облик. К тому же для разных действий в сети плодятся аккаунты и профили, что по-своему способствует этой практике. Цель игры в свою личность не только обмануть остальных, но и получить удовольствие от «переодевания». Словно проявившееся в последние годы стремление к преобразению сообразно новому этосу текучести, проявившейся у категории рода, вошло в резонанс с условиями, когда кажется, что одного клика достаточно, чтобы угодить нашим взглядам. А они, похоже, преодолевают неподатливость реального и не считаются с предписывающими нормами. Основополагающие принципы общества, которые держатся на общих ориентирах и обязанности говорить от первого лица, больше не получают

обязательную силу – таковы умонастроения, способные окончательно все запутать, что повлечет за собой все больше недоверия и исподволь, в той или иной форме, взаимную глухоту.

Подобную неразличимость, разумеется, надо связать с чат-ботами, в первую очередь с *ChatGPT*, и генераторами изображений, как *Midjourney*, которым предстояло породить особую среду – символическую в понятиях психиатрии, ибо она больше не зависит от общего порядка, но соткана лишь из субъективных хаотичных побуждений людей, без оглядки полагающихся на эти системы. Это не просто общество в политико-юридическом и философском понимании – перед нами совокупность монад, существующих по непонятным правилам в параллельном режиме и редко друг друга замечающих. Теперь – вслед за постепенным сведением на нет «социального пакта», действовавшего в большинстве существующих демократий со времен либерального поворота, – в определенном смысле мы можем назвать происходящее агонией общественного договора. Того, под которым понимается высшая мораль, опирающаяся на требование, чтобы каждый самоопределялся в условиях свободы, плюрализма и противоречий, – но сверяясь с очерченным кругом ориентиров. Сегодня очень многие не хотят, чтобы им указывали на их положение или привычное самовосприятие, часто приниженное или унижающее достоинство.

Усилия большого числа людей уже не подразумевают – как это было на некоторых исторических этапах, связанных с мечтой о конкретных свободах, – что они остаются собой и максимально проявляют свои способности; теперь всем кажется, что они преодолевают собственное состояние, день и ночь пользуясь приемами и стратегиями, внушающими им уверенность, будто теперь, наконец, у них больше признания и они стали деятельнее. Делёзовский принцип детерриториализации¹¹, призывающий не мириться с парализующей повседневностью и чертить горизонты свободы и полноценности, теперь, спустя несколько десятилетий, пожалуй, стал оформляться в действительности. Увы, не через *praxis*, дело, а как нечто чисто внешнее, сообразное личным взглядам или побуждениям и бесконечно текучее. Эта иллюзия самоосвобождения лишь усугубляет потерю нами ориентиров и коллективное недоверие, а почву для этого обогащает индустрия, которая теперь придумывает средства, призванные подарить нам особое удовольствие, чтобы мы смогли в полной мере увязать наше самое возвышенное – но по-прежнему недостижимое – представление о себе с внешним обликом: создать *аватар*.

11 О понятии детерриториализации см., в частности: ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. Они же. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – *Примеч. ред.*

Название похоже на антифразу. Риторический оборот, в котором суть предложения противоположна приведенному факту или мысли. Прием обычно позволяет без лишних слов поделиться суждением, зачастую резким или выражающим разочарование. Сам термин – аватар, – предполагая под собой особую технологию, также выполняет функцию антифразы в том смысле, что вся писанина вокруг него утверждает в точности обратное тому, как это на самом деле работает. Ведь гипермодерну уже несколько десятилетий свойственно то, что предлагается, да еще так упорно, миром аватаров и проявляется не как негативный опыт, а напротив, принимает игровые, воодушевляющие формы. Имеется в виду изоляция, которую встретил профессиональный мир и, в более широком смысле, общество; отсутствие ощутимых и конструктивных связей с окружающими – словом, невозможность, в конечном счете, положиться на кого-то, кроме себя или некоторых близких. Все это мы испытали в концентрированном виде с первых дней всемирного локдауна, соблюдая требование никого не навещать и запереться дома.

Если взглянуть шире – уже многие годы популярны *бесконтактные* методы, применимые, например, при автоматическом или удаленном считывании наших магнитных карт, смартфонов или сканировании лиц. Так же и голосовые помощники все реже оставляют возможность поговорить с живым человеком, который откликнулся бы на наши запросы, – за исключением этих удачных случаев мы все чаще в повседневной жизни лишены прямого контакта как с другими людьми, так и с вещами. Достаточная дистанция между индивидами – а также между индивидами и реальным – сегодня, пожалуй, воспринимается как наиболее защищенная и благоприятная, когда речь идет о делах, которыми занимается человек, и к тому же открывает новые кладези для экономики. Теперь, как никогда, ясно, что один из главных общественных и политических вопросов нашего времени – на всех уровнях бытия – состоит в построении новых связей между людьми, однако цифровая индустрия показывает блестящий фокус, преподнося это обстоятельство не как обрушившееся на нас бедствие, а напротив, как шанс на жизнь-фейерверк, от которой каждый сможет получить лучшее.

«Аватары помогут нам перейти от сегодняшнего интернета к *воплощенному* интернету дня завтрашнего», – заявил в 2023 году Ананд Дасс, отвечающий за развитие метавселенной в «Meta»¹². Трудно вообразить более откровенное очко-

12 «Meta: “Мы убеждены, что будущее информатики – за метавселенной”», – из интервью Ананда Дасса, которое он дал Шарлю де Лобье (Le Monde. 2023. 19 mars). (Компания «Meta» признана экстремистской на территории Российской Федерации – *Примеч. ред.*).

втирательство или лучший пример антифразы, когда из положения, атрофирующего наши лучшие качества и связи с другими людьми, делают озаренный светом и желанный этос. Бог с ним, с чувственным опытом, ведь вокруг сплошной праздник, удобство, простота, стремительность – словом, среда, от которой, казалось бы, одни плюсы. Именно в таком представлении нуждаются столь экстравагантные – и леденящие – способы существования: привлекательная траектория развития, у которой есть громадное достоинство – физическое разъединение людей перестает быть обедняющим фактором и, наоборот, трактуется как грандиозный шаг вперед – межличностный, бытийный, цивилизационный. Добро пожаловать в мир 3D-фигурок, универсум вечно улыбающихся лиц без единой щербинки, который так напоминает всегда открытый тематический парк, откуда как будто изгнали весь негатив. Да, предприниматели, инженеры, консалтинговые фирмы сумели в какой-то момент истории человечества беззастенчиво – и даже убежденно, быть может, – представить нормальным, а то и завидным существование в призме пиксельных симулякров, олицетворяющих нас самих, среди синтезированных пейзажей, возвращающих ностальгические образы.

Эта среда – настолько хороший квазиестественный субститут и кажется такой надежной и привлекательной, что многие модные бренды бросаются создавать NFT-товары (*non-fungible token*) или невзаимозаменяемые токены¹³, то есть цифровые объекты с закрепленным за ними единственным владельцем. Это виртуальные одежда (далее каждое слово можно брать в кавычки), обувь, аксессуары, косметика, стрижки – в общем, появляется громадный рынок индустрии красоты, работающей через аватары. Не симулякр, выдающий себя за нечто реальное, а сугубая визуальность, которая становится самым что ни на есть живым средоточием нашей реальности в разных ее проявлениях. Процесс очерчивания собственных границ утратил внешний характер: образ действий теперь обусловлен призрачным обликом. Таким образом, призрачному – как символически, так и фактически – удастся вытеснить телесное присутствие, которое в итоге сводится к обесцененному или анахроничному онтологическому состоянию. То ли жизнь становится все более бесплотной, то ли смерть бродит среди этого подобия жизни. Новый экзистенциальный статус, предполагающий, что, если средства позволяют, надо всегда представлять в лучшем виде либо на публике уподоблять собственные черты своим фантазиям. В глубинах этой призрачно-цифровой бездны мы участвуем в рабочих совещаниях, присутствуем на занятиях, бываем в чу-

13 Невзаимозаменяемый, или уникальный, токен – криптографический сертификат цифрового объекта, своего рода цифровой копирайт. – *Примеч. перев.*

жих квартирах, ходим на концерты, в кафе, общаемся с самыми разными живыми мертвецами. Скоро мы будем также сталкиваться с «людьми» на «улице» или в других «местах», никогда не зная точно, соответствуют ли действительности их черты, пол и возраст или это полная иллюзия. Совсем скоро чат-бот, научившийся идеально повторять наши интонации, в подходящий момент заговорит вместо нас, следуя алгоритмам принятия решений или каким-нибудь командам, которые ему передают.

Призраки, изначально обитавшие в айфоне и указывавшие нам путь к лучшему через повседневность, теперь, пятнадцать лет спустя, представляют собой не просто его составляющую, быстро ставшую интегральной, – изменилась сама их природа. Ныне они не только несут нам истину, невзирая на обстоятельства, но и прорисовывают содержание окружающего нас мира, все чаще выступают от нашего имени, денно и ночью открывают нам дороги к счастью. Наступила эпоха *призрачного технолиберализма*, и она задает тон каждому нашему вздоху, относит наши чувства и мысли к тем разновидностям бытия, которым положено быть наименее популярными, учитывая, что с позиции индустрии они неприбыльны, да еще заставляют нас – на свой страх и риск – идти навстречу испытаниям реальностью. Сегодня мы, возможно, уже предчувствуем, что, прощаясь с телесным, прощаясь с возможностями нашего сознания, мы запрограммированно прощаемся с жизненными порывами, которые нами движут, и пускаем на порог коварную смерть. А коль скоро в этой зомбической жизни смерть гнездится в каждом углу, то нормальным оказывается и то, что мертвецы, которых больше нет с нами, могут затеряться среди нас – на равных правах – и перейти в нашу категорию живых мертвецов. Сегодня кажется, что с этими мертвецами, давно отправившимися на вечный покой, вполне можно – да что там, обычное дело – поддерживать связь в самых разных формах, обеспеченных системами на основе искусственного интеллекта и чат-ботами. Почти открытое свидетельство того, что когда мы найдем промышленные способы для неизбежного присутствия смерти в человеческой жизни, то вместе с этим всюду начнется сущая вакханалия – вакханалия смерти.

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Алгоритмическая некромантия

Все, что нужно, чтобы родился новый лучезарный мир, у нас тогда было. Берлинская стена рухнула, Фрэнсис Фукуяма и дух времени не оставляли сомнений: вот он, конец Истории¹⁴.

¹⁴ Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, 2007.

Хватит событиям развиваться по линии фронта Восток – Запад. Пора оставить диалектику в пыльных анналах людских деяний и идей. Пробил час – конец всему негативному. На побережье Тихого океана – словно на крайнем западе планисферы, на аванпостах раскрепощенного неолиберализма, – на земле, богатой уникальными научно-техническими традициями, усеянной миллионами университетов, движимой культурой предпринимательства, в основе которой риск, и населенной высокообразованными, нередко выдающимися людьми, открылась потрясающая перспектива – *перспектива возможного*, когда *все возможное возможно*. Можно мгновенно связаться друг с другом почти даром, находясь на разных континентах, получить доступ к безбрежному морю текстов, изображений, музыки, можно постоянно упрощать повседневную жизнь. На фоне грандиозных фейерверков, тут и там под всеобщее ликование возвещавших о наступлении нового тысячелетия, запущился нескончаемый парад инноваций для освоения этого *эльдorado возможного*.

Если на первом десятилетии XXI века лежит отпечаток идеологии, которую мы могли бы назвать «технологически всегда возможное», то следующее, оставшись в прежнем русле, повернется совсем новой стороной: *все, что во тьме веков было из области невозможного, считаем впредь осуществимым*. Такой ход мысли предполагает достижимость условий, при которых люди избавятся от любых ограничений, до сих пор признававшихся естественными и непреодолимыми, – и зависеть это будет от технико-экономического чуда: *искусственного интеллекта*. Впервые в истории все поверили, будто наше представление о человеке – в извечном понимании как о бренном, несовершенном существе – неверно, либо мы просто ленимся раскрыть глаза. Пришло время решать совсем другие задачи, а все, что нам присуще, пусть отправляется в утиль. Это уже не либидо-капиталистическая логика, выраженная в девизе «*Nothing Is Impossible*» («Нет ничего невозможного»), кредо изменилось: «*Impossible Isn't Relevant Anymore*» («Невозможное больше незначимо») – и тут уже вопросы к психиатрам. Ведь такой подход отрицает реальное, но именно внутри этого реального формирует соответствующий взгляд на вещи.

«Возможное» отсылало к тому, что представлялось осуществимым; «невозможное» предлагает считать возможным все немыслимое, неслыханное, недостижимое. Словно самые безумные идеи, если вложить в них деньги и правильно оформить, стали воплощаемыми. Именно в этом ключе подлежит осмыслению развитие пресловутых «цифровых инноваций», набравшее все более бешеный темп в 2010-е, вскружившее голову всей планете и отразившееся на самом духе времени. Дошло до

того, что все самое непостижимое – или, точнее сказать, все самое противоестественное – стало предметом не только осмысления, но и инициативы, как и сопутствующего дискурса, будто из параллельной вселенной. Самый яркий тому пример – идеи трансгуманизма, которые тогда оказались вдруг на виду, а его поборники начали трубить во все трубы о том, что мы живем в благословенную эпоху, ведь она сулит нам скорую победу над смертью. Под тот же буйный восторг, совершенно беспочвенный, появились системы, предназначенные для регулярных «бесед» с усопшими, – так зародилась алгоритмическая некроромантия.

На первом этапе поднялась волна бредовых заявлений в духе «сенсация!» – по правде говоря, просто смешных, – суливших нам бессмертие: дескать, наш мозг должен перекочевать в кремниевые чипы, которые внедряют в титановых роботов. Как правило, это повторялось без какого-либо критического осмысления, по всему миру пресса пестрела громкими заголовками. Сегодня мы начинаем задаваться вопросом: то, что тогда все, открыв рот, слушали этот бред, не есть ли еще одна, на этот раз более умеренная, разновидность коллективного помешательства либо совершенно поразительной наивности? Еще одно сопутствующее направление было подсвечено не так ярко, но все равно отличалось экстравагантностью: это *разговоры с усопшими*. В пору банализации невозможного некоторые предприниматели и инженеры дошли до изобретения способов, симулирующих общение с теми, кто уже покинул этот мир. В середине 2010-х появились стартапы – как, например, «Replika», – которые начали выводить на рынок новый тип чат-ботов – *deadbots*¹⁵, которым предстояло обеспечить голосовой контакт покойных и живых. (С развитием генеративного искусственного интеллекта таких систем, как «Project December: Simulate the Dead» или «Here after AI», стало пруд пруди.) Задача с самого начала виделась – утешать: предполагалось, что во времена потерянности и коллективной изоляции технологии, способные убедить, будто мы сохраняем связь с близкими, ушедшими в мир иной, придутся кстати.

Метод состоит в том, чтобы собрать как можно больше образцов речи и текстов, написанных человеком, проанализировать их, проследить повторяемость слов, выражений, эмотивных конструкций. Так составляется индивидуальный терминологический каталог, который будет обрабатываться по специальным алгоритмам в зависимости от заданных вопросов или высказанных мыслей. И тогда машинный призрак сможет заговорить с нами, выслушать, ответить. Источник лексики – за-

15 От англ. *dead* – умерший и *bot* – бот. – Примеч. перев.

стывшее прошлое, а значит – мертвый язык, но тот, кто жив, останется пребывать в иллюзии, будто беседует с покойным: все устроено так, что немудрено начаться галлюцинациям, поскольку для траура места не остается. Нечто похожее происходит с героиней эпизода «Я скоро вернусь» («Be Right Back», 2013; режиссер Оуэн Харрис) из сериала «Черное зеркало», которая вскоре после гибели мужа в автокатастрофе загружает на смартфон приложение, имитирующее общение с ним. Пройдет совсем немного времени, и эта навязчивая практика заставит ее забыть всех родственников и знакомых, поддерживая связь лишь с этим псевдочеловеческим голосом, которым будет говорить аморфный искусственный двойник из композитных материалов, словно вернувшийся в семейный дом. Как не увидеть в этом карикатуру на актуальный этос: индивиды замыкаются в личном сферическом пространстве из-за постоянного обращения к экранам и цифровым системам и потому начинают считать чем-то второстепенным чужое физическое присутствие и в целом жизнь в обществе с ее взаимодействиями, данными в ощущении, а все эмоции предназначают для далеких призрачных персонажей.

Можно вспомнить образ, воплощенный Томом Крузом в фильме «Особое мнение» («Minority Report», 2002; режиссер Стивен Спилберг) по мотивам одноименного рассказа Филипа К. Дика¹⁶, где актер играет командира подразделения полиции, предотвращающего преступления, которые просчитаны (но не гарантированы) не то людьми, не то синтезированными существами – их называют *провами*, и они наделены даром предвосхищать события. Вечером, когда герой находится дома один, ему кажется, что рядом его сын, что они играют, хотя тот уже умер давно, в шестилетнем возрасте, и его изображения – с неизменно детскими чертами на экране компьютера – обрабатываются процессорами, использующими старые видеозаписи. Потому герой прибегает к наркотикам: его мучает, что он не спас мальчика, ставшего жертвой похищения, – и теперь он посвящает всего себя пресечению убийств до того, как они совершаются. Можно в очередной раз подумать, будто с помощью демиургических технологий мы все больше способны подчинять ход событий нашим представлениям или определенному порядку, который должен диктовать правила.

16 декабря 2022 года легендарный рэпер The Notorious B.I.G., застреленный в 1997-м в возрасте 24 лет, появился на сцене в красном бархатном костюме и оранжевых флуоресцентных баскетбольных кроссовках, из его уст начинает звучать текст композиции «Mo Money Mo Problems»¹⁷ под записанные воз-

¹⁶ Диск Р.К. *Ubik*. Paris: Robert Laffont, 1970.

¹⁷ Нет денег, нет проблем (англ.). – *Примеч. перев.*

гласы зала. В тот день его аватар «выступил» в прямом эфире на платформе «Horizon Worlds». Вокруг него все было напичкано всевозможными чудесами техники, при виде которых перестаешь понимать, где кончается реальность и начинается фантазмагория.

Сколько концертов и спектаклей прошло с тех пор с использованием похожих приемов – например, шоу «ABBA Voyage», впервые показанное в Лондоне в 2023 году: на сцене – все участники шведской диско-четверки, их лица и тела словно законсервировались на пике славы, в 1970-х, но вообще это поющие голограммы. Учитывая, что демиургические технологии становятся все изощреннее, почему бы не представить в будущем домашний ужин в компании Людовика XIV или посещение мастерской, где прямо при нас трудится Леонардо да Винчи, – то ли еще можно вообразить! Каждый раз – один и тот же принцип: лексика, жесты, мимика фиксируются для генерации речи и изображений, но содержание зависит исключительно от того, что когда-то уже было.

Восприятие смерти – это лакмусовая бумажка, показывающая умонастроение общества или цивилизации. Если мы начинаем думать, что смерть перестала быть для нас важнейшим состоянием и не дает повода для почтительной дани памяти тем, кого больше не будет рядом, то мы неизбежно теряем ориентиры: и люди, и явления воспринимаются нами одинаково – мы приравниваем их друг к другу. Тенденция эта сегодня поддерживается технологическим инструментарием, усиливающим впечатление, будто мы можем как заблагорассудится манипулировать все новыми и новыми сторонами нашей жизни, и одновременно обостряющим чувство всесилья и склонность воспринимать других как предмет. В связи с этим следует читать Гюнтера Андерса – он с редкой пронизательностью сумел уловить некоторые черты «становления настоящего»:

«Человек, конечно, не может помешать тому, что мы продолжаем умирать, но все же способен лишить смерть ее жала, задушить стыд, который она несет самим своим существованием. Ведь можно создать столь позитивно гладкий мир, что там не останется ни малейших трещин, сквозь которые смогут просочиться неудобные вопросы о смерти, – мир, ни один элемент которого не будет напоминать про этот стыд»¹⁸.

Мы живем во времена, когда прежде всего в силу цифровизации нашего бытия далекое, даже очень далекое – вплоть до потустороннего – облекается большей ценностью, аффективной и символической, нежели фигура ближнего. Как не свя-

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

18 ANDERS G. *L'Obsolescence de l'homme. Sur l'âme à l'époque de la deuxième révolution industrielle*. Paris: Ivrea, 2002. P. 312.

зять это с тем, что наша жизнь – работа, семья, повседневные дела – волей-неволей вызывает неудовлетворенность и разочарование, в то время как некая форма присутствия на расстоянии – в ореоле, где свет и нет боли, – создает впечатление безопасности и возможности «разруливать» многие и многие ситуации как нам заблагорассудится.

Если смерть перестала быть для нас важнейшим состоянием и не дает повода для почтительной дани памяти тем, кого больше не будет рядом, то мы неизбежно теряем ориентиры: и люди, и явления воспринимаются нами одинаково – мы приравняем их друг к другу.

Локдауны, как мы еще не один год будем убеждаться, во многом дали толчок явлениям, которые теперь проходят стадию становления – и более или менее видны. В первую очередь это наступление эпохи, когда далекое – все, что есть далекого, – словно со скоростью света прилетает к нам, отчего возникает волнующее, но утешительное чувство избавления от груза повседневности. А коль скоро далекое преобладает в пиксельном воплощении, то под знаком удаленности механически устанавливается такой контакт с другими, как будто они существа из плоти и крови, возникает связь с воспринимаемой реальностью, с выражением того, что – прямо здесь, в досягаемости – составляет нас самих.

Все это – в мире, где простых команд системе достаточно, чтобы она писала тексты, генерировала изображения, видео, музыку, песни, мгновенно потакая малейшим нашим желаниям. Эпоха доступа¹⁹, которая должна была объединить людей внутри «глобальной деревни» и выпустить нас на «магистрали информации и знания», спустя два десятилетия перешла в эпоху *обесценивания ближнего, а заодно – тихой сапой – нас самих*. В жизнь среди призраков, в которой психика – при том, что мы думаем, будто у нас все под контролем, – лишь послушная игрушка наших наклонностей, лени, неврозов, как и множества совершенно посторонних сил.

Перевод с французского Анастасии Захаревич

19 См.: САДЕН Э. Указ. соч. С. 31.

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

(Авто)фикшен, мимикрия и социальная инженерия:

обзор российских
интеллектуальных журналов

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

В ситуации, когда реальность становится едва выносимой, вымысел приобретает особое значение. Он трансформирует и конструирует социальное и индивидуальное воображение, сосредотачивает его одновременно на индивидуальном и на становлении иным. Поэтому неудивительно, что вымысел активно обсуждается. «Логос» посвятил свои номера фикшену в социологической перспективе и мимикрии, «Художественный журнал» озаботился автофикшеном, а авторы «Ab Imperio» обсуждают ограничения и противоречия социальной инженерии.

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

ФИКШЕН КАК ЗЕРКАЛО ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ

«Логос» (2024. № 4) возвращается к нередкому для себя экспериментальному формату. В этом номере встречаются социология и фикшен – преимущественно в виде социологического анализа художественных нарративов в литературе и кинематографе. При этом, однако, фикшен исследуется не как объект или участник социального пространства: его выдуманный мир принимается за реальный и изучается средствами социологических теорий. Редакторы-составители номера пишут:

«Мы придерживаемся простой позиции, которая характерна для анализа научных текстов: все, что написано в тексте, – это функционирующая живая система; возможно, она не безупречна, и в ней можно найти проблематику, более того – давайте это сделаем» (с. 3).

Номер открывается эссе Светланы Бардиной, в котором она анализирует сказку «Морозко» при помощи теории Харви Сакса о построении разговора. В частности, в фокусе внимания исследовательницы находятся два разных ответа, данных героиней

и ее сводной сестрой Морозко в ответ на его вопрос, холодно ли им. Одна, несмотря на стужу, ответила: «Тепло» – и выжила, а вторая честно сказала: «Холодно» – и была заморожена насмерть. Бардина приходит к выводу, что дело в режиме взаимодействия с волшебной силой: «Нужно обмениваться несколькими церемониальными репликами, лишёнными содержания и не влияющими на ситуацию» (с. 13). Сводная сестра пренебрегла церемониальным ответом и «поплатилась за невежливую речь».

Мария Ерофеева подвергает фрейм-анализу мультсериал «Подозрительная сова», но в центре ее внимания – понимание вымысла как такового. С точки зрения фрейм-анализа, вымысел – это переключение, в котором деятельность, которая сначала воспринималась в одном ключе, начинает восприниматься в другом. К примеру, свадьба в реальности отличается зрителем от свадьбы как события в мире фильма или постановки – у них разные фреймы.

Эссе Анны Карпец посвящено анализу роли социального неравенства в романе Джека Лондона «Мартин Иден» с точки зрения теории Пьера Бурдьё о неравенстве и капиталах. Бурдерианский анализ вымышленных миров продолжает Степан Козлов в исследовании государственного символического насилия в отношении пьесы Владимира Губарева «Саркофаг». Основным инструментом автора – теория социальных кризисов Бурдьё. Как показывает Козлов, реагируя на это произведение, государство прежде всего деавтономизировало поле литературы: пьесе, декларировавшей свою вымышленность, вменяется модальность реальности, она подвергается медицинской и бюрократической оценке в качестве отчета о реальности, опасного для социального и государственного порядка (с. 77). Вероятно, это вменение реальности – наиболее часто встречающаяся форма сопротивления власти или общества подрывной силе литературы.

Сразу несколько статей посвящены гибридизации человека: Илья Новиков пишет об аниме «Человек-бензопила» сквозь призму социологии города, Тимур Адильбаев – об аниме-сериале «Из Нового света» в контексте политической философии, а Михаил Белов – о мультсериале «Конь Боджек» с точки зрения рефлексивной социологии Бурдьё.

Впрочем, некоторые эссе номера посвящены не конкретным произведениям, а теоретическим проблемам, для которых фикшен является скорее иллюстрацией. Так, Алина Лихачевская подвергает критике теорию вымысла, предложенную Квентином Мейясу. Илья Пресняков разбирается с внутренним противоречием в представлениях Дюркгейма о человеческом эгоизме и иллюстрирует его фильмом «Вавилон». Антон Баранов, пользуясь подходом символического интеракционизма Герберта Блумера, обсуждает структурные особенности интерпретации, которая работает при просмотре хоррора.

Завершается номер заделом на новое междисциплинарное поле: социальные исследования *зомби* (в той мере, в какой мы их знаем из литературы и кино). Указывая на то, что пока зомби остаются слепым пятном для социологии, Алексей Титков предлагает понимать их не как патологию, а как особый способ организации (не)жизни. Для реализации этого замысла он привлекает ресурсы классической социологии и более поздней социальной антропологии. Титков отталкивается от вопроса: почему единственный зомби выглядит тупым и неуклюжим, а масса зомби действует как слаженная грозная сила? «Их способ организации выглядит скорее как одна из утопий, в которой решены хотя бы некоторые из вечных человеческих проблем» (с. 190), – например, благодаря коллективному разуму и горизонтальной организации.

АВТОФИКШЕН: НЕ ТОЛЬКО О СЕБЕ

Новый номер «Художественного журнала» (2024. № 126) посвящен текстовому и визуальному автофикшену. Тема весьма своевременная в эпоху инфляции субъективности и озабоченности ею: нас окружают глорификация опыта и индустрия селф-хелпа, замыкание художника на личном с сопутствующим игнорированием истории и общества – и, наоборот, коммерциализация художником своего личного как ресурса. Впрочем, под названием «автофикшен» фигурируют много разных явлений, работающих по-разному, – от литературы до теории и современного искусства (подробнее об этом в тексте Татьяны Сохаревой). Одна из формул, объединяющих это многообразие: чем больше фикшена, тем больше релевантности для других. Авторы номера, с одной стороны, уточняют и разрабатывают явление и идею автофикшена, а с другой – критикуют.

Как замечает Аня Кузнецова, в отличие от автобиографии, автофикшен концентрируется на *личном опыте* и теле (индивидуальном, воображаемом, коллективном...), поэтому точная и полная последователь-

ность событий не важна. Важна же *перформативная* работа с реальностью, ее акторами и субъектом высказывания, то есть воссоздание субъекта в символическом поле и проработка, преодоление его травм и проблем. Также важно то, что «соотнесение личного опыта с социальным и политическим контекстами позволяет говорить “я” и показывать “себя”, подразумевая “мы”, “нас”» (с. 12). Из автофикшена неустраима часть «авто-», но необходима чуткость к опыту *других*, к социальному и политическому измерению. (Значительная часть автофикшена, в том числе в России, игнорирует это, замыкая читателя в сфере личного.) «В фокусе произведения – не личность художника, а граница, где личное вступает в диалог с коллективным» (с. 16).

Это ставит вопрос о *медиаторах*, которые «позволяют вывести в надличностное нечто неартикулированное субъективное, но также придать смысл индивидуальному опыту» (с. 65). Как отмечает Лера Конончук, медиаторами могут быть искусство, тексты, персоналии:

«В автофикшене нередко демонстрируется, как опыт проживается героинями опосредованно – через намеренный выбор заступников и союзниц, через трансисторическую общность теоретиков, писательниц, художников, активисток – а также продукты их труда» (с. 65).

На смену единоличному авторству приходит приглашение к сотворчеству, а акцент смещается с произведения на процесс. Поэтому, отмечает Кузнецова, авторы автофикшена «обращаются к фрагментарности, различным модусам и стилистикам, экспериментируют с прозой и поэзией, включают в письмо теорию, визуальное искусство и опыт других, тем самым встраивая свою работу в более широкий, часто социальный контекст» (с. 13).

Александра Володина и Марыся Пророкова называют предельное развитие этой

стороны автофикшена *автотеорией*, то есть сочетанием автонаратива с созданием возможностей солидаризации как совместного состояния или действия на основе общей объяснительной схемы (с. 47). Пример такого письма – «Camera Lucida» Ролана Барта, работы Поля Пресьядо и Мэгги Нельсон. Помимо иных задач автотеории, в эссе отмечается, что «автотеория эффективна как практика противостояния разного рода эксплуатации, например, культурной апроприации или эксплуатации данных» (с. 49).

Примером автофикшена, соответствующего требованию нахождения на границе «Я» и коллективного, является эссе Ильмиры Болотян. Размышляя о своей практике ведения дневников, ее контекстах и перипетиях, о своем пути в духовном поле и современном искусстве, Болотян провоцирует читателя на такие же размышления, поскольку не просто описывает свой опыт, но формулирует проблемы, противоречия за пределами частного, например: «Я занимаюсь поиском общего, в то время как все современное искусство занимается расщеплением» (с. 27).

Этот эффект привлечения и воздействия на читателя в автофикшене может иметь терапевтический эффект, отмечает Ксения Кононенко, анализируя творчество Софи Калль. Здесь стоит привести цитату, смысл которой распространим не только на художниц и художников:

«В одном из своих интервью Калль говорит, что она “одержима последним разом”». Последний раз как последняя точка, которую мы не можем понять, точка, поставленная другим, экспроприруется без лишней интерпретации. Эта точка – метафора, расставание, но иногда и смерть, отдаляется от наслаждения отбросом, страданием как работой художника, высвобождая место новому “последнему разу”, который обязательно случится и обязательно закончится» (с. 33).

Возможность терапевтического момента перекликается с тезисом Кузнецовой о важности коллективного. Как отмечают Александра Володина и Марья Пророкова, «созвучие опыта разных персон, коллективов и сообществ становится плодородной почвой для снижения негативных эффектов изоляции и капсулирования пережитого» (с. 45). Их эссе посвящено анализу коллективных нарративных терапевтических практик, основанных на элементах автофикшена, ярким примером которого на территории искусства является *disability art*, где проблематизируется и осмысливается личный ненормотипичный телесный опыт (с. 49).

«Проблематизация инвалидности и ненормотипичности позволяет поместить помехи и неточности в центр внимания, не отмахиваясь от них, а концептуализируя и исследуя. Таким образом, эта оптика позволяет глубже разобраться в устройстве и функционировании нарративов как таковых» (с. 50).

Такая практика предполагает вопрошание и уточнение наличных культурных нарративов и образов. Развертку этих идей и примеры такого искусства представлены в эссе Володиной и Пророковой.

Автофикшен вызвал неоднозначное отношение к себе, в том числе обширную критику. Как отмечает Татьяна Сохарева, критики упрекали жанр – а теперь скорее тенденцию – в «размытых жанровых границах, известной доле претенциозности, граничащей с неизбежным нарциссизмом авторов, беллетризации автобиографического опыта» (с. 75). Примерам критики автофикшена посвящена статья Леры Конончук, в которой отмечается, что автофикшен давно стал скорее маркетинговой категорией в эпоху демократизации медиа и эго-культуры (с. 61). Критика автофикшена в основном опирается на критику современной культуры, которая максимально

проявляется как раз в автофикциональных текстах. В заключение приведем цитату из статьи Конончук:

«Как и искусство, автофикшен дает обещание неотчужденной жизни и труда: границы между своим и чужим, собой и миром, фактическим и желаемым, индивидуальным опытом и телом культуры оказываются размыты. Мы знаем, что это обещание неисполнимо или оборачивается своей темной стороной. Но самые удачные произведения, на мой взгляд, не отказывают этому утопическому желанию: они движутся в самую его глубину, чтобы использовать для целей, которые не укладываются в главенствующую “культурную логику”» (с. 67).

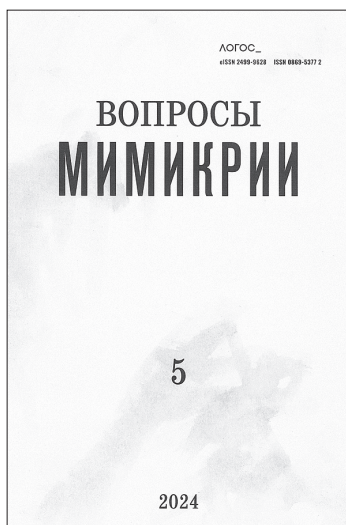
Вопросы мимикрии

«Логос» (2024. № 5) предлагает читателю обсуждение универсальной тенденции, пронизывающей многие области природы и культуры, – миметизма. В предисловии редакторы-составители отмечают:

«Сегодня мы задаемся вопросом о мимикрии, с одной стороны, на волне философского поворота к нечеловеческому; с другой – в контексте вопроса о социально-политических аспектах мимикрии; с третьей стороны, продолжая современные тенденции в антирепрезентативном прочтении мимесиса» (с. 1).

Мимикрия – переход границы между внутренним и внешним, различием и неразличенностью, мимесисом и его изнанкой. Этот переход и границы исследуются авторами номера. Читателя ждет многообразие тем – от события, разрывающего привычный порядок, попытки совершить превращение и приблизиться к иному модусу существования непосредственным интуитивным движением до миметической заикленности и возможность ее преодоления

В первом блоке мимикрия обсуждается как событие, разрывающее привычный порядок и переопределяющее вещи. Так, Александр Дютманн анализирует следствия императива «Быть миметичным». Что значит не быть собой, а стать похожим на себя? Важное свойство мимесиса состоит в том, что он превращает действие или существование в *событие*. Например, ходьба Чарли Чаплина в кино – не заурядное действие, а событие для зрителя.

Мимикрия часто понимается как форма конформизма: утверждение самости, нуждающейся в признании со стороны других. Однако она же может быть и ресурсом *сопротивления*, когда самость стремится к становлению иной. Этому посвящена статья Артема Серебрякова, в которой он обсуждает рассказ Кафки «Мост». В центре его внимания – игра, в особенности детские игры, в ходе которых дети переживают становление чем-то иным, скажем, мостом, ветряной мельницей, железной дорогой. Этот опыт, доступный не только детям, дает «возможность быть не теми, кем нас определяет наличный порядок, и действовать не так, как этот порядок нам предписывает» (с. 35).

Продолжая линию анализа мимикрии как ресурса эмансипации, Яна Маркова

переносит дискуссию на территорию феминистских стратегий подрыва патриархального порядка. Она ищет ответ на вопрос: могут ли наличные формы женственности быть ресурсом подрывного подражания или же их необходимо отвергнуть как идеологические конструкции? Успешным может быть только *возвышенный мимесис*, доказывает исследовательница.

«Когда женщины надевают траур и стоят вдоль улиц в знак скорби и протеста против империалистического насилия – это повторение существующей нормы, но не пародийное, а возвышенное. Это повторение производит разрыв в старой реальности, и символические, политические, социальные связи, выстраивающиеся после разрыва, будут включать в себя и учитывать это новое означающее, как история искусства включает в себя новый шедевр. И подобно тому, как произведение искусства может перевернуть наше представление обо всем, что было до него, сублимирующее повторение женственности способно на радикальное смещение того, что значит быть женщиной и как вообще понимаются социальные отношения и роли» (с. 58–59).

Мимесис может незаметно превращаться в *насилие*. Одним из осмыслений этого является идея миметического насилия Рене Жирара. Ее критике и переосмыслению посвящена статья Алины Кондаковой. Основной ход исследовательницы – перевод вопроса в онтологическую плоскость, обнаруживающую слепые зоны антропологической теории Жирара. Кондакова стремится лишить ее апокалиптизма, концептуализируя гетерогенность как насилия, так и субъекта.

Обсуждение идей Жирара продолжает Екатерина Григорьева. Она подходит к его теории с точки зрения *двойничества* в любви. В частности, исследовательницу интересует жираровский треугольник миметического желания, включающий любящего субъекта, объект этой любви и образец, вы-

ступающий в качестве препятствия на пути желания субъекта, для которого конститутивна ревность. Любовь всегда миметична, так как это любовь к идеальному Другому. Поэтому это борьба двух двойников, в которой желание направлено на недостижимое. Любовь всегда уже обречена на бесконечный проигрыш.

Лина Булахова переносит обсуждение на неожиданную территорию – в область теологии. В частности, она рассматривает христианскую сотериологическую концепцию прижизненного уподобления богу. В ней мимикрия оказывается в самом сердце религиозной жизни: человек подражает Христу. Мимикрия здесь – желание вернуться в изначальное единство мира, а переживаемое отчуждение человека от среды понимается как следствие первородного греха. Мимикрия – подражание полноте и совершенству, и это ставит политический вопрос: что происходит с ней после смерти бога? Кто и какой идеал замещают бога?

Не менее неожиданную тему предлагает Екатерина Хан. Работу мимесиса она изучает на примере камня. Он обнаруживает значимость в контексте письменности, красоты и искусства. Заключительная статья номера – исследование Нины Савченковой. Она рассматривает конфликтность внутреннего и внешнего в контексте психических процессов интроекции и проекции. Если невротик переносит свои чувства на случайный объект внешнего мира, то психотик становится «вещью среди вещей».

НЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИЕЙ ЕДИНОЙ

«*Ab Imperio*» (2024. № 2) посвящен стратегиям социальной интеграции: социальной инженерии и моральному обществу. Как отмечается в редакторском предисловии, материалы номера выстроены вокруг следующих вопросов:

«Являются ли [эти стратегии] взаимоисключающими? Вырастают ли моральные сообщества естественным образом? Не может ли социальная инженерия формировать интимную солидарность общих ценностей и воспоминаний?» (с. 12).

Использование социальной инженерии исследуется в работе Ольги Линкевич, посвященной дискуссиям социальных ученых и властей по поводу социальной политики в Польше периода 1916–1939 годов:

«[Сторонники авторитарного режима санации] воспринимали политику и социальное развитие через призму романтической традиции, тем самым компрометируя любое рациональное планирование. В свою очередь, ученые пытались примирить патристическую миссию служения стране с научными принципами объективности, напрямую связанными со свободой от политического вмешательства» (с. 80).

Линкевич пересматривает некоторые устоявшиеся представления о неудавшейся попытке построения национального демократического государства в Польше и режиме санации как воплощении социальной инженерии. В частности, она показывает, что вовсе не государство было основным источником мер социальной инженерии, а ученые-обществоведы, обращавшиеся к опыту СССР и нацистской Германии. Кроме того, Линкевич опровергает представление, что рациональная социальная инженерия несовместима с холистским идеалом морального общества, который пытались воплотить в Польше в рамках нациестроительства. Напротив, некоторые предлагавшиеся учеными технократические меры были реализованы именно в рамках этого идеала.

Если Линкевич показывает случай «скрывающейся» социальной инженерии, то Арайлым Мусагалиева, напротив, тематизирует ее радикальное проявление – на примере создания и работы сельскохозяйственного Карлага в центральном Казахстане и

принудительного переселения местного «нескоординированного» населения (с. 91). При этом колхозы центрального Казахстана, пострадавшие от экспансии Карлага, имели право на возмещение ущерба. Исследовательница показывает, что там отсутствовала пресловутая большевистская диктатура с ее скоординированной политикой и социальной инженерией, которая в условиях первой пятилетки состояла в превращении населения в рабочую силу при помощи системы лагерей. На месте, напротив, наблюдалась импровизация и конкуренция различных полуавтономных ведомств (колхозов разных госструктур), что снижало экономическую эффективность мер. «Отсутствие единого современного государственного аппарата проявилось в отсутствующей или слабой межведомственной координации при решении номинально общесоюзных задач» (с. 92). Потому этот случай социальной инженерии в ее ужасной версии, разрушительной для местных культур и образа жизни, не был образцом высокого модернизма (с. 15).

Энди Бруно и Виктор Пал критикуют сложившееся представление о социальной инженерии как «процессе модернизации и конструирования ландшафта по западным образцам». Они показывают, что экологическая политика в соцстранах не сводилась к авторитарным рациональным проектам эксплуатации природных ресурсов без оглядки на материальные и человеческие затраты. Изучая экологическую политику в социалистической Венгрии и СССР (на примере Кольского региона), Бруно и Пал

демонстрируют, что здесь сложился недифференцированный советский экологический холизм:

«Принцип холистского восприятия реальности ориентировался на определенный тип морального сообщества в смысле комплекса общих интимно переживаемых установок и предпочтений, а не формализованной и рационально сформулированной политики, различающей общество, экономику, политическую сферу и природу» (с. 15).

Примечательно, отмечают редакторы номера, что мы все еще работаем в рамках модернистского дуализма социальной инженерии и холистского морального сообщества. И если переплетение этих сторон делает возможным благотворное изменение общества и природы, то их противопоставление разрушительно как для социальной жизни, так и для науки.

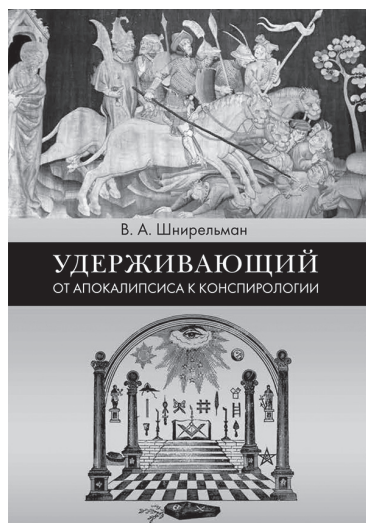
В заключение стоит отметить, что обращение с вымыслом и возможным – то есть несуществующим – все больше определяет индивидуальную и социальную жизнь: через рефлексию и становление иным, безопасностью и нациестроительство. Не хватает в этом ряду утопии и образов будущего, которые до сих пор находятся в кризисе. Несуществующее рассекает, скрепляет и подрывает наличное. При встрече с ним важно не замыкаться на коллективном или, наоборот, на индивидуальном, что так часто происходит, а удерживать оба аспекта.

Рецензии

Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии

ВИКТОР ШНИРЕЛЬМАН

М.; СПб.: Нестор-История, 2022 – 424 с.¹

История конспирологии, или теории заговора, насчитывает более двухсот лет, ее корни уходят еще глубже, а расцвет наблюдается в XX–XXI веках, когда конспирологические теории широко распространились в разных странах. История изучения этого феномена также весьма обширна и интересна: исследователи выделяли различные версии происхождения конспирологии – от психиатрических (наличие параноидального мышления, особый тип нервной системы) до вполне рациональных (использование массовых страхов и предрассудков в политических целях). Корни конспирологии иногда видят в намеренном или нет упрощении исторических явлений и процессов; в преувеличении связи чьих-либо намерений и якобы вытекающих из них результатов; в ложном видении причинно-следственных связей; в вере в то, что ничто не происходит случайно, но является

- 1** Обычно «НЗ» не публикует рецензии на книги, появившиеся более двух лет назад, но в этот раз редакция приняла решение отклониться от этого правила. Тому есть две причины: книга Виктора Шнирельмана представляет не только несомненный научный интерес – она актуальна именно сегодня; также мы попытались восполнить явный недостаток откликов на нее в печати. – *Примеч. ред.*

**НОВЫЕ
КНИГИ**

следствием чьего-то плана или злой воли². В конспирологии одним из центральных моментов является вера в существование неких тайных групп, обществ или организаций, влияющих на ход истории, в том числе мировой.

Изучению истории заговоров и их специфике посвящена обширная литература, в том числе в нашей стране. Связанные с теорией заговора эсхатологические, националистические и расистские представления не раз становились предметом исследования в трудах Виктора Шнирельмана, изучающего (псевдо)интеллектуальные лабиринты и различные около-, пара-, псевдо- и лженаучные воззрения, получившие довольно широкое распространение в России в последние тридцать лет³. И это неудивительно: духовный вакуум, в котором оказалась страна после распада СССР и который власти, церковь и наука не смогли заполнить, а также кризисные явления в стране и за ее пределами порождают чувство неуверенности, страхи, желание найти ответственного за происходящее. Реально существовавшие заговоры – раскрытые до их осуществления или вовремя не раскрытые – подпитывают такие теории. Если говорить об истории России, то к ним принадлежат, например, убийство Павла I в результате заговора или сопровождавшееся различными слухами и предположениями убийство Столыпина, детали которого до сих пор до конца неясны.

Шнирельман справедливо отмечает, что распространение различных теорий заговора стало особенно заметно в наши дни. Эпоха постмодерна с утратой многими людьми моральных ориентиров, своеобраз-

ным культурным релятивизмом (спутником мультикультурализма), возникновением транснациональных сообществ, включая международные корпорации, глобализирующей ролью электронных СМИ и особенно соцсетей стала для теорий заговора весьма благоприятной. Эти процессы не могли не оказать влияния на стремительное распространение всевозможных идей, страхов и призывов, которые воспринимаются чрезвычайно широкой и разнообразной аудиторией.

И если конспирология в прошлом была уделом достаточно ограниченного круга преимущественно довольно образованных людей, обычно крайне правых взглядов и весьма своеобразного склада характера, то за последние десятилетия ситуация качественно изменилась. Шнирельман вслед за Леонидом Иониным пишет о новой магической эпохе, когда вследствие упадка традиционных религий во многих локальных культурах происходит своеобразная консервативная реакция⁴ (от себя добавлю: нередко замешанная на оккультизме, эзотерике, культе силы и мифологических представлениях).

Рецензируемая книга стала своего рода итогом многолетних исследований, в том числе различных ксенофобских теорий, включая расистские, экстремистские, антисемитские и другие. Она в каком-то смысле объединяет все изучавшиеся Виктором Шнирельманом воззрения, ибо конспирология вобрала в себя ксенофобию, антисемитизм (и – шире – ненависть к Другому), а также нередко граничит с экстремизмом.

Мощный толчок популярности теорий заговора был дан Первой мировой войной,

2 Подробнее см.: BYFORD J. *Conspiracy Theories: A Critical Introduction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011; *Handbook of Conspiracy Theory and Contemporary Religion*. Leiden: Brill Publishers, 2018; ШНИРЕЛЬМАН В. А. *Конспирология* // Большая российская энциклопедия (<https://bigenc.ru/c/konspirologia-b3cc1d>).

3 Из его многочисленных работ хотелось бы отметить: ШНИРЕЛЬМАН В. А. *Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России*. М.: Academia, 2004; Он же. *Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России*. М.: ББИ, 2012; Он же. *Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России*. М.: ББИ, 2017.

4 Ионин Л. Г. *Новая магическая эпоха* // Логос. 2005. № 5. С. 23–40.

приведшей к крушению империй и революциям, в том числе на территории России. Именно тогда обрели широкую популярность мифы о тайных организациях, стремящихся к мировому господству. Их самыми ранними образцами в конспирологии считаются по всей видимости орден тамплиеров, а также иллюминаты и масоны. С последними связано множество теорий заговора разного толка. О теориях, сопряженных с иллюминатами и масонами, Шнирельман пишет особенно подробно (им посвящена отдельная глава). Это объяснимо в силу чрезвычайной популярности подобных верований в кругах конспирологов, причем многие объединили масонов с евреями в единую тайную и злобную силу, плетущую свои сети по всему миру.

Исследователь дает развернутый обзор теорий заговора и, как всегда в своих работах, тщательный анализ посвященной им литературы. Он, как и другие авторы, занимавшиеся историей теорий заговора, обращает внимание на то, что и в наши дни многие конспирологи возводят тайные общества к ордену тамплиеров – и еще чаще к иллюминатам и масонам, а также некоторым другим (розенкрейцерам, якобинцам и прочим). Эту связь конспирологи начали усматривать еще в XVIII веке; впоследствии на первый план выходили то одни то другие, но первенство все же они отдавали масонам, а также якобы связанным с ними евреям (позднее – сионистам). При этом могущество того или иного тайного общества и замышляемого им заговора – обычно вопрос веры, а не доказательств, которые берутся из непроверенных источников, трактуются весьма произвольно и, если их не хватает или они недостаточно убедительны, их изобретают или подгоняют под данную теорию.

Говоря о теориях заговора в Европе, Виктор Шнирельман отмечает, что они зародились в рамках христианской мысли и, даже если впоследствии конспирологи отрицали христианство с тех или иных позиций, они все равно писали в русле христианской парадигмы. Замечу, отсюда и вера в могущественные силы тамплиеров-розенкрейцеров-иллюминатов и прочих, сохранившаяся в конспирологии до наших дней не только в Европе. Это вполне естественно, ибо вера в некие не просто враждебные, но сатанинские силы, борющиеся за власть над человеческими душами, ведущие мир к гибели, характерны для дуалистических религий. Это отмечают как отечественные, так и зарубежные, особенно американские, исследователи⁵. Я не зря акцентирую внимание на работах ученых из США, поскольку эту страну нередко считают классической страной конспирологии. Вместе с тем в рецензируемой книге не обойдены вниманием сторонники теорий заговора из других стран, особенно распространившихся после Первой мировой войны и русской революции 1917 года, поскольку адепты таких теорий обвиняли и продолжают обвинять в первую очередь масонов, а затем и евреев в инспирировании этих событий. Причем подобные теории плавно мигрировали из-за рубежа в Россию и обратно, будучи подхвачены нацистами, а затем и конспирологами в других странах (в частности, сторонниками жидомасонского, сионистско-масонского заговоров), в том числе в позднем СССР и постсоветских странах. При этом, как отмечает автор, конспирологи использовали и используют одни и те же фальшивки вроде «протоколов сионских мудрецов» (с. 28).

Более того, в ряде постсоветских стран стали издавать и переиздавать различные западные конспирологические произведе-

5 Например: ХЛЕБНИКОВ М.В. *Теория заговора. Опыт социокультурного исследования*. М.: Кучково поле, 2012; FENSTER M. *Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008; BARKUN M. *Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Los Angeles: University of California Press, 2013.

дения вроде сочинений Игоря Калмыкова (Григория Климова). Его первая книга «Князь мира сего» вышла в США в 1970 году и была переиздана в России издательством «Вече» в 1992-м. В ней шла речь о масонах и гомосексуалистах, которые особенно волновали автора, а также о еврейских женах коммунистических вождей (как тут ни вспомнить средневековые представления о суккубах и инкубах, восходящие к архаическим ближневосточным мифам, которые в числе прочего послужили одной из основ ведовских процессов в Европе). Шнирельман убедительно показывает, почему и как подобные сочинения распространялись и распространяются в нашей стране, на какие аудитории они рассчитаны – в основном на малограмотных и ориентированных на правые идеологии читателей. Впрочем, среди этих книг есть и те, что могут привлечь сторонников левых идей (например, содержащие обвинения иллюминатов, евреев и масонов в контроле над мировыми финансами и закулисной деятельности транснациональных организаций).

Возвращаясь к христианской подоснове многих конспирологических теорий, надо вспомнить о понятии, стоящем в названии рецензируемой книги: удерживающий. Это богословский концепт (от греч. «катехон»), восходящий к христианским эсхатологическим представлениям о существовании личности или государства, препятствующих победе зла и приходу антихриста. Он восходит к словам апостола Павла (2 Фес. 2:7) о том, что «беззаконие не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь». Эти не вполне ясное слово различно толковали уже ранние отцы церкви (богословы говорили о том, что удерживающий – это Римская империя, император Нерон, бог, дьявол, позднее – римский папа и другие).

Данный концепт получил особое распространение в православной традиции и особенно в русском православии. В послед-

нем постепенно формировался взгляд, согласно которому удерживающим является православная Российская империя или православный царь. Значительный вклад в формирование именно такого понимания удерживающего сыграл Сергей Нилус, видевший в масонах и евреях мировое зло, а в Святой Руси и ее царе – такие начала, которые этому злу (Запад уже завоевавший) могут противостоять. Именно такое понимание быстро распространилось в православных монархических кругах после революций 1917 года и расстрела царской семьи, воспринятого как сознательное уничтожение удерживающего. Поэтому автор так подробно останавливается на убийстве царской семьи, которое воспринимается конспирологами (в первую очередь православными фундаменталистами и монархистами) в том числе и как ритуальное убийство, совершенное «талмудистами» со вполне зловещими целями. Такому восприятию способствовала канонизация последнего российского императора и его семьи сначала РПЦЗ в 1981 году, а затем РПЦ в 2017-м, что сопровождалось усилением соответствующих слухов.

С тех пор роль удерживающего отдавали то Богородице, то Российскому государству (и именно это последнее воззрение и анализируется Шнирельманом). Вообще в книге наибольшее внимание уделено именно отечественным теориям заговора, их происхождению, распространению, использованию в различных целях. Об этом говорится в обширной четвертой главе рецензируемого издания, которая показала мне наиболее интересной. В ней исследователь демонстрирует вторичность отечественной конспирологии, заимствующей основные паттерны у своих западных аналогов (при всем неприятии Запада).

В СССР такие теории были под запретом, поэтому конспирология в нем развивалась иначе: это были теории заговора пантюристов, панисламистов, агентов различных

иностранных разведок, космополитов и им подобных. Все они в той или иной мере содержали «смесь архаических религиозных страхов с популистской юдофобией фашистского извода, антикапиталистической риторики с шовинистической пропагандой» (с. 99). Автор также подчеркивает, что советский антисюицизм был не более чем скрытой формой юдофобии (от себя добавлю: не только в Советском Союзе и не всегда скрытой). Этот опыт не прошел даром и был подхвачен многочисленными эпигонами в постсоветскую эпоху.

Одно из заимствований, вольно чувствующее себя на просторах отечественной конспирологии, – антисемитизм/юдофобия. Антисемитизм, бывший до начала XX века характерным прежде всего для христианской цивилизации, в последние несколько десятилетий становится все более неотъемлемой частью исламского мировоззрения, а также неоязыческих и околонуцистских взглядов; он неизбежно попадает в поле зрения исследователей, занимающихся теориями заговора⁶. О неоязычниках и их псевдоинтеллектуальных лабиринтах Виктор Шнирельман неоднократно писал в своих работах, он уделяет им значительное внимание и в рецензируемой книге, демонстрируя связь неоязычества с антисемитизмом и враждебность христианству, поскольку в христианстве многие последователи неоязычества и «арийского мифа» видят иудейскую приманку для арийской расы, а христиан и иудеев воспринимают как врагов арийцев, укравших их мудрость (с. 73).

Что касается роста антииудаизма и антисемитизма в исламском мире⁷, то этой теме в рецензируемой книге, на мой взгляд, уде-

лено недостаточно внимания. Между тем о роли исламского фактора в распространении антисемитских теорий, в том числе теорий заговора, не раз писали зарубежные ученые – например, Мишель Вевьорка, говоривший о распространенности подобных взглядов среди мусульманского населения Франции⁸.

Мощная волна антисемитизма, которая поднялась преимущественно среди мусульман и пропалестинских кругов в ряде западных стран (и не только) после нового этапа израильско-палестинского конфликта, начавшегося после терактов 7 октября 2023 года, – яркое тому свидетельство. Впрочем, в фокус этой книги Виктор Шнирельман поместил конспирологию именно христианскую, прежде всего фундаменталистскую, которая использовала и использует антисемитизм. И здесь отечественная конспирология мало что предложила нового, черпая свои идеи в основном из зарубежных работ. Тем не менее Шнирельман обращает внимание на следующее:

«В начале XXI века многие конспирологические идеи были подхвачены властью, обнаружившей в них мощное орудие национального сплочения в ответ на глобализацию и “цветные революции” в соседних странах, которые приписывались тайным проискам “Вашингтонского обкома”, за которым стояли все те же глобальные силы зла, или Нового мирового порядка» (с. 83).

Шнирельман подчеркивает, что очередной всплеск интереса к теориям заговора был, как всегда и везде, обусловлен различными кризисами (внешне- и внутривосполитическими, например, в прошлом это были поражение в Крымской войне, польское восстание 1863 года). В этом русле впоследст-

6 Например: BROTHERTON R. *Suspicious Minds: Why We Believe Conspiracy Theories*. London: Bloomsbury Publishing, 2015; Яблоков И.А. *Русская культура заговора: конспирологические теории на постсоветском пространстве*. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

7 Например: Носенко-Штейн Е. *Еще раз об антисемитизме и еврейской исторической памяти* // *Диапоры / Diasporas*. 2011. № 2. С. 40–63.

8 ВЕВЬОРКА М. *Соблазн антисемитизма. Ненависть к евреям в современной Франции*. М.: Институт востоковедения РАН, 2006.

вии развивались теории заговора масонов и евреев, «сделавших» революции, стремящихся погубить Россию (удерживающего) и стремящихся к мировому господству.

Говоря о современных видах конспирологии в России, Виктор Шнирельман снова обращается к ее истокам в советской эпохе, выявляя несколько локусов (сохранившихся в постсоветский период): журнал «Молодая гвардия» и его окружение; писатели-«деревенщики» и некоторые региональные историки; «Клуб антисиионистов» Ивана Милованова при ЦК КПСС и другие. Впоследствии эта гремучая смесь из православной эсхатологии, вульгарного марксизма, сталинизма, антисемитизма и невежества не раз проявлялась в постсоветскую эпоху, в том числе в публикациях, имеющих статус академических⁹, и в журналистике (Максим Шевченко, Александр Проханов). Они повторяли все те же старые клише и измышления (связь евреев с масонами / иллюминатами / тамплиерами, мечты этих и других уже упоминавшихся групп и персонажей о мировом господстве, их активное участие во всех войнах, революциях и прочих катаклизмах).

Я упомянула о проникновении конспирологии в академические исследования, поэтому мне был особенно интересен проведенный Виктором Шнирельманом анализ места конспирологических теорий в историографии и некоторых других областях гуманитарного знания. Речь идет о трудах Юрия Бегунова, Игоря Фроянова, Валентина Катасонова и других, использующих все те же идеологические штампы и псевдодокументы, а помимо этого – и хазарский миф, мифы о Федеральной резервной системе США, глобализации, штрих-кодах и прочие «страшилки». Автор также останавливается

на псевдонаучных работах постсоветской эпохи (труды Алексея Виноградова, Ларисы Бурлуцкой и других). В некоторых сочинениях такого рода встречается описание информационных войн как войн реальных, в ходе которых «уничтожается идентичность населения», совершается «цивилизационная перевербовка» и подобные вещи. Во всех них опять явственно проступает присущее авторам дуалистическое видение мира и его проблем. Такую литературу Виктор Шнирельман называет вторичной, но это можно сказать обо всей отечественной конспирологии, использующей одни и те же заимствованные из-за рубежа идеологемы и воздействующей на не слишком образованных и испуганных обывателей.

Автор также исследует рецепцию подобных теорий силовыми структурами, которые в настоящее время, как и в прошлом, готовы использовать нужную идеологию и нужных идеологов в карательных целях. Виктор Шнирельман напоминает, что унаследованный от советского периода антиамериканизм широко эксплуатируется современными российскими конспирологами, в писаниях которых именно США (вкупе с евреями или без них) обвиняются в стремлении к мировому господству и новому мировому порядку, к захвату всех ресурсов. Здесь мы видим переход от (псевдо)интеллектуальных конспирологических игр в сферу политики, куда некоторые идеи довольно успешно проникают. Нельзя не согласиться с процитированным автором высказыванием:

«Как отмечал Б. Фэй, в либеральных демократиях конспирология распространяется снизу, из масс, а при авторитарных режимах насаждается сверху и навязывается массам»¹⁰ (с. 352).

9 Ямилинец Б. Ф. *Россия и Палестина. Очерки политических и культурно-религиозных отношений (XIX – начало XX века)*. М.: Институт востоковедения РАН, 2003. Любопытно, что эта книга была издана тогдашним сотрудником Отдела Израиля этого института, хотя содержит явно ненаучные и антисемитские положения.

10 Fay B. *The Nazi Conspiracy Theory: German Fantasies and Jewish Power in the Third Reich* // *Library and Information History*. 2019. Vol. 35. № 2. P. 92.

Первое наблюдалось в России в 1990-е, а второе набирало силу начиная с 2004–2005 годов и особенно усилилось после 2013-го, когда конспирология проникла в высшие эшелоны российской власти, прежде всего в силовые структуры. Нельзя не восхититься смелостью автора, называющего многих сильных нынешнего мира. В отличие от плохо запомнившихся неспециалистам движений и идеологов 1990-х, эти люди и созданные ими движения и центры оказывали немалое влияние на политику и идеологию в России недавнего времени (и нередко продолжают делать это в наши дни). Их обслуживают различные фонды, аналитические центры и прочие институты, деятельность которых освещает Шнирельман.

Рост влияния конспирологии в России был следствием не только тяжелой экономической ситуации, вызванной в числе прочего радикальными реформами начала 1990-х, уязвленного национального и этнического самолюбия, а также всплесками антироссийских (и иногда антирусских) настроений во многих бывших советских республиках. Исследователь отмечает, что в России «теории заговора стали получать популярность и расцвели в течение последних 20 лет, став общественно значимыми» (с. 122), сравнивая Россию вслед за некоторыми исследователями с Германией эпохи Веймарской Республики и называя ее «Веймарской Россией».

Виктор Шнирельман подробно исследует проявления этой тенденции в современной российской масскультуре, включая художественную литературу, кинофильмы, онлайн-ресурсы. Многие из них паразитируют на конспирологических теориях (масоны, мировая закулиса, психотронное оружие и тому подобное). Он подчеркивает не только вторичность, но и мозаичность современной конспирологии в нашей стране. Освещая взгляды Александра Дугина и Юрия Воробьевского, автор подчеркивает,

что они содержат все тот же набор клише: мировой заговор / жидо-масоны / «протоколы сионских мудрецов» и так далее. Особенно колоритна фигура Дугина (которому в книге уделено немало внимания), «в разное время успевшего побывать то членом “Черного Ордена SS”, то старовером, то евразийцем, то политологом, то эзотериком, то социологом» (с. 164). Однако эта предсказуемая смесь оказывается востребованной в последние 25–30 лет.

Несколько иначе конспирологические теории представлены у так называемых «левых интеллектуалов» (прежде всего идеологов и пропагандистов КПРФ). Однако, по сути, авторы этих трудов, как показывает автор, используют под несколько иным соусом все те же идеологические клише, напрочь забывая о марксизме, классовом подходе, интернационализме, которые мало совместимы с их конспирологическими воззрениями.

Впрочем, гораздо больше внимания в книге справедливо уделено разного рода правым националистическим, православным фундаменталистским, неоязыческим и иным течениям, широко использующим теории заговора, антисемитизм, антизападничество и антилиберализм, хотя и в несколько различающихся контекстах. Именно у правых конспирологов часто встречается противопоставление России как удерживающего и Запада, «покоренного антихристом». В их писаниях часто говорится, что парламентская система была навязана России евреями, которых эти сочинители нередко рассматривают в качестве «передового отряда воинства антихриста» (с. 403). Если таким «передовым отрядом» прежде был мировой империализм, то теперь им чаще всего становятся именно евреи, причем конспирологи нередко не ограничиваются религиозной доктриной, но переводят противопоставление в этническую и расовую плоскость. В ряде случаев к ним присоединяют католиков,

протестантов, екуменистов и других. Автор подчеркивает, что это – свидетельство христианской подосновы данного дискурса, нацеленного против как «векового врага» (иудеев), так и «еретиков» (с. 406). Виктор Шнирельман даже говорит о своеобразной конспирологической субкультуре (с. 408), со своими правилами и образцами поведения.

Эсхатологические настроения и поиски врага, вредящего России, удобны властям, которые желают переложить на других ответственность за проблемы страны, стремясь изображать Россию защитницей консервативных традиционных ценностей (что вполне подобает удерживающему). Такие идеологемы удобны и для внешней политики, при которой Россия противопоставляется Западу, представляемому в СМИ и выступлениях официальных лиц в качестве *вечного* антагониста; причем данная ситуация обосновывается не с классовой точки зрения, как это делалось в советское время, а через отношение «к христианским моральным ценностям» (с. 411), защитницей и хранительницей которых объявлена Россия.

ЕЛЕНА НОСЕНКО-ШТЕЙН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Тамиздат. Контрабандная русская литература в эпоху холодной войны

Яков Клоц

М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 376 с.

Яков Клоц – славист, преподаватель русской литературы в Хантер-колледже Городского университета Нью-Йорка; несколько лет назад он создал при своем учебном заведении «Tamizdat Project». Так что в каком-то смысле перед читателем промежуточный результат работы этого проекта.

Вопреки интригующему подзаголовку разговор в этой книге существенно шире, нежели о тамиздате самом по себе и о путях проникновения на Запад текстов, написанных по восточную сторону от «железного занавеса». При этом автор не ставит перед собой задачу охватить все многообразие тамиздатской продукции, смоделировать и проанализировать всю систему связей, соединявших авторов из СССР и их зарубежных издателей, все препятствия, которые приходилось при этом преодолевать, все уловки, к которым вынуждены были прибегать, опасности, которые необходимо было избегать, – обо всем этом здесь, конечно же, говорится, но вскользь, по ходу дела.

Клоц если и не первооткрыватель, то уж точно один из первоописателей и перво-систематизаторов: тема его исследований – «невероятные и почти никем еще не описанные приключения русской литературы, которую контрабандой вывозили из Советского Союза для публикации за рубежом» (с. 8). «Не менее знаковая составляющая русской литературы после Сталина» (с. 14), чем внутренние ее явления – самиздат и госиздат, – тамиздат, по словам автора, изучен существенно меньше, чем они; эту

ситуацию и призвана исправить его книга. Хронологические рамки исследования – 1960–1980-е, «с хрущевской оттепели и до окончания брежневского застоя» (с. 12).

Книга открывается обобщающим очерком «тамиздата как литературной практики и политического института» (с. 12), в котором проясняется понятие и очерчивается проблемное поле:

«Тамиздат – это текст со всеми формальными атрибутами печатного издания, опубликованный за рубежом после того, как он, то есть рукопись или машинопись, пересек границу страны происхождения. Чтобы считаться тамиздатом, текст должен оказаться в зарубежной литературной юрисдикции (по крайней мере до тех пор, пока не вернется на родину напечатанным), где он начинает новую жизнь. В узком смысле тамиздатом называют тексты, пересекшие государственную границу дважды: туда – в виде рукописи и обратно – уже как печатное издание. [...] Таким образом тамиздат сочетал в себе элементы официального и неофициального издания, поскольку наделял легальным статусом рукопись, запрещенную или не допущенную к официальному распространению на родине» (с. 15).

«[Не относится к тамиздату] литература эмигрантская, то есть тексты, которые были и написаны, и опубликованы “там”, в границах одного геополитического пространства. [...] Причина, по которой “Доктор Живаго” – тамиздат, а произведения Набокова – нет, заключается не в тематике этих сочинений (обманчиво аполитичной в случае Набокова и несколько более злободневной у Пастернака), а в геополитическом местонахождении авторов по отношению к своим издателям: по одну сторону границы в случае Набокова, по другую – в случае Пастернака» (с. 18–19).

Систематического, всеохватывающего (хотя бы многоохватывающего) описания исследуемого предмета в книге, пожалуй, все-таки не хватает; впрочем, возможности для этого определены во введении, где

предложена целостная модель, позволяющая увидеть все три формата книгоиздания позднесоветского времени – самиздат, госиздат и тамиздат – как части единой системы (здесь же рассмотрены исторические прецеденты анализируемого явления). Но это и понятно: создание полной или приближающейся к таковой истории тамиздата – задача, слишком большая и, по всей вероятности, выходящая за пределы возможностей одного человека. Во всяком случае решение, предложенное автором, интересно несколько не менее – как и выводы, к которым он приходит.

Тему тамиздата Клоц раскрывает на конкретном материале, в немногих избранных сюжетах. Он рассматривает в книге всего пять случаев – зато, несомненно, ярких и важных. Притом первый из них, строго говоря, даже не относится к тамиздату – но именно «Один день Ивана Денисовича», впервые опубликованный в «Новом мире», спровоцировал, по мнению Клоца, появление феномена как такового, сыграв решающую роль в утечке за рубеж других рукописей, включая и самого Солженицына.

«Прорвавшись в официальную советскую прессу, повесть Солженицына не только “высвободила” множество других рукописей на ту же тему, написанных до или после “Ивана Денисовича”, но и невольно закрыла им путь к публикации на родине, вытеснив их из официального литературного поля сначала в подполье, а затем за рубеж, в тамиздат» (с. 65).

В «Тамиздате» четыре главы: об «Одном дне Ивана Денисовича», о «Реквиеме» Анны Ахматовой, о «Софье Петровне» и «Спуске под воду» Лидии Чуковской, о «Колымских рассказах» Варлама Шаламова. Вынесенный в обширный эпилог «тамиздат-проект» Абрама Терца (Андрея Синявского) в строгом смысле тоже не вполне умещается в рамки рассматриваемого явления в вышеприведенном его

понимании. При этом, скажем, драматический случай пастернаковского «Доктора Живаго» – по всем приметам классическая тамиздатская история – хотя неоднократно упоминается, но остается без подробного рассмотрения, в частности, потому что историю тамиздата автор отсчитывает с начала 1960-х, после публикации «Одного дня Ивана Денисовича». Соответственно, «Доктор Живаго» оказывается за его хронологическими рамками и относится, так сказать, к предыстории.

О каждом из этих случаев говорится с исключительной подробностью – любую из глав, при всей цельности повествования, можно счесть минимонографией. Клоц не только рассматривает весь, насколько возможно, контекст возникновения, издания и прочтения соответствующих произведений, но и подробно анализирует их устройство. Изданные за границей тексты авторов из СССР становятся для Клоца поводом и материалом к тому, чтобы рассмотреть несколько очень больших связанных друг с другом тем, выходящих далеко за пределы частных случаев.

Прежде всего это тема различного восприятия одних и тех же текстов русскоязычной читательской аудиторией по разные стороны «железного занавеса» – то есть тема культурных матриц, моделей мировосприятия, складывающихся (по большей части незаметно для их носителей) в результате большого исторического разлома. Вследствие этого автор, выполняющий, казалось бы, задачи историка-практика, оказывается еще и теоретиком культуры, показывая среди прочего, как старые эмигранты (не знавшие ни лагерного опыта, ни советской жизни вообще) многого не могли прочесть у тех же Ахматовой, Чуковской, Шаламова (а «некоторые эмигранты даже считали авторов, живущих в Советской России, в том числе Ахматову, своими идеологическими оппонентами» (с. 20)). Другой сюжет – то, как уже запад-

ные читатели видели в этих текстах прежде всего свидетельство, а не выдающиеся произведения литературы. Тем самым Клоц демонстрирует принципиальную зависимость литературного события от контекста прочтения.

Рассматривая в своей книге исключительно тексты, признанные шедеврами, автор, однако, предостерегает нас от того, чтобы «проводить границу между официальной литературой и андерграундом, включая сам- и тамиздат, по критерию художественной ценности или “качества”» (с. 16), соблазн чего в советское время был понятным образом очень силен. Клоц пишет:

«Одни и те же авторы порой печатались и в гозиздате, и в тамиздате. Второе, как правило, исключало первое, а тамиздатовские критики сами часто хвалили и охотно перепечатывали произведения, прошедшие советскую цензуру и появившиеся в гозиздате, как было с “Одним днем Ивана Денисовича” Александра Солженицына, “Не хлебом единым” Владимира Дудинцева и “Мастером и Маргаритой” Михаила Булгакова – и это далеко не полный перечень» (с. 17–18).

В целом же тамиздат, «хотя и “питался” нонконформистской литературой, отнюдь не ограничивался исключительно диссидентскими текстами» (с. 20). Более того, бывали случаи, когда «один и тот же автор до опалы мог находиться в авангарде гозиздата, а потом оказывался вытесненным в неофициальное пространство сам- и тамиздата» (с. 20), – именно таков был случай Солженицына. «Условное разделение на официальную и неофициальную сферы, – говорит Клоц, – едва ли применимо к тамиздату с его двойственной природой, сочетавшей в себе элементы обеих» (с. 21).

Очень интересен в «Тамиздате» содержательный разговор о природе социалистического реализма как явления не в послед-

ною очередь все-таки эстетического¹¹, о его пределах и исторической судьбе. Создававшиеся в СССР тамиздатские тексты, как показывает Клоц, располагались порой на воспаленной и подвижной границе соцреализма, а нередко и умещались в его рамки. Все обсуждаемые здесь тексты писались во время безраздельного господства соцреализма в официальной русской словесности, у каждого были с ним свои взаимоотношения разной степени сложности, каждый по-своему проблематизировал его рамки, нарушал его правила и, в конечном счете, способствовал запуску процессов, приведших к расшатыванию этих рамок.

Неудивительно, что самым лояльным эстетике соцреализма оказался «Один день Ивана Денисовича»: «Солженицын настолько тяготел к соцреализму, что, по словам Марка Липовецкого, на художественном уровне осуществлял то, с чем боролся на идеологическом» (с. 96). В эстетическом отношении совершенно органично смотревшийся на страницах глубочайше советского «Нового мира» этот текст без проблем вписывался в ожидания тогдашней читательской аудитории по эту сторону границы, благодаря чему и был сочувственно воспринят:

«Именно умелое использование эзопова языка, сочетание правдивого и дозволенного позволило Солженицыну совершить этот бесспорный прорыв, как и сама повесть “до такой степени потрясла читателей отчасти потому, что ее формы были им хорошо знакомы”, не говоря уже о шаблонных и просто фольклорных элементах» (с. 96).

И, наконец, отметим анализ теснейших взаимосвязей между эстетическим, этическим и политическим, для которого тамиздатские тексты и их судьбы дают мно-

го интересного материала. «Атмосфера “холодной войны”, – пишет Клоц, – размывала грань между политическим и художественным» (с. 16); но тем же самым она вообще позволяла увидеть принципиальную размываемость этой грани. Важно также, что Клоц обращает внимание на неустраняемую этическую проблематичность тамиздата (в ее опять же трудноотделимости от политического):

«[Самиздат и тамиздат] по крайней мере в конце 1950-х – начале 1960-х [...] исходили из разных этических посылов: если подпольное распространение рукописи в самиздате считалось актом гражданской солидарности, мужества и даже героизма, то позволить своей рукописи утечь за рубеж и увидеть (или не увидеть) ее опубликованной в тамиздате могло восприниматься как поступок, бесчестный и вероломный – едва ли не как предательство писателем своего гражданского долга» (с. 21).

Не забудем: западные издатели далеко не всегда интересовались согласием авторов из СССР на публикацию и уж подавно не согласовывали с ними публикуемые тексты. Отсутствие прямой коммуникации между авторами и издателями «приводило порой к письмам протеста и публичному отречению от публикаций за границей» (с. 21), – как раз один такой случай автор анализирует в главе о Шаламове.

«Кроме того, мало кто из писателей в 1960-е годы оставался полностью удовлетворен тем, как за рубежом обращались с их рукописями при публикации и прочтении. Разочарование вызывали не только уровень редактуры, включая опечатки, но и поверхностность откликов на их произведения в западной и эмигрантской периодике» (с. 20).

11 Хотя автор утверждает, что «социалистический реализм не просто художественный метод, поэтому он никогда и не поддавался точному определению, так и оставшись расплывчатым понятием» (с. 96). А цитируемый Клоцем Эндрю Вахтель вообще полагает, что «соцреализм – это то и только то, что таковым сочтет коммунистическая партия» (с. 97).

Самое же, пожалуй, интересное – выводы, к которым приходит автор: он подвергает радикальному переосмыслению сложившееся представление о советской культуре ее последних десятилетий «как об оппозиции между официальным и андерграундным “полями”» (с. 14). Все было, показывает Клоц, существенно сложнее. Именно судьбы тамиздата как литературной практики и политического института позволяют увидеть эту культуру как систему «транснациональную, динамичную и трехмерную» (с. 14).

Исследование зарубежных изданий созданных в СССР произведений на русском позволило автору проследить смыслообразующие процессы по обе стороны «железного занавеса» в их глубоком единстве. Тамиздатские тексты, несомненно, бывшие в послесталинские годы «еще и оружием на культурных фронтах “холодной войны”» (с. 13), и барометром ее «политического климата» (с. 16), представлены в книге как факторы не только «географического, стилистического и идеологического раскола между двумя, казалось бы, несопоставимыми, но все же тесно переплетенными ветвями русской литературы» (с. 13), но и – одновременно – преодоления этого разлома и выработки, в конечном счете, новой (разумеется, проблематичной внутренне) цельности. «Когда, – говорит Клоц, – текст возвращался к автору и читателям на родине, завершая цикл», – и только тогда – тамиздат полностью выполнял «свою политическую функцию» (с. 16). Но, как показывает автор, в не меньшей (зато в менее продуманной) степени он выполнял и – неотделимую от нее – функцию эстетическую. Он постепенно переформатировал эстетическое сознание, а с ним и мировосприятие в целом:

«Тамиздат в значительной мере сформировал русский литературный канон XX века. [...] Действуя по разные стороны границы, самиздат и тамиздат, [...] представлявшие собой] зеркальные противоположности,

[...] дополняли друг друга и, в конечном счете, должны были объединиться, образуя еще более действенную систему, позволявшую неконформистской русской литературе находить путь, пусть и окольный, к читателю» (с. 13, 19, 16).

И это не говоря уже о том, что, благодаря тамиздату, «тексты, созданные в России, [...] продолжали задавать ритм “сердцу” русской литературной диаспоры» (с. 12) и таким образом опять-таки работали на непрерывность эстетических и иных процессов.

На языке оригинала книга Якова Клоца опубликована несколько лет назад, став результатом многолетней исследовательской работы; соответственно, искать публицистические развороты в ней излишне. Сейчас, когда вышел русский перевод, «Тамиздат» читается совсем иначе: невозможно не проецировать на эту работу нынешние обстоятельства. В этом отдает себе отчет и сам автор: «Эта книга, – замечает он в постскриптуме, – написана в 2021 году, когда тамиздат еще казался историей» (с. 340). Теперь, когда разные части вновь разломившегося русского материка в очередной раз расползаются в разные стороны, а тамиздатские практики оживились, рассказанная Клоцем в пяти сюжетах история дает некоторые основания как для исторического скепсиса, так и для осторожного исторического оптимизма.

Прежде всего не стоит обольщаться никакой целостностью: внутри любой из них намечаются трещины, по которым ей рано или поздно предстоит расколоться. Невозможно не видеть и того, что во всяком подобном расколе едва ли не запрограммирована слепота, взаимное не-видение обитателей расползшихся частей материка, принципиальное недопонимание ими друг друга (подобно тому, как некоторые эмигранты первой волны не понимали Ахматову или Шаламова). Но части того, что еще недавно воспринималось как культурная

общность, по всей вероятности, не так уж противоположны друг другу, как кажется сегодня. Рано или поздно они начнут срастаться.

Ольга Балла-Гертман

Что мы делаем в постели. Горизонтальная история человечества

БРАЙАН ФЕЙГАН, НАДЯ ДУРРАНИ

М.: Альпина нон-фикшн, 2024. – 302 с. – 2000 экз.

«То, чего нельзя сделать в постели, не стоит делать вообще», – несмотря на то, что авторы открывают свою работу этой чуточкой настораживающей фразой, заимствованной у одного из американских комиков, пугаться не стоит: это вполне серьезная книга. Написавшие ее люди известны в научном мире: Брайан Фейган – почетный профессор антропологии Калифорнийского университета (Санта-Барбара), историк и археолог с мировым именем, а Надя Дуррани – бывший редактор журнала «Current World Archaeology» и создатель нескольких учебников по археологии. В нашем случае

эти специалисты обратились к истории повседневности, собрав впечатляющий исследовательский материал о том, как на протяжении тысячелетий менялось человеческое спальное место и какие функции оно выполняло. У них получилось изучение натуры, которую не без оснований можно назвать уходящей: если в стародавние времена в постели делали практически все – скажем, древние египтяне использовали ее для контактов с духами, а современники Шекспира для дружеского общения, – то в наши дни функциональный диапазон этого места существенно сузился, а сомнологи рекомендуют использовать его только для сна и секса. Но это не делает предложенную тему менее интригующей, ибо в кровати так или иначе мы по-прежнему проводим треть своей жизни.

Мы почти ничего не знаем о том, на чем спали наши самые древние предки. Тем не менее в распоряжении ученых сегодня имеются обнаруженные в Южной Африке лежанки для сна, выкопанные в полу пещеры около семидесяти тысяч лет назад. На такую родословную указывает и прото-германский корень слова *bed*, отсылающий к «месту отдыха, вырытому в земле» (с. 12). В такой манере люди спали довольно долго; человеческая кровать более или менее приблизилась к современному виду лишь около пяти тысяч лет назад. Правда, совершенствование пространства сна затрагивало в основном узкую страту имущих и знатных. Наличие спальни как отдельной комнаты символизировало привилегированное положение и принадлежность к верхушке общества, хотя даже в подобных случаях она оставалась частью публичного пространства, откуда порой вершили и управление государством. Кроме того, будучи местом, где человек появлялся на свет и где он расставался с жизнью, кровать вовлекалась в ключевые «ритуалы перехода», что, разумеется, повышало ее цивилизационную значимость.

Интересно, что в некоторых сообществах сон на земле предпочитали сну на кроватях, и этот культурный выбор не зависел от богатства. Сон на земляной лежанке или на какой-то другой твердой поверхности не воспринимался как неприятность до тех пор, пока люди не озадачились вопросами общественного престижа. Как только неравенство стало отличительной чертой человеческой цивилизации, кровать на ножках превратилась в способ обозначить свое социальное превосходство. В большинстве случаев, чем ближе к полу человек спал, тем беднее он был. Основные элементы современной кровати появились к позднему Средневековью: в те времена кровать часто была наиболее желанным и самым дорогим предметом домашней обстановки. Соответственно, она нуждалась и в кропотливом обслуживании: например, утвердившиеся с наступлением Нового времени бытовые стандарты требовали, чтобы матрасы переворачивались ежедневно, а наволочки менялись дважды в день. Однако после Первой мировой войны, когда горничных стало гораздо меньше, заправка сложно устроенной постели для многих женщин сделалась невыносимой.

«Домашние хозяйки вздохнули с облегчением лишь в 1970-е, когда дизайнер Теренс Конран популяризовал шведское пуховое одеяло и пододеяльник. Впервые в истории кровать можно было застелить за три секунды» (с. 45).

Авторы предлагают читателю комплексный взгляд на бытование кровати, освещая как ее прямые, так и деривативные функции. Рассуждая о том, где люди спят, они не могли обойти вниманием самого процесса сна, а также таких феноменов, как сновидения и бессонница. В книге для этих сюжетов, тоже преподносимых в исторической перспективе, предусмотрена отдельная глава, которую, как представляется, вполне можно было бы сократить. Бесспорно,

нельзя не согласиться с констатацией того, что для современной цивилизации потребление снотворного превратилось в неотъемлемый элемент «нормальной жизни»: если в 2014 году общемировые расходы на медикаментозные средства для сна оценивались примерно в 58 миллиардов долларов, то к 2023-му эта цифра превысила 100 миллиардов, причем львиная доля этих средств приходится на высокоиндустриальные общества (с. 58). Однако вместо непомерно пространных рассуждений о том, как желание уснуть в различные эпохи поощряло потребление валерианы, опиума или алкоголя, вполне можно было бы ограничиться более кратким резюме.

Авторы, собственно, и сами бегло намечают более продуктивный подход к проблеме: если вам не спится, рассуждают они, ничего страшного, естественные режимы сна, на кровати или без нее, на протяжении тысячелетий были многофазовыми, а периоды сна и бодрствования за сутки могли чередоваться несколько раз, и никто от этого не умирал. Дело просто в том, что маниакальная борьба наших современников с бессонницей выступает одним из элементов культа так называемого «здорового тела», которому нынешняя культура почему-то предписывает на протяжении ночи спать беспробудно. Авторский рецепт в этом отношении по-даосски прост – нужно следовать естественности:

«Те, кто обнаружил, что их естественный режим сна двухфазный, могли бы просто просыпаться среди ночи и делать, что хочется, а не тянуться за снотворным или панически следить за стрелками на циферблате. В конце концов, можно много сделать и в постели» (с. 65).

Если связь кровати со сном выглядит местами не слишком убедительной, то ее корреляция с сексом, очевидно, прочнее. Уже в ранних цивилизациях, рассуждают авторы во вполне марксистском ключе,

упорядоченная передача власти и собственности была невозможна без контроля над сексуальным поведением женщин – и одним из средств такого контроля становилось брачное ложе. У греков и римлян мужские и женские роли были четко разделены: имея тот же юридический статус, которым обладали дети и рабы, женщины подчинялись своим отцам, братьям и мужьям. Секс и деторождение рассматривались в качестве вмененного им долга, хотя как в греческих, так и в римских текстах о постельных радостях тоже говорится довольно много. В этом смысле кровать иногда выступала «великим уравнивателем» полов, несмотря на патриархальные уклады крупных цивилизаций.

Кроме того, существовали и такие культуры, где женщины в интимных вопросах оказывались на первых ролях – или по крайней мере на равных с мужчинами. Как правило, в подобных культурных контекстах – причем христианская Европа к ним явно не относилась – сексуальные аспекты жизни не замалчивались, а обсуждались открыто; в качестве наиболее прямолинейных в работе упоминаются китайские книжники, чьи руководства по «искусству луны и ветра» представляли собой «каталоги конкретных пожеланий и инструкций» (с. 81).

Интересно, что на протяжении большей части человеческой истории кровать почти не использовалась для родов: «женщины хотели изоляции, а в маленьких, переполненных городских жилищах найти ее было нелегко», и поэтому они предпочитали те или иные временные убежища. Переход к деторождению на кровати наблюдается с XVI века и связан с появлением современной акушерской хирургии во Франции, а к концу следующего столетия это обыкновение распространилось на всех француженок, за вычетом крестьянок из сельских районов. В аристократических британских семьях бытовала мода на специальные

переносные кровати, предназначенные только для рожениц; рождение ребенка вне супружеской кровати позволяло ослабить ассоциативную связь между сексом и появлением новой жизни, что было важно для ханжеской Британии XIX века.

В Китае же религиозные представления, напротив, стимулировали появление такого типа кровати, который опережал свое время – и облегчал родовые муки. Дело в том, что приверженность китайцев к высоким кроватям, на которых рожали их женщины, связывают с буддизмом, широко распространившимся в Поднебесной к середине II века. Система новых верований изображала Будду сидящим на возвышении, а не просто на постеленной на землю циновке, что повлекло за собой моду на платформы, возвышающиеся над полом и рассматриваемые в качестве почетных мест для особых гостей или официальных лиц. «Со временем платформы удлинялись и все чаще использовались для отдыха, а затем превратились в приподнятые кровати» (с. 103).

Наконец, на кроватях еще и умирают. Согласно одному из упоминаемых в книге исследований, 70% современных западных людей предпочли бы умереть в собственной постели – хотя это желание остается не сбывшимся для тех 50%, которые расстается с жизнью на той же стерильной больничной койке, на которой когда-то родились. Как утверждают авторы, «желание умереть в собственной постели отражает устойчивую связь между сном, смертью и воображаемой загробной жизнью» (с. 118). В течение тысячелетий эта связь осознавалась весьма четко: так, в Ветхом завете одно из слов, обозначающих кровать, совпадает с финикийским словом *mskb*, обозначающим гроб, а валлийское слово *bedd* тоже означает одновременно и кровать, и могилу (с. 119).

Удобное смертное ложе служило идеальным способом транслировать живым представление о своем статусе на земле и на небе. Немногие культуры смогли до-

вести этот символизм до такой крайности, как это сделали древние греки. Возлежать на обеденном диване (клине) во время еды считалось в греческом социуме благородным занятием, и потому использование этих кроватей в обрядах погребения выглядело вполне логично. На Западе погребальное клине в основном вышло из моды с падением Римской империи, хотя имеются захоронения даже XVI века, скульптурные фигуры которых опираются одной рукой на ту же кушетку. В более поздние времена викторианцы порой устраивали посмертные прощания в гостиной, укладывая усопшего родственника на классическое клине – шезлонг, или «кушетку для обмороков». Во многих культурах само смертное ложе было, по существу, социальным пространством, где собирались друзья, семьи и другие люди, часто в большом количестве.

Роль кровати в социализации проявляется не только в скорбных ритуалах, но в совместном ее использовании: «Уязвимость спящего человека в темное время суток размывала социальные границы, а общая постель позволяла выходить за пределы дневных норм» (с. 153). Авторы отмечают, что в прошлом кровати зачастую использовались коллективно и поэтому в какие-то моменты на одном матрасе могли оказаться самые разные группы людей: большие семьи, компании друзей, хозяева и слуги, а порой и вовсе незнакомцы. По большей части совместный сон был обусловлен практическими соображениями, так как, во-первых, отнюдь не каждый мог себе позволить такую роскошь, как отдельное спальное место, а во-вторых, в мире без электричества соседи по кровати не давали друг другу замерзнуть. Для многих обществ совместный сон остается нормой и в наши дни, хотя, если вынести за скобки совместные ночи с детьми, иными приятными людьми, а также домашними питомцами, преобладающей формой в нынешние времена остается индивидуальный сон.

Поскольку спать человеку приходится не только дома, авторы останавливаются на мобильных вариантах спальных мест, среди которых спальные мешки, надувные матрасы и гамаки. В частности, из книги можно узнать и о существовании совсем уж экзотических вариантов – например, о «парящей кровати», которую разработал голландский дизайнер Янъяп Рёйссенарс и которая способна висеть в воздухе в полуметре над полом. Комплект взаимоотталкивающих магнитов, встроенных в такое спальное ложе и в пол под ним, способен удерживать на весу почти тонну; иначе говоря, эта штука очень подходит и для коллективного сна, хотя взять ее с собой в путешествие едва ли получится. Впрочем, кого-то, вероятно, может смутить цена, в 2019 году составлявшая тридцать тысяч долларов (с. 183). Рассуждая в этом контексте о кроватях будущего вообще, авторы обращают внимание на то, что все капсулы, тенты, купола, а также летающие и плавающие спальные ложа завтрашнего дня имеют общую особенность: они теснейшим образом связаны с внешним миром. Некоторые матрасы уже оснащают USB-портами и подключают к *Bluetooth*, а до синхронизации наших кроватей со смартфонами остался один шаг – и он поменяет многое.

Останавливаясь в заключение на постельных пластах жизни наших современников, авторы подчеркивают неразрывную связь нынешних представлений о сне с принципом приватности. Спальню человека, живущего сегодня в какой-нибудь развитой стране, скорее всего посетили единицы. Корректировки социальных представлений о кровати происходили синхронно с оформлением представлений о неприкосновенности частной жизни: приватность в нынешнем ее виде существует всего полтора века, и столько же насчитывает история спальни в современном смысле. Как полагают авторы, «покой личной спальни – одно из величайших достояний, оставлен-

ных нам в наследство людьми викторианской эпохи» (с. 238). В итоге приватность спальни сегодня соблюдается во всех уголках индустриальных стран и в богатых домах мира в целом, а время, которое мы проводим в постели, еще никогда не было настолько спокойным.

Завершая свой труд, авторы удивляются: «Даже в самых смелых мечтах трудно было себе представить, что мы, археологи, напишем книгу о кроватях – предмете мебели, в котором человек проводит треть своей жизни!» (с. 259). Тем не менее в ре-

зультате появилось пусть и непритязательное, но весьма любопытное повествование, которым можно развлечь себя на ночь, устроившись на мягких перинах объекта авторского исследования. Бесспорно, погружаясь в тему, авторы книги часто отвлекались на вещи, непосредственно с кроватью не связанные; но таков уж закон жанра, в котором они на этот раз работают. В целом же у них получилось довольно увлекательно.

Юлия Крутицкая

Summary

The 159th NZ issue centres around some of the most topical problems of our time. It focuses, first and foremost, on radicalism, both right-wing, which is currently on the march, and left-wing, which is currently experiencing a crisis. Right-wing radicalism, and especially its historical forms such as Nazism and fascism (as well as their present-day iterations), are analysed here as ideological and political practices, whereas the conversation about left-wing radical movements is conducted on the premise that there is a direct connection between them and radicalism in art, primarily in music, both popular and experimental.

The first thematic block of this issue is called "WHY FASCISM?", after the title of the book which the opening excerpt comes from. In 1935, the German philosopher Edward Conze (later an eminent Buddhist scholar), who had just escaped from the Nazis to London, and one of the key figures of the left-wing labor movement of that time, Ellen Wilkinson, jointly wrote a book in which they laid out for the British reader a Marxist view of the nature of fascism (the authors used this term to denote German National Socialism; in academic circles, it is usually referred to as "Nazism", to distinguish it from Italian fascism). We are publishing a Russian translation of parts of the Introduction and two chapters from this work. Thoroughly forgotten today, not only has the book not lost its edge, but it seems to have become newly relevant. This publication is preceded by a preface by Oleg Larionov entitled "*Understanding*

Fascism: An Episode from the History of Left Thought in the 1930s".

The thematic selection continues with another translation – of a chapter from the book by the Italian social theorist and philosopher Alberto Toscano entitled "*Late Fascism: Race, Capitalism and the Politics of Crisis*", which came out two years ago. His Marxist analysis of the contemporary (late-stage) form of fascism, shaped by contemporary (late-stage) capitalism, addresses various aspects of this phenomenon. We publish the chapter entitled "*Cathedrals of Erotic Misery*", which discusses (as the author himself puts it) "the sexual (after)life of fascism".

The next piece in this block takes us back to the history of Nazism of the early 1930s. Asya Leiderman has compiled a selection of the reactions of the main Jewish newspapers in Yiddish (all published in Poland at the time) to the first few days of Hitler's rule. Despite the decisive and unambiguous actions of the new German government, no one – including respectable media – could have foreseen the scale of the catastrophe that awaited the interwar Europe and European Jewry in the next 12 years.

With this thematic selection, the editorial team undertook a bit of an experiment and decided to include reviews by Sergei Gogin and Ekaterina Zakharova that have to do with the history of Nazism and fascism right into this block, instead of placing them separately into the NEW BOOKS section of the journal. The reviewed books – primarily the recently published Russian translations

of German historical testimonies about Nazism – complement the main analytical and discussion pieces of the selection well.

The topic of right-wing ultra-conservatism and radicalism is further developed in the regular columns by Alexei Levinson (SOCIOLOGICAL LYRICS), whose latest instalment is called “*Europa Plus, Gayrope a Minus*”, and Tatyana Vorozheikina (THE REVERSE OF THE METHOD), who completes her exploration of the first results of Javier Milei’s rule in Argentina.

The second block of materials of the 159th NZ issue is called “CULTURAL VERSUS POLITICAL RADICALISM THEN AND NOW”. It opens with a conversation between the journal’s editor-in-chief Kirill Kobrin and the cultural theorist, sound researcher, and curator, Evgeny Bylina. The discussion was prompted by the release of a biography, written by Daniel Spicer, of a pioneering figure in European radical free jazz, German saxophonist Peter Brötzmann. The main topic of discussion is the close connection between the cultural (primarily musical) radicalism of the 1960s–1970s and the left-wing political radicalism in Europe and the United States. The block continues with a detailed response to Spicer’s book offered by Andrey Gelianov (“*The Global Class Struggle and All That: On the First Biography of the Patriarch of Free Jazz*”), and wraps up with the article by Ilya Sokolenko entitled “*Ghosts of Our Past Life, or Pre-Covid Narratives and Coronavirus Metaphors*”, in which the author points out strange correspondences between the coronavirus pandemic premonitions in experimental electronic music and computer games.

The third thematic block of this NZ issue is called “THE QUESTION OF GENDER: THE PRACTICE OF THEORY AND THEORY OF PRACTICE”. It contains texts devoted to various aspects of feminism: theoretical, practical, and even historical. The selection opens with Anatoly Ryasov’s article “*The Mother’s Body and the Grammar of Gender. On the Debate Between Julia Kristeva, Judith Butler, and Alenka Zupančič*”, whose title speaks for itself. Anya Kuznetsova in her essay focuses on the way contemporary political discourse is reflected in gender studies. Evgeny Pankov offers the readers a fascinating historical overview of the women’s rights movement in Iceland, which is often called “a country where feminism has prevailed”.

Another innovation in issue 159 of NZ is the section POLITICS OF SCIENCE. It offers Anastasia Kirichek’s article “*The World that Wallerstein Built: Metropolises and Peripheries in the Social Sciences*”, which gives a brief overview of the current academic hierarchy in international social sciences – a hierarchy reflecting the political and cultural dominance of the West (or “the Global North”). The article also discusses the development of parallel, national academic hierarchies – as opposed to the global, Western-centric one.

In the POLITICS OF CULTURE section the readers will find an excerpt from the book “*La vie spectrale: Penser l’ère du métavers et des IA génératives*” by the French writer and philosopher Eric Saden, who studies the consequences of global digitalization.

As usual, this issue of NZ ends with RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW by Alexander Pisarev and the New Books section.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at **www.eurozine.com** **eurozine**

**Оформить подписку
на журнал можно
в следующих агентствах:**

«Подписные издания»:
подписной индекс П3832
(только по России)
<https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.periodicals.ru

«Экстра-М»:
подписной индекс 42756
(по России и СНГ)
www.em-print.ru

«Ивис»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.ivis.ru

«Информ-система»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informsystema.ru

«Информнаука»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informnauka.ru

«Прессинформ»:
подписной индекс 45683
(по России и СНГ)
<http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»:
подписной индекс: 45683
(по России и за рубежом)
www.ural-press.ru

**Приобрести журнал
вы можете в следующих
магазинах:**

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнезниковский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический
пер., 1-6 (территория ЦСИ
Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а
(ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3
(«Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51